

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО
ОБРАЗОВАНИЯ
«САМАРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ»

Кафедра «Педагогика, межкультурная коммуникация
и русский как иностранный»

ЧЕЛОВЕК В УСЛОВИЯХ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

Самара
Самарский государственный технический университет
2021

Печатается по решению методического совета института инженерно-экономического и гуманитарного образования СамГТУ (протокол № 6 от 19.05.2021 г.).

УДК

ББК

Ч 39

Ч 39 Человек в условиях неопределенности: сборник научных трудов
/ Под редакцией *Е.В. Бакиutowой*. – Самара: Самар. гос. техн. ун-т, 2021. – 334 с.

ISBN

Рецензенты: *Ситников Валерий Леонидович*, доктор психологических наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования РФ (Санкт-Петербург)

Соловьева Светлана Владимировна, доктор философских наук, доцент, лауреат Губернской премии в области науки и техники Самарской области (Самара)

Тексты печатаются в авторской редакции

УДК 316.77:004.77

ББК С56:С52

Б 199

ISBN 978-5-7964-2322-6

© Авторы, 2021

© Самарский государственный
технический университет, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

Бакиштова Е.В.	
Неопределенность остается с нами навсегда.....	7
Абросимов А.А.	
Снижение неопределённости в принятии решений методами системного анализа.....	13
Акопов Г.В.	
Цифровая определенность: осознаваемые – неосознаваемые последствия.....	17
Алексанова О.Е. Влияние опыта профессиональной адаптации на жизнеспособность эмигрантов.....	23
Артемов И.А.	
Соотнесение понятия «Жизнеспособность» с характеристиками VUCA в российском научном дискурсе.....	30
Бакиштова Е.В., Давиденко С.В.	
Цифроцентризм как новый фактор социального благополучия личности в эпоху неопределенности.....	35
Баранова А.В.	
Возможные «Я» в условиях неопределенности: перспективы исследования.....	46
Вапилин Е.Г., Мулява О.Д.	
Проблема личной инициативы военных кадров в контексте необходимости преодоления неопределенности в ситуациях военного времени.....	50
Васильев В.В.	
Феномен социальной неопределенности в контексте современных Философских исследований (к истории проблемы).....	58
Гайнеев Э.Р.	
Дуальное взаимодействие вуза и представителей бизнес-сообщества в условиях неопределенности.....	70
Голенков С.И.	
О бесстыдстве философии.....	76
Гостев А.А.	
Образы многовариантности глобальной трансформации в переживании неопределенности будущего.....	83
Гусева Е.С., Чернов А.Ю.	
Взаимосвязь толерантности к неопределенности с составляющими личной религиозности.....	94

<i>Дорошко Г.П.</i>	
Экзооператор выбора направления формирования собственных событий.....	98
<i>Дробышева Т.В., Тарасов С.В.</i>	
Отношение к мегаполису жителей с разной городской идентичностью.....	111
<i>Дубровская А.Ю., Романова А.Н.</i>	
Открытие цветочного магазина «Present Room» в условиях неопределенности.....	120
<i>Ермолович Д.В.</i>	
Последствия самоидентификационной номинации (креативное общество).....	123
<i>Зорина С.В.</i>	
Влияние совместного предъявления на доверие к конспирологическим и фактическим утверждениям.....	133
<i>Карабанова О.А., Захарова Е.И., Старостина Ю.А.</i>	
Детско-родительские отношения как фактор построения семейной карьеры в период вхождения во взрослость.....	140
<i>Kachura E.D., Silantyeva A.S., cdbhbljdfdova S.E.</i>	
Digitalization as a Factor of Critical Thinking in Higher Education.....	146
<i>Ковшова О.С., Лыгина Д.Д., Акдерли А.Р.</i>	
Преодоление психоэмоционального стресса у лиц молодого возраста в условиях COVID-19.....	150
<i>Ларкина А.А., Омелькович А.В.</i>	
Корпоративное образование в эпоху цифровой экономики с учетом отраслевой специфики.....	157
<i>Малышев Д.А., Малышева О.В., Климанова М.А.</i>	
Образование как необходимость адаптации в условиях цифровизации.....	163
<i>Махнач А.В.</i>	
Жизнеспособность человека и выбор новой профессии.....	168
<i>Морозов А.В.</i>	
Цифровой мир и влияние, оказываемое им на человека.....	186
<i>Парц О. С.</i>	
Новизна цифровой реальности как стимул для развития подростающего поколения.....	196
<i>Плугина М.И., Слюсарева Е.С.</i>	
Психологическая безопасность инклюзивной образовательной среды: риск-ресурсный подход	201

<i>Радынова О.П., Груздова И.В.</i>	
Ретроспективный анализ проблемы индивидуального подхода в подготовке будущего педагога-музыканта.....	211
<i>Разумовская Е.А.</i>	
«Газель» Р.М. Рильке: многозначность заглавия как жанрообразующий фактор.....	220
<i>Rakovec K., Talalova L.N.</i>	
In Search of the Pivot: the Slovenes' Anti-crisis Adaptation Mechanisms.....	225
<i>Родштейн М.Н.</i>	
Депрессивная репродуктивность женщин как следствие социальной установки: 2000-2020 гг.	231
<i>Русина Н.А., Швецова С.В., Соловьева А.Д., Димова В.Н.</i>	
Жизнестойкость и экзистенциальные мотивации онкологических больных как факторы преодоления стрессовых ситуаций заболевания в ситуации неопределенности.....	239
<i>Савельева М.С.</i>	
Проблема этнической неопределенности в современной русской литературе (на примере романа Шамиля Идиатуллина «Последнее время»).....	253
<i>Седова О.В.</i>	
Преодоление неопределенности (на материале поэзии Зинаиды Миркиной).....	256
<i>Серых А.А., Родштейн М.Н., Бакиштова Е.В.</i>	
«Я хотела бы быть мужчиной!»: Положение женщины-ученого в научном сообществе (на примере биографии М.В. Нечкиной).....	262
<i>Смирнова М.Н., Баженова Е.А.</i>	
Психологические подходы повышения мотивации к изучению иностранного языка в условиях неопределенности.....	274
<i>Соснин В.А.</i>	
Глобализация как объект социально-психологического исследования: тенденции и проблема неопределенности.....	279
<i>Старосветская Н.А., Свириденко А.Г., Локотко Л.Г.</i>	
Реализация программы ранней профессионализации воспитанников детского дома дошкольного возраста в условиях социальных ограничений.....	285

Толочек В.А.	289
Жизнеспособность и жизнестойкость: открытые вопросы.....	
Фоминых М.В.	
Мобильные технологии в обучении: перспективы внедрения.....	294
Харитонов М.В.	
Элементы неопределенности в деятельности преподавателя высшей школы.....	299
Чернышова Е.Л., Иванов Д.В., Рощупкина Е.И.	
Роль ценностно-ориентированного подхода в изучении социально- политической активности учащейся молодежи.....	306
Шалагина Г.Э.	
Социальная транзиторность и ментальная метафизика в эпоху постмодерна.....	315
Юхмина Е.А., Цисар В.К.	
Языковые особенности рекламного дискурса в цифровом пространстве (на примере сети Инстаграм).....	319
Сведения об авторах.....	327

НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ ОСТАЕТСЯ С НАМИ НАВСЕГДА

Е.В. Бакишутова

*ФГБОУ ВО «Самарский государственный
технический университет»*

В этом томе представлены материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Человек в условиях неопределенности», которую Самарский государственный технический университет проводит во второй раз. Континуум истории самой конференции определяется двумя фразами, произнесенными разными людьми, выразившими свое отношение еще к первой конференции: «Что это за тема, ее невозможно “пиарить”» и «Екатерина Валерьевна, все из-за Вас и из-за этой темы». Неопределенность не нужно как-то продвигать и “пиарить” – она существовала, существует, и будет существовать всегда. Даже первобытный человек жил в неопределенности. Только его неопределенность была, если можно так выразиться – постоянной, определялась она базовыми потребностями – поесть и не быть съеденным. Сегодня дисплей потребностей человека расширился, удовлетворение простых потребностей, кажется, стало проще, но сам выбор способов их удовлетворения многократно увеличился благодаря техническому и технологическому усовершенствованию всего, и именно наличие возможностей делает легкость бытия подчас невыносимой.

Целью нынешнего форума стал поиск интегративных оснований для создания гуманитарных технологий выживания человека и общества в условиях цифровизации бытия, трансформаций, кризисов и растущей неопределенности.

В обстоятельствах растущей сложности систем и роста неопределенности мы вновь говорим о необходимости гуманитарного сопровождения продуктивного опережающего технологического развития – к новым условиям необходимо адаптироваться всем: поколенческим, культурным и профессиональным стратам. Необходима концепция не только сопряжения «старого» и «нового» в образовательных стратегиях, но и разработка концепции развития цифроцентричного человека, о котором мы пока не очень много знаем. Общеизвестно, что рассогласование между уровнем технического и технологического развития общества и его гуманитарным уровнем приводит к катастрофам, для технического вуза это имеет особую актуальность не только в отношении обучения, но и развития корпоративной культуры нового типа. Вспомним работы А.П. Назаретяна,

писавшего о необходимости соблюдения техногуманитарного баланса как условия предотвращения гибели цивилизаций. Сложности культуры (в том числе технологий) должна соответствовать когнитивная сложность индивида и общества: «субъект, обладающий высокой когнитивной сложностью, столкнувшись с диссонантной информацией по поводу периферийной для него предметной области, склонен к разрушению стереотипа и созданию объемного образа, тогда как у когнитивно простого субъекта в аналогичной ситуации стереотип не разрушается, а только меняет знак: однозначно позитивное становится негативным и наоборот. Когнитивно сложные люди легче понимают чужие мотивы, они более терпимы и вместе с тем более независимы в суждениях» [3, с. 82]. Это к вопросу о том, что недостаточно следовать росту одних только технологий, отменив гуманитарную культуру – рост интеллекта – это рост лишь одной из способностей, он однолинеен, а мир многомерен, и требует многомерности и изящества в обращении с собой, обобщения множества потоков данных. Сошлемся на К. Мадсбьерга, который пишет о том, что «зацикленность на естественных науках препятствует пониманию нестандартного поведения, с которым сталкивался каждый из нас. Притупляется способность извлекать смысл из качественной информации» и далее: «естественные науки отлично объясняют многое на нашей планете, а именно то, что относится к миру материального. Но... они не объясняют нас самих» [1, с. 3].

Дифференциация, а зачастую и поляризация, существовала в обществе всегда: Север – Юг, Восток – Запад, богатые – бедные, элитарное – массовое, материальное – духовное, образованные – необразованные, физики – лирики и т.д. и т.п. Это простое мышление, базовое, оно облегчает категоризацию и первичную адаптацию. Но сегодня, кажется, наступило время другого разделения: простое – сложное, разнообразное – однотипное. Да, важно говорить о том, чем мы похожи, но не менее важно говорить о различиях, не только говорить, но и принимать их. Интересно, мы предпринимаем все больше усилий для того, чтобы упорядочить мир из-за того, что он усложняется, или он действительно усложняется? На наш взгляд, усиление бюрократических интеракций во всем мире – это всего лишь попытка снизить уровень тревоги. Возможно, что не мир усложняется, а господство технологий, технологического подхода к организации всего, примат полезности над изяществом, порождают нашу тревогу, т.к. не все явления очевидно полезны. По словам К. Мадсбьерга, «алгоритмическое мышление дает иллюзию объективности, или вид ниоткуда, в то время как осмысление дает представление о том, куда движемся» [1, с. 18]. Возможно,

что неопределенность – это не просто возможности, это свобода в принятии реальности и концентрации внимания на главном – человечности, сложности человеческого мира.

В середине XX века М. Мид писала о том, что культуры сменяют друг друга, переходя от тех, где старшие учат младших, к тем, где все наоборот – младшие учат старших [2]. Так все и произошло, сегодня в сфере информационных технологий даже малыши дают фору своим родителям и родителям родителей. Поколение «зумеров» обладает весьма привлекательными характеристиками – они справляются с мультизадачностью лучше взрослых, они добрее и толерантнее к разнообразию. Но они все так же иногда «хотят на ручки», как и каждый из нас в разные периоды нашей жизни. Будучи цифровыми аборигенами и даже неоаборигенами, они все же нуждаются в руководстве – понимании прав, обязанностей, свободы и ответственности, лжи и подлинности в новом, цифровом мире. Это знание есть у старших, и в этом уже наша ответственность перед детьми. Важно не констатировать противоречие между поколениями, а найти точки взаимопомощи и поддержки. Новое поколение родилось не для тягот физического мира, но неопределенность таит в себе и их, и мы помним, что этот возможный вызов можно преодолеть только вместе.

Судьба гуманитарных наук сегодня ой как не проста. Философия, возможно, выполнила свою миссию по объяснению мира, и состарилась; психология, наоборот – остается молодой и может не развиваться – человеческие проблемы остаются прежними (не будем утрировать, конечно – и мир, и человек меняются, и науки меняются тоже). Но вот какой науке точно сегодня предстоит двигаться вперед, и двигаться быстро – это педагогике. Те, кто учит, и те, кого учат, относятся не просто к разным поколениям, а к разным технологическим укладам, к разным культурам, способам мышления и репрезентации реальности и себя в реальности. И это требует согласования и приспособления образовательных технологий, какого еще не требовалось.

Конференция проводится уже во второй раз, проблематика ее важна не только как платформа для междисциплинарной дискуссии, объединяющая интеллектуалов в области социальных и гуманитарных наук, психологии, педагогики и искусственного интеллекта, способных постичь самые острые противоречия современной социальной динамики, но и как площадка для репрезентации стратегий жизнестойкости в условиях неопределенности.

Форум получил поддержку таких научных и образовательных организаций как Институт психологии РАН, Институт проблем управления РАН, Донской государственной технической университет, Московский психолого-социальный университет, Томский политехнический университет, Zuyd University of Applied Sciences, University of Donja Gorica.

Основными направлениями работы конференции стали: «Феномен неопределенности в философии, культурологии и филологии»; «Неопределенность в экономике и принятии решений»; «Психология жизнестойкости и жизнеспособности в условиях неопределенности»; «Педагогическая деятельность в условиях неопределенности»; «Осмысление феномена неопределенности в когнитивных исследованиях»; «Человек в цифровом мире», позволившие участникам приблизиться к раскрытию феноменологии неопределенности на пленарных заседаниях, тематических семинарах и мастер-классах.

В работе конференции приняли участие исследователи из России, стран СНГ, США и Европы, предоставившие более 300 докладов и публикаций в трех сборниках: «European Proceedings of Social and Behavioural Sciences», «Вестник Самарского государственного технического университета. Серия “Психолого-педагогические науки”», сборник научных трудов «Человек в условиях неопределенности».

Онтологические и методологические аспекты проблемы раскрываются в материалах, актуализирующих современные философские контексты – бесстыдство философии, постправда, идеологии метафизического мышления, божественность и категоризация, философия техники. Проблематика неопределенности изящно раскрывается на материалах художественных произведений в аспектах сюжетов, жанров, языков, героев, фантастики, семантической неопределенности и принципов построения текстов. Прикладные аспекты феномена неопределенности представлены в работах из области когнитивных исследований (толерантность к неопределенности, доверие к конспирологическим и фактическим утверждениям, концептуальная неопределенность, когнитивные ресурсы), а также в сфере экономики и принятия решений (от открытия цветочного магазина, рынка автомобилей и недвижимости до собственно принятия решений в условиях неопределенности). Цифровизация экономики, образования и всех сфер современной жизни, проблемы и перспективы, с ней связанные, показаны в материалах направления «Человек в цифровом мире». Здесь обсуждаются проблемы идентичности цифровых пользователей, девиации поведения в новом пространстве жизнедеятельности, волонтерство, образование, новые

коммуникативные модели и сетевые репрезентации личности. Поскольку большинство участников конференции – не только исследователи, но и преподаватели, то образование в условиях неопределенности, особенно в условиях пандемии – важная тема форума. Данное направление охватило проблематику маневренности идентичности субъектов образовательного процесса, их адаптационные ресурсы, а также методические аспекты цифровизации образования. И, наконец, важная тема форума – жизнестойкость и жизнеспособность личности в условиях неопределенности – актуализировала обсуждение не только выживания человека в сложных аспектах бытия, но и полноценное развитие.

На наш взгляд, результатом (одним из результатов, выходящих в практику) конференции «Человек в условиях неопределенности» является провозглашение такого направления педагогической науки и практики как «гуманитарная инженерия». Для нас это, во-первых, это обращение (возвращение) к человеку, к его запросу; а во-вторых, – использование «багажа» и опыта мышления гуманитарных наук не только для расширения возможностей интеллекта, но и для углубления понимания богатства взаимосвязей мира и человека.

Гуманитарная инженерия – конструирование образовательного процесса выбором студентом образа себя в профессии и жизни, сформированном в коммуникации системы «образовательная организация – студент – практика».

Гуманитарная инженерия – целенаправленное использование в образовательном процессе методов, приемов и процессов гуманитарных наук для формирования способности (компетенции) решения сложных человекоцентричных задач (в том числе и технических).

Для этого потребуются:

– изучение запроса и представлений студентов о конечном результате образования (как в психотерапии – все начинается с запроса и образа результата);

– интераксия (интер англ – меж, греч. axia – ценность) – ценностный взаимообмен студентов и преподавателей. Ключевое слово – «взаимо» (или «интер»), т.к. для того, чтобы внедрять в сознание студента традиционные гуманитарные ценности, необходимо овладеть или хотя бы понять реперные точки системы ценностей, представлений, языка молодых людей.

– гибкость образовательной системы (появление новых предметов, их комплексирование);

– совершенствование в направлении универсальной образовательной системы с выдачей дипломов без персонализации на конкретную

специальность (опора на профессиональные и личностные компетенции студентов (аналогия: доктор философии на западе – по всем наукам);

– понимание, что основа образовательной системы – не обучающий и обучающийся, и даже не субъект, а ЧЕЛОВЕК.

Все данные бессмысленны без понимания мира и человека. Без принятия неопределенности как надежного контекста сознания и деятельности: «...Там, где мы, казалось, стоим на твердой и безопасной почве, – писал К. Поппер в эссе «Логика социальных наук», – на самом деле все ненадежно и неустойчиво» [4, с. 46].

Мы хотели бы выразить нашу благодарность и признательность всем участникам конференции за их выдающийся научный вклад, а также за плодотворные обсуждения и взаимодействие. Особая благодарность редакторам, председателям секций и их помощникам за их самоотверженность в обработке корреспонденции, координации процесса рецензирования, корректуры и редактирования статей, организации и проведения форума.

Библиографический список

1. Мадсбьерг К. Осмысление. Сила гуманитарного мышления в эпоху алгоритмов. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2018. 101 с. [Электронный ресурс] // URL: http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28723546
2. Мид М. Культура и мир детства. М.: Наука, 1983. С.322–361.
3. Назаретян А.П. Нелинейное будущее. Мегаистория, синергетика, культурная антропология и психология в глобальном прогнозировании: Монография. М.: АРГАМАК-МЕДИА, 2014. 512 с.
4. Поппер К. Р. Логика социальных наук // Вопросы философии. 1992. № 8. С. 40–48.

СНИЖЕНИЕ НЕОПРЕДЕЛЁННОСТИ В ПРИНЯТИИ РЕШЕНИЙ МЕТОДАМИ СИСТЕМНОГО АНАЛИЗА

А.А. Абросимов

*ФГБОУ ВО «Самарский государственный
технический университет»*

В работе рассматриваются последовательность применения методов системного анализа для снижения уровня неопределённости при принятии управляющих решений. Снижение уровня неопределенности позволяет принимать более эффективные решения.

Ключевые слова: неопределённость, системный анализ, принятие решений.

REDUCING UNCERTAINTY IN DECISION-MAKING BY METHODS OF SYSTEM ANALYSIS

A.A. Abrosimov

Samara State Technical University

The paper considers the sequence of systems analysis methods application to reduce the level of uncertainty in making management decisions. Reduction of uncertainty level allows for more effective decisions.

Keywords: uncertainty, systems analysis, decision making.

Жизнедеятельность человека проходит в условиях неопределённости. Это следует из того, что окружающие человека условия являются результатом действия набора различных изменяющихся факторов. Факторы можно разделить на две группы: группа постоянных составляющих и группа переменных составляющих, при этом многие составляющие, названные постоянными, в действительности не является строго постоянными, обычно они изменяется с малой скоростью. На совокупность постоянных составляющих накладываются совокупность переменных составляющих, каждая из которых изменяется со скоростью, намного превышающей скорость изменения постоянных составляющих.

Человек способен адаптироваться к изменяющимся условиям и эта способность снижает уровень неопределённости. К медленно изменяющимся условиям человек адаптируется лучше, к быстро изменяющимся условиям он адаптируется хуже или вообще не может к ним адаптироваться. При быстрых изменениях факторов неопределённость

резко возрастает и увеличивается вероятность принятия неправильных решений.

Другой причиной неопределённости являются характеристики или свойства самого человека, его человеческие качества. Это проявляется при принятии человеком решений в процессе деятельности по удовлетворению потребностей в условиях окружающей внешней среды.

Практическая деятельность человека показывает, что он во многих случаях действует рационально в реальных условиях. Этот опыт обобщён многокритериальной теорией полезности в форме аксиом рационального поведения, на основании которых можно аналитически оценивать рациональный выбор [5]. Экспериментами показано, что в задаче экономического выбора человек принимает такое решение, при котором он получает наибольший выигрыш. Такое решение названо рациональным. При определённых условиях в той же задаче выбора наблюдается парадокс Алле, когда человек принимает решение, не соответствующее получению наибольшего выигрыша [1]. Подобный выбор противоречит теории рациональности и представляет собой отклонение от рациональности. Парадокс Алле, опровергающий выводы теории рациональности, сформулирован на примере решения достаточно простой статической задачи экономического выбора, и это позволяет сделать вывод, что при изменяющихся условиях доля решений, отклоняющихся от рациональности, будет существенно возрастать.

В экономических задачах нерациональные или неправильные решения приводят либо к потере выгоды, либо к издержкам, которые могут быть как небольшими, так и значительными. Экономические издержки могут, при определённых условиях, быть скомпенсированы. Неправильные решения, принятые во многих важных областях человеческой деятельности, могут в дальнейшем иметь значительно более серьёзные последствия как для самого человека, принимающего решение, так и для окружающих, например, в здоровье или других значимых для человека сферах.

Как в статических, так и динамических условиях доля нерациональных решений может быть уменьшена снижением уровня неопределённости. Одним из эффективных методов снижения неопределённости и принятия правильных решений является применение методов системного анализа, который применяется для решения сложных проблем самой различной природы.

Системный анализ представляет собой методологию, применяемую для решения сложных проблем самого различного происхождения. Это проблемы, отличительной чертой которых является невозможность их

математического описания [2; 4]. Если решаемая проблема может быть описана математически, то это полученное математическое описание далее оптимизируется с применением соответствующих методов его решения [3; 6].

Системный анализ предусматривает соблюдение определённой последовательности в своём применении. Одним из первых этапов, которому необходимо уделить особое внимание, является точное формулирование решаемой проблемы, и этот этап является важнейшим в всей последующей работе. При неправильном формулировании проблемы дальнейшая работа окажется просто ненужной.

Следующим этапом является постановка цели, достижение которой устраняет проблему. Это может быть одна главная цель или набор частных целей, обеспечивающих решение проблемы. Цель (или совокупность частных целей) представляет собой конкретизацию проблемы и поэтому необходимо обязательно проверить, насколько поставленная цель соответствует характеру и свойствам решаемой проблемы. Одним из главных положений системного анализа является выделение важности тщательной проработки целеполагания, установление соответствия цели и решаемой проблемы.

В соответствии с поставленной целью формируется набор альтернатив или вариантов действий по возможному достижению цели. Далее формируется набор критериев, по которым из набора альтернатив принимается наилучшая альтернатива.

Вся последовательность «проблема – цель – альтернативы – критерии» будет эффективной только в том случае, все её элементы не противоречат друг другу и внутренне согласованы. Для достижения этого эффекта вся последовательность в целом и её отдельные сочетания проверяются путём повторной проверки предыдущего этапа после прохождения последующего. Эта работа по замкнутому контуру уменьшает неопределённость не только на текущем этапе, но во всей решаемой проблеме.

Указанная последовательность из четырёх элементов в некоторых случаях может быть сведена к последовательности двух элементов «цель – средство». В этой сокращённой последовательности элемент «цель» объединяет элементы «проблема – цель» предыдущей последовательности, что возможно в условиях единства двух этих элементов. Элемент «средство» объединяет элементы «альтернативы – критерии» предыдущей последовательности, такое объединение так же возможно только при условии согласованности элементов.

Короткая последовательность «проблема – цель» легко запоминается, однако следует понимать, что каждый элемент является более сложным по сравнению с более полной последовательностью. Каждая последовательность может служить мерой простейшей оценки о проработанности вопросов, направленных на решение имеющейся проблемы и чем точнее проработаны элементы последовательности, тем меньше неопределённости при принятии решения.

Рассмотренная методика применения системного анализа позволяет рекомендовать его не только для решения очень сложных проблем, но и в тех задачах, когда в условиях неопределённости нужно принять эффективное решение.

Библиографический список

1. *Алле М.* Поведение рационального человека в условиях риска: критика постулатов и аксиом американской школы // Теория и история экономических и социальных институтов и систем (THESIS). М., 1994. № 5. С. 217–241.
2. *Волкова В.Н., Денисов А.А.* Основы теории систем и системного анализа: учеб. для вузов по направлению «Системный анализ и управление» / 3-е изд., перераб. и доп. СПб.: Изд-во СПб ГПУ, 2012. 417 с.
3. *Козлов В.Н.* Системный анализ, оптимизация и принятие решений. СПб.: Изд-во СПб ГПУ, 2011. 245 с.
4. *Коломоец Ф.Г.* Основы системного анализа и принятия решений. Мн.: Тесей, 2006. 320 с.
5. Системы поддержки принятия решений [Электронный ресурс] // URL: rema44.ru/resurs/study/sppr/sppr03_MAUT.pdf, последнее посещение 22.10.2021
6. *Федунец Н.И., Куприянов В.В.* Теория принятия решений. М.: Изд-во Московского госуд. горного ун-та, 2005. 218 с.

ЦИФРОВАЯ ОПРЕДЕЛЕННОСТЬ: ОСОЗНАВАЕМЫЕ – НЕОСОЗНАВАЕМЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Г.В. Акопов

*ФГБОУ ВО «Самарский государственный
социально-педагогический университет»*

В статье представлен анализ возможных направлений распространения современных цифровых технологий. В основе анализа соотношение осознаваемых и неосознаваемых форм психической активности человека. Постулируется дискретность явлений сознания. Это позволяет переводить процессы и содержание сознания в цифровые формы, что весьма затруднительно для непрерывных (аналоговых) процессов неосознаваемой психической активности. В качестве целевых ориентиров систем человек – окружающая среда (природная, социальная, техническая, бытовая и др.) выделены: телесная организация индивида, сенсорно-перцептивная, аффективная, когнитивная, мотивационно-действенная и др. Определены основные варианты развития цифровых систем по критериям предсказуемых (осознаваемых) и неопределенных по последствиям трансформации основополагающих характеристик индивида и человеческих сообществ.

Ключевые слова: цифровизация, дискретность, непрерывность, психологические характеристики человека, сознание, психика, бинарность, предсказуемость, неопределенность.

DIGITAL CERTAINTY: CONSCIOUS-UNCONSCIOUS CONSEQUENCES

G. V. Akopov

Samara State University of Social Sciences and Education

The article presents an analysis of possible directions of the spread of modern digital technologies. The analysis is based on the ratio of conscious and unconscious forms of mental activity of a person. The discreteness of the phenomena of consciousness is postulated. This makes it possible to translate the processes and content of consciousness into digital forms, which is very difficult for continuous (analog) processes of unconscious mental activity. As the target orientations of the human – environment systems (natural, social, technical, household, etc.), the following are distinguished: the individual's bodily organization, sensory-perceptual, affective, cognitive, motivational-effective, etc. The main options for the development of digital systems are defined according to the criteria of predictable (conscious) and uncertain in terms of the consequences of the transformation of the fundamental characteristics of the individual and human communities.

Keywords: digitalization, discreteness, continuity, psychological characteristics of a person, consciousness, psyche, binary, predictability, uncertainty.

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 19-013-00816)

Цифровизацию сегодня можно рассматривать как процесс распространения цифровых технологий за пределы экономической, производственной деятельности в сферы государственных служб, здравоохранения, образования, регионального, муниципального управления и т.д., вплоть до бытовой сферы и повседневной жизни человека.

Преодолевая ограничения предшествовавшей автоматизации, цифровые системы все более широко «берут на себя» функцию принятия решений в самых разнообразных видах человеческой деятельности, включая и те, в основе которых эволюционно сформировавшаяся совокупность психологических способностей человека, интегрируемых в тех или иных видах, типах и формах сознания.

Саморазвивающиеся киберпрограммы, умные системы, искусственный интеллект представляют один из современных мировых трендов. В глобальном плане остроту происходящему придает непредсказуемость характера возможных изменений человека, окружающей среды и человечества как вида в целом.

Сознание человека в культурно-историческом процессе не единожды претерпевало радикальные изменения, связанные со сменой средств и способов производства, информационного обеспечения и распространения, организационного управления и др. В качестве детерминантов существенных трансформаций общественного и индивидуального сознания можно выделить типы средств и способов производства, а также организации процессов управления и распространения информации. Масштабы диахронной либо синхронной вовлеченности различных социальных групп, отличающихся этно-национальными, религиозными, правовыми и управленческими установками [9], результируется в показателях единства микро-, мезо- и макрогруппового сознания. Реципрокность становления индивидуального сознания, в этом контексте, как мы полагаем, рассматривается в современных англоязычных философских, эволюционных, социокультурных, нейрокогнитивных и других исследованиях [7; 12; 14; 18].

Цифровизация все более широкого круга сфер жизнедеятельности человека вносит все более высокую степень определенности, т.е. управляемости и результативности, которые по сути этого процесса должны в полной мере соответствовать поставленным целям. Однако, последние существенно зависят от места человека в системе цифрового обеспечения жизнедеятельности, точнее сказать, человека, использующего плоды цифровизации, т.к. помимо него есть также специалисты проектирующие, создающие, совершенствующие, регулирующие и обслуживающие цифровые системы статусы этих людей, очевидно, серьезно отличаются, с точки зрения потенциально непредвиденных последствий, как для системы, так и, тем более, для человека. Некоторые проектировщики цифровых систем полагают возможным в перспективе, с развитием самосовершенствующихся и самоуправляемых цифровых технологий, обходиться без участия человека в настройке и регуляции системы, оставляя человеку только роль пользователя, по-видимому, сохраняя за человеком функции контроля, что, конечно, не уравнивает статусы ограничителя системы и пользователя. Возможные коллизии не раз описывались в жанре художественных фантазий, достаточно назвать «Гиперболоид инженера Гарина».

Более серьезную по последствиям проблему представляют проекты и возможности использования цифровых технологий для искусственного увеличения способностей человека в направлении, которое иногда называют «трансгуманизацией». Запредельное увеличение физических и физиологических возможностей человека, осуществляемое искусственно, без вмешательства в мозговые функции и в психологическую организацию индивида, может быть уже сегодня смоделировано в соответствии с известными физическими и физиологическими закономерностями, а также, отчасти, по динамическим тенденциям субъективных, эмоциональных отношений оценочного характера. Значительно сложнее обстоит дело с моделированием и, соответственно, цифровизацией сознания.

Достаточно распространены определения сознания, в которых к базовым образующим сознания относят психомоторную, сенсорно-перцептивную, когнитивную, потребностно-мотивационную и аффективно-волевою структуры. В этих структурах явно, либо имплицитно контаминированы физические (материальные) и нефизические (идеальные) сущности. В связи с этим, эпистемологически решенная в советской психологии с позиций диалектического материализма, проблема физических оснований сознания (психофизическая проблема), приобрела в современных англоязычных философских и научных изысканиях в новой

междисциплинарной области знаний «Наука о сознании» характеристику «трудной проблемы» (Hard problem) [1; 2; 3; 7; 10; 17]. Концепция, представленная в работах М.М. Решетникова, определяет выход из тупика в вопросе о физических коррелятах сознания [8].

Уместно заметить, что стимулированный новыми технологическими возможностями массивированный поиск физических коррелятов явлений сознания, первоначально осуществлялся преимущественно с установкой недизъюнктивного (процессуальная характеристика психических явлений по А.В. Брушлинскому), т.е. непрерывного характера искомого физического субстрата сознания. Позже возникли дискретные информационные и квантовые теории сознания [6; 15; 16].

В общем плане бинарность физических, биологических, психических и социальных явлений можно ассоциировать (явно или неявно) с двумя типами качества объектов исследования: а) точечные, т.е. дискретные, корпускулярные и т.д.; б) непрерывные, потоковые, аналоговые и т.д. Наиболее отчетливо такое деление представлено в современной физике, при том, что в общетеоретическом плане предлагается контаминационное решение соответствующих задач (корпускулярно-волновая теория и принцип дополнительности).

Отталкиваясь от теории В.А. Ганзена о бинарной системно-структурной организации психических процессов, имея в виду обычные психические состояния, можно выделить в каждом психическом процессе осознаваемые и неосознаваемые составляющие; высшие, «сквозные», по В.А. Ганзену [4], процессы – внимание и память могут быть подразделены на осознаваемое фокусированное внимание и, как правило в текущий момент недоступное сознанию, периферийное внимание [13]; аналогично – рабочая – долговременная память [11]. По критерию меньшей-большей отчетливости сознания можно также дифференцировать сенсорно-перцептивную сферу, эмоции и чувства, мышление и речь, мотивацию и действие. Очевидно, что менее осознаваемая психическая активность может быть уподоблена аналоговым (текучим) явлениям в противоположность дискретным (цифровым), т.е. более близким к явлениям сознания (в метафоре потока, согласно У. Джеймсу, различные, т.е. дискретные состояния сознания непрерывно сменяются одно – другим).

Многомерность явлений сознания [6], разнообразие постановок и предлагаемых решений проблемы сознания [2] позволяют говорить как о возможности проектирования и конструирования в перспективе искусственного сознания; достаточно обратиться к информационным теориям сознания [15], квантовым теориям сознания [16; 6] и иным теориям.

Вместе с тем, феноменология сознания (теория квалиа, теории высшего порядка и др. [7; 10; 14] в своей нередуцируемой части не позволяет современными средствами моделировать сознание при всех успехах нейрокогнитивной и других смежных наук.

В целом, можно условно выделить три версии распространения цифровых технологий с различным уровнем предсказуемости последствий. В первой версии освоение и активное использование новых средств управления внешней средой осуществляется при фиксированных релевантных биометрических, физиологических, индивидуально-психологических и социально-психологических характеристиках человека. В этом случае доступный мониторинг фиксированных характеристик представителей различных социальных групп с использованием цифровых средств, позволяет более или менее полно осознавать темпоральные перемены не только в образе жизни, но и в обозначенных характеристиках человека. Сегодня соответствующая информация анализируется в ряде научных лабораторий (см. обзор, подготовленный А.В. Курпатовым [5] и представленный на одном из заседаний Совета Федерации России).

Вторая версия распространения цифровых технологий связана с возможным расширением доступа любого индивида не только к выбору целей, но и к их неограниченному обновлению (постановка новых целей) и соответствующему цифровому проектированию условий и образа жизни. В этом случае, мониторинг и регуляция совместимости возрастающего числа целей и проектов с перспективой их реализации может осуществляться суперсистемой, принципы управления или даже самоуправления в конфронтационных условиях современно мира представляется в высокой степени неопределенности.

Третья версия может развиваться одновременно с первой или второй и связана с постановкой целей телесно-психологических изменений (самоизменений) основополагающих характеристик человека. Насколько нам известно, существующая сегодня эмпирика (спектр целей и количество обращений к специалистам по телесной коррекции и психотерапии) не аккумулируется и не анализируется. Для современных программ Больших данных это весьма простая задача, решение которой позволит оценить фактическое состояние телесного, сенсорно-перцептивного, аффективного, когнитивного и других видов и типов сознания. Также не сложно, с учетом темпоральности, определить соответствующие тренды, что в сочетании с анализом внешне-средовых (включая социальные среды) факторов позволит более определенно прогнозировать будущее. Вместе с тем, многообразие и многокачественность субъективных проявлений (желаний,

планов, намерений, отношений и т.д.) человека определяют самую трудную проблему-единство сознания как во внутриличностном плане [12], так и тем более, в социальном, межэтническом, религиозном и других отношениях.

Библиографический список

1. *Акопов Г.В.* Психология сознания: Вопросы методологии, теории и прикладных исследований. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010.
2. *Акопов Г.В.* Категория сознания в современной психологии. Самара: Изд-во ООО «Порто-принт», 2019.
3. *Акопов Г.В.* Пространства значений категории сознания в современных русскоязычных и англоязычных исследованиях // Мир психологии, 2020. № 1(101). С. 20–29.
4. *Ганзен В.А.* Системные описания в психологии. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1984. 176 с.
5. *Курпатов А.В.* Трансформация человека в цифровую эпоху [Электронный ресурс] // URL: <http://council.gov.ru/events/committees/113499/>
6. *Петренко В. Ф., Супрун А.П.* Методологические пересечения психосемантики сознания и квантовой физики. 2-е изд., доп. М.; СПб.: Нестор-История, 2017.
7. *Ревонсуо А.* Психология сознания / Пер. с англ. СПб.: Питер, 2013.
8. *Решетников М. М.* Психическая саморегуляция. Первая и вторая ступени // 2-е издание, переработанное и дополненное. М.: Юрайт, 2018.
9. Социальная психология религиозного (конфессионального), этнонационального, правового и регулятивно-управленческого сознания в современной России / Отв. Ред. Г.В. Акопов, Е.В. Бакшутова, Т.К. Рулина. Самара: Изд-во ООО «Порто-принт», 2016. – 420 с.
10. *Чалмерс Д.* Сознательный ум: В поисках фундаментальной теории. Пер. с англ. М.: УРСС; Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013.
11. Baars В. A cognitive theory of consciousness. NY: Cambridge University Press, 1988.
12. Bayne T. The Unity of Consciousness. Oxford University Press, 2012.
13. *Graziano M.S.A.* Consciousness and the Social Brain. Oxford University Press, 2015.
14. *Honderich T.* Actual Consciousness. Oxford University Press, 2014.
15. Integrated Information Theory // Journal of Consciousness Studies, 2019. Vol. 26. № 1–2.
16. Quantum-Level Experience in Neural Dendrites // Journal of Consciousness Studies, 2020. Vol. 27. № 11–12.
17. *Velmans M.* How Could Conscious Experiences Affect Drains? // Journal of Consciousness Studies, 2002. Vol.9. № 11. Special Issue. P. 3–29.
18. *Whitehead Ch.* The Original of Consciousness in the Social World / Edited by Charles Whitehead. UK, USA: Imprint Academic, 2008.

ВЛИЯНИЕ ОПЫТА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ НА ЖИЗНЕСПОСОБНОСТЬ ЭМИГРАНТОВ

О.Е. Алексанова

ФБГУН «Институт психологии РАН»

Статья посвящена изучению влияния опыта профессиональной адаптации на жизнеспособность эмигрантов. В качестве критерия «опыт профессиональной адаптации» был принят синтетический показатель, отражающий ряд объективных и субъективных параметров, независимо и взаимно дополняющих друг друга. Исследование проводилось в нескольких субъектах Российской Федерации: Московский регион (г. Москва и Московская область), Воронежская область, Ставропольский край. Для исследования жизнеспособности эмигрантов с различным опытом профессиональной адаптации применялся корреляционный анализ данных, полученных от 248 этнических греков-мигрантов, покинувших Грузию в 1990-1998 гг. Возраст участников варьировался от 30 до 65 лет (на момент обследования).

Применялись диагностическое обследование, анкетирование, структурированное интервьюирование, анализ социально-экономических сведений. Использовались: опросник жизнестойкости С. Мадди, адаптированным Д.А. Леонтьевым и Е.И. Рассказовой; тест жизнеспособности человека, предложенным Е.А. Рыльской. Обработка данных проводилась с применением описательной статистики, корреляционного анализа, оценки достоверности различий по U-критерию Манна-Уитни.

Установлено, что между жизнеспособностью эмигрантов и опытом их профессиональной адаптации существует статистически значимая корреляционная связь (переселенцам с большим опытом профессиональной адаптации соответствует более высокий уровень жизнеспособности). Жизнеспособность эмигрантов в значительной степени определяется их трудовой деятельностью в стране пребывания, а именно – 1) успехами в адаптации к профессии, 2) отношением к труду, 3) карьерными перспективами.

Ключевые слова: опыт профессиональной адаптации, жизнеспособность, эмиграция, карьерные перспективы; отношение к труду, успешность, условия миграции.

THE INFLUENCE OF THE EXPERIENCE OF PROFESSIONAL ADAPTATION ON THE VIABILITY OF EMIGRANTS

O.E. Aleksanova

Institute of Psychology, RAS

The article is devoted to the influence of the experience of professional adaptation on the viability of emigrants. A synthetic indicator reflecting a number of objective and subjective

parameters that independently and mutually complement each other was adopted as the criterion «experience of professional adaptation». The study was conducted in several subjects of the Russian Federation: the Moscow Region (Moscow and the Moscow Region), the Voronezh Region, and the Stavropol Territory. To study the viability of emigrants with different experience of professional adaptation, a correlation analysis of data obtained from 248 ethnic Greek migrants who left Georgia in 1990-1998 was used. The age of the participants ranged from 30 to 65 years (at the time of the survey).

Diagnostic examination, questionnaires, structured interviewing, analysis of socio-economic information were used. Used: the questionnaire of S. Maddi's resilience, adapted by D.A. Leontiev and E.I. Rasskazova; the human viability test proposed by E.A. Rylskaya. Data processing was carried out using descriptive statistics, correlation analysis, and evaluation of the reliability of differences according to the Mann-Whitney U-criterion.

It is established that there is a statistically significant correlation between the viability of emigrants and the experience of their professional adaptation (immigrants with more experience of professional adaptation correspond to a higher level of viability). The viability of emigrants is largely determined by their work activity in the host country, namely-1) success in adapting to the profession, 2) attitude to work, 3) career prospects.

Keywords: experience of professional adaptation, viability, emigration, career prospects; attitude to work, success, migration conditions.

Во время эмиграции происходят масштабные демографические изменения во всем мире. Мигрантам приходится адаптироваться в новой культурной среде, где включаются многие психологические проблемы, а также всевозможные механизмы жизнеспособности, которые играют большую роль в адаптации и ассимиляции.

В ряде научных исследований [1, с. 132-141; 3, с. 77-84; 5, с. 54-64; 6, с. 59-63; 8, с. 81-89; 11;14, с. 101-116 и др.] выдвигались частные гипотезы о взаимосвязи адаптационных способностей мигрантов, жизнеспособности и успешности их пребывания в новых условиях. Также детально проанализированы проблемы, с которыми человек сталкивается во время эмиграции: проблемы интеграции в незнакомую среду; отсутствие знаний языка; правовых, моральных и культурных норм, религиозные расхождения, необходимость искать работу, также невозможность найти работу сразу [13, с. 240]. Препятствующими факторами к быстрой адаптации и ассимиляции мигрантов зачастую выступает, например, этническая, культурная и религиозная ксенофобия, в том числе из-за увеличения трудовой конкуренции, при этом проявления дискриминации в трудовой среде в сторону мигрантов обычное дело по всему миру. Тогда важным аспектом является и разница в заработной плате мигрантов и местного населения, поскольку мигранты «проводят время» в принимающей среде, при этом следует оценивать их способность к трудовой конкуренции с точки зрения человеческого капитала на момент

переезда или последующего накопления навыков. Тогда эволюция заработной платы иммигрантов с течением времени по сравнению с заработной платой местных жителей можно расценивать как один из показателей успешной интеграции мигранта в трудовую среду [15, с. 2].

Попадая в незнакомую среду, у мигрантов проявляются проблемы с точки зрения их жизнеспособности к незнакомой и, зачастую, чуждой культуре, социальной и экономической среде. Им приходится адаптироваться в чужой стране [19]. Пребывая в совершенно новых незнакомых условиях, способность к адаптации является обязательной частью успешного «встраивания» в непривычную среду при миграции.

С переходом в другую среду мигранты неизбежно влияют на нее, так как имеют иные культурные и поведенческие привычки. Они либо подстраиваются, либо преобразовывают сформированную социокультурную систему. Чтобы процесс «встраивания» в новую социальную среду при осуществлении культурного перехода прошел более успешно для мигранта, человеку бывает необходимо пересмотреть привычки и знакомый образ жизни. Тогда вопрос индивидуальной жизнеспособности выходит на первый план [2, с. 296].

Ученые обратили внимание к проблеме улучшения психологического состояния мигранта, и это в свою очередь привело к выделению феномена жизнеспособности и разностороннему его изучению. Понятие «жизнеспособность» определяют как «способность человека к самостоятельному существованию, развитию и выживанию. Это индивидуальная способность человека управлять собственными ресурсами: здоровьем, эмоциональной, мотивационно-волевой, когнитивной сферами, в контексте социально-культурных норм и средовых условий» [10, с. 290–312].

Более жизнеспособные мигранты вкладывают средства в активное улучшение условий своей жизни и умеют принимать условия, которые нельзя изменить. Они лучше способны накапливать финансовые, социальные и другие ресурсы на разных этапах жизни, тогда как менее жизнеспособные иммигранты теряют, не умеют использовать доступ к ресурсам на разных этапах жизни [17, р. 1113–1123].

Не все эмигранты успешно адаптируются в новых условиях существования, вливаются в социальную среду, выбирают оптимальную стратегию ассимиляции и трудоустройства [9, с. 70–77]. И от этого возрастает напряжение в обществе и межличностных отношениях, появляются внутриличностные конфликты, усиливается безработица среди переселенцев и т.п. [4, с. 86–101].

Жизнеспособность многих мигрантов будет зависеть от различных факторов, личных мотиваций, семейных отношений. А самое главное, насколько грамотно во время адаптации, в том числе и профессиональной, они способны переоценить систему ценностей, которая была характерна для их предыдущей жизни [16, p. 187–192]. Успешная адаптация является важным вопросом для множества заинтересованных сторон во многих странах из-за его потенциального долгосрочного значения для благополучия мигрантов, а также для процветания и социальной сплоченности принимающих обществ [18, p. 510–517].

Исследование проводилось в нескольких субъектах Российской Федерации: Московский регион (г. Москва и Московская область), Воронежская область, Ставропольский край. Нами была сформирована условная группа исследования в количестве 248 греков-переселенцев, покинувших Грузию в 1990–1998 гг.

Применялись психологические методы и методики: диагностическое обследование, анкетирование, структурированное интервьюирование, анализ социально-экономических сведений. Основу составил следующий тестовый инструментарий: опросник жизнестойкости С. Мадди, адаптированный Д.А. Леонтьевым и Е.И. Рассказовой [7]; тест жизнеспособности человека, предложенный Е.А. Рыльской [12, с. 130–138].

Обработка полученных данных проводилась с применением следующих методов математико-статистического анализа: описательная статистика, корреляционный анализ (корреляция по Ч. Спирмену), оценка достоверности различий по U-критерию Манна-Уитни. Применялся статистический пакет SPSS 17.1 for Window.

Для исследования жизнеспособности эмигрантов с различным опытом профессиональной адаптации применялся корреляционный анализ данных, полученных от 248 эмигрантов.

Для проверки гипотезы о том, что опыт профессиональной адаптации оказывает существенное влияние на жизнеспособность эмигрантов, исходя из корреляционных связей между эмпирическими данными, нами был сформирован соответствующий синтетический критерий. «Опыт профессиональной адаптации» эмигрантов рассчитывался как среднее арифметическое следующих частных объективных показателей (анкета): 1) наличие опыта адаптации в профессии; 2) самооценка успешности адаптации в профессии; 3) динамика оплаты труда. «Жизнеспособность» связывалась с усредненным значением шкал «жизнестойкость» (опросник жизнестойкости С. Мадди) и «жизнеспособность» (тест жизнеспособности человека Е.А. Рыльской).

Принимая во внимание, что и «жизнеспособность», и «опыт профессиональной адаптации» были сведены к 10-пунктной шкале, все испытуемые были разделены на две полярные группы («жизнеспособные – не жизнеспособные» и «имеющие опыт профессиональной адаптации – не имеющие опыта профессиональной адаптации»). Числовой критерий дифференциации: группа «успешных» - баллы диапазона от 7,5 и выше; группа «неуспешных» - 3,5 балла и менее. Из общей выборки исследования в 248 человек, к полярным группам было отнесено лишь 132 эмигранта (объем выборки N=132; табл. 1).

Таблица 1

Распределение количества участников в полярных группах

Переменные	Жизнеспособные	Не жизнеспособные
Имеющие опыт проф. адаптации	a=61	b=24
Не имеющие опыт проф. адаптации	c=15	d=32

Поскольку данные представляли собой дихотомические переменные, то для проверки нулевой гипотезы H_0 (отсутствие связи между жизнеспособностью и опытом профессиональной адаптации) нами применялся коэффициент контингенции Пирсона (ϕ -коэффициент).

$$\phi = (a \cdot d - b \cdot c) / \sqrt{(a+c) \cdot (b+d) \cdot (a+b) \cdot (c+d)}$$

$$\phi = (1952 - 360) / \sqrt{76 \cdot 56 \cdot 85 \cdot 47} = 0,3861.$$

Для проверки гипотезы о статистической значимости связи воспользуемся критерием χ^2 .

Критическое значение $\chi^2_{кр}$ принимается для числа степеней свободы $df=1$ ($\chi^2_{кр} = 3,841$ для $p=0,05$ или $\chi^2_{кр} = 6,635$ для $p=0,01$).

$$\chi^2 = \phi^2 \cdot N = (0,3861)^2 \cdot 132 = 19,68.$$

Вследствие того, что эмпирическое значение χ^2 попало в область статистической значимости ($\chi^2 > \chi^2_{кр}$), то гипотеза H_0 отвергается ($19,68 > 6,635$). Принимается альтернативная гипотеза, т.е. между жизнеспособностью эмигранта и его опытом профессиональной адаптации существует статистически значимая связь (при $p=0,01$), а именно: переселенцам с большим опытом профессиональной адаптации соответствует более высокий уровень жизнеспособности.

Центральным вопросом заявленной проблематики является реализация на практике тех или иных моделей адаптации. Полагаем, что помимо опыта профессиональной адаптации детерминирующими жизнеспособность переселенцев могут выступать условия эмиграции.

Соотнесение сведений, полученных в ходе корреляционного анализа эмпирических данных, с полярными (критерию «жизнеспособность»)

группами позволило нам построить обобщенные портреты эмигрантов ($N_{\text{жизнеспособные}}=76$; $N_{\text{не жизнеспособные}}=56$). Исследовательские профили образованы характеристиками, продемонстрировавшими наиболее тесную корреляционную связь с жизнеспособностью (рис. 1). Результаты сравнительного анализа профилей подтверждают представленную выше модель жизнеспособности эмигранта по критерию вовлеченности в профессиональную деятельность (значимыми в профиле оказались характеристики, определяющие опыт профессиональной адаптации).

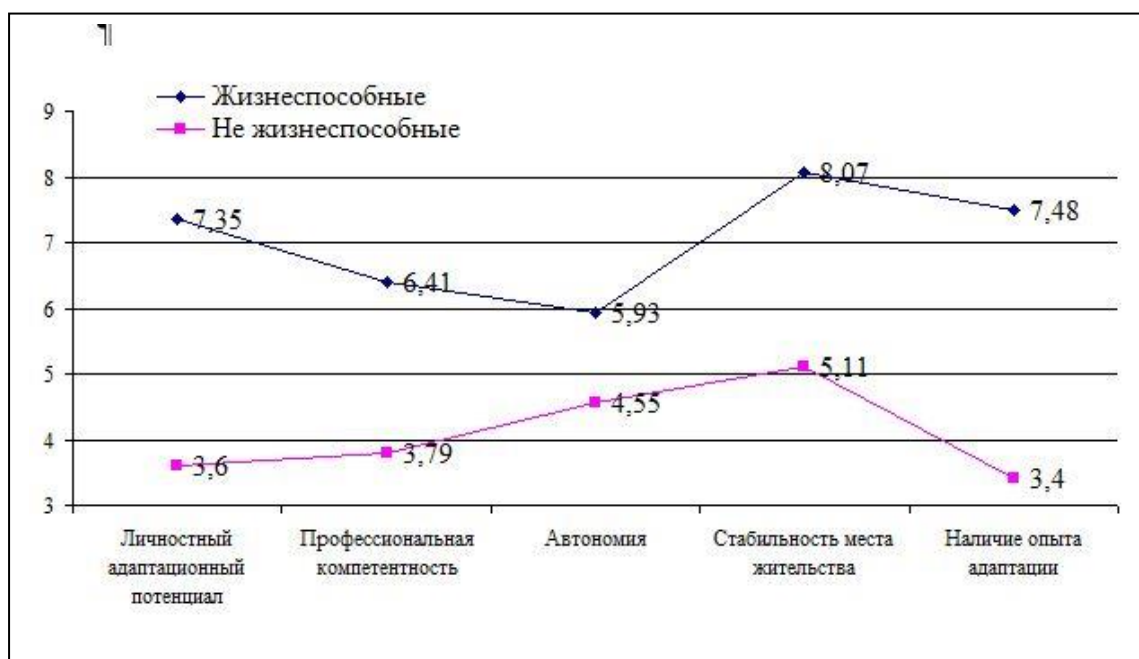

Рисунок 1. Исследовательские профили мигрантов с разной степенью жизнеспособности

Таким образом, в результате эмпирического исследования было установлено, что между жизнеспособностью эмигрантов и опытом их профессиональной адаптации существует статистически значимая корреляционная связь (переселенцам с большим опытом профессиональной адаптации соответствует более высокий уровень жизнеспособности). Жизнеспособность эмигрантов в значительной степени определяется их трудовой деятельностью в стране пребывания, а именно – 1) успехами в адаптации к профессии, 2) отношением к труду, 3) карьерными перспективами. При этом генеральной тенденцией жизнедеятельности эмигрантов выступает витальность (приземленность, решение насущных для человека проблем) – стремление жить (выживать), создавать комфортные бытовые условия, зарабатывать денежные средства и т.п.

Реализация на практике тех или иных моделей адаптации, а значит и проявление жизнеспособности переселенцев в определенной степени зависит от условий эмиграции, что требует самостоятельного научного исследования.

Библиографический список

1. *Баляев С.И.* Проблемы социально-психологической адаптации вынужденных мигрантов: опыт эмпирического исследования в республике Мордовия // Инженерные технологии и системы. 2007. Т. 17. № 2. С. 132–141.
2. *Бондырева С.К., Колесов Д.В.* Миграция (сущность и явление): миграция и смысл жизни. М.: Моск. психол.-соц. ин-т; Воронеж: НПО «МОДЭК», 2004. 296 с.
3. *Гришунина Е.В., Максимов М.А.* Самоактуализация как критерий эффективности социально-психологической адаптации мигрантов // Акмеология, 2014. № 4 (52). С. 77–84.
4. *Кобзева Н.В.* Психологические особенности внутриличностных конфликтов в различных ситуациях миграции // Вестник МГОУ. Серия: Психологические науки, 2018. № 2. С. 86-101. DOI: 10.18384/2310-7235-2018-2-86-101
5. *Кожухарь Е.* Изучение особенностей связи социально-психологической адаптации и уровня жизнестойкости студентов-мигрантов // Шаг в науку. Сборник статей победителей конкурса грантов научно-исследовательских работ студентов, аспирантов и молодых ученых, 2019. С. 54–64.
6. *Константинов В.В.* Исследование особенностей экономико-психологической адаптации этнических мигрантов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Философия. Психология. Педагогика, 2009. Т. 9. № 3. С. 59–63.
7. *Леонтьев Д.А., Рассказова Е.И.* Тест жизнестойкости. М.: Смысл, 2006. 63 с.
8. *Лобова В.А.* Психологическая адаптация рабочих межрегиональной вахты в контексте сохранения здоровья // Вестник угроведения, 2011. № 1 (4). С. 81–89.
9. *Лунин С.Л.* Психологические особенности мужчин, находящихся в ситуации временной трудовой миграции: специфика ЮФО // Российский психологический журнал, 2013. Т. 10. № 3. С. 70–77.
10. *Махнач А.В., Лактионова А.И.* Жизнеспособность подростка: понятие и концепция // Психология адаптации и социальная среда: современные подходы, проблемы, перспективы / Отв. ред. Л.Г. Дикая, А.Л. Журавлёв. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. С. 290–312.
11. *Павловец Г.Г.* Социально-психологическая адаптация вынужденных мигрантов: по материалам Северного Кавказа: Дисс. канд. психол. наук. СПб., 2002. 212 с.
12. *Рыльская Е.В.* Методика исследования жизнеспособности человека // Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета, 2009. № 1. С. 130–138.
13. *Хотинец В.Ю.* Этническое самосознание. СПб.: Алетейя, 2000. 240 с.

14. Юркевич Г.П. Теория социальной адаптации в истории социологических учений // Актуальные вопросы современной науки, 2009. № 10. С. 101–116.
15. Albert C., Glitz A. and Llull J. Labor Market Competition and the Assimilation of Immigrants. London: Centre for Economic Policy Research, 2021.
16. Khaliman Z. Socio-cultural adaptation of migrants: Theoretical and methodological aspect // American-Eurasian Journal of Scientific Research, 2012. Vol. 7 (5). P. 187–192. DOI:10.5829/idosi.aejsr.2012.7.5.1112
17. Klokgieters S.S., van Tilburg T.G., Deeg D.J.H., Huisman M. The linkage between aging, migration, and resilience: resilience in the life of older Turkish and Moroccan immigrants // The Journals of Gerontology. Series B, 2020. Vol. 75 (5). P. 1113–1123. DOI:10.1093/geronb/gbz024
18. Motti-Stefanidi F. Resilience among immigrant youths: Who adapts well, and why? // Current Directions in Psychological Science, 2019. Vol. 28(5). P. 510-517. DOI:10.1177/0963721419861412
19. Rudiger A., Spencer S. Social integration of immigrants and ethnic minorities: Policies to combat discrimination // The Economic and Social Aspects of Migration. Brussels: The European Commission and the OECD, 2003. 44 p.

УДК 159.9

СООТНЕСЕНИЕ ПОНЯТИЯ «ЖИЗНЕСПОСОБНОСТЬ» С ХАРАКТЕРИСТИКАМИ VUCA В РОССИЙСКОМ НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ

И.А. Артемьев
ФБГУН «Институт психологии РАН»

В статье проводится анализ изученности понятий «жизнеспособности», «VUCA», а, так же, сопоставление жизнеспособности с каждой из характеристик VUCA в российском научном поле. Проводится обзор двух крупнейших российских онлайн-библиотек на количество научных работ, в которых совместно изучаются данные понятия.

Ключевые слова: жизнеспособность, анализ, VUCA, нестабильность, неопределенность, сложность, неоднозначность, характеристики VUCA.

CORRELATION OF THE CONCEPT OF «RESILIENCE» WITH THE CHARACTERISTICS OF VUCA IN THE RUSSIAN SCIENTIFIC DISCOURSE

I.A. Artemyev
Institute of Psychology, RAS

The article analyzes the study of the concepts of «resilience», «VUCA», as well as a comparison of the resilience with each of the characteristics of VUCA in the Russian scientific field. The two largest Russian online libraries are reviewed for the number of scientific works in which these concepts are jointly studied.

Keywords: resilience, VUCA, analysis, volatility, uncertainty, complexity, ambiguity, VUCA characteristics.

Настоящее время обусловлено ростом уровнем сложности и неопределенности во всем мире, в связи с этим обществу в целом необходимо адаптироваться к новым условиям.

На данный момент все больший интерес возрастает к теме жизнеспособности человека, системы и организации в условиях неопределенности. Вместе с тем не выработано единого понимания роли и места этого нового для отечественной науки понятия. Научная разработка этого понятия становится особенно актуальной в связи с особенностью ситуации в мире, которую можно определить, как VUCA среду или VUCA мир. Как известно, аббревиатура VUCA был впервые представлена для описания динамичного мира, который становится все более изменчивым, неопределенным, сложным и неоднозначным [5, с. 378].

В зарубежной литературе можно встретить множество работ, в которых понятие «жизнеспособность» изучается в разрезе VUCA среды. Однако, в отечественном научном дискурсе на данный момент нет четкого понимания изученности данных тематик, что создает необходимость анализа научных работ в этих сферах.

В связи с этим, целью данной статьи является соотнесение понятия «жизнеспособность» с характеристиками VUCA в российском научном дискурсе и анализ изучения понятия «жизнеспособность» с VUCA в целом, и ее частными характеристиками. Известно, что особенности VUCA среды определяются четырьмя характеристиками: V – нестабильность, неустойчивость, U – неопределенность, C – сложность, A – неоднозначность. Далее, проанализируем количество и содержание публикаций, взятых из двух научных онлайн-библиотек России.

Основные направления исследований жизнеспособности в отечественной психологии по библиографическому анализу публикаций, индексируемых в наукометрической базе Российском индексе научного цитирования (РИНЦ), отражены в списке статей и книг за 10 лет – с 2008 года по настоящее время. Он включает 1605 публикаций, посвященные жизнеспособности подростков, семьи, человека, в это число включены публикации, которые посвящены только психологическим аспектам

жизнеспособности. И 48 публикаций исследуют понятие жизнеспособность профессионала.

Оценивая отечественные публикации за последнее десятилетие, посвященные изучению VUCA среды, отметим, что в РИНЦ было проиндексировано 278 статей, что, из которых, психологическим аспектам посвящены 18 статьи. В ключевых словах, в пристатейной информационной группе психологических статей были даны, например, следующие определения: «Системные критерии организационной эффективности», «стратегии совладания», «VUCA-компетентность», «универсальные навыки», «VUCA-мир», «Профессиональные компетенции», «Риски», «Самомотивация», «Самоорганизация», «Принятие решений», «Лидерство», «Эпоха VUCA», «Неопределенность», «Наука», «Самоактуализация», «Творчество», «Адаптация», «Личностный потенциал», «Организационная культура», «Управление».

Если же рассматривать изученность понятия VUCA в российском научном дискурсе, каждую из характеристик, то про первую характеристику «нестабильность» написано 115 научных текстов, которые рассматриваются психологами. При этом найдено 60 статей по ключевому слову «жизнеспособность», в которых данное понятие упоминается с ключевым словом «нестабильность». Вместе с тем только три статьи рассматриваются в психологической науке.

Вторая характеристика VUCA – «неопределенность» представляет больший интерес для изучения российскими учеными. Ими опубликовано по различным научным направлениям написано 5155 статей. Из этого количества статей по психологической тематике написано 286 статей, а в тех, в которых изучаются оба понятия: «жизнеспособность» и «неопределенность» – всего 67 статей, а по психологии данные понятия совместно изучаются в 17 статьях.

Следующая характеристика VUCA – «сложность» изучается в 81 447 статьях, из которых по психологии – 299 статей. Если рассматривать число статей, в которых изучается данное понятие в совокупности с понятием «жизнеспособность», то можно увидеть, что данные понятия изучены в 91 статье, а в психологических науках – 6 статей.

Последняя характеристика VUCA – «неоднозначность» как проблема изучается в 8 486 статьях, а по разным психологическим аспектам – в 324. Если добавить в подборку ключевое слово «жизнеспособность», то всего понятия присутствовали в 14 статьях, но всего одна статья – по психологии.

С другой стороны, при изучении и сопоставлении вышеприведенных понятий можно увидеть, что количество соотношений и, в общем,

представления данных тематик в различных научных базах разнятся, так, например, можно обратить внимание на нестыковку количества научных работ по данным тематикам, если сравнивать крупнейшие научные базы, как elibrary.ru и cyberleninka.ru.

Однако, можно с более точной уверенностью заявить, что представленность научных работ по тематикам «жизнеспособность» и «VUCA» на ресурсе CYBERLENINKA более точна, так как на данном ресурсе большее количество статей и соотношений эти двух понятий в поиске.

Таким образом, на данном ресурсе по ключевому слову «VUCA» представлено 260, из которых 12 статей рассматриваются по психологическим наукам.

Ключевое слово «жизнеспособность» и первая характеристика «VUCA», «нестабильность» совместно изучены в семи статьях по тематике психологических наук.

Если же анализировать изученность второй характеристики «VUCA» – «неопределенность» и рассматривать ее в совокупности с понятием «жизнеспособность», то они изучаются в десяти научных работах по психологической тематике.

Третья характеристика «VUCA» – «сложность» изучена в научном дискурсе совместно с понятием «жизнеспособность» в психологических науках в 21 научной работе.

Рассматривая представленность понятия «жизнеспособность» совместно с четвертой характеристикой «VUCA» – «неоднозначность», количество научных работ по психологическим наукам составляет 34 статьи.

Анализируя полученные данные по выделенным ключевым словам, отметим некоторые расхождения в количестве научных работ на обоих интернет ресурсах. Например, можно заметить расхождения в количестве научных текстов сопоставленных понятий «жизнеспособность» и первой характеристики VUCA – «нестабильность». На ресурсе elibrary.ru 115 научных работ, а на ресурсе cyberleninka.ru 260 статей, и подобные расхождения присутствуют в каждом поисковом запросе. По-видимому, это связано со спецификой издательской политикой и тематикой рубрик научных журналов, в которых опубликованы данные работы.

Выводы

Анализируя изученность данных понятий, можно сделать некоторые выводы. Если рассматривать сопоставление понятий «жизнеспособность» и

«VUCA», то можно увидеть, что есть присутствие заинтересованности в изучении обоих понятий. Однако, больший интерес, все-таки, можно наблюдать при изучении жизнеспособности в приложении к каждой характеристике, составляющих понятие «VUCA». Наибольшее количество научных работ наблюдается при изучении понятия «жизнеспособность» в связи с четвертой характеристикой «VUCA» – «неоднозначность». Этот факт показывает на наличие наибольшего интереса у психологов-исследователей к совместному изучению данных понятий. Наименьшая изученность выявляет при рассмотрении синтеза «жизнеспособности» и третьей характеристики VUCA – «сложность», что указывает на необходимость изучения этих понятий российскими психологами.

Подводя общий итог количества научных текстов с изученными ключевыми словами, можно утверждать, что необходимо делать акцент на проведении практических исследований для сопоставления понятий «жизнеспособности» и характеристик VUCA среды. Это связано с тем, что у общества есть большая заинтересованность в том, как существовать и взаимодействовать в условиях все более возрастающего уровня неопределенности.

Библиографический список

1. *Грачев А.А.* Организационная культура и жизнеспособность работника как факторы эффективности взаимодействия организации с VUCA-средой // М.: Институт Психологии РАН, 2019. Т. 4. № 2. С. 29–43.
2. *Дикова В.В.* Ориентация на развитие как ключевая трансфессиональная компетенция выпускника вуза// Профессиональное образование и рынок труда, 2019. № 4. С. 66–71.
3. *Fassinger R. E., Shullman S.L., Buki L.P.* Future Shock: Counseling Psychology in a VUCA World // *The Counseling Psychologist*, 2017. Vol. 45(7). P. 1048–1058. DOI: 10.1177/0011000017744645.
4. *Ijntema R., Schaufeli W., Burger Y.* Resilience mechanisms at work: The psychological immunity-psychological elasticity (PI-PE) model of psychological resilience // *Current Psychology*, 2021. DOI: 10.1007/s12144-021-01813-5.
5. *Ko I., Rea P.* Leading with virtue in the VUCA world // *Emerald Insight*, 2016. P. 375-397. DOI: 10.1108/S1535-120320160000009011.

ЦИФРОЦЕНТРИЗМ КАК НОВЫЙ ФАКТОР СОЦИАЛЬНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ ЛИЧНОСТИ В ЭПОХУ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

Е.В. Бакишутова, С.В. Даведенко

ФГБОУ ВО «Самарский государственный технический университет»

Категория социального благополучия рассматривается в контексте западноевропейской и русской философии. Основное внимание уделено проблематизации данного явления в современную цифровую и цифроцентричную эпоху информационного потребительства и социального утилитаризма. В статье эксплицируется цифровая личность без личности в привычном понимании, функционирующая в соответствии с набором метрических характеристик и алгоритмизированных топологий, без переживаний и рефлексии. Постчеловек как технологическая конструкция вряд ли нуждается в обсуждении проблем социального благополучия, которое, в конечном итоге, оказалось одной из важных проблем гуманитаристики. Вместе с проблемой благополучия уходят и другие антропные и социальные явления – ценности, этика, человечность в целом.

Keywords: цифроцентризм, цифровая идентичность, социальное благополучие, цифровое благополучие.

DIGITAL CENTRISM AS A NEW FACTOR OF SOCIAL WELL-BEING IN THE AGE OF UNCERTAINTY

E. V. Bakshutova, S. V. Davedenko

Samara State Technical University

The category of social well-being is considered in the context of Western European and Russian philosophy. The main attention is paid to the problematization of this phenomenon in the modern digital and digital-centric era of informational consumerism and social utilitarianism. The article explicates a digital personality without a personality in the usual sense, functioning in accordance with a set of metric characteristics and algorithmic topologies, without feelings and reflection. Posthuman as a technological construction hardly needs a discussion of the problems of social well-being, which, in the end, turned out to be one of the important problems of the humanities. Together with the problem of well-being, other anthropic and social phenomena - values, ethics, humanity in general – disappear.

Keywords: digital centrism, digital identity, social well-being, digital well-being.

С разной скоростью и размерностью входя в стихию неопределенности, современные люди и общества не оставляют стремлений

к достижению объективного и субъективного благополучия. Социальное благополучие личности в традиционных теоретических измерениях фиксируется в понятиях удовлетворенности жизнью, благосостояния, качества жизни, счастья и т. д., то есть в наборе социально-личностных идеализаций, достижение которых становится практической целью жизни человека в индивидуальной репрезентации. «Благополучие выступает универсальным ресурсом, стремление к обладанию которым задает определенные координаты обретению онтологической устойчивости человека, действующего в различных модусах существования» [5, с. 93], – утверждает М.В. Думинская.

Социоцентристский подход к философской экспликации феномена благополучия в социальном аспекте русской философии был ориентирован на ценность общественной значимости благополучия личности и потому мог варьироваться в диапазоне от абсолютной незначимости (рабовладельческое общество) до абсолютной значимости в утопических проектах общества, не получивших своего реального воплощения. Диапазон вариаций феномена в истории мира и России безграничен: от антиутопий XX до утопий XXI века о клеточном механизме бессмертия и устранении сапиентного человечества, что и будет идеальным образом общественного благополучия после очищения Земли от «скверны».

Современная философия претендует на понимание демиургии новых антропологических явлений, где благополучие личности ею не контролируется. «Самый смелый фантаст не может вообразить, какие развороты предприимчивости, какие сферы индустрии, какие преступления вызовут человеческие надежды на всемогущество, здоровье, красоту, долголетие, бессмертие», – убежден философ В.А. Шкуратов [14, с. 28]. Социолог П. Штомпка пишет: «Глобальность является в сущности неизбежной проблемой современного мира. Она несет с собой как опасности, так и надежды, и люди должны это осознавать. Процесс глобализации охватывает все аспекты современной общественной жизни – экономические, политические, культурные, и данное обстоятельство фиксируется социальным сознанием. Появляются различные новые образы мира, причем некоторые из них находят отражение в специфических концепциях глобализма или антиглобализма. Эти образы становятся независимыми причинными переменными, формирующими тенденции к глобализации, т.е. будучи порождением глобализации, они превращаются в ее детерминанты» [15, с. 131].

Целью новых технологий сегодня должен явиться цифровой человек, родовой и исторический опыт которого фрагментарен и не связан с

ответственностью живущего в настоящем человека. Это создает угрозы для общего будущего человека и человечества. По данным СПЧ, одной из основных проблем нарушения прав и свобод людей на сегодняшний день является «цифра». Одной из опасностей государственной цифровизации становится «азарт цифровизации всего и вся», которую транслируют государственные органы. «Бесконтрольная цифровизация может привести к нарушению базовых прав граждан, в том числе права не заходить в цифровую сферу, права на приватность и защиту своей цифровой идентичности», – поясняет И.С. Ашманов, – наряду с этой опасностью уже существует «риск развития в сторону цифровой дискриминации, когда слежение за людьми ведет к созданию способов оценки людей и, по сути, социальных рейтингов», благодаря чему «может реализоваться адская антиутопия» [4]. Личность, формирующаяся в цифровой среде, структурирована специфическим образом. Здесь вместо статичной основы стабильных ценностей слоятся пласты (алгоритмы) «текучих» инфосмыслов. И в этой связи именно цифровыми философами актуализирован вопрос: разорвана или сохранна традиционная связь между означаемым и означающим социальной реальности в идентичности личности. Система проблем влияния цифроцентризма на социальные структуры личности только множится. Социологи утверждают, что на стереотипы поведения влияет не столько смена социального строя, сколько смена типа коммуникаций [7]. Но сколько бы ни было проблем, заключительной проблемой будет определение свойств социального благополучия гипотетических постчеловеческих систем, а именно: какими свойствами должна обладать система личности, чтобы быть способной к осуществлению успешного социального действия? Речь идет об автономии агентов цифрокоммуникации как таковой, независимо от воплощений постчеловека в человеческих или нечеловеческих существах, то есть вне иерархии «худшего – лучшего». Но может ли общество оставаться безразличным к аксиологии цифровизации человека? Становление гибридных систем личности сопровождается утратой традиционной социальной активности, а значит, дегуманизацией традиционных социальных отношений и форм социального благополучия. Когда гаджеты играют роль не инструментов коммуникации, а органов чувств, то социальные чувства становятся избыточными. «Жизнь внутри гаджета» превращается в систему готовых смыслов и эмоционально программируемых реакций их восприятия. Социальное благополучие как представление и как экзистенция независимости цифроцентричной личности становится заложником, с одной стороны, реальных социальных

связей, фрагментирования ключевых социальных смыслов индивидуализации, а с другой – шаблонов и алгоритмов сборки смыслов, их многослойности и полисемантической. Гибридная модель социального благополучия личности формируется таким образом сочетанием оцифрованных имиджей и реальных эталонов. Если цифровой имидж становится инструментом идентификационной подстановки в «играх» с Я, то устанавливаются новые правила комбинации социальных ценностей личности.

Социальное благополучие информационного потребительства и социального утилитаризма (польза, выгода) начинает принимать парадоксальные формы технокоммуникативных маний геймера, блогера, сайт-серфера, тиктокера и др. Слава, известность (лайки, количество друзей и подписчиков), узнаваемость, предпочтения имиджей доминируют в этой среде как маркеры социального благополучия личности. Несмотря на вариативность сетей и видов деятельности в интернете, личностная аутентичность пользователя слабо просвечивает через алгоритмическую заданность шаблонов социального благополучия субъектов деятельности. Реальная ценность личности, отражаясь в зеркале программ деятельности алгоритмическими проекциями, унифицируется значимостью результата в зазоре «из неизвестности в топ» (топ 100, топ 10), рейтингами лидеров.

Местом социализирующего обитания людей тотально становится Инфосфера – «информационная среда, конституированная информационными процессами, услугами и объектами, включающая информационных агентов с их свойствами, интеракциями и взаимными связями», – Л. Флориди¹ заключает, что люди задолго до превращения в киборгов постепенно превращаются в инфоргов – «информационные организмы, связанные с биологическими агентами и инженерными артефактами в глобальной среде – инфосфере» (цит. по: [8]).

Многочисленны философские послы тревоги по поводу пандемии цифровизации. И для этого есть убедительные основания. Результат пятилетнего проекта университетов Цюриха, Санкт-Галлена, Брандейса, Иллинойса и ETH Zurich состоит в заключении [8], что можно в массовом порядке информационно-технически, преднамеренно изменять характеристики личности людей. Возможные последствия изменения личности как выведения новых «пород» людей до сих пор считались скандально утопичными, но с тех пор, как ученые начали применять

¹ Лучано Флориди – профессор Оксфордского университета и создатель Философии информации.

психологические инструменты для структурирования свойств личности. позволили зафиксировать следующее: существует бесчисленное множество личностных характеристик. «Большая пятерка» качеств (экстраверсия, доброжелательность, добросовестность, нейротизм, открытость опыту) легла в основу эксперимента с учетом того, что в процессе жизни характеристики личности могут меняться. Поставив задачу быстро и просто изменить качества личности человека, а также задачу масштабирования процесса, исследователи получили экспериментальные результаты на 1.5 тыс. добровольцев проекта PEACH (PErsonality соACH), позволившие удовлетворительно ответить на оба вопроса. С помощью технологии преднамеренного изменения личности в рамках проекта PEACH был построен трехконтурный стратегический фреймворк взаимосвязей черт, привычек и психоэмоциональных состояний личности и установлено приложение. За три месяца воздействия программы приложения личностные черты участников изменились до неузнаваемости, что подтверждается тестами, самооценкой участников эксперимента, а также внешней оценкой их родственников, друзей. Итоговое заключение: эксперимент предоставляет самые убедительные на сегодняшний день доказательства того, что нормальные черты личности можно изменить путем вмешательства в неклинические выборки испытуемых. Авторы особо отмечают возможность масштабирования процесса на миллионах участников (условие – мотивировать людей установить приложение) [8].

Станет ли проведенное исследование переломным моментом для алгоритмического изменения личности, зависит от ответа на принципиальный вопрос: почему вообще оказалось возможным столь простое и быстрое изменение глубинных качеств людей, глубоко «защитых эволюцией» в человеческий разум? Ответ на этот вопрос состоит в смене «движка» эволюции трансформации традиционной культуры Homo sapiens в алгокогнитивную культуру [8].

Конечное заключение ученых констатирует: в XXI веке кардинально изменилась среда обитания людей и сами люди. Антропоцен – эпоха, в течение которой люди смогли придумать и развить материальные технологии до планетарного масштаба – подходит к концу. Новая эра уже началась. Если Антропоцен был эпохой технологического освоения материи и энергии, то Новацен [17] будет эпохой технологического освоения паттерна организации материи и энергии, называемого информацией. К. Мейясу указывает, что несоизмеримость человеческого и постчеловеческого прежде всего касается ценности социального благополучия личности как ценности, генерируемой сапиентностью на

протяжении эволюции человека, привычным образом данное в феноменологическом сознании [6]. Автор считает, что спекулятивные рассуждения о постчеловеке будут предположениями антропоморфного разума, «мыслящего самого себя как ресурс для постчеловеческого рывка» [11].

Цифровая трансформация вызвала к жизни множество проектов переопределения социального благополучия личности согласно различным вариантам проектирования процесса цифровизации. Это и проект социальных сетей из виртуальных личностей, проект «ботоводства», проект виртуальной памяти и др. Всех их объединяет задача идентификации человека как электронного результата интеллектуальной деятельности. Наряду с этим ученые разрабатывают модели цифровой личности без тела или «цифровое туловище» для цифровой личности. Проект цифровизации реальных людей встречает глобальное сопротивление из-за угрозы гуманизму виду Homo [3].

Построение управляемых сред показало, что наиболее эффективными являются авторитарно-развивающие гибриды, полярно соединяющие в себе порядок и хаос. Формирование гибрида личности сочетает разнородные системы ценностей, которые не способны воспринимать друг друга, что ведет к их враждебности. Синтез или синергия между ними становятся невозможными. А. Бухановский, директор ИТМО, предлагает пользоваться термином «цифровая трансформация» вместо цифровизации, объясняя процесс взрывным развитием средств сбора и хранения данных, распространением информации со скоростью, превышающей скорость интерпретации ее человеком, виртуализацией социальных процессов. Следствием цифровой трансформации становится цифровая личность.

Проблема «постлюдей» и их социальных ценностей занимает философов постгуманизма. Перспективная область исследований искусственного интеллекта набирает обороты, поскольку изучение антропологических аспектов цифровых технологий и взаимовлияния цифровой и физической среды имеет огромное значение в эпоху алгоритмизации, ставящей под вопрос онтологический статус человека. В отличие от искусственного интеллекта, социальное благополучие которого напрямую зависит от его функциональной эффективности, алгоритмизация личности реального человека связана с *posthuman turn* и идеей конца человеческой исключительности. У авторов антологии «Опыты нечеловеческого гостеприимства» Р. Брайдогги, К. Барад, Э. де Кастру и

Д. Харауэй² нет никаких сомнений в том, что в эпоху алгоритмов произойдут кардинальные изменения в самой экзистенциальной структуре человека, и эти изменения приобретут постоянный характер, то есть превратятся в «живой процесс». Авторами решается проблема проведения финальной черты разграничения человека и не-человека через усложнение, амплификацию, умножение границ и разделительных линий человеческого с выделением нечеловеческого как отдельной герметичной категории [10].

В частности, К. Бадад рассматривается мир постчеловека как интраактивность (становление взаимопроникновения) в перспективе реконфигурации границ и отношений. По мнению автора, в процесс реконфигурации человеком включена Вселенная, где человек, будучи лишь ее частью, не отличим от остальных частей. Так К. Бадад преодолевается разделение субъекта и объекта, природы и культуры, внешнего и внутреннего. Использование дифракционного метода (метода анализа влияний и взаимодействий между агентами) заменяет рефлексивную программу постгуманизма в надежде получить более точное описание реальности как недуральное становление этики. Постгуманистическая программа от К. Бадад органично вписывается в общее поле постантропоцентризма [5]. Это этика нового «включенного наблюдателя», агентность которого рассматривается в мультиагентных отношениях нового типа ответственности, а значит, благополучия.

В книге Р. Брайдотти «Posthuman» продолжает развиваться идея производства связи человека с реальностью и ощущения «границ человеческого», ведущего к растождествлению с привычкой мыслить антропоцентрично [16].

Предлагая отойти от Тезиса антропной исключительности Ж.-М. Шеффер предлагает сосредоточиться на новом понимании биологического статуса человека в свете научных открытий неисключительности человека и его разделения на природное, культурное и общественное. «Конец человеческой исключительности», по Ж.-М. Шефферу, наглядно и ярко демонстрирует варианты развития постантропоцентризма и близких к нему концепций [13]. Д. Роденом вводится общее определение постчеловека: «технологически сконструированное существо, уже не являющееся человеческим» (цит. по: [2]). Д. Роден выдвигает «тезис о разрыве»: постлюди могут быть автономными относительно своих предков благодаря технобиологическим

² Крупнейшие исследователи постфилософии, мира, природы и культуры, в которых человек больше не является центральной фигурой.

преобразованиям. В качестве постлюдей они уже не будут поддаваться определению в рамках манифестной человеческой реальности, предполагает Д. Роден [19, р. 107]. Если это так, то манифесты социального блага vs благополучия эволюционного генезиса отменяются как нерелевантные алгоритмической культуре. А без учета предыдущих стадий эволюции феномена невозможно составить целостное представление о масштабе произошедших перемен. Общество, утрачивающее базовую шкалу ценностей, обесценивающее в силу этого этические параметры личности, предпринимает в доступном ему диапазоне возможностей усилия сформировать более или менее адаптивную социальную целостность. Здесь он противостоит сторонникам «технологического улучшения человека», близкой им идее оптимистов NBIC-конвергенции. (NBIC – нано-, био-, информационные и когнитивные технологии) [13].

Российские философы М. Василенко, М. Мирошниченко в работе «Медиаэкосистемы Антропоцена: к технобиологической эмансипации. набросок theory fiction» исходят из человеческой исключительности, понимаемой ими не исключительностью *homo sapiens*, а исключительностью совокупности сущностных свойств, которые выводятся из «манифестного образа», то есть культуры. С точки зрения этих теоретиков, существует признание множественности Других, сохраняющих схематику акционизма [9]. Погружение интернет-пользователя в мир без рефлексивности опыта, то есть в аннигиляцию Времени и Другого, разрушает границы между означающим и означаемым. Исчезает грань между реальностью и гипер-реальностью, сюр-реальностью. Само понятие реальности обретает исключительно виртуальный характер. Виртуальность активно виртуализирует вызвавшего его. Так видит виртуализацию интернет-рассказчика В.Ю. Сухачев [12, с. 28]. Но все это, по-видимому, только «вечная» изнанка, «вечное возвращение», вечное признание ахронных инстанций. В.Ю. Сухачев, рассуждая о перспективах социальности личности, утверждает исчезновение времени, социальный антиэволюционизм, регресс рефлексии и наррации как передаточных механизмов эволюции, за которыми теперь стоят «не знание, сознание, мышление, а сила, желание, воля, власть, где дифференциация прошлого, настоящего и будущего просто исчезает и становится бессмысленной, есть только интенсивная а-хронность [12, с. 36]. Он подчеркивает, что невременение служит основой исчезновения нравственного оправдания или осуждения поступка. Мы вошли в ситуацию невозможности морального поступка. А так как адаптационные механизмы становления личности по мере взросления уступают механизмам самоутверждения собственной

индивидуальности, то теория информации представляет явление ориентации как метод измерения увеличения или изменения знания после получение определенного сообщения. Цифроцентризм как внутренняя социальность личности в свете теории информации описан когнитивистами и как слабо благополучный, и как благополучный. В первом случае это отсутствие избыточных знаков в сообщениях, опора на память, хранимую цифровыми носителями и с постоянно обновляющимся содержанием, ценность хранения, передачи и видеоизменения информации в соответствии с определенными правилами, промежуточная аксиология личности между антропной личностью и искусственным интеллектом. Во втором случае это знание того, что авторитетное мнение о благополучии меняет значимость объекта, несмотря на то, что объем информации при этом не меняется, информативность сообщения определяется его новизной и неожиданностью, новое и неожиданное сообщение меняет представление о ценности объекта и, следовательно, поведения. Кризис, связанный с развитием цифровых технологий, с развитием искусственного интеллекта, когда человечество все больше своих функций, своих умений передает программам, влечет за собой необходимость развития особенной ответственности и рефлексии.

Новейшие философские течения (объектно-ориентированная философия, спекулятивный реализм, новые онтологии, цифровая философия) квалифицируют структурные изменения в мышлении и психике человека, как результат очередной смены парадигмы. В итоге добродетели социального благополучия как нравственного совершенствования и самоуглубления деактуализируется, и цифровой человек «постмодно» действует по правилам информационного алгоритма. Это ведет к десинхронизации явных и неявных ценностей общества, к мультифрениции традиций, разделяемых смыслов, то есть к дезинтеграции, к нарастанию процессов социальной раздробленности и духовной опустошенности. Мнение философов разделяют и цифровые антропологи, анализирующие проблему внутренней социальности личности. Цифроцентризм социального конструирования личности определяет формы интересубъективности, в «недрах» которой происходит становление ее ценностных установок как технико-семиотических проектов. Ненаблюдаемость, неэмпиризм эндогенной теории виртуального познания побудил ее сторонников найти собственную систему аналитических координат. Выработка эндогенного языка анализа (дискурса) осуществляется в контексте человеческих отношений, в которых знание становится продуктом социального сотрудничества, а не продуктом субъектного обладания реальностью. Новая

познавательная модель эндогенного познания сводится к разработке специфических форм научного дискурса, способных генерировать новые поведенческие феномены, подтверждающие обоснованность и достоверность выдвигаемой теории. С этих позиций, социальное поведение предстает системой значений, смыслозадающих активность индивида. Влияние цифровых алгоритмов мышления на характер продуктов мышления создает широкий зазор для постановки проблемы приобретений и рисков в контексте социального благополучия личности. Зуммеры, рожденные в эпоху диджитал, мыслят глобально и считают себя конкреаторами контента, реально ориентированы на изменение мира, о чем свидетельствует кампании в сетях: «#Яжемать», «#metoo в США», всколыхнувшие все общество. Хаотичные потоки новостей формируют неврозы боязни «пропустить что-то новое» или страха остаться без мобильного телефона, создают почву для переживания неблагополучия. Сетевой буллинг и харассмент явились эпидемиями цифрового пространства, создающими широкий контент социального неблагополучия. По Р. Брайдотти, новые научные открытия сильно повлияли на практики цифрового производства – ведь люди никогда не были его «нейтральными» участниками. Р. Брайдотти предлагает критический проект постчеловеческого знания – знания, которое сможет увидеть мир во всем его «нечеловеческом» многообразии и смещении, а также в отстранении от человекоцентричной дискриминации [16]. Постгуманисты прибегают к понятию диахронной эмерджентности – возникновению свойства гиперхаоса, описание которого не может быть исчерпано описанием его составляющих и которое не актуализуется непосредственно за движением и организацией этих составляющих во временной последовательности [18].

В заключение отметим, что социокультурные стандарты общества контролируются практиками познания и моделирования шаблонов осознаваемых объектов, к которым, несомненно, относятся и компьютерные технологии. Новая цивилизация формирует сверхценность информационно успешной субъектности личности, которая структурируется успешностью скриптообразных практик. Цифровизация личности обеспечивает новый тип ориентации в окружающем мире, не сохраняя преемственности с предшествующими. Социальное благополучие гибридной личности цифровых постлюдей приобретает свойство диахронной эмерджентности. Индивидуально-личностная активность реального человечества широко представлена в цифровом пространстве Интернета видами оцифрованной деятельности, продуктом которой являются текст, визуальный образ, стратегия игры и др. Виртуальность личности в цифровом пространстве

задает двуединство поставленной цели представить архитектуру «внутренней социальности» цифроцентричной личности как силуэт на фоне ее оцифрованной деятельности и в контексте «слоистости» ее моделей перехода от социальной аналоговости к индивидуальному благополучию эвристики алгоритмов цифровой идентификации.

Библиографический список

1. *Бадад К.* Агентный реализм // Опыты нечеловеческого гостеприимства: Антология. Редакторы-составители Мария Крамар, Карен Саркисов. М.: V-A-C Press, 2018. С. 42–121.
2. *Бауэр И.* Почему я чувствую, что чувствуешь ты. Интуитивная коммуникация и секрет зеркальных нейронов. СПб: Изд-во Вернера Регена, 2009. 112 с.
3. *Бухановский А.* Экосистема цифровой личности: цифровые персоны... миньоны и покемоны: аннотация лекции на сайте «Элементы большой науки» // Лекторий Университета ИТМО [Видео] // URL: https://elementy.ru/events/438585/Lektoriy_Universiteta_ITMO_Aleksandr_Bukhanovskiy_Ekosistema_tsifrovoy_lichnosti_tsifrovye_persony_miniony_i_pokemony
4. *Веденева Н.* Цифровые права граждан будет защищать Игорь Ашманов // Информационно-аналитическое агентство «Телеком-Дэйли» 17 ноября 2020 г. 18.39 [Электронный ресурс] // URL: <https://tdaily.ru/news/2020/11/18/cifrovye-prava-grazhdan-budet-zashchishchat-igor-ashmanov>
5. *Думинская М.В.* Феномен благополучия в контексте экзистенциально-онтологического осмысления // Векторы благополучия: экономика и социум, 2019. № 1 (32). С. 93–105.
6. *Карелов С.* Инфорги Новацена. Результаты первого в мире проекта алгоритмического изменения личности // Медиум. Где хорошие идеи находят тебя [Электронный ресурс] // URL: <https://sergey-57776.medium.com/%D0%B8%D0%BD%D1%84%D0%BE%D1%80%D0%B3%D0%B8-%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D1%86%D0%B5%D0%BD%D0%B0-f3df0141cca8>
7. *Майоров А.В., Волкова А.М., Потанов А.Д.* Исследование взаимодействия человека с технологиями: киберантропология и ее проблемное поле // Вестник Ленинградского государственного университета им А.С. Пушкина, 2020. № 1. С. 185–199. [Электронный ресурс] // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-vzaimodeystviya-cheloveka-s-tehnologiyami-kiberantropologiya-i-ee-problemnoe-pole>
8. *Мейясу К.* После конечности. Эссе о необходимости контингентности. Екатеринбург; Москва: Кабинетный ученый, 2015. 196 с.
9. *Мирошниченко М., Василенко Н.* Медиаэкосистемы Антропоцена: к технобиологической эмансипации (набросок theory fiction) // Транслит, 2018. № 21. С. 124–140.
10. Опыты нечеловеческого гостеприимства: Антология. Редакторы-составители Мария Крамар, Карен Саркисов. М.: V-A-C Press, 2018. 336 с.

11. *Строкин П., Мирошниченко М.* Как жить по-постчеловечески // Новое литературное обозрение, 2019. № 4.
12. *Сухачев В.Ю.* История без субъекта // Метафизические исследования. Выпуск 3. История. Альманах Лаборатории Метафизических Исследований при философском факультете СПбГУ. 1997. С. 28–42.
13. *Шеффер Ж.-М.* Конец человеческой исключительности. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 392 с.
14. *Шкуратов В.А.* Новая историческая психология. Ростов н/Д.: Южный федеральный университет, 2009. 208 с.
15. *Штомпка П.* Социология социальных изменений / Пер. с англ. под ред. В.А. Ядова. М.: Аспект Пресс, 1996. 341с.
16. *Braidotti R.* Posthuman. Cambridge: Polity Press, 2013. 180 p.
17. *Lovelock J., Appleyard B.* Novacene: The Coming Age of Hyperintelligence. Allen Lane, 2019. 160 p.
18. *Negarestani R.* Intelligence and Spirit. Falmouth, 2018. P. 95–108.
19. *Roden D.* Naturalising Deconstruction // Continental Philosophy Review. 2005. Vol. 38. № 1. P. 71–88; Idem.

УДК 159.923.2

ВОЗМОЖНЫЕ «Я» В УСЛОВИЯХ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ: ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

А.В. Баранова

*ФГБОУ ВО «Рязанский государственный
медицинский университет»*

В статье излагаются теоретические положения, служащие базисом для выдвижения гипотезы о возможности рассмотрения в условиях ситуации выбора как ситуации неопределенности такого компонента Я-концепции как возможные Я. Предполагается, что возможные Я и их стратегии реализации выступают как путь принятия и изменения ситуации неопределенности. Обосновывается необходимость дальнейшего изучения роли эмоционально-когнитивной оценки ситуации неопределенности, соответствующего ей социального контекста и наличествующих актуальных ценностей личности в работе данного механизма.

Ключевые слова: возможные Я, Я-концепция, неопределенность, ценности.

POSSIBLE SELVES UNDER UNCERTAINTY: PROSPECTS FOR RESEARCH

A.V. Baranova

Ryazan State Medical University

The article sets out the theoretical provisions that serve as the basis for the hypothesis of the possibility of considering such a component of the self-concept as possible self. It is assumed that the possible selves and strategies to implement them act as a way of taking uncertainties and changing situation. The necessity of further study of the role of the emotional-cognitive assessment of the situation of uncertainty, the corresponding social context and the existing actual values of the individual in the work of this mechanism has been substantiated.

Key words: possible self, self-concept, uncertainty, values.

Современный мир все чаще диктует личности условия, в которых невозможно спрогнозировать ход их развития: человек сталкивается с неполной информацией о предстоящих или происходящих изменениях в окружающем мире, что выдвигает дополнительные трудности для определения дальнейшего хода жизни, планирования и регулирования деятельности. Подобная неопределенность может характеризовать как конкретную трудную жизненную ситуацию, так и подразумевать достаточно широкий круг явлений действительности и реакций на них. Таким образом, условия неопределенности составляют характеристику не только внешнего объективного мира, но также субъективного: переживание отсутствия целостного видения ситуации и понимания ее смысла, принятие или не принятие нестабильности и изменчивости. [1, с. 10].

Неопределенность создает многообразие возможных вариантов развития ситуации и субъективных выборов, которые могут быть в ней совершены и которые в различной степени осознаваемы самим субъектом. Здесь следует упомянуть о субъективной неопределенности как эмоционально-когнитивные оценке (О.К. Тихомиров), изменяющейся в процессе осуществления выборов, включенных в стратегию решения общей ситуации [2, с. 49], и зависящей от таких внутренних параметров, как когнитивный компонент (образ ситуации, интеллект), опыт, личностно-мотивационный компонент и планирование [3, с. 27–28]. По мнению Т.П. Бутенко, основным субъективным фактором, который определяет отношение субъекта к неопределенным жизненным ситуациям, следует считать их разделение по характеристике создаваемых возможностей: создаются преимущественно благоприятные или же возникают риски ухудшения ситуации [4, с. 25].

Возможное в этом плане всегда потенциально, что предполагает свободу выбора личности из широкого веера вероятных событий на основе, в первую очередь, внутренних детерминант, а также внешних, преломленных в сознании индивида. И те варианты, которые доступны для осознания, представляются альтернативами, имеющими разную степень вероятности воплощения в действительность и так же неоднозначно

зависящими от деятельности субъекта. Продуктивность выборов в зависимости от содержательных характеристик неопределенности связывается с различными компонентами Я-концепции. Я-концепция как система представлений субъекта о самом себе соединяет в когнитивный и оценочный аспекты и динамично складывается в результате развития самосознания личности, углубленного понимания и познания себя, своего поведения в различных ситуациях. Альтернативные варианты возможного развития самого себя в будущем, на наш взгляд, могут быть отнесены к категории представлений о возможном себе как части Я-концепции – к категории возможного Я.

Часть Я-концепции, ориентированная в поле возможного, выделяется в отдельный конструкт, представляющий собой персонализированные компоненты надежд, целей, страхов, потенциала личности в целом, отражающие как желаемые, так и избегаемые субъектом варианты его возможного становления, и тесно связанные с мотивацией. [5, с. 954] Возможное Я может пониматься как такая часть Я-концепции, которая содержит в себе субъективный опыт присутствия в потенциальной жизненной ситуации и воплощает в себе возможные последствия того или иного выбора личности. [6, с. 129] Это определение сближает данный конструкт с пониманием ситуации неопределенности как ситуации выбора в том плане, что представляет собой предвосхищаемый результат того или иного выбора.

Говоря о выборе, Т.В. Корнилова подчеркивает, что в случае выбора субъект сохраняет определенную степень произвольности как в оценке альтернатив, так и в самоопределении относительно актуальных для него ценностей, так как выбор предполагает определенные последствия для самого человека. Ценности выступают компонентом высшего уровня личностной регуляции и условием формирования готовности принимать неопределенность как условие своего выбора. [2, с. 56] В проведенном ранее исследовании [7, с. 136] была установлена связь между гибкостью как компонентом осознанной саморегуляции личности и субъективно воспринимаемой вероятностью реализации стратегии избегания нежелательного возможного Я, однако ценностный аспект не рассматривался. Исследуя возможные Я в контексте ситуации неопределенности как ситуации выбора, таким образом, мы можем обнаружить ценностный аспект мотивации выбора той или иной возможности.

Возможные Я могут отличаться различной степени проработанности и реалистичности. Одним из важных критериев их соответствия

действительности и вероятности воплощения становится наличие стратегии достижения или избегания данной возможности. В исследовании, проведенном Д. Ойзерман и ее коллегами [8, с. 185], было показано, что эффективные возможные Я, выполняющие регулирующую функцию, содержат в себе стратегию реализации, не противоречащую социальному контексту и характеризующуюся как субъективно нормативную по сложности. Результаты эмпирических исследований показали, что, с одной стороны, положительные, желаемые возможные идентичности более мотивируют, чем отрицательные в контекстах ситуаций, успешный исход которых кажется более вероятным. С другой стороны, отрицательные, нежелательные возможные идентичности более мотивируют, чем желаемые в контексте ситуаций, исход которых представляется скорее неудачным для индивида. Авторы считают, что позитивные и негативные будущие идентичности мотивируют к изменениям своего поведения и своей активности в настоящем для их достижения только в том случае, если они ощущаются соответствующими контексту наличествующей ситуации.

Таким образом, подчеркивается значимость субъективного восприятия контекста ситуации неопределенности, особенно социального, в формировании эффективной стратегии достижений и избегания предполагаемых возможностей. Эти результаты согласуются с итогами уже упомянутого выше исследования Т.П. Бутенко, где общая стратегия поведения в ситуации неопределенности в зависимости от эмоционально-когнитивной оценки ее источников формируется сочетанием двух противоположных тенденций: стремления поступить шаблонно, отказавшись от самопроявления в виду его рискованности и стремления проявить в ней индивидуальный стиль совладания, свои интересы и склонности. И здесь нам представляется рациональным добавить также дополнительный, не изученный автором данного исследования компонент – ценности личности и их субъективную значимость.

Таким образом, в условиях ситуации выбора как в условиях ситуации неопределенности актуальные возможные Я и их стратегии реализации выступают как путь принятия и изменения неопределенности, при этом значимую роль здесь играет эмоционально-когнитивная оценка ситуации неопределенности, соответствующего ей социального контекста и наличествующих актуальных ценностей личности.

Библиографический список

1. *Дорожкин А.М., Соколова О.И.* Понятие «Неопределенность» в современной науке и философии // Вестник ВятГУ, 2015. №12. С. 5–12. [Электронный ресурс] // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-neopredelennost-v-sovremennoy-nauke-i-filosofii> (дата обращения: 12.06.2021).
2. *Корнилова Т.В.* Неопределенность, выбор и интеллектуально-личностный потенциал человека (в развитие смысловой теории мышления) // Методология и история психологии, 2009. Том 4. Выпуск 4. С. 47-59.
3. *Чумакова М.А.* Личностные предпосылки рационального выбора в условиях неопределенности. Автореф. дис. на соиск. ... канд.психол.наук. М., 2010. 31 с.
4. *Бутенко Т.П.* Субъективная неопределенность жизненных ситуаций: когнитивно-эмоциональные оценки и стратегии поведения. Автореф. дис. на соиск. ... канд.психол.наук. М., 2009. 28 с.
5. *Markus H., Nurius P.* Possible Selves // American Psychologist, 1986. Vol. 41. № 9. Pp. 954–969.
6. *Костенко В.Ю., Гришутина М.М.* Невозможное я: предварительное исследование в контексте теории Хейзел Маркус // Пензенский психологический вестник, 2018. №1. С. 126–148. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nevozmozhnoe-ya-predvaritelnoe-issledovanie-v-kontekste-teorii-heyzel-markus> (дата обращения: 01.06.2021).
7. *Баранова А.В., Яковлева Н.В.* Возможные я и особенности саморегуляции в контексте субъективного восприятия времени // Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие, 2020. №3. С. 327–337. [Электронный ресурс] // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vozmozhnye-ya-i-osobennosti-samoregulyatsii-v-kontekste-subektivnogo-vospriyatiya-vremeni> (дата обращения: 19.06.2021).
8. *Oyserman D., Destin M., Novin S.* The context-sensitive future self: possible selves motivate in context, not otherwise // Self and Identity, 2015. Vol. 4, №2. Pp.173–188.

УДК 316.628.6

ПРОБЛЕМА ЛИЧНОЙ ИНИЦИАТИВЫ ВОЕННЫХ КАДРОВ В КОНТЕКСТЕ НЕОБХОДИМОСТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ НЕОПРЕДЕЛЁННОСТИ В СИТУАЦИЯХ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ

Е.Г. Вапилин, О.Д. Мулява

Михайловская военная артиллерийская академия

На основе историко-социологического и психолого-педагогического подходов в статье рассматриваются взгляды на личную инициативу в военное время и проблемы её формирования у курсантов в высшей военной школе в настоящее время.

Ключевые слова: неопределённость, трения войны, инициатива, противоречие, поощрение, запрет, воля, творчество, профессионализм, преподаватель, психолого-педагогический, компетентностный подход.

THE PROBLEM OF PERSONAL INITIATIVE OF MILITARY PERSONNEL IN THE CONTEXT OF THE NEED TO OVERCOME UNCERTAINTY IN WARTIME SITUATIONS

E.G. Vapilin, O.D. Mulyava
Mikhail's military artillery academy

The article considers the views on personal initiative in wartime on the basis of historical-sociological and psychological-pedagogical approaches. The conditions for the formation of personal initiative among cadets in the higher military school are analyzed.

Keywords: uncertainty, friction of war, initiative, contradiction, encouragement, prohibition, will, creativity, professionalism, teacher, psychological and pedagogical, competence approach.

Тема выживания человека и общества в условиях кризисов и растущей неопределённости особенно актуальна для армейского социума в силу специфики военной профессии, зачастую связанной с риском для жизни, неясностью обстановки в условиях боевых действий. В статье эта проблема рассматривается в контексте частной (личной) инициативы военнослужащих и возможного вклада системы военного образования в её формирование. Данная статья является продолжением, уточнением, развитием публикаций авторов по этой теме ([2, с. 120]; [3, с. 430]).

На наш взгляд, предмет статьи может быть интересен и полезен не только интересующимся соответствующими проблемами военной теории и практики, но и работающим в иных, невоенных координатах и в не таких сравнительно узких – военных масштабах поднимаемой проблемы. В подтверждение сошлёмся на труд видного отечественного военного теоретика А.А. Свечина (1878-1938), в книге «Стратегия», изданной в 1927 году, он писал: «Только на основе широкого развития инициативы в гражданском обществе может существовать инициатива и в армии» [5, с. 220].

Исходя из этой мысли, сделаем, на наш взгляд, логичное предположение, что оценка развития инициативы в армии по принципу системы сообщающихся сосудов может служить в какой-то степени

индикатором для верификации способности общества преодолевать неопределённость в ситуациях, не связанных с военной службой.

Теоретические взгляды на заявленную проблему авторы использовали для социологического анализа взглядов курсантов-артиллеристов на инициативу на уровне мнений, оценок и психологических установок. В качестве респондентов были избраны курсанты выпускных курсов, а также частично офицеры из войск тактического звена. Использованная выборка представляет особый интерес, поскольку избранная нами социальная группа молодых людей полностью сформировалась в России, развивающейся в новой системе координат государственного и общественного строя и обновлённых духовных ориентиров.

В России впервые проблема личной инициативы вызвала повышенный интерес в Российской империи. Пика внимания к ней и заинтересованности в её решении она достигла по итогам русско-японской войны 1904-1905 годов. Одним из свидетельств этого внимания стало окончательное закрепление в военных и политических кругах России фразы, ставшей впоследствии лозунгом: без инициативного солдата и матроса невозможен успех в современном бою.

В военно-теоретической мысли того времени феномен личной инициативы рассматривался как духовное начало и особый род самостоятельной деятельности, нацеленной на более эффективное решение задачи, поставленной вышестоящим командиром и начальником с учетом конкретной обстановки. Это определение можно считать классическим. Его появление, а затем и закрепление термина «инициатива» в нормативных актах военного ведомства России и других стран отразило осознание значимости для исхода боя нейтрализации ситуации неопределённости в ходе боевых действий. Синонимом термина «неопределённость» в рассматриваемом контексте явилось в то время понятие «трения войны», введённое в научный оборот видным военным теоретиком К. фон Клаузевицем (1780–1831). Сущность этого понятия он сформулировал как сумму непредвиденных обстоятельств, затруднений, отличавших реальную войну от учений и маневров, жизненную практику от кабинетных представлений.

В эволюции инициативы можно выделить три основные тенденции. Потребность в проявлении военными инициативы неуклонно возрастала по мере усложнения боевых действий: роста и расширения их масштабов на суше по фронту и в глубину, динамичности развития обстановки, быстрого изменения ситуации на поле боя как следствие появления новых видов вооружения и военной техники. Эти процессы

сопровождались изменениями в боевых порядках войск, обновлением тактики ведения боевых действий. Так, если на ранних этапах развития военного дела содержание понятия «чувство локтя в бою» определялось физическими ощущениями, то в последующем это чувство было дополнено и даже полностью заменено опосредованным ощущением такого единства. Появление нового варианта «чувства локтя» было вызвано, рассредоточением боевых порядков и стало возможным благодаря появлению технических средств связи, а главное - единством понимания замысла старшего начальника и вероятных вариантов действий, формируемых единством программы обучения и воспитания военных кадров. На высшем уровне, в масштабе армии потребность такого единства была обеспечена созданием единой военной доктрины. В России дискуссия об её необходимости началась в среде военной интеллектуальной элиты на рубеже XIX- XX веков.

Другая тенденция заключалась в расширении круга лиц, для которых проявление инициативы становилась нравственной и должностной обязанностью. Однако, сближаясь с должностными обязанностями, проявление инициативы в конечном итоге было ограничено рамками не всякой, а именно разумной инициативы. Этим фактическим предостережением объективно задавались повышенные требования к личности военнослужащего, уровню его развития. Одновременно военнослужащие предостерегались от легкомысленного отношения к несанкционированным действиям. Все эти ограничения определялись особым пиететом в армии перед воинской дисциплиной и субординацией – одной из системообразующих армейских традиций. Конфликт между инициативой и нормами дисциплины возникал главным образом на границе объема и содержания проявляемой самостоятельности. Поэтому границы личной инициативы очерчивались требованием ее проявления в контексте замысла старшего начальника. Иной вариант расценивался как своеволие и самоуправство.

Расширение круга лиц, имеющих право на инициативу, шло сверху вниз по ступеням должностной иерархии: от высших военачальников до солдат. В этом процессе можно выделить другую закономерность: чем более высокую должность занимал военнослужащий, тем больше самостоятельности он мог и должен был проявлять и большей важности вопросы решать самостоятельно.

В трудах военных теоретиков России, в частности А.К. Байова (1871–1935), были описаны два варианта видов инициативы: относительно ограниченной, когда лицо, обладающее ресурсами, самостоятельно

определяет способ их использования для достижения поставленной свыше цели с наименьшими усилиями и жертвами; более широкой, когда в динамике боя нет возможности оперативно получить указания от старшего начальника, и военнослужащий сам избирает способ действия и даже ставит себе новые цели, но при условии, что они не противоречат замыслу старшего начальника [1, с. 3].

Теоретическое осмысление проблемы инициативы и стремление соединить теорию с войсковой практикой неминуемо заставило и по-прежнему заставляет обратиться к теме профессионального облика личности военнослужащего и ответить на вопрос, насколько он готов и заинтересован проявлять инициативу, что ему мешает занять активную жизненную позицию на военной службе? Как организовать обучение и воспитание военнослужащих, чтобы они отвечали требованиям нового времени?

Эти проблемы с разной степенью успеха решались на различных этапах военной истории в том числе стихийно, как это произошло в годы Гражданской войны 1918–1920 годов с её партизанскими методами ведения боевых действий и как следствие – зашкаливавшей за пределы разумного инициативой. Напротив, в приказах по военному ведомству на рубеже 1920-х – 1930-х годов отмечается другая крайность: проблема с проявлением инициативы в армии. Она обострилась в конце 1930-х годов во время репрессий против участников так называемого «военного заговора». Советско-финляндская война 1939–1940 годов подтвердила, насколько остро встала проблема личной инициативы. Так, выступая перед участниками совещания 1940 года, И.В. Сталин утверждал, что для современной войны требуются «хорошо обученные, дисциплинированные бойцы, инициативные», однако «у нашего бойца не хватает инициативы» [5, с. 116]. И.В. Сталин не был оригинален, обратив внимание на психолого-педагогический аспект проблемы личной инициативы в армии. Методологически этот подход был разработан ещё в императорской русской армии и развивался как в СССР, так и в постсоветской России. Из этих разработок вытекает, что проявление личной инициативы как в фокусе концентрирует в себе такие качества личности, как знание профессии, воля, способность к творчеству, высокие морально-политические качества служения Отечеству, физическое здоровье. Эти качества формируются на уровне армейской социальной среды и индивидуальной работы с военнослужащими. Во многом они закладываются в системе высшего военного образования.

Авторы попытались понять, насколько эффективно она решается в системе подготовки курсантов ракетных войск и артиллерии на современном этапе. Из возможных источников информации для ответа на этот вопрос авторы воспользовались возможностями анкетирования. Итоги опроса оказались противоречивыми. Суть главного из них – в понимании подавляющим большинством курсантов роли инициативы на военной службе, но в отсутствии интереса, готовности или возможности её проявлять по различным причинам и мотивам [3, с. 435].

Большинство опрошенных – 61 %, считают проблему личной инициативы актуальной; 14,5% курсантов отметили, что эта проблема их интересует. Однако это заявление оказалось не подкреплённым знанием теории инициативы. У ряда курсантов оказалась завышенной самооценка понимания сути и факторов проявления инициативы. Так среди базовых качеств, представляющих условие проявления инициативы, на ранговой шкале они первое место отдали ответственности. В тройку лидеров ответов также вошла уверенность (у курсантов из гражданской молодёжи – 2-е место, «военной» группы – на 3-м месте). Обе группы курсантов также выделили целеустремлённость и решительность. Только на 6 месте оказалась близкая, но не тождественная профессионализму образованность. Судя по всему, известная армейская мудрость – «Дурак с инициативой опаснее врага», – респондентам не известна, либо не утвердилась в их сознании на уровне, достойного военного профессионала. Приоритет дисциплины над креативностью на шкале о рангах качеств личности оправдан. Однако понятие креативность и его синонимы для курсантов «военной» группы вообще в основном оказалось терра-инкогнито. Самое неприятное, что курсанты не связывают инициативу с морально-психологическими и морально-политическими качествами.

В ходе опроса выявился также четырёхкратный разрыв между интересом к проблеме инициативы и возможностью её проявления. Только 14 % всех курсантов удовлетворены такой возможностью, среди «военной группы» таковых на 4% больше. Выражая неудовлетворённость возможностью проявления инициативы, курсанты тем не менее в большинстве – до 82,5% признают легитимность крылатой фразы: «От службы не отказывайся, на службу не напрашивайся». 21% курсантов одновременно отметили и оценку «Инициатива наказуема»; 14,5 % отметили, что в «В современной армии мало места для проявления инициативы. Ценность разумной инициативы с 17,5 % занимает только третье место в выборе респондентов. У «военной группы» она выше и достигает 22,5 %. Но у курсантов той же «военной группы» в два раза

больше респондентов, считающих, что в современной армии мало места для проявления инициативы (34 % против 17 %).

Довольно скептическая оценка возможности проявления инициативы разрушается, когда курсанты дают ответ на открытый вопрос в чем проявляется инициатива курсантов? Оказывается, поле для её проявления достаточно широкое, но не всем, судя по всему, по силам. Курсанты назвали научную работу, рационализаторскую работу и предложения, написание конкурсных работ, участие в создании учебно-материальной базы. Разумны упоминания о проявлении активной жизненной позиции, связанной поддержанием воинской дисциплины, исходя из принципа войскового товарищества, организации культурно-массовой, спортивной работы. В анкетах встречаются и достаточно простые упоминания о проявлении инициативы, например, своевременно подал команду начальнику». Но это элементарное требование устава.

При всей критичности в отношении к ответам курсантов, следует согласиться, в том числе с мнением экспертов – опытных офицеров, что в ходе учёбы круг проявления инициативы уже, чем на службе. Вызывает сожаление, что 64% опрошенных на шкале отсутствие возможностей заявить о своих идеях. Среди курсантов «военной» группы так считают 74 %. На втором месте оказалась высокая степень вероятности, что реализовать идею придётся самому. Таковых соответственно 55 % и 58 %. Авторитарный стиль деятельности командования, чрезмерная опека со стороны командиров соответственно 52 % и 53 %. И последняя причина, существенно влияющая на пассивность при проявлении инициативы, это отсутствие служебного опыта и знаний.

Таким образом, в рамках исследования проблемы личной инициативы курсантами подавляющее большинство курсантов осознают актуальность проблемы инициативы, значительная часть из них готовы проявлять инициативу, но заметно меньше видят путь, как реализовать своё желание. Обращает внимание, что из ответов респондентов не просматривается возможность проявить инициативу в ходе учебных занятий, хотя она существует. Нельзя признать разумной чрезмерную опеку командного состава над курсантами четвёртого – пятого курсов. Логичнее ожидать изменения стиля работы с курсантами-выпускниками. Доверие считалось ведущей традицией военно-учебных заведений Российской империи, в том числе Михайловской артиллерийской академии. Эта традиция достойна внимания и современных педагогов. Очевидно, желательно обратить внимание на поощрение инициативы курсантов в ходе учебных занятий, чтобы это понятие крепко вошло в их сознание, как,

например, храбрость, войсковое товарищество. Опытные педагоги находят и видят такую возможность. Принципиально важно осознавать, что создание условий курсантам для проявления инициативы может стать важной формой их профессионального формирования, в том числе воспитания у них уверенности в своих силах.

Проверенная временем практика формирования личности военного профессионала, способного проявить инициативу, предполагает создание условий для развития у него творческих способностей, готовности следовать идеалам воинской чести и долга, способности мастерски владеть оружием, способностью решать профессиональные задачи более широкого круга, чем прямые должностные обязанности, готовностью и способностью к самообразованию. В этой связи заслуживают критики предложения упростить высшее образование до формирования простого исполнителя, обладающего суммой профессиональных навыков. Это уже даже не отказ от знание–ориентированного, а компетентного подхода в его идеальном варианте и развивающего обучения, как базы опережающего обучения. Для подготовки офицеров, способных решать задачи в условиях неопределённости, упрощение образования принесёт только вред, в том числе потому, что противоречит тенденции возрастания роли инициативы в военном деле.

Библиографический список

1. *Баиов А.* Необходимая воинская добродетель. Вестник Военных Знаний. Сараево. 1929. № 3. С. 3–7.
2. *Вапилин Е.Г.* Необходимость проявления личной инициативы на поле боя как урок Советско-финляндской войны 1939–1940 гг. // 80 лет начала Советско-финляндской войны 1939–1940 гг.: Сборник науч. статей / Сост. С.Н. Ковалев, полковник Э.Л. Коршунов. М.: ВАГШ ВС РФ, 2020. С. 114–121.
3. *Вапилин Е.Г., Мулява О.Д.* Взгляды курсантов старших курсов на личную инициативу в служебной деятельности // Развитие военной педагогики в XXI веке: Материалы VIII Межвузовской научно-практической конференции. ВАС. СПб., 2021. С. 430–435.
4. *Кокошин А.А.* Политология и социология военной стратегии. М.: ЛЕНАНД, 2018. 171 с.
5. *Свечин А.А.* Стратегия. М.: Абрис, 2020. 250 с.

**ФЕНОМЕН СОЦИАЛЬНОЙ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ В
КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ФИЛОСОФСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ (К ИСТОРИИ ПРОБЛЕМЫ)**

В.В. Васильев

Самарский филиал ГАОУ ВО

«Московский городской педагогический университет»

В статье рассматриваются методологические подходы к изучению предпосылок возникновения и развития феномена социальной неопределенности, акцентируется внимание на различных характеристиках этого явления и констатируется его однозначные последствия для личности и общества в целом. В статье отмечается, что философский анализ проблематики социальной неопределенности, используя инструментарий постнеклассической науки, позволяет сформировать всестороннее представление об этом сложном феномене.

Ключевые слова: социальная неопределенность, философский подход, социальный прогресс, постнеклассическая методология, нелинейность, социально-психологические аспекты, типология, информация.

**THE PHENOMENON OF SOCIAL UNCERTAINTY IN THE CONTEXT
OF MODERN PHILOSOPHICAL RESEARCH
(TO THE HISTORY OF THE PROBLEM)**

V.V. Vasiliev

Samara branch of the State Autonomous educational institution

of Moscow «Moscow city university»

The article examines methodological approaches to the study of the prerequisites for the emergence and development of the phenomenon of social uncertainty, focuses on the various characteristics of this phenomenon and states its unequivocal consequences for the individual and society as a whole. The article notes that the philosophical analysis of the problem of social uncertainty, using the tools of post-non-classical science, allows you to form a comprehensive understanding of this complex phenomenon.

Keywords: social uncertainty, philosophical approach, social progress, post-nonclassical methodology, nonlinearity, socio-psychological aspects, typology, information.

К настоящему моменту в рамках исследований феномена социальной неопределенности отечественными и зарубежными учеными не существует

консенсуса относительно определения социальной неопределенности и характера ее взаимосвязи и влияния на различные сферы жизни общества.

Проведенный анализ литературы по проблеме позволил выделить несколько методологических подходов к изучению предпосылок возникновения и развития феномена социальной неопределенности, а также ее возможного влияния на социум, которые акцентируют внимание на различных характеристиках этого явления и констатируют не однозначные последствия для личности и общества в целом.

К этим подходам относятся социологический, философский, социально-психологический и синергетический. Результаты анализа данных подходов позволяют сделать вывод о том, что социальная неопределенность – сложный и неоднозначный феномен, по-разному проявляющийся на индивидуальном и социальном уровне и интегрирующий в себе социальные и психологические компоненты. На возникновение и уровень социальной неопределенности оказывают влияние экологическая среда, государственная социально-экономическая политика, личность и т.д.

Толкование рассматриваемого нами феномена не однозначно в зависимости от предмета исследования, что демонстрирует широкий диапазон понимания данного явления. Отмеченная дифференцированность требует глубокого системного анализа и научного осмысления самого понятия при соотнесения различных сторон и компонентов феномена с целью установления его неизменной смысловой структуры.

Социальная неопределенность, выступая как качественная характеристика общества фиксирует состояние социума в целом, в единстве его различных сторон, ни одну из которых невозможно исследовать, не выходя за рамки той или иной парадигмы, что и приводит к необходимости философского подхода. Именно он позволяет преодолеть разобщенное понимание, складывающееся из обособленных и частных аспектов и предполагает концентрацию внимания на общих сущностных проявлениях исследуемого социального явления. В.С. Диев отмечает: «При философском подходе становится возможным формирование понятий и категорий, которые позволяют обеспечить выход за рамки узко дисциплинарных способов понимания и осмысления решаемых проблем. Не менее важно, что он может обладать и определенными прогностическими возможностями» [12, с. 4].

Таким образом, социально – философский анализ проблематики социальной неопределенности, представленный научному сообществу в последние несколько десятилетий в трудах отечественных исследователей

позволяет выйти за пределы узких социологических теорий и сформировать всестороннее глубинное представление об этом сложном феномене, используя весь инструментарий постнеклассической науки.

Понимание неопределенности в качестве философской категории, было закреплено в статье Р.Т. Яровиковой, посвященной принципу неопределенности и прогнозу развития социально-экономических систем. На основании анализа противоречий между определенностью и неопределенностью, автором подтверждалась данная характеристика феномена неопределенности, отмеченная превращением многообразия возможностей в действительность; наличием связей, взаимодействием между свойствами и состояниями явлений, отсутствием резких граней между ними [22, с. 35].

Проблематика неопределенности, рассматривалась в рамках ряда методологических подходов: онтологического гносеологического, антропологического, аксиологического и др., что нашло отражение в работе В.О. Фабера, посвященной неопределенности в структуре философского знания. Исследователь пришел к выводу, что неопределенность является неотъемлемым, при этом неоднозначно оцениваемым, элементом бытия человека, как социального феномена, оказывающая влияние на него в контексте взаимосвязи прошлого, настоящего и будущего [21].

Неоднозначность оценки объективной неопределенности, являющейся неотъемлемым компонентом любых социальных взаимодействий, заключается в том, что она осложняет задачу прогнозирования. Но, при этом, В.С. Веселкова считает, что неопределенность не препятствует общественному развитию, с одной стороны, создавая необходимые условия для существования структур и субъектов, стремящихся упорядочить свою деятельность, с другой – не позволяет обществу уподобиться раз и навсегда заведенному механизму [7].

Л.В. Баева так же подходит к пониманию неопределенности социальной системы как объективного явления, возникающего под воздействием науки и инноваций, и сопровождающего вхождение человечества в информационную эпоху [4].

Соглашается с известными отечественными мыслителями С. Франком и Вл. Соловьевым об изначальной объективной стороне неопределенности и значительными трудностями ее преодоления Г.С. Киселев. По его мнению, природные и социально-экономические процессы, характеризующиеся изначальной неопределенностью связей и отношений, социальным неравенством и т.д., становится средой,

необходимой для осознания людьми своей личной ответственности и предназначения по совершенствованию мира в специфически человеческом смысле через отрицание природного (зла, хаоса) и создание нового (добра, космоса). «Существенно ограничить отчуждение, вызванное подавлением природной стороной индивида его духовной стороны, и, следовательно, обеспечить подлинный прогресс мог бы только гарантированный нравственный рост подавляющего большинства индивидов, составляющих социум» [16, с. 5].

Наибольшей эффективности социально-философский анализ неопределенности достигает через рассмотрение противоречий и противопоставления определенности и неопределенности.

Посвященная дихотомии «определенность – неопределенность» в социальном познании диссертация В.С. Веселковой раскрывает специфику этого феномена в соотношении с понятиями социального кризиса, вариативности социального прогресса и сложностью выбора в условиях ускорения изменений в социальной действительности [7].

В.С. Диев, констатируя диалектическое единство определенности и неопределенности человеческого бытия, сформулировал оригинальную типологию неопределенных состояний, использование которой должно обуславливать принятие управленческих решений [11, с. 6].

Неопределенность рассматривается как необходимый уникальный феномен, позволяющий более полно понять существующую социальную реальность, сформировавшуюся в результате отдельных связей всего многообразия элементов, и, как уже отмечалось, не препятствующий общественному развитию.

Анализируя трактовки феномена неопределенности и идей космизма А.А. Грякалов, и К.В. Преображенская, подчеркивают, что классическая методология, понимающая неопределенность через «что-то другое», престаёт определять ее современный статус. Неопределенность должна пониматься как самостоятельная значимая единица, а не аналог других единиц существования.

Признавая онтологический характер неопределенности, который подтверждается историческим фактами социальных событий и действительностью сакрального мира, исследователи обращаются к проблематике преодоления постмодернистского релятивизма [10, с. 25].

Согласно взглядам авторов, именно идеи космизма наиболее полно отвечают интересам социальных субъектов в понимании роли неопределенности для группового и личностного самоосуществления [10, с. 23].

В настоящее время, для большинства исследователей не вызывает сомнения необходимость при анализе феномена неопределенности опираться на постнеклассическую научную парадигму. Социальная неопределенность рассматривается, как характеристика нелинейных, динамичных и вариативных социальных процессов, маркерами которых выступают такие дефиниции как кризис, прогресс, ускорение, модернизационные трансформации.

О.В. Колесова считает важным понимание неравновесности современного общества, как источника ее потенциального преодоления. Данную характеристику, автор обосновывает постнеклассической парадигмой целостного восприятия человеком мира и его пониманием своей роли в нем [17, с. 184].

Анализируя феномен научной неопределенности С.М. Сучкова, рассматривает его не как условие, а как самостоятельное явление, как неотъемлемую характеристику нелинейного развития широкого класса систем, проявляющегося в процессах перехода, выбора, становления, что также соответствует концепции постнеклассического детерминизма. Становление данной парадигмы, по мнению исследователя, привело к тому, что неопределенность социальных состояний стала предметом познания в русле теории динамических систем, к которым относится общество, его экономические, политические и другие сферы, обладающие свойствами открытости, нестабильности и нелинейного развития [19, с. 9].

А.М. Дорожкин и Т.А. Пакина, основываясь на постнеклассической методологии, с одной стороны, характеризуют неопределенность как необходимую характеристику любого реального нелинейного процесса развития, с другой, как следствие множественности возможных состояний, приводящей к постоянному выбору между ними [15, с. 154].

Рассматривая социальную неопределенность как динамичный, изменчивый феномен, проявления которого могут усиливаться или ослабевать под воздействием различных факторов, исследователи подчеркивают важность характеристик времени. Хронологическая линия нарастания неопределенности «прошлое, настоящее и будущее» нашла подтверждение в работе А.М. Анисова, который, ссылаясь на выводы Аристотеля, приходит к заключению о неопределенности будущего, в отличие от определенности событий прошлого, с которыми человек легко смиряется [1]. Изменение же уровня неопределенности, по мнению А.М. Дорожкина и Т.А. Пакиной, обуславливается многоуровневой структурой бытия [15, с. 154].

Информация и электронной культура, согласно концепции Л.В. Баевой, несут в себе мощный потенциал нестабильности, который выражается в либеральности и дескриптивности. Информацию, как фактор снижения неопределенности о предмете или явлении, по мнению исследователя, можно рассматривать только с точки зрения вероятностного подхода. «Информационное загрязнение» и «виртуализация жизненного пространства» явления, которые определяют нестабильность человека, приводят к снижению регулируемости процессов бытия, т.е. возрастанию социальной неопределенности. Напротив, к факторам, традиционно способствующим снятию неопределенности, исследователь относит – этические и религиозные регуляторы, а также гуманитарные науки [4].

Оригинальный подход к пониманию динамики неопределенного состояния общества продемонстрировал А.С. Табачков, анализируя основные социокультурные, историографические, а также онтологические особенности будущего исторического наследия современности. Согласно его взглядов, упрощающий способ отношения к миру, предполагающий «расчет, доходящий до попыток примитивно-административного отношения к действительности, не артикулируемое, но от того никак не менее значимое онтико-практическое отрицание уникального, вера в предсказуемую обусловленность и воспроизводимость жизненных ситуаций любого масштаба, вкупе с постоянной убежденностью в некой принципиальной достаточности уже имеющегося в наличии знания», можно рассматривать как стремление к определенности. Подобная квантитативная редукция (количественное и информационное упрощение), в концепции исследователя, будет иметь обратные последствия, а именно рост неопределенного состояния «бессилие количественной интерпретации достигает уровня полной сущностной неадекватности» [20]. Неопределенность, таким образом, противопоставляется «миру господства количества с его циклическими, воспроизводимыми и сущностно сходными между собой событиями» и выражается в способности порождать уникальное событийно-сущностное содержание и пребывать в истории [23].

Рассмотрение факторов, влияющих на уровень неопределенности в социальных системах, обусловило обращение философов к анализу причин неопределенности, которые выводятся ими из ряда оснований.

Так В.С. Веселкова представила функциональный подход к пониманию причин неопределенности через раскрытие ее эвристической, прогностической и гуманистической функций [7].

Е.М. Бабосов анализируя уникальность социальных процессов определяет их зависимость от особенности процессов энтропии. Автор

приходит к выводу о том, что открытые социальные системы определяют уменьшение энтропии, что дает возможность трактовать динамичность как характерную черту социальной неопределенности, которая зависит от качественного состояния социальной системы или системы общества. «Открытость» или «закрытость, изолированность» общества, непосредственно связана с доступностью информации и влияет на возникновение в ней неопределенности [3, с. 13].

Анализ модернизационных трансформаций, представленный О.В. Головашиной, позволил ей выделить традиционализм, как одну из важнейших характеристик российского общества, проявляющуюся в моменты резкого ускорения социокультурной динамики, цивилизационных сломов, преодолевать негативные последствия отсутствия консенсуса элиты и неэлиты в национальной политической культуре по поводу основ жизни и целей народа [9, с. 60].

И.А. Герасимова, обращает внимание на многовекторность коммуникативных взаимодействий в науке и обществе в условиях сложной техносферной реальности, в результате чего возрастает доля неопределенности и непредсказуемости последствий антропогенного влияния на природу, общества и человека. Неопределенность, по мнению исследователя, имеет глубинные предпосылки в природе реальности и в природе человека. выражающейся в активной инновационной проективной деятельности в масштабах планеты, что воспринимается в общественном сознании как вызов [8, с. 16].

В рамках онтологии и теории познания рассматривает феномен неопределенности О.И. Соколова и приходит к заключению о возникновении неопределенности относительно эволюционного взаимодействия человека и окружающей среды. Поскольку среда, в которой осуществляется действие, и познающий субъект являются результатами эволюции, а человек как часть природы подвержен постоянным воздействиям среды, результат взаимодействия зачастую может характеризоваться как неопределенный [18, с. 73].

Особого внимание заслуживает обращение исследователей к рассмотрению, как положительного, так и отрицательное влияние неопределенности на социально-психологические аспекты общественного развития.

О.В. Колесова на анализе традиционализма российского общества, ментальными особенностями которого были коллективизм, соборность, антиномичность (многомерность образных построений, запрограммированная возможность различных оценок), терпение,

страдание, полагание на «авось» и не предполагавшим преодолению неопределенного состояния, сформулировала концепцию, согласно которой в сознании человека возникает понимание отсутствия предзаданности и предопределенности, как необходимого условия преодоления этого иррационального состояния и достижения поставленных перед собой целей. Социальная неопределенность рассматривалась ей как органическое состояние, характеризующее российскую ментальность, преодолевать иррациональность которой нет особой необходимости. Интересным представляется вывод автора о зависимости открытости общества от степени его традиционности, отношения к иррациональным ситуациям и социальной неопределенности. «Закрытым, общество делает сохранение традиции, так как в нем соблюдается верность определенным ценностям. Эти общества ориентируют человека на какую-то высокую ценность, стоящую над ним и подчиняющую себе коллективные усилия, создающую мораль, правила поведения, обязательные для всех» [17, с. 141].

Взгляды В.П. Булдакова отвечают современному концептуальному отношению к современности, характеризующейся усложнением, в силу процессов глобализации, модернизации и информационной революции. По мнению автора, с помощью широко представленных современных исторических концепций, направленных на идеализацию прошлого, осуществляется преодоление социальной неопределенности современности. Данный механизм осуществляется на уровне массового сознания, выражается в мифологизации исторических процессов, событий и личностей, и характеризуется В.П. Булдаковым, как самообман. «Плыть по волнам исторического самообмана куда приятнее» [5, с. 61]. Таким образом, автор, отдавая должное роли гуманитарных знаний, исторических концепций, в преодолении социальной неопределенности, подвергает используемые методы серьезной критике, как формирующим ложные представления о социально-историческом процессе прошлого и современности. «Размытость граней между реальным, воображаемым и символическим следует отнести к одному из главных деструктивных факторов всей российской истории» [5, с. 63].

Г.С. Киселев, аргументируя социально-психологический аспект исследуемого феномена, приводит ряд факторов, связанных с субъективным восприятием человеком окружающей действительности и определяющим его стремление к стабильности. По его мнению, анализ социальных практик, используемых индивидом свидетельствует чаще всего о нежелании самостоятельно мыслить, готовности стать объектом манипулирования, подчиняться эмоциям, порождающим самые

разнообразные. Человек, по убеждению Г.С. Киселева, превращается в потребляющее и забавляющееся существо [16, с. 16].

Н.Н. Вересов, рассматривая неопределенность и человеческую действительность, констатирует, что социальные законы перестают существовать как универсальное явление, в котором существуют все люди. Каждый индивидуум живет в своей вселенной и, следовательно, социальная действительность не универсальна для всех, а мультиверсальна т.е. множественна для каждого человека. Тем не менее, человек должен стремиться к определенности как пониманию явления или границы явления, а, с другой стороны, стремиться к идеальным культурным формам, которые иррациональны (как произведения искусства) и заставляют человека выходить за рамки универсальной определенности и строить свою собственную вселенную [6, с. 11].

При всем многообразии аспектов возникновения, и вариантов динамики неопределенности, исследователи стремятся к научному обобщению и типологизации форм проявления исследуемого феномена.

В качестве примера подобного синтеза возможно рассмотреть работу С.М. Сучковой, которая выделяет эпистемологическую (гносеологическую) и онтологическую неопределенности, составляющие качественную типологию феномена, включающую их сингулярное и комплексное проявление. Вероятность, энтропия и различные виды фрактальных размерностей, по мнению автора, характеризуют неопределенность количественно [19, с. 12].

Рассмотренные А.М. Дорожкиным и О.И. Соколовой через призму субъектно-объектных отношений основные направления исследований неопределенности в современной науке и философии, позволили выделить возможные варианты понимания понятия и типов неопределенности как: свойства объекта; условия взаимодействия объекта и субъекта; особенности субъективного восприятия; особенности взаимодействия новых знаний с наличным знанием. Авторы приходят к выводу об активной роли познающего субъекта, а, следовательно, о выходе исследований роли неопределенности в процессе познания на новый уровень в силу усложнения схемы субъектно-объектных отношений [14, с. 11].

Представленный анализ социально-философского подхода к пониманию неопределенности был бы неполным без рассмотрения возможных вариантов факторов, по мнению ученых, способствующих снятию неопределенности.

Е.М. Бабосов считает, что любые действия человека носят антиэнтропийный характер, т.е. возможно говорить о стремлении к

социальной определенности, как врожденной характеристике человека. Удовлетворение потребности в определенности осуществляется за счет освоения опыта, творческой деятельности по созданию новых явлений, которые упорядочивают жизнь и снижают неопределенность. Тем не менее общая антиэнтропийная направленность не исключает возникновения неопределенных состояний в отдельных сегментах социальной системы, которая может привести к ее дезорганизации и, как вариант, ее распаду [2, с. 15].

Специфический ответ на неопределенность в цифровую эпоху, по мнению И.А. Герасимовой заключается в выходе на первый план «гуманитарных методологий организации коллективного мышления и действия, включающих как интеллектуальные, так и психологические, духовно-нравственные и эстетические аспекты» [8, с. 17].

В парадигме В.С. Диева разработан и обоснован универсальный подход к анализу риска, который понимается исследователем как измеримая неопределенность. Исходя из объективного характера неопределенности, как неотъемлемого условия социальной жизни, автор подчеркивает, что полнота информации о исследуемом явлении или предмете переменная субъективная, зависящая от восприятия окружающего мира человеком, действия которого направленные на принятие им того или иного решения, позволят существовать ему в этих условиях [13, с. 84].

Подводя итоги анализа работ, рассматривающих феномен социальной неопределенности с точки зрения философского подхода, следует отметить ряд существенных характеристик этого феномена, отмечаемых большинством исследователей.

Прежде всего, обращают на себя внимание, выводы о динамике кардинально меняющихся социально-экономических условий, в которых человек себя реализует. Цифровая трансформация, четвертая промышленная революция («Индустрия 4.0»), интернет вещей и интернет-экономика, вот далеко не полный перечень факторов, выступающих в числе источников нестабильности и неопределенности.

Отдавая должное внимание классическому подходу к пониманию неопределенности, авторы подчёркивают актуальность постнеклассической методологии при анализе исследуемого феномена. Современные социально-философские концепции, лежащие в основе большинства обобщающих теоретических разработок, характеризуют современное состояние общества как открытое, сложное и динамически изменяющееся, что необходимо учитывать при выработке и практической реализации

социальных парадигм развития, направленных на преодоление социальной неопределенности.

Таким образом, учитывая в содержании рассматриваемой категории онтологический, гносеологический и антропологический аспекты философы, выходя за рамки узко дисциплинарных способов понимания и осмысления неопределенности вообще и социальной неопределенности, в частности, склоняются к его пониманию, как объективного самостоятельного феномена, определяющего жизнь человека и общественное развитие.

Библиографический список

1. *Анисов А.М.* Логика определённости и неопределённости во времени // Логические исследования, 2002. Том 8 [Электронный ресурс] // URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/logika-neopredelennosti-i-neopredelennosti-vo-vremeni> (Дата обращения 31.10.2019).
2. *Бабосов Е.М.* Антиэнтропийная направленность человеческого бытия и социальная энтропия // Социология, 2011. № 1. С. 11–19.
3. *Бабосов Е. М.* Социальная деятельность и социальная энтропия // Социологический альманах. Минск: Издательство: Институт социологии НАН Беларуси, 2011. № 2. С. 13–24.
4. *Баева Л.В.* Электронная культура: опыт философского анализа // Вопросы философии 30.06.2013 г. [Электронный ресурс] // URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=753 (дата обращения: 30.10.2019).
5. *Булдаков В.П.* Историк и миф. Перверсии современного исторического воображения // Вопросы философии, 2013. №8. С. 54-65.
6. *Вересов Н.Н.* Неопределённость и человеческая действительность: метафизические метафоры и метафорическая метафизика // Человек в условиях неопределенности: сборник научных трудов в 2-х т. / Под общей и научной редакцией д.ф.н. Е.В. Бакшутовой, д.п.н. О.В. Юсуповой, к.псх.н. Е.Ю. Двойниковой. В 2-х тт. Т. 2. Самара: Самар. гос. техн. ун-т, 2018. С.6–12.
7. *Веселкова В.С.* Определенность и неопределенность в социальном познании: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11. Саранск, 2006. 20 с. [Электронный ресурс] // URL: https://static.freereferats.ru/_avtoreferats/01002936028.pdf (дата обращения: 06.12.2020)
8. *Герасимова И.А.* Неопределённость в познании и в социальных практиках // Эпистемология и философия науки, 2019. Т. 56. № 4. С. 8–20
9. *Головашина О.В.* Модернизация – незавершённый проект или традиционная ментальность в современной России // Ineternum, 2011. №2. С. 56-62.
10. *Грякалов А.А., Преображенская К.В.* Феномен неопределённости и опыт космизма в дискурсе образования // Профессиональное образование в современном мире, 2015. № 2(17). С. 23–32.

11. *Диев В.С.* Неопределённость как атрибут и фактор принятия решений // Вестник НГУ. Серия: Философия, 2010. Т. 8. Вып. 1. С. 3–8.
12. *Диев В.С.* Междисциплинарные проблемы – новая «ничейная земля» для философии // Вестник НГУ. Серия: Философия, 2008. Т. 6. Вып. 3. С. 3–8.
13. *Диев В.С.* Риск и неопределённость в философии, науке и управлении // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология, 2011. № 2 (14). С.79–89.
14. *Дорожкин А.М., Соколова О.И.* Понятие «неопределённость» в современной науке и философии // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета, 2015. № 15. С. 5–12.
15. *Дорожкин А.М., Пакина Т.А.* Феномен научной неопределённости: анализ проблемы. // Вестник Нижегородского университета. Серия «Социальные науки», 2010. № 4 (20). С. 150–156.
16. *Киселёв Г.С.* «Тайна прогресса» и возможность истории // Вопросы философии, 2009. № 2. С. 3–19.
17. *Колесова О.В.* Постнеклассическая парадигма в ценностном ракурсе // Вестник Нижегородского университета им. Лобачевского. Нижний Новгород, 2003. № 2. С. 184–187.
18. *Соколова О.И.* Понятие неопределённости в неклассической науке и философии: дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.01. Нижний Новгород, 2020. 161с.
19. *Сучкова С.М.* Феномен научной неопределённости (эпистемологический и парадигмальный аспекты): дис. ... канд. филос. наук: 09.00.08. Саратов, 2006. 157 с.
20. *Табачков А.С.* Информационное общество в контексте истории // Вопросы философии. 06.11.2014 [Электронный ресурс] // URL http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1034&Itemid=31 (дата обращения: 18.03.2020).
21. *Фабер В.О.* Проблема неопределённости в структуре философского знания (онтологический, гносеологический, антропологический аспекты): автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.01. Саратов, 2004. 24 с. [Электронный ресурс] // URL: https://static.freereferats.ru/_avtoreferats/01002622259.pdf (дата обращения: 12.06.2021).
22. *Яровикова Р.Т.* К анализу концепции общественного развития: к разрешению противоречий между определенностью и неопределенностью // Принцип неопределённости и прогноз развития социально-экономических систем. М.; Томск: РАН, 1999. С. 35.

ДУАЛЬНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ВУЗА И ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ БИЗНЕС СООБЩЕСТВА В УСЛОВИЯХ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

Э.Р. Гайнеев

*ФГБОУ ВО «Ульяновский государственный педагогический
университет им. И.Н. Ульянова»*

Статья посвящена дуальному взаимодействию сфер образования и бизнеса – педагогического вуза и группы компаний «Сигма-СИ» – в совместном создании ресурсного центра «DREMEL». Создание такого центра позволило укрепить материально-техническую базу вуза, а обучающимся осваивать самое современное зарубежное оборудование и технологии, соответственно, повысит качество подготовки будущего мастера производственного обучения колледжа, учителя технологии общеобразовательной школы.

Ключевые слова: педагогический вуз, бизнес, дуальный подход, ресурсный центр, взаимодействие, практикум в учебных мастерских, педагог практического обучения.

DUAL INTERACTION OF THE UNIVERSITY AND ITS REPRESENTATIVES BUSINESS IN THE PREPARATION OF A PRACTICAL TRAINING TEACHER

E. R. Gayneyev

UIGPU named after I. N. Ulyanov

The article is devoted to the dual interaction of the spheres of education and business – the pedagogical university and the Sigma-SI group of companies - in the joint creation of the DREMEL resource center, equipped with modern equipment, equipped with the most modern equipment. The creation of such a center has made it possible to strengthen the material and technical base of the university, and students will master the most modern foreign equipment and technologies, respectively, will increase the quality of training of the future master of industrial training of the college, a teacher of technology of a secondary school.

Keywords: pedagogical university, business, dual approach, resource center, interaction, workshop in educational workshops, teacher of practical training.

Социально-экономическая ситуация в России, необходимость широкомасштабной модернизации сферы производства требуют соответствующих изменений и в сфере образования, повышения качества подготовки выпускников, в том числе и будущих педагогов практического

обучения, призванных формировать профессионально значимые качества, знания, умения и практически освоенный опыт будущих квалифицированных рабочих и специалистов, востребованных современным работодателем.

Подготовка такого выпускника в современных условиях лавинообразной неопределенности вряд ли возможна без эффективного дуального взаимодействия сферы образования и бизнес сообщества, и, как отмечают исследователи, без учета «человеческого фактора» в подготовке специалиста, готового к производству совершенно нового знания [8, с. 5].

Освоению нового знания необходима также и практическая деятельность обучаемых, а для этого необходимо самое современное материально-техническое оснащение лекционно-практических занятий и практикумов в мастерских.

Однако в современных условиях представители бизнеса не спешат взаимодействовать с учебными заведениями, хотя зарубежный опыт подобного взаимодействия широко применяется, а главное, выгодно всем сторонам этого процесса. Так, например, «вкладываясь» в оснащение материальной базы учебного заведения своим новейшим оборудованием бизнес «продвигает» свое оборудование и, тем самым, способствует модернизационным процессам.

Отсутствие нового оборудования, особенно, – импортного, не дает возможности освоения опыта творческой рационализаторской деятельности – одного из значимых направлений обучения будущего учителя технологии и мастера профессионального обучения, подготавливаемых на кафедрах технологий педагогических вузов, от которых, во многом, и зависит предпринимаемая в России широкомасштабная модернизация отечественного производства.

Актуальность подготовки педагогов практического обучения обусловлена связана с дефицитом рабочих кадров, подготавливаемых в системе СПО, решение которой зависит, от уровня подготовленности мастеров профессионального обучения и учителей технологии.

Отметим, что эти две профессии, два направления тесно взаимосвязаны, поскольку в школе, на занятиях технологии осваиваются самые важные первоначальные умения и навыки, профессионально значимые качества, основы рационализаторской деятельности, которые в последующем, уже в учебно-производственных мастерских колледжей получают свое развитие и совершенствование. Поэтому выпускник педагогического вуза, мастер колледжа и учитель технологии школы, должен в полной мере обладать основными видами профессиональной

деятельности, предусмотренными государственным образовательным стандартом (ФГОС) общеобразовательной школы и системы СПО, владеть новейшими, в том числе, и зарубежными технологиями, уметь формировать основы творческо-конструкторской деятельности.

На важность практических занятий в развитии креативности, формирования важнейших творческих умений в свое время указывали такие выдающиеся отечественные ученые как Л.С. Выготский [1, с. 7].

Разумеется, педагогу одного желания и умений недостаточно: для проведения занятия практического обучения на высоком уровне необходимо, прежде всего, современное оборудование и технологии, различные инструменты и приспособления, в том числе, и инструменты зарубежных производителей. Недостатки в материально-технической оснащенности, отсутствие нового оборудования не позволили достойно выступить отечественным конкурсантам в первом участии чемпионате WorldSkills в Лейпциге (2013 год).

Одной из причин невысоких результатов, по мнению специалистов, был недостаточный уровень владения российскими конкурсантами специальными высокопроизводительными, в основном, зарубежными, инструментами и приспособлениями, владения инновационными технологиями и методами при выполнении практических заданий WorldSkills.

Одним из направлений в решении указанной проблемы в последующие годы становится эффективное социальное партнерство, дуальный подход в организации обучения и содействии в материально-техническом обеспечении.

Дуальное обучение, в отличие от обучения традиционного, более прозрачно, конкретно и потому становится популярным во всем мире.

Особенностью дуального обучения является то, что в нем учитываются интересы всех заинтересованных сторон образовательного процесса, когда взаимодействие становится личностно-ориентированным [3, с. 20].

В целях совместной подготовки педагогических кадров для Ульяновской области в 2016 году региональным педагогическим вузом и группой компаний «Сигма-СИ» было принято решение о создании совместного ресурсного центра «DREMEL» для подготовки будущих педагогов практического обучения и повышения квалификации учителей школ и педагогов колледжей.

Группой компаний «Сигма-СИ» – представителя известного концерна «BOSCH» – ресурсному центру было передано оборудование на сумму

более 600 тысяч рублей и представителем фирмы проведено двухдневное занятие для педагогов школ, колледже и техникумов Ульяновской области.

Обучение проводилось в течение двух дней и состояло из теоретических занятий с демонстрацией специальных инструментов с последующим практическим закреплением освоенных знаний и умений в учебных мастерских.

Прошедшим обучение педагогам были вручены сертификаты «BOSCH», что позволяет им проводить теоретические и практические занятия по применению инструментов «BOSCH» и «DREMEL» в своих учебных заведениях.

В таком же формате было предложено проводить занятия-практикумы со студентами университета и слушателями курсов повышения квалификации:

На первом этапе, в учебной аудитории, проводится теоретическое занятие, затем, слушатели переходят в учебно-производственную мастерскую и, под руководством преподавателя выполняют какие-либо поделочные работы с применением инструментов «DREMEL».

В процессе практикума, бесед, дискуссий, слушатели приходят к выводу, что лучше приобретать, пусть дорогой, но качественные инструменты от известных и проверенных производителей, чем недорогие, но, что называется, «одноразовые», которые через некоторое время выходят из строя.

Важно то, что использование таких уникальных инструментов и приспособлений значительно расширяют возможности обучаемых, способствуют воплощению самых смелых творческих идей, способствуют формированию основ рационализаторской деятельности.

Приведем в качестве примера выполнение студентами творческого проекта по изготовлению декоративного светильника («Светильник под старину»), когда боковые проемы под стекла приходилось прорубать зубилом, что создавало шум в мастерской, да и качество оставляло желать лучшего: по завершении рубки приходилось опиливать и выравнивать кромки проемов.

Студенты решили не прорубать отверстия зубилом, а применить специальную фрезу из нашего комплекта «DREMEL». После изготовления нескольких светильников можно было сравнивать и делать выводы.

Во-первых, – значительно повысилась производительность труда.

Во-вторых, – повысилось качество: по завершении фрезерования отпала необходимость в опиливании и выравнивании, осталось только снять заусенцы.

В-третьих, – заметно снизился шум, следовательно, решается важная проблема сохранения здоровья, а это, едва ли не самая главная задача педагога.

В-четвертых, – студенты освоили новый для себя инструмент и инновационные технологии фрезерования, сверления, чистовой обработки изделия, а также освоили основы рационализаторской деятельности.

И, наконец, – в процессе практических занятий студенты начинают понимать, что лучше приобретать, дорогостоящий, но высококачественный инструмент, которым можно будет пользоваться долгие годы, чем покупать недорогой, но «одноразовый» инструмент.

Разработчиками проекта данного было внесен ряд рационализаторских идей, как по металлообработке и технологии изготовления, так и по электромонтажу: после ознакомления со специальной литературой, было предложено

изготовить схему с плавным изменением уровня освещенности [3, с. 17].

Благодаря этому, декоративный светильник получился компактным, отвечающим эстетическим требованиям и был представлен на научно-практической конференции «День науки», где получил высокую оценку жюри.

Исследователи (В.В. Утемов, М.М. Зиновкина, П.М. Горев) отмечают важность раннего формирования и развития творческой деятельности у учащихся и подчеркивают, что главным резервом, позволяющим выйти из кризиса, является творческий потенциал личности [7, с. 5].

К наиболее востребованным компетенциям выпускника в современных условиях развития креативности, становится формирование у учащихся рационализаторских умений. Более того, творческая рационализаторская деятельность в учебном заведении любого профиля обучения, особенно, в системе подготовки рабочих кадров, в современных условиях становится важным направлением обучения, поскольку, данная деятельность становится все более востребованными в сфере промышленного производства и открывает новые возможности в подготовке рабочих высокой квалификации [2, с. 6].

В этом и заключается цель совместно созданного ресурсного центра «DREMEL, как «центра воплощения творческих идей», что отвечает миссии группы «Сигма-СИ» – «Развитие технологий и деятельности» [4, с. 24].

Обновление и совершенствование материально-технической базы, освоение педагогами инновационных, особенно, зарубежных технологий становится важнейшей задачей и способствует регулярному повышению

профессионально-педагогической квалификации учителей технологи, поскольку, как отмечают исследователи, в основе профессионально-педагогической деятельности лежит технологическая компетентность [5, с. 101].

Таким образом, эффективное партнерство сфер образования и бизнеса в освоение оборудования, инструментов и технологий способствует в современных условиях неопределенности решению проблемы подготовки специалистов, способных к совершенствованию качества подготовки высококвалифицированных специалистов, востребованных на рынке труда.

Библиографический список

1. *Выготский Л.С.* О практическом мышлении подростка. Л.С. Выготский Педология подростка // Собр. соч. в 6-ти т. Т. 4. Детская психология / Под ред Д.Б. Эльконина. М.: Педагогика, 1984. 432 с.
2. *Гайнеев Э.Р., Скамницкий А.А.* Поэтапная подготовка рабочего высокой квалификации // Среднее профессиональное образование, 2014. № 11. С. 6–11.
3. *Гайнеев Э.Р.* Дуальное обучение ориентируется на личность // Профессиональное образование. Столица, 2015. № 11. С. 20–22.
4. *Музыкантова В.В., Юрин Ю.Б.* СИГМА-СИ. Партнерство в развитии территории и деятельности. От первых шагов – к системной работе профессионалов строительной отрасли // Деловое обозрение, 2012. № 3 (171). С. 24–25.
5. *Худяков А.Ю.* Технологическая компетентность – одно из важнейших качеств учителя трудового обучения // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. М.: Ин-т стратегич. исследований, 2017. №3. С.101–109.
6. *Пичугина Г.В.* Технологическое образование школьников в Японии // Школа и производство, 2011, № 2. С. 9–12.
7. *Утемов В.В., Зиновкина М.М., Горев П.М.* Педагогика креативности: прикладной курс научного творчества: Учебное пособие. Киров: АНОО «Межрегиональный ЦИТО», 2003. 212 с.
8. *Бакшутова Е.В., Двойникова Е.Ю., Нестеренко В.М.* Неопределенность как возможность (Вместо предисловия) // Человек в условиях неопределенности: сборник научных трудов в 2-х т. / Под общей и научной редакцией д.ф.н. Е.В. Бакшутовой, д.п.н. О.В. Юсуповой, к.псх.н. Е.Ю. Двойниковой. Самара: Самар. гос. техн. ун-т, 2018. Т. 1. 270 с. С.5–8.

О БЕССТЫДСТВЕ ФИЛОСОФИИ

С.И. Голенков

*ФГАОУ ВО «Самарский национальный
исследовательский университет имени академика С.П. Королева»*

В статье рассматриваются иррациональные основания философии. Анализ отталкивается от оценки философии как бесполезного занятия с позиции позитивного знания. Показывается, что отрицание за философским знанием практичности и полезности имеет под собой объективное основание, которое позволяет ей выступать связующим звеном между знанием и незнанием. Маргинальность положения философии объясняет иррациональные феномены, инкорпорированные в самую сущность философствования. К таким феноменам автор относит эротизм, иронию и атопию философии

Ключевые слова: философия, маргинальность, эротизм, ирония, атопия, соблазн, желание

ABOUT THE OBSCENENESS OF PHILOSOPHY

S.I. Golenkov

Samara National Research University

The article discusses the irrational foundations of philosophy. The analysis starts from the assessment of philosophy as a useless activity from the standpoint of positive knowledge. It is shown that the denial of practicality and usefulness of philosophical knowledge has objective basis, which allows it to act as a link between knowledge and nescience. The marginality of the position of philosophy explains the irrational phenomena incorporated into the very essence of philosophizing. The author considers eroticism, irony and atopy of philosophy to such phenomena.

Key words: philosophy, marginality, eroticism, irony, atopy, seduction, desire.

Когда речь заходит о бесстыдстве чего-либо, это что-то сразу представляется в неприглядном виде. Клеймо «бесстыдства» символизирует, что означенное им выходит за рамки приличного, одобряемого, нормального. Бесстыдное навлекает на того, кто им отмечен позор, бесчестие и бесславие. Категория «бесстыдства» – это моральная категория и как таковая она носит оценочный характер, а как всякая оценка предполагает свой критерий. В качестве такого критерия может выступать

польза. Если этот утилитарный критерий применить к философии, то последняя предстает как бесполезное занятие.

Со времён Огюста Конта признание философии бесполезным занятием – принципиальная позиция позитивизма. С этой позиции знание, предлагаемое философией как знание полезное и необходимое как для познания, так и для реальной человеческой жизни является обманом, а потому бесстыдством. Стыдно обманывать людей выдавая бесполезное за полезное и необходимое. Всем известна характеристика философии, данная П.А. Ширинским-Шихматовым, министром народного просвещения николаевской России, – «польза философии не доказана, а вред от неё возможен», – исключившим философию из числа преподаваемых в университетах дисциплин.

Всякое оценочное суждение имеет, по крайней мере, две точки зрения, противоположные по своей интенции. В приведенном случае философия либо бесполезна (как утверждают позитивисты), либо полезна (возражают их критики). Оценка чего-либо, таким образом, определяется не столько природой предмета оценки, сколько позицией оценщика. Вместе с тем для философии, как рода теоретического знания, амбивалентность составляет ее сущностную черту. Дело в том, что предметом философии со времен ее зарождения в античности выступают «первые причины и начала сущего» (Аристотель). А это значит, что «территория» философского знания находится между знанием и незнанием, познанным и неизвестным, непознанным. Сократовское «я знаю, что ничего не знаю» не ироничное притворство, а честное определение существа философского дела.

Локация философии – это «сумеречная» территория метафизики, для существования предмета которой, по мнению позитивистов, нет эмпирических оснований. Она представляет собой область, принадлежащую скорее мифологии или религии, мистике или нравственному назиданию, поэзии или фантастической литературе. Такое представление о философии настолько прочно вошло в повседневное сознание обывателя и научное сознание сциентиста, что XX веке Хайдеггеру пришлось специально разъяснять, что хотя философия и не наука, но она и не мировоззренческая проповедь, не искусство и не религия [10, с. 22–26].

Философия, занимая область между познанным и непознанным, маргинальна в прямом значении латинского термина *marginis*. Философское знание – это «граничное знание», его «край». И будучи «краем знания» она, говоря словами Ницше, располагается «по ту сторону добра и зла». Именно на территории «маргинального» знания философии формируются

основания, производятся условия, как для знания, так и для оценки. В этом смысле бесстыдство философии следует толковать как дело, которое делается без стыда, так как на этой «территории» самого стыда еще нет. Существо философского дела точно сформулировано Бенедиктом Спинозой в *Политическом трактате* в виде методической максимы: «Не смеяться, не огорчаться, не проклинать, а понимать» [8, с. 490]. Этот же аспект философского размышления подчеркивал Бертран Рассел когда писал, что философия «не делит мир ... на полезное и вредное, на хорошее и плохое, она смотрит на мир бесстрастно» [7, с. 274].

Замечу, что Спиноза определяет свою позицию термином *intelligere* (понимать), а не *scire* (знать), то есть как позицию философскую. Наука стремится к производству знания, философия к пониманию. В этом аспекте и надо рассматривать хайдеггеровское утверждение о том, что у осмысления иная сущность, чем у научного познания [10, с. 252]. Тезис философа нельзя рассматривать в уничижительном для науки смысле. Он просто фиксирует разные способы обращения с сущим. Несмотря на бесстрастную природу философии, которая позволяет ей заниматься одновременно и вещами высокодуховными (вплоть до Абсолютного Духа у Гегеля) и самыми казалось бы низменными (философией сексуальности у Фуко) с точки зрения обыденного сознания, оценка ее тем же обыденным сознанием как дела бесстыдного и бесполезного имеет некоторые объективные основания.

Понимание существа философии, делаемого без стыда, придает философствованию окрас эротизма, иронии и атопии. Эротизм, ирония и атопия философии суть феномены ее пограничности, маргинальности, амбивалентности.

Эротизм философии сам по себе сложный феномен. Эротизм являет желание самого существа дела, которое в тысячелетней истории мысли представлялось жадой Истины, жадой абсолютного знания, в том числе и знания Добра и Красоты, знания абсолютного Блага. Человек никогда не удовлетворялся фиксацией только того, что у него есть. Он всегда стремился узнать, как обстоят дела «на самом деле», «в реальности», «в действительности», независимо от него самого – объективно. Современная наука говорит о том, что этот вот желаемый объект, эта искомая реальность, это «само дело» есть фантом. Американский нейробиолог Дэвид Иглмен, исследуя участие органов чувств в восприятии реальности, пишет, что «наше восприятие реальности полностью конструируется мозгом. В основе лежат потоки данных от органов чувств, но само восприятие от них не зависит» [5, с. 59]. Эта реальность, по словам ученого создается нашим

мозгом, является феноменом мозга, фантомом: «На самом деле мозг создает собственную реальность, причем даже раньше, чем получает информацию от глаз и других органов чувств» [5, с. 62]. Реальность как фантом не в смысле фантазии, а в смысле психического феномена подобного «фантомной боли» или «фантомной конечности».

Фантом Истины реальности сам по себе амбивалентен. С одной стороны, он недостижим, но, с другой – в своей недостижимости он организует человеческую деятельность. Роль феномена присутствия-отсутствия в качестве организации человеческой жизнедеятельности хорошо в свое время проанализирована Ж.-П. Сартром [8, с. 299–303]. С ним сталкивается и современная наука, например, в событиях Большого взрыва или квантового скачка, которые отсутствуя во Вселенной, присутствуют в качестве причины объяснения ее современного состояния. Фантомный объект фокусирует на себе желание познания, переводя философствующего в модус соблазна, который и составляет энергетику исследовательского поиска. Соблазн неизвестности, соблазн неизвестного питает энергию охоты за новой мыслью, новой идеей.

Здесь открывается еще одна сторона бесстыдного эротизма философии. Стремясь овладеть новым, философ, уже со времен Сократа, не смущаясь («без удивления и негодования» Спинозы) устремляется к месту встречи с неизвестным, непознанным, в соблазнительной попытке вырвать для себя свою истину, открыть свою тайну. А это место нечистое, срамное, так как в этом месте философ встречается с «преизбыточным Ничто» Майстера Экхарта [12, с. 147], избытие которого в мир сущего и есть рождение нового, прежде не существовавшего.

Искусство производства знания истины, как известно, Сократ сравнивал с искусством повивальным. И если повитуха принимала в руки голого младенца, то философствующий стремиться произвести на свет свою истину, свою правду. Рождается эта правда-истина голой, подобно младенцу, и в смысле не облеченная пышным нарядом слов, и в смысле без прикрас. «Голая правда» не обязательно должна быть прекрасной или доброй. Богиня Правды у Парменида, как и Эрот у Агафона могут быть вовсе не прекрасными. Да и само прекрасное, по словам Диотимы у Платона, может не быть вершиной явленной красоты [6, с. 113]. Все мы знаем, что только что рожденная мысль, как правило, не так содержательно богата и хороша, как бы хотелось. Она крайне редко рождается прекрасной и совершенной, подобно рождению Афины из головы Зевса или Афродиты из пены морской. Чаще в своем рождении новая мысль достаточно неказиста, а иногда и просто уродлива, и требуются усилия и время для

придания ей более-менее пристойного образа, оригинального содержания и логической силы, доступных пониманию.

Соблазн философии бесстыден двойным совращением. Первое происходит в тот момент, когда философствующий вместо того что бы заниматься сущим, тем, что есть, соблазняется неизвестным, тем, чего нет. Его соблазн манит, по словам Парменида, на нехоженые тропы Небытия, или, как в русской сказке, призывает «идти туда, не зная куда, чтобы принести то, не зная что». Второе совращение происходит тогда, когда соблазненный философией, изумленно открывает, что та *terra incognita*, в которую зовет философский соблазн, есть он сам. Соблазненный должен сам удовлетворить свой соблазн, открывая истину себя. Философия, совращая соблазном истины отдельного сущего или целого мира, в реальности сталкивает человека с самим собой. Гамлету, чтобы восстановить «бытия оборванную нить», решить проблему существования справедливости, попорченную гнусным преступлением, прежде надо разобраться со своим «быть или не быть».

Эротизм философии как любовного занятия открывает его ироничную сторону. Об иронии философии написано и говорено достаточно много, отмечу лишь два момента. С самого начала своего зарождения в качестве теоретической рефлексии действительности философия провозгласила в качестве своей методологической стратегии – мудрый логос, реализовавшийся у Аристотеля в создании логики как правил грамотного мышления. Ирония реализации этой стратегии состоит, однако, в том, что философии пришлось на протяжении тысячелетий скрывать и всячески дистанцироваться от всего иррационального в виде мистики, бессознательного, воли, жизни и т.д. Заниматься этим постыдным укрывательством философии приходилось несмотря на то, что самую сердцевину ее составляет *филиа*, вещь до конца принципиально не поддающаяся рационализации, но которая как раз и является тем единственным и соответствующим существу философского дела средством, которым только и осуществляется «решимость экзистенциального броска» (Хайдеггер) в неизвестное. В этом броске философия выводит человека в позицию, где он сам должен решиться на добро или зло, и где вообще отсутствуют какие-либо правила или принципы их поиска и определения

И второй момент. Ирония философии заключается в том, что она ставит вопросы (простые и очевидные, «детские»), но не дает на них ответа, и не просто молчит, но всячески увертывается от ответов. Аристотель прямо пишет о Сократе: «Сократ всегда ставил вопросы, но не давал ответов, ибо признавал, что он [их] не знает» [2, с. 592]. За эту манеру беседы Алкивиад

в своем панегирике Сократу называет его «бесстыдным силеном» [6, с. 126]. Собственно, все мы постоянно сталкиваемся с этой стороной философии, когда студенты в обсуждении какой-либо философской проблемы спрашивают: «а как правильно?», и удивляются тому, что принципиально отсутствует даже возможность однозначного, правильного ответа. В основе оправдания философской иронии лежит её предельная честность. А иначе и быть не может, так как в переделе философствующий всегда упирается в неизвестное, в Ничто, в Хаос. Утверждать что-либо с однозначной определенностью в этом случае было бы большой и непростительной самонадеянностью.

Уже этих двух моментов философской иронии достаточно, чтобы обвинить философию в бесстыдстве. Нехорошо, непростительно и постыдно для «любителя мудрости» как прятать за демонстрируемой «железной логикой» рациональности своих теоретических построений ее иррациональный фундамент, так и прикрываться маской «искателя мудрости» не зная, где, как и какие искать ответы на самим поставленные вопросы.

Еще одним феноменом маргинальности философии выступает атопия. Термин *atoros* используется Пьером Адо в «Духовных упражнениях» для определения положения Демона, которого Диотима характеризует как «посредника между богами и людьми». Адо пишет: «Демон Эрот, которого описывает нам Диотима, не определяется и не классифицируется, он, как и Сократ, *atoros*. Он ни бог, ни человек, ни красив, ни уродлив, ни мудр, ни безумен, ни хорош, ни плох» [1, с. 112]. В этом смысле Демон Сократа атопичен (не-место), он не определяется и не классифицируется. В своем поиске мудрости он актуален, но не уместен, атопичен. Он постоянно устанавливается, но не может установиться. Установившись, он становится не мудрецом, а знающим, ученым.

Странность, не-уместность, атопия философии заключается в том, что философствование есть постоянное движение между познанным и непознанным. Постоянное экспериментирование с мыслью, пытающейся ухватить и хоть как-то упорядочить хаос непознанного. Это движение мысли, в котором нет правил самого этого движения. Драматизм (и одновременно, комичность) движения философской мысли состоит в том, что сами правила устанавливаются по мере продвижения. Они принимаются, если получен результат, отвергаются и переустанавливаются, если результат не получен. В этом глубинный смысл маевтики мысли – нащупать или интуитивно уловить некий порядок образования мысли. И слова «нащупать» и «уловить» необходимо брать буквально, а не

метафорически. Производство новой мысли из лона неизвестного совершается отнюдь не только чистым разумом. Как показал опыт Аристотеля, Декарта и Гуссерля не существует никакой *mathesis universalis*, никаких априорных правил для руководства ума по производству Истины. Понимание возникает в экзистенциальном акте. Нельзя понять, что такое любовь или что такое справедливость, не влюбившись и не пережив справедливости.

Смысл философского дела не столько в системе знания, сколько в *постройке* системы, не в теории, а в *движении* к теории. Философствование – не мудрствование, а *искание* мудрости. Пьер Адо обращает внимание на то, что в греческом языке Порос (Порос), отец Эрота, этимологически означает «проход», «доступ», «выход» [1, с. 113], а также «путь к чему-либо», «переход», «место для перехода»; «отверстие», «скважина» (срамное место!); «средство», «источник дохода», «доход» [3, с. 1036]. *Πορισμός* (порисмос) в греческом означает «приобретение» [3, с. 1035]. Сам язык нам свидетельствует о том, что философию надо использовать не для создания системы знания о сущем. В деле системостроительства она всегда проиграет науке. Философия – это *путь*, открывающий проход к тому, что находится в неизвестном. Ее надо использовать в качестве *средства* понимания. Лишь в этом случае она будет «источником дохода», приращением знания.

Один из основателей прагматизма Ульям Джеймс назвал «гимнастической пользой» философии ее особенность быть мощным логическим инструментом на пути в неизвестное [4, с. 10]. Практическая польза философии, пишет Джеймс, состоит и в том, что она «пробуждает нас от природной догматической дремоты и разрушает наши закоренелые предрассудки» [4, с. 9]. Иначе говоря, ее полезность и практичность заключена в становлении грамотного ума, грамотной мысли, а не в наращивании позитивного знания. Основным в философском действии, наряду с теоретическим, оказывается аспект практический, как в смысле греческого *ἄσκησις*, так и латинского *exercitium* – упражнения продвижению себя в мысли. Дело философа, считал Сократ, двигать себя и своих собеседников в мысли. Этот-то аспект философского дела, как раз, и остается не видимым для критиков философии, заявляющим о ее непрактичности и бесполезности. Понимание философии как пути в неизвестное, который торится решимостью мысли вне каких-либо уже существующих правил, позволяет ее бесстыдство рассматривать не как «черную метку» бесполезности, а как сущностно необходимый способ ее осуществления.

Библиографический список

1. *Адо П.* Духовные упражнения и античная философия. М.; СПб. Изд-во «Степной ветер»; ИД «Коло», 2005. 448 с.
2. *Аристотель.* О софистических опровержениях // *Аристотель.* Соч. в 4 т. Т.2. М.: «Мысль», 1978. С.533–593.
3. *Вейсман Д.А.* Греческо-русский словарь. Репринт V-го издания 1899 г. М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 1991. 1370 с.
4. *Джеймс У.* Введение в философию; *Рассел Б.* Проблемы философии. М.: Республика, 2000. 315 с.
5. *Иглмен Д.* Мозг: Ваша личная история. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2019. 256 с.
6. *Платон.* Пир // Платон. Собр. соч. в 4 т. Т.2. М.: Мысль, 1993. С. 81–134.
7. *Рассел Б.* Проблемы философии // *Джеймс У.* Введение в философию; *Рассел Б.* Проблемы философии. М.: Республика, 2000. С.153–276.
8. *Сартр Ж.-П.* Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии. М.: Республика, 2000. 639 с.
9. *Спиноза Б.* Политический трактат // *Спиноза Б.* Об усовершенствовании ума. Сочинения. М.: ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс, Харьков: Изд-во «ФОЛИО», 1998. С. 487–586.
10. *Хайдеггер М.* Основные понятия метафизики. Мир-Конечность-Одиночество. СПб.: «Владимир Даль», 2013. 592 с.
11. *Хайдеггер М.* Время и бытие: Статьи и выступления. М.: Республика, 1993. 447 с.
12. *Экхарт М.* Об обновлении духа // *Экхарт М.* Духовные проповеди и рассуждения. М.: Политиздат, 1991. С. 145–149.

УДК 159.9

ОБРАЗЫ МНОГОВАРИАНТНОСТИ ГЛОБАЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ В ПЕРЕЖИВАНИИ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ БУДУЩЕГО

А.А. Гостев

ФБГУН «Институт психологии РАН»

Обосновывается значимость изучения образов многовариантности глобальной трансформации для: а) преодоления индивидуальных и коллективных переживаний неопределенности будущего; б) повышения адекватности социального восприятия и социального познания в целом; в) формирования образов будущего; г) регуляции жизнедеятельности многоуровневого субъекта глобальных процессов. В этой связи обсуждаются значимые теоретико-методологические идеи. Например, для понимания и изучения психологических аспектов глобальной трансформации подчеркнуто значение

концептуального взаимодействия социальной, политической и исторической психологии, а также психологии личности и психологии религии. Выделены основные образы глобальных проектов и их взаимодействия/взаимовлияния. В частности, это: «Новый Вавилон на теле США», «Великая объединенная Европа», «Новый халифат», «Сообщество единой судьбы человечества», «Великая Евразия» и др. Подчеркивается, что социальные представления о многообразии проектов глобальной трансформации способствуют формированию образа её целостности. Выделено инвариантное и специфичное в социальных представлениях о «глобальном проектировании». Отмечена тематика рисков и угроз для человека и общества со стороны активно строящегося «оцифрованного глобального социума». Поставлена задача изучения образа «цифровизации человечества» в различных проектах глобальной трансформации, сопоставления особенностей преломления данного тренда в вариантах глобального проектирования. Сформулированы задачи на перспективу изучения многовариантности представления людей о глобальной трансформации.

Ключевые слова: геополитика, угрозы человечеству, глобальная трансформация, психология, личность, субъект, духовность, нравственность, цифровизация общества, новый мировой порядок, трансгуманизм.

IMAGES OF GLOBAL TRANSFORMATION VARIETY IN UNCERTAINTY OF THE FUTURE EXPERIENCING

*A.A. Gostev
Institute of Psychology, RAS*

Importance of studying images of the multivariance of global transformation is justified for: a) overcoming individual and collective experiences of uncertainty of the future; b) increasing adequacy of social perception as well as social cognition in general; c) forming images of the future; d) regulation of activity of multilevel subjective factor of global processes. In this regard, significant theoretical and methodological ideas are discussed. For example, in order to understand and to study the psychological aspects of global transformation, the importance of conceptual interaction of social, political and historical psychology, as well as the psychology of personality and psychology of religion is emphasized. The images of main global projects and their interaction and mutual influence are distinguished. In particular, these are: «New Babylon on the body of the USA», «Great United Europe», «New Caliphate», «Community of the common destiny of humankind», «Great Eurasia», etc. It is underlined that social representations about the diversity of global transformation projects contribute to forming integral image of such ones. Invariant and specific content in social representations of the global projects are distinguished. The topic of risks and threats to humans and society from constructing the «digitalized global society» is noted. In particular, studying images of «digitalization of humanity» in various global transformation projects is set as very important research task. Some additional problems for prospect studying of the multivariance of people's perception of global transformation are formulated.

Keywords: geopolitics, threats to humanity, global transformation, psychology, personality, subject, spirituality, morality, digitalization of society, new world order, transhumanism.

Статья подготовлена по Госзаданию: 0138029-2021-0001 «История психологии и историческая психологии в контексте актуальных проблем развития современного российского общества».

Вводные замечания

Тематика конференции «Человек в условиях неопределенности» отражает основные проблемы современного человечества в его глобальной трансформации (ГТ), подчеркивая особую роль психологической науки в междисциплинарном знании о ней. А это предполагает рассмотрение связи психологических аспектов феномена неопределенности человеческого бытия в ГТ с осмыслением геополитических реалий политическими и экономическими знаниями. Современная психология должна участвовать и в научном прогнозировании последствий технологической революции.

Возросшее значение психологической науки в изучении ГТ определяется стремительностью и масштабами изменения образа человеческого бытия. Но традиционной психологии предстоит ускориться в своем развитии – рождающееся новое мироустройство требует от психологической науки значительного расширения своего предметного поля, разработки новых методологических подходов. Такая система психологического знания будет более способна к пониманию растущей сложности, неопределенности, неоднозначности ГТ-процессов, и на этой основе к созданию гуманитарных технологий противодействия угрозам выживания человечества, адаптации к деструкции старого мироустройства, к трендам «цифроцентричного человечества».

Помощью в осмыслении ГТ-тематики является теоретико-методологическое раскрытие взаимодействия социальной, политической, исторической психологии, психологии личности, психологии религии с формированием на этой основе *макро-социо-политической психологии ГТ* [4]. Данный интегративный подход ориентирован на более тесное взаимодействие психологического знания о ГТ с исследованиями в области геополитики и мировой экономики, с изучением роли идеологических и мировоззренческих факторов жизнедеятельности человечества.

Макро-социо-политическая психология особо подчеркивает свою опору на:

- *психологию образной сферы человека и имаго-символосферу коллективного субъекта* [3] – поскольку образы не только отражают происходящее, но и формируют будущее через его антиципацию;
- *духовно-нравственную сферу человеческого бытия* [4; 5; 6].

Переживание людьми возрастающей неопределенности мира является одним из главных рисков-угроз ГТ [4; 12]. Достаточно указать на временные характеристики образа ГТ, связанные с «непредсказуемостью» прошлого (фальсификация и переписывание истории), многозначностью настоящего, «туманностью» в прогнозировании будущего.

Образы взаимодействия глобальных проектов

Изучение ГТ-образов должно учитывать, что на *естественные* глобальные процессы влияет *субъективный фактор* направленных/преднамеренных на них воздействий со стороны различных проектов мироустройства. Именно социальные представления о многообразии ГТ-проектов в рамках общего тренда глобализации помогают людям двигаться к целостности своих представлений о ГТ, не упуская из вида игру её вариантов.

Специфика ГТ-проектирования не устранима из-за различий в целях, ценностях, путях реализации геополитических планов, характерных для коллективных ГТ-акторов. Особенности ГТ-проектов определяются также глубинными (архетипическими) основаниями национальных культур, выступающими внутренними условиями, через которые действуют любые воздействия на ГТ-процессы (естественной и преднамеренной природы).

Каждый из ГТ-вариантов требует отдельного описания и осмысления своего влияния на общую систему представлений людей о глобализации, на особенности восприятия и переживания людьми происходящего в мире и будущего человечества. Обобщая подобные образы на экспертном уровне³ и на уровне обыденного сознания, которые представлены в Интернете – в публикациях и комментариях на них, в озвученных мнениях на ютубе, на форумах и пр., кратко обозначим основные ГТ-варианты, отмечая некоторые их особенности,

1. *«Новый Вавилон на теле США»*. Проект в наибольшей степени воплощает main-stream в понимании глобализации в последние десятилетия. Данный вариант предполагает сохранение США статуса «града на холме»,

³ Укажу лишь на некоторых авторов, позиция которых в осмыслении ГТ мне близка и используется в моих исследованиях: Т.В. Грачева, А.П. Девятов, А.Г. Дугин, В.Ю. Катасонов, И.К. Мухина, С.Е. Кургинян, К.В. Сивков, А.А. Фелелов, А.И. Фурсов, О.Н. Четвериукова, И.С. Шишкин, И.А. Шнуренко.

который выступает площадкой для реализации идеологии трансгуманизма и формирования на её основе нео-человечества. Проект, являясь воплощением глобального неолиберализма, предполагает усиление системы наднациональной власти с опорой на государственность США – лидера «коллективного Запада». При этом, в изучении образа геополитического доминирования США важен учет, в частности, а) соотношения транснационально и национально ориентированной (по аналогии с внешней и внутренней политикой Д. Трампа) геополитики⁴; б) некоторое смягчение в администрации Дж. Байдена враждебной риторики в адрес России.

2. *«Великая объединенная Европа»*. Проект предполагает усиление геополитической субъектности Европы в «коллективном Западе» на фоне утраты мирового лидерства США и, соответственно, привлекательности этого государственного субстрата для наднациональной детерминации ГТ. В достижении этой цели при этих условиях возможны варианты. Это, например, усиление роли европейской аристократии и Ватикана, с преодолением негативных последствий политики мультикультурализма, и с усилением позитивного влияния исламского фактора. Это может быть вариант евразийского расширения (от Лиссабона в сторону Тихого океана), связанный с отмеченными «закулисными идеями» перенесения «глобального транснационального центра» на евразийское пространство.

3. Свое представление о ГТ есть у исламского проекта *«Новый халифат»* – создание конфедеративного исламского государства с едиными законами шариата, общей системой безопасности и пр. Истоки данного проекта – в сирийских событиях последних лет. Сегодня же он основывается на геополитическом влиянии Турции в Закавказье, на Ближнем и Среднем Востоке.

Следующие геополитические проекты касаются вариантов евразийства.

4. Китайская модель *«сообщества единой судьбы человечества»* – объединяет исламские и православные страны с традиционными китайскими ценностями «Пути Неба» (в качестве космического основания геополитики [9]), включает элементы коммунистической идеологии, характеризуется сильным акцентом на внедрение новых информационных технологий в жизнь общества (социальный рейтинг).

⁴ Американско-центристский ГТ-проект интересен в связи с пониманием людьми ослабления лидерства США, с развенчанием иллюзий относительно американской демократии.

5. «*Великая/Большая Евразия*». Данный проект особо значим для России, и в связи с предыдущим проектом, и в плане экспансии «Великой Европы» на территорию исторической России. При изучении особенностей образов любых евразийских ГТ-проектов поэтому следует максимально предметно учитывать место и роль России на евразийском пространстве. Проект предполагает трансформацию территорий «исторической России» на евразийском пространстве. С проектом связаны, например, образы воссоздания СССР-2 [11]. Интересно представление о «Новой Орде» [9].

Укажем еще на один ГТ-проект, идущий из «глубины веков». Назовем его «*Вечное царство Израиля*». Осмысление этого ГТ-варианта рождает конспирологические опасения [1; 8; 9], мы лишь обозначим его, отметив связь с христианскими эсхатологическими представлениями – с тематикой антихриста/мошиаха.

В изучении образа многовариантности ГТ необходимо: а) изучение представлений о взаимодействии ГТ-проектов в индивидуальном и коллективном сознании и б) выделение инвариантного и специфичного в ГТ-образах. В частности, предметом исследования является то, как подобные образы отражают дихотомию: «глобальное» (в пределе с исчезновением государственных границ и национально культурных различий) – «регионально-локальное» [10; 18]. Каждый проект имеет своё соотношение данных характеристик, что и отражают представления о таком их сочетании.

Изучение образов взаимодействия ГТ-проектов предполагает отражение их *мировоззренчески-идеологической основы*. Трансгуманизм, например, перестраивает человечество через любых носителей данной идеологии.

При изучении *образов взаимодействия ГТ-проектов* отметим также следующее. Это, например, комплекс проблем, возникающих из перспектив геополитического взаимодействия евроатлантической системы «США – Европа» в их современном и трансформированном видах (особое значение, как уже отмечалось, придается перспективам геополитического статуса США). Многообразны возможные взаимодействия внутри евразийских ГТ-вариантов. Достаточно указать на геополитические влияния особенностей взаимоотношений России, Китая и Европы. В этом контексте упомянем идеи Маккиндера о «центре мира» на евразийском пространстве («сердце Земли» – Хартленд), владение которым обеспечивает мировое господство. Интересно в этой связи осмысление динамики метаисторических и геополитических границ «исторической России», прежде всего, изменения её западных границ. Логично вспомнить и о геополитической метафоре

«колея анаконды» вокруг России. Образ взаимодействия евразийских вариантов ГТ-проектов предполагает присутствия в нём «подбрюшья» формирующегося «Нового Халифата», причем с учетом влияния Запада на этот процесс. «Единая судьба человечества с китайским лицом» зависима и от положения дел в мире (особенно от внутривосточного состояния и геополитической деятельности США), и от взаимодействия с Россией.

Укажем также на «стержневой» характер проекта «Вечное Царство Израиля», который через возможности своего финансового обеспечения влияет на все ГТ-проекты. Китайский вариант глобализации, например, участвует в «плане Соломона» через деятельность в Китае клана Ротшильдов [8]. Выраженную транснациональную составляющую имеет финансовая деятельность Гонконга и пр. «План Соломона» присутствует и в проекте «Третья Орда» [9].

При изучении многовариантности ГТ-образов будем учитывать, что обозначившийся в последние десятилетия многополюсный мир сосуществует с противоборствующими «атлантизмом коллективного Запада» во главе с США и «тихоокеанством» с лидерством Китая.

Отметим также, что образ многополюсности мира во многом иллюзорен в плане влияния на ГТ-процессы взаимодействия публичной и непубличной геополитики с участием транснациональных игроков с их совпадающими или противоречащими целями/интересами. Во взаимодействии ГТ-проектов происходит, в частности, столкновение и взаимовлияние:

- а) различных либеральных вариантов;
- б) «красных» идей (еврокоммунизм, нео-троцкизм неоконков в США, китайское воплощение коммунистической идеологии и пр.);
- в) националистических тенденций с агрессивным «патриотизмом».

Отметим, что все три указанные ГТ-варианты расчищают поле для появления различных форм жесткой стратификации глобального социума, для которой маской-фасадом останется нео-либеральный глобализм с «демократическими» лозунгами.

Одной из задач макро-социо-политической психологии ГТ является изучение многоуровневой социальной антиципации – от индивидуальных мыслей о будущем до планирования основных трендов в ГТ-проектах. Мне понравилось выражение – «стратегическая разведка замыслов мировых проектов» [9]. Она позволяет раскрывать планы в глобальном проектировании, маскировки ГТ-процессов в глобальной психоманипуляции (помощь в различении дезинформацию) *независимо от*

результатов. Разведка возможностей допускает коррекцию и субъектом проектирования, и объективными обстоятельствами.

Цифровая инвариантность в ГТ-проектах

Особой значимостью для изучения образа многовариантности ГТ, на мой взгляд, обладает тематика рисков/угроз для конкретного человека, общества, человечества в целом со стороны активно строящегося «оцифрованного глобального социума». Изучение многовариантности ГТ-образов предполагает сопоставление данного общего тренда со спецификой его реализации в конкретных ГТ-проектах. Предстоит понять, как тренд на «оцифровку человечества» преломляется в вариантах глобального проектирования, и какие в них возникнут психологические и духовно-нравственные последствия. Следует учитывать, в частности, следующие психологические проблемы (подробнее о них – Гостев, 2020 [4]).

Прежде всего, в любом ГТ-проекте не избежать поиска интеграции «традиционного человека» с виртуальными формами человеческого бытия, создаваемыми новыми информационными технологиями на базе искусственного интеллекта. Изучение психологических и духовно-нравственных последствий такой интеграции предполагает опору на целостное описание человека (как индивидуальности, субъекта, личности, индивида – аспекты макроописания человека по Б.Г. Ананьеву и В.А. Ганзену, см. [4]). Такой подход углубляет исследования переживаний, опасений, или наоборот мобилизации и жизнестойкости людей в условиях адаптации к транзиту из национально-культурной специфичности жизни общества в формирующийся (с ускорением, и преднамеренно и естественно) глобальный цифровой социум. К «цифровизации» человечества следует подходить не только как к закономерному переходу к чему-то «прогрессивному», но как к «перепрошивке» человеческого бытия. Людям по всем каналам глобальной психоманипуляции преднамеренно и интенсивно подменяют привычную традиционную картину мира, перепрограммируют систему представлений о месте человека во Вселенной [1]. На высоком экспертном уровне говорится (например, член-корреспондентом РАН М.В. Ковальчуком) о подготовке технологического порабощения человечества, о формировании человека с ограниченным самосознанием для обслуживания элит ⁵. Приходится, однако,

⁵ Отметим также наличие цензуры под политические заказы и согласование крупнейшими IT-гигантами (Facebook, Apple, Google, Amazon и пр.) блокирования информации, её искажения, комментариев «в нужном ключе» (Шнуренко, 2021)⁴ см. также видеоматериалы И.К. Мухиной.

констатировать недостаточный интерес психологической науки к изучению негативных последствий строительства глобального цифрового общества тотального социального контроля и формирования «цифрового человека – homo digital». Трансгуманистическое обоснование такой трансформации человека ставит, например, психологическую проблему – трудность самоидентификации вследствие присутствия в людях «неживого» (в частности, имплантантов для связи с компьютерами), которому подчинено «традиционно человеческое».

Некоторые обобщения и перспективы

1. Многовариантность ГТ-образов является значимым фактором переживания людьми неопределенности своего бытия в современном мире. ГТ-образы отражают как множественность форм процесса глобализации, так и его инвариантное содержание. Сочетание и того и другого в представлениях людей о ГТ-процессах требует изучения с психологических позиций.

Значимым контекстом исследования могут выступить линии взаимовлияния и особенности взаимодействия основных ГТ-проектов. Например, перспективной задачей выступает изучение представлений людей о том, как ГТ-события (естественные и проектируемые) в качестве *внешних условий* действуют через *внутренние условия* содержания различных ГТ-проектов.

Интересной психологической проблемой является изучение социальных представлений о «геополитических играх», имеющих место во взаимодействии ГТ-сил/акторов.

2. Изучение многовариантности ГТ-образов необходимо для адаптации к тенденциям нового мироустройства, в частности, для поиска:

а) выхода из текущего мирового кризиса;

б) способов преодоления деструктивного влияния на человека неопределенности и слабой прогнозируемости современного мира.

3. Важным для понимания регулирующей функции ГТ-образов является идеолого-мировоззренческие характеристики участников ГТ-проектов (на индивидуальном и групповом уровнях). Перспективной задачей, следовательно, видится осмысление роли соответствующего духовно-психологического обеспечения в образной сфере человека и в имаго-символосфере конкретного общества. В качестве примера роли идеолого-мировоззренческого фактора ГТ-проектов предлагается изучение последствий «большой перезагрузки мира», заявленной «манифестом

Шваба и К^о». Интерес представляет эффект и от реализации данного проекта, и от фантазий, страхов людей относительно такой перспективы.

4. Переживание неопределенности жизнедеятельности современного человека усиливается процессом его трансформации в направлении формирования «пост-нео-человека-киборга». Поэтому полезно заострение вопроса об последствиях превращения людей в придаток техносферы.

Формирование глобального «цифрового общества» тотального социального контроля на базе новых информационных технологий инвариантно для всех ГТ-проектов. Однако актуально изучение психологических и духовно-нравственных эффектов от специфики цифровизации в конкретных проектах.

5. Для изучения многовариантности ГТ-образов полезно допущение и осмысление вклада метаисторического фактора в содержании образов происходящего в мире. Речь, в частности, должна идти об углублении понимания влияния исторически сложившихся интересов, ценностей, установок на мир, характерных для национально-культурного субъекта. Особо значимо раскрытие влияния на него собственных «святынь духовного космоса». Стоящие за ГТ-проектами метаисторические силы также выступают субъектами глобальных процессов.

6. Изучение образов взаимосвязи ГТ-проектов в рамках общих тенденций глобализации чрезвычайно актуально для будущего России. Образы предполагают отражение возможности её включенности во все ГТ-проекты. Это соответствует религиозным пророчествам и светским прогнозам о России как «духовного центра преображенного человечества».

Библиографический список

1. *Гостев А.А.* Глобальная психоманипуляция: психологические и духовно-нравственные аспекты. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017.
2. *Гостев А.А.* Глубинные детерминанты человека и общества: в поиске новых подходов и возможностей понимания // Развитие российской психологии накануне и после русской революции 1917 года: тенденции, научные школы, персоналии: сборник статей Всероссийской научной конференции. Арзамасский филиал ННГУ, ИП РАН, МосГУ. Саров: Интерконтакт, 2019. С. 15–25.
3. *Гостев А.А.* Психология вторичного образа. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.
4. *Гостев А.А.* Психологические и духовно-нравственные проблемы современного человека: риски-угрозы-вызовы // Социальная и экономическая психология, 2020. Т. 5. № 4 (20). С. 35–66.

5. *Гостев А.А.* Психоманипуляции в духовно-нравственной сфере человеческого бытия // Духовно-нравственные проблемы современной личности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. С. 138–164.
6. *Гостев А.А., Борисова Н.В.* Психологические идеи в творческом наследии И.А. Ильина: на путях создания психологии духовно-нравственной сферы человеческого бытия. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.
7. *Гостев А.А., Кольцова В.А.* Метаисторические аспекты исторической психологии: новые грани в изучении менталитета // Фундаментальные и прикладные исследования современной психологии. Результаты и перспективы развития. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017. С. 194–204.
8. *Грачева Т.В.* Китай в объятиях дракона. М.: Изд-во: Благоденствие, Техинвест-3, 2013.
9. *Девятков А.П.* Разведка будущего в условиях глобализма. М.: Изд-во «Жигульский А.Ю.», 2017.
10. *Журавлев А. Л., Соснин В. А., Китова Д. А., Ковалева Ю. В., Смирнов А. А.* Психологические факторы развития геополитических отношений: субъекты, механизмы, тенденции. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2020.
11. *Кургинян С.Е.* Красная весна. М.: Изд-во «Международный общественный фонд «Экспериментальный творческий центр», 2015.
12. *Нестик Т.А., Журавлев А.Л.* Психология глобальных рисков. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018.
13. *Переслегин С.Б., Переслегина Е.Б.* «Дикие карты» будущего. Форс мажор для человечества. М.: Изд-во «Алгоритм», 2017.
14. Психологические исследования глобальных процессов. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018.
15. *Фурсов А.И.* Вопросы борьбы в русской истории: Логика намерений и логика обстоятельств. М.: Книжный мир, 2016.
16. *Четверикова О.Н.* Диктатура «Просвещенных»: Дух и цели трансгуманизма. М.: Благоденствие. Техинвест-3, 2016.
17. *Шнуренко И.А.* Демон внутри. Анатомия искусственного интеллекта. М.: Изд-во «Наше завтра». М.: 2021.
18. *Gostev A., Tucker J.C., Gilliland M.* Zemlyanin: The emerging global citizen? Moscow–San Francisco, 1998.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ТОЛЕРАНТНОСТИ К НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ С СОСТАВЛЯЮЩИМИ ЛИЧНОЙ РЕЛИГИОЗНОСТИ

Е.С. Гусева¹, А.Ю. Чернов²

¹ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева»

²ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет»

В статье описывается эмпирическое исследование, проверяющее наличие корреляции между толерантностью личности к неопределенности и такими аспектами личной религиозности как убежденность в существовании Бога, включенность в религиозную практику, интерес к трансцендентному, религиозные эмоциональные переживания. По результатам исследования корреляции не были обнаружены. Делается предположение, что функцию психологической защиты от неопределенности выполняет религиозный фанатизм, уровень которого в применяемых методиках не учитывался.

Ключевые слова: толерантность к неопределенности, религиозность личности, структура религиозности, психологические защиты.

RELATIONSHIP OF TOLERANCE TO UNCERTAINTY WITH THE COMPONENTS OF PERSONAL RELIGIOUSNESS

E.S. Guseva¹, A.Yu. Chernov²

¹Samara National Research University

²Volgograd State University

The article describes an empirical study that tests the presence of a correlation between a person's tolerance to uncertainty and such aspects of personal religiosity as belief in the existence of God, involvement in religious practice, interest in the transcendent, and religious emotional experiences. No correlations were found in the study. It is suggested that the function of psychological protection from uncertainty is performed by religious fanaticism, the level of which was not taken into account in the methods used.

Keywords: tolerance to uncertainty, religiosity of a person, structure of religiosity, psychological defenses.

Современное человечество уже вошло в новую информационную эпоху, но еще не освоилось в ней. Дискуссионными остаются вопросы о том, что нам ждать от всеобщей информатизации и цифровизации; как относиться к роботам и нейросетям; какие новые нормы и правила необходимо соблюдать при реализации онлайн-образования и т.п. Можно

сказать, что мы оказались в ситуации неопределенности, которая не может не оказывать влияние на общественное мышление, социальное поведение, психическое состояние каждого из нас.

Как отмечает Е.П. Белинская, в большинстве случаев в современной науке в качестве главного признака неопределенности выделяется информационный признак: недостаток, противоречивость (несовместимость) или нечеткость информации [1].

В наше время эта информационная неопределенность выражается в таком актуальном понятии как «фейк». В интернет-пространстве все чаще подвергается сомнению официальная картина мира: широко распространены мифы о плоской земле; правительстве из роботов; городах, население которых полностью выращено в лаборатории; искусственном интеллекте, стремящемся поработить людей и т.д. Одним словом, в эпоху неопределенности и всеобщего недоверия к официальной информации магическое мышление имеет тенденцию усиливаться.

Усиление магического мышления в ситуации неопределенности можно рассматривать как защитный механизм личности. Так Е.В. Улыбина и Н.В. Бакланова упоминают исследования, согласно которым люди, проживавшие в районах, подвергавшихся бомбежке, демонстрировали более высокий уровень магического мышления, чем проживающие на безопасных территориях [6].

Н.С. Сидоренко и А.А. Шахторин отмечают, что в информационную эпоху в обществе появилась вторая волна специфических новых религиозных движений, которые отличаются четкостью и определенностью доктрины, простотой ритуалов, и этим привлекательны для современного поколения. Наибольшая активность новых религиозных движений наблюдается в периоды социальных кризисов, экономической нестабильности и т.п. [4].

Религиозное или магическое мировоззрение помогает преодолеть неопределенность, придать ей смысл. Как пишет В.П. Зинченко: смысл является главным «инструментом» преодоления неопределенности [2].

Результаты эмпирического исследования Е.В. Улыбиной и Н.В. Баклановой показали, что для верующих людей характерна меньшая толерантность к неопределенности, чем для неверующих [6]. Результаты исследования И.Э. Соколовской доказывают, что религиозность помогает адаптироваться верующему человеку в социуме, компенсируя незрелость и неэффективность характерных для верующих психологических защит [5].

Сегодня религиозность рассматривается исследователями как сложный, многомерный феномен, который может включать в себя широкий

спектр составляющих: религиозное мышление, религиозные чувства, поведенческие реакции и т.д. [8; 9]. В связи с этим, до сих пор остается непонятным, какие именно содержательные элементы религиозности помогают верующему адаптироваться к неопределенности. Ответ на данный вопрос позволит более точно раскрыть механизм религиозности как психологической защиты в ситуации неопределенности.

Целью нашего исследования стало: проверить взаимосвязь между толерантностью личности к ситуации неопределенности и составляющими личной религиозности, такими как убежденность в существовании высших сил, стремление к получению знаний о трансцендентной реальности, публичным и приватным исполнением ритуалов, религиозными чувствами.

Согласно нашей гипотезе, толерантность к неопределенности связана с отдельными составляющими религиозности.

В ходе исследования использовались такие методики как опросник уровня религиозности Хубера [7] и новый опросник толерантности – интолерантности к неопределенности Т.В. Корниловой [3].

Выборку составили 45 человек – студентов филологического и психологического факультета Самарского университета.

Все респонденты были верующими. Важно отметить, что опросник Хубера универсален, и подходит для представителей любых конфессий и религиозных направлений. В опроснике Хубера религиозность понимается как психологическая характеристика, состоящая из таких компонентов как убежденность в существовании Бога, включенность в религиозную практику (ритуалы, молитвы), интерес к трансцендентному, религиозные эмоциональные переживания [7].

Метод ранговой корреляции Спирмена не выявил значимых взаимосвязей между общим уровнем религиозности, а также отдельными ее составляющими и толерантностью к неопределенности, интолерантностью, а также межличностной интолерантностью к неопределенности.

Это означает, что стремление к изменениям, новизне и оригинальности, а также стремление к ясности, и неприятие неопределенности, в том числе и в межличностных отношениях, не определяет уровень религиозности личности и не зависит как от общего уровня религиозности, так и от его составляющих.

Таким образом, наша гипотеза не подтвердилась. Религиозность не всегда несет в себе функцию психологической защиты от неопределенности. Возможно, от неопределенности защищают характеристики личной религиозности, измерение которых не предусмотрено тестом Хубера. Предположительно, в роли защитного

механизма может вступать фанатизм религиозной личности, выражающийся, в том числе когнитивной ригидности.

Библиографический список

1. *Белинская Е.П.* Конструирование идентификационных структур в ситуации неопределенности // Трансформации идентификационных структур в современной России. М.: Московский общественный научный фонд, 2001. С. 30–53.
2. *Зинченко В.П.* Толерантность к неопределенности: новость или психологическая традиция? // Человек в ситуации неопределенности. М.: ТЕИС, 2007. С. 9–33.
3. *Корнилова Т.В.* Новый опросник толерантности – интолерантности к неопределенности // Психологический журнал, 2010. Т. 31. № 1. С. 74– 86.
4. *Сидоренко Н.С., Шахторин А.А.* Феномен новых религиозных движений: трансформация религиозности в современной социокультурной ситуации // Общество: философия, история, культура, 2019. № 4 (60). С. 27–31.
5. *Соколовская И.Э.* Механизмы психологических защит в связи с религиозностью личности // Мир науки, культуры, образования, 2014. № 4 (47). С. 47–49.
6. *Улыбина Е.В., Бакланова Н.В.* Половые различия структуры связи религиозности с толерантностью/интолерантностью к неопределенности // Мир психологии, 2017. № 3(91). С. 256–266.
7. *Улыбина Е.В., Климова К.К.* Влияние актуализации мыслей о Боге и уровня религиозности на отношение к неопределенности // Научный электронный журнал «Артикульт», 2017. № 26 (2). С. 108–121. [Электронный ресурс] // URL: <http://articult.rsuh.ru/articult-26-2-2017/articult-26-2-2017-ulybina-klymova.php> (дата обращения 5.05. 2021). DOI: 10.28995/2227-6165-2017-2-108-121.
8. *Glock C.Y.* Exploring reality structures // In gods we trust: New patterns of religious pluralism in America. New Brunswick; NJ: Transaction Books, 1981. P. 67–83.
9. *Holt J.C.* The conversion experience in America: a sourcebook on religious conversion autobiography. New York: Greenwood Press, 1992. 234 p.

ЭКЗОПЕРАТОР ВЫБОРА НАПРАВЛЕНИЯ ФОРМИРОВАНИЯ СОБСТВЕННЫХ СОБЫТИЙ

Г.П. Дорошко

Российское психологическое общество

В статье рассматриваются П-педагогическая концепция работы оператора внимания объективации реактивности сознания на вероятность ожидаемой агрессии среды подготовкой проекта управления собственной активностью. Предлагается экзоператор осознания смены направлений внимания при загрузке информации о состоянии неопределённости. Представляет собой символически-знаковую систему координат предельности состояний сопровождения образов действия сознания с целью определения наличия в себе виктимности или оценки склонности виктимизации группой образования. Исходя из представления о приоритетности «по делам своим» → «по делам их» устанавливается, что мешает формировать собственные события жизни позитивно в отношении к себе и близким и почему мы с неизбежностью осознанного исхода совершаем действия причинения вреда. Тело считается ответственным за движение и генерацию тепла, его можно контролировать по действиям экзоператора, реализуя способ работы с бессознательным. Всегда исполняя нашу мысль действием тело помнит всё без исключения без оценок хорошее/плохое, всегда является истоком того, что мы забыли. Неопределённость выбора результат накопления {ДА} → {-ДА} → {АД} и личность проявляет слабость и безволие перед фактами собственной реактивности вреда так как когда-то участие в событиях были не завершены и забыты. Обязательства прошлых состояний становятся оператором сознания исполнения действий телом и в отношении к другим субъектам становится виктимностью личности как результат виктимизации средой в которой живёшь. И очевидно необходимо повернуть Вектор нашего Внимания к истоку причинения вреда сознательным действием, рассматривая мир учебной средой, которую можно постепенно преобразовать принципом живой педагогики, идя от сердца создать для себя новую самооценку и образ идеала, чтобы включиться в другой уже учебно-образовательный поток.

Ключевые слова: психологическая педагогика, экзоператор, сознание, виктимность, состояния, виктимизация, бессознательное, вектор внимания, учебная среда, учебно-образовательный процесс.

THE CHOICE DIRECTION EXOPERATOR OF THEIR OWN FORMATION EVENTS

G.P. Doroshko

Russian Psychological Society

The article discusses the Ψ -pedagogic concept of the operator's attention-objectification of the reactivity of consciousness on the probability of expected aggression of the environment by the preparation of a project to manage one's own activity. It is proposed to exoperator realize the change of direction of attention when downloading information about the state of uncertainty. It is a symbolic-sign system of coordinates of the extreme states of accompaniment of images of the action of consciousness in order to determine the presence of victimization or to assess the propensity of victimization by the education group. Based on the idea of prioritizing «their own affairs» → «on their deeds» is established, what prevents the formation of their own life events positively in relation to ourselves and loved ones and why we inevitably commit acts of harm with the inevitability of an informed outcome. The body is considered responsible for the movement and heat generation, it can be controlled by the actions of the exoperator, implementing a way to work with the unconscious. Always executing our thoughts with the action of the body remembers everything without exception without ratings of good/bad, is always the source of what we have forgotten. Uncertainty of choice is the result of the accumulation of «DA» → «-DA»→«AD» and personality shows weakness and indifference to the facts of their own reactivity of harm since once participation in events was not completed and forgotten. The obligations of past states become the operator of the consciousness of the performance of actions by the body and in relation to other subjects becomes the victimity of the individual as a result of victimization of the environment in which you live. And it is obviously necessary to turn the Vector of our Attention to the origin of harm by conscious action, considering the world of the educational environment, which can be gradually transformed by the principle of living pedagogy, going from the heart to create for itself a new self-esteem and image of ideal to engage in another already educational flow.

Keywords: psychological pedagogy, exoperator, consciousness, victimhood, states, victimization unconsciousness, attention vector, educational environment, educational process.

«Проза мысли горькой такова: где внимание моё – там Я средь соткал своей упрямой волей, странно что такую злую для себя, а мой сосед и друг радость сотворить умеет, просто жизни собственной кристалл растить. Он как-то может не спеша и мысль родить и трудным выбором тропу пробить туман советников пройдя. Каждый шаг усилия подъём – ему пример, ошибок малых – признак верности пути. Я знаю – не всё во мне есть то, что для меня живёт, привитый страх внимание косит, причала мыслям позитива не даёт опоры».

Свойства личности и особенности её поведения настроены так, что она не осознаёт и не считает, что стала жертвой в результате собственных действий, и очевидно это следует принять как то, чего для жизни нет, ничто – 0. И если, наоборот, личность осознаёт себя виновной – уже крайность – 1. Возможность повернуть «лево ↔ право» всегда есть, тогда это состояние выбора, а 0 и 1 – интервал нормировки активности моего внимания и три сферы сознания, которые завершаются действием вполне конкретной механики вреда и пользы среды, в которой состоится жизнь.

Если не Я причина, то почему страдаю, что со мной не так? Такой вопрос предмет психологии и виктимологии по той крайности предела {1}, что они предлагают [1; 2; 3]. Психолог даёт оценку принадлежности: 0, 1, квалифицируя состояние и делает заключение: требует ли виктимное поведение психиатра 1 или юриста 1, в интервале: либо рост к единице, либо от неё убывает до нуля – модель двух треугольников нормировки динамики сознания по точному знанию исхода.

Если действия личности осознаны, то операции её собственного сознания поляризованы, две сферы проявляются как два типа виктимного поведения, соглашательское конформное и эмоционально неустойчивое, с последующей ролевой (операторной) виктимностью – вялое, пассивное и жесткое, демонстративно-вызывающее по тому насколько она реактивная приятно несобственных состояний сознаний [3; 4].

Третья сфера личности – предмет педагогики или анализ пути духовного роста посредством «приёмов садовника» в отношении созданного образа личности как одной из проекций её индивидуальности. Если она установлена, то есть возможность педагогическими приёмами управлять, исходя из гибкости сознания человека и готовности делать повороты, так что бы нейтрализовать полярности, поставив себя в позицию внимания |над|: «объект | субъект».

События разворачивались для личности так, что представление себя {Я субъект} тому {где объект} стали неопределимыми. Почему-то моя активность перевела меня в состояние объекта. И если исходить из положений отечественной виктимологии и не связывать ее с преступлением, но лишь с причинением вреда себе, тогда это становится предметом психопедагогики учебно-образовательного процесса восстановления живой направленности технологии процесса манифестации образа действий {духа бодрости}. Опора на виктимологию ориентирует выборку множества качеств личности, в отношении которых требуется механика экзоператора.

Условиями учебных практик формируется становление личности и заготовки опыта устройства собственной жизни. Неизбежность виктимности поведения рассматривается от истока действий в связи с фактом наличия некоторой опоры для неё. Она заложены в детстве как образец поведения. Моменты силы сопротивления и поиска направлений выхода подавлены семейным воспитанием. В состоянии ли такая личность восстановиться сама и какие качества для этого требуются, чтобы устранить перекосы сознания, какие свойства иметь в виду и какие развивать. И очевидно, это три уровня работы сознания – создание плана, где есть

внимание, из него ввести вектор в подсознание, чтобы выйти в итоге на контроль бессознательного. С ним и приходится работать лабораторными методами, отрабатывая действия экзоператора и это не универсальные тренажеры, так как бессознательное у каждого своё и закрыто даже для собственного сознания, внимание концентрируется на инерции и сопротивлении. Создавая предметную среду для оценки реактивности по кодовым вопросам логики.

Выполнение учебной работы по плану никак не допускает умение отстаивать собственность права «знать и уметь» и не предполагают учета интереса субъекта как объекта усвоения тем дисциплины. Интерес не активирован, а значит опыт выбора отсутствует. Реализованная в учебном процессе избирательность подчинения не предусматривает и не воспитывает самоактивации контроля субъектом; дисциплины по выбору не предполагают выбора преподавателя и даже персональный план – всё та же жесткая сетка, не способствующая разрешению оценки неопределённости, в которой находится сознание субъекта.

Привести к $\{0, 1\}$ – значит, уметь строить вектор мысли на том внимании, которое реализовано действием. Есть прямая аналогия для такой экзосилы как оператора внимания – *ВВ*. Мысль произвольна, приходит из другого измерения, нам не подконтрольного, но пользуемся ею и задаём мы, обрабатывая в пригодную форму проекта реализации.

Слепая доверчивость к тому, что делает преподаватель, и трудности усвоения рождает мечту легкомыслия и поиска выхода из трудностей без усилий, используя виктимность заинтересованности преподавателей. Педагогика планом показателей выпуска обязана логикой максимального элемента обеспечить полноту отчетности. Студенты понимают, что их обязаны довести, быстро отвечать за содеянное неподчинение всё равно не придётся, пока учимся. Взятие на себя ответственности уже требует самооценки виктимности преподавателем, это значит – признать собственную неспособность и отказаться от имеющихся преимуществ ложного пути исполняемого учебного процесса. Произвести самооценку категории собственной работы относительно ступеней Лестницы Измерений [5].

Исследование психики состояний полярных сознаний связывает отношения психологии и педагогики, чтобы поставить психоанализ, действующий из общих принципов, в зависимость от педагогического эксперимента т.е. ввести действия в педагогическую психологию для преподавателя [5; 6]. Это значит – строить образовательный процесс от учебно-силового Ψ -истока учащегося посредством организации учебно-

образовательного процесса Ψ -педагогике. Три уровня работы становятся непрерывным переходящим действием |: сознательным (субъект + объект) \rightarrow подсознательным (объект_i + объект_j) \rightarrow бессознательным (субъект_i – субъект_j) |.

В записи бессознательного субъекта на моей генетике (прошлое – Р) не может быть мирным, их объединение (С) всегда с минусом и разность достаётся мне (будущее – F). Не учитываемые субъекты действия посредством объектов подсознания действуют на сознание выбора и создают ситуацию причинения вреда. Сумма на подсознании (объект + объект) предмет работы внимания выбора, чтобы исключить часть объектов поворотом вектора при наполнении пространства внимания: {знать} *ВВ*.

Недифференцированность общительности или «всё равно с кем общаться» – 0, выбор без различения, так как не от чего вести отсчет, доверчивость становится опытом – 1, их накопление от первой единицы до очередной, когда наконец пробьёт слепоту, может продолжаться долго вплоть до уничтожения тела. Это уже вопрос выбора в рамках общей культуры цивилизации, её территориальной дифференциации по социальному признаку субъектных отношений, куда можно поехать. Но везде есть пара: {природа} или {социум} и варианты их совмещения: {природа} и {социум}, когда Природа выступает спасительной опорой и не третьим элементом для каждого, но общим для всех – Земля, тогда мы испытываем уход враждебности. Но генетика начинает раскрываться от места и времени рождения.

Взаимодействие человека с миром, хочу не хочу учиться; в учебном заведении или ищу общения с человеком, который мне интересен, долго это или быстро; я не сразу знаю как это общение установить, так чтобы оно не причинило мне вреда; поэтому опыт не бывает сладким. Горечь растёт, когда сознание спит и тогда учитель пробуждает уже тем, что он выше по категории и с той высоты своей позиции на лестнице измерений ориентирует на себя если осознал – тогда таков и я есмь.

Виктимное *поведение* связано с действием и оценивается по движению. Виктимное *состояние* – это два сознания, разделённые границей, как работа одной индивидуальности двух образцов личности. И если их расположить в последовательности по времени и связать их действием по Закону Причин, то это становится координатой: Р – С – F. Например, две личности: Я есть, жалующаяся на свои неудачи – состояние слабости – сила действий; и не жалуешься – нет действий. Такая схема работает, являя факт |: *что есть во мне* \rightarrow «Я есмь» стало миром, в котором

«Я есть» |. И тогда возврат F – Э – P, непростая операция коррекции перекоса сознания | «Я есть» ВВ «Я емь» | работает как предвиденье.

Фактор стороннего вмешательства*. Первое, что настораживает – это социальность, действие среды, вызывающей постоянное пребывание под воздействием отрицательных эмоций*, это предвестник и показатель присутствия синдрома страха, глубоко спрятанного, и факт наличия отдаленного реального объекта, с корешком в мое бессознательное, от которого виктимность действует по Закону Причин. Объект может вращать внимание субъекта. Направление ему задаёт слово после экзо ВВ становится кодом, за которым мысль и начало исполнения анализа лингвистической семантики, чтобы сменить речевое поведение и создать новый символ образа для личности: смена коллектива, новое имя, псевдоним.

Считается, что избавление от виктимности требует психотерапевта, но так как это подготовленный человек, то не лучше ли подготовить себя самому, став психотерапевтом, убрать эту искусственно рожденную созависимость – предмет действий по коррекции установок извне. Самоконтролем снять напряженности, осознать инфантильность, взять ответственность на себя. Образовательный процесс без элементов виктимизации становится возможным, когда учебная ступень пройдена и достигнута третья категория Лестницы Измерений [5; 6]. Блоком сопротивления реализации такого сценария становится всё та же установка на получение диплома, реально же это только один хороший учебник {Я Есть право для себя}.

Иллюзия того, что если забыл, то и прошло бесследно, не утрачивается даже когда события развиваются в негатив, и выбор сделать становится всё труднее, и уже ясность неизбежного исхода определена, и мы вынужденно обращаемся за помощью. То, что предшествовало исходу негатива, уходит в собственное бессознательное, это всегда что-то неприятное, но если это Ψ-программа, порожденная мною и моё выношенное детище, она никому не нужна, а если и принята другим субъектом, ничего хорошего не принесёт. И наоборот, резонируя с такими же порождениями других, возвращается умноженная.

Действует Закон – любая мысль манифестируется с неизбежностью для породившего её в то время, когда она приобрела сама (→7) или наделена сознательно формой существования, в этом сила мыслеформы и возможность её виденья визуализацией подсознания. Отсюда и необходимость следить за ходом работы мышления определяя собственные порождения и несобственные, они-то и вызывают неразрешимость

неопределённостей. Так или иначе её надо отработать, преобразовать и перевести в нейтральное состояние и лучше в позитивный опыт, но для этого всё вспомнить и вернуть фазой в активное сознание F – Э – P. Это уже определимо как обратное направление работы мысли.

Давая оценку собственной работы сознания, не принято использовать векторные пространства; сравнивают состояния, в котором предчувствие беды и опасности усугубляет ситуацию выбора к исходу негатива. В состоянии стресса субъект с неизбежностью принимает решение не в пользу успешного завершения для себя; он становится объектом, в отношении которого совершаются действия. Срабатывает фактор искажения сознания, следствие социализации мыслеформы жертвенности и считается нормой: «сегодня ОН – завтра Я» – факт технологии виктимизации среды ложным лидером. Другой способ ему не по силам.

Признание наличия в себе негативного бессознательного является неизбежным опытом, который способствует предотвращению причинения вреда себе. Появляется видение, как и кто устраивает такие практики, участвуя с помощью экзоператора более сильного, чем мой; и своя сопричастность ростом силы моего экзоператора вращением внимания. И наоборот, помогая кому-то, с неизбежностью вовлекаемся в чужую жертвенность выбраться из которой без существенных потерь мы не в состоянии, так как это не согласуется и противоречит своей индивидуальности, это ей было не нужно, поэтому не умеем, нет достаточно ментального багажа и нового навыка для духовного подъёма {людское → человеческое}.

Способен ли я создавать собственную реальность и если нет однозначного ответа, то вопрос, почему сильные и слабые мира сего делают меня жертвой экспериментов, и я включаюсь в проекты кем-то проводимые. Почему я – потерпевший – определяется по тому, как я это допустил и когда это началось. Говоря об отсутствии силы, идентифицируют её с должностью и принадлежностью не той структуре организации, исходя из установки: я не могу влиять на ход всемирных процессов. Моё сознание заблокировано завесами, и обозначен коридор. Причина и следствие разорваны во времени настолько, что мы не констатируем связи с тем посылом, который вернулся негативом от глобальной сферы. Новизна негатива тому причиной, её легче воспроизвести, не многие делают зло сознательно.

Сознание поколения – 21 год, точка разрыва $\pm 10,5$ лет, сейчас есть факты индивидуального опыта возврата в 5 раз быстрее. Т.е. следствие опускается по 8 измерениям и входит в третье, где возможна расплата. Но причина забыта, и я уже не понимаю, почему вдруг человек моего

окружения стал добрым или наоборот злым. Сновиденческий опыт даёт ещё более короткие периоды реактивности.

Причина, приведенная мыслеформой в движение выхода из «коридора» посредством устремления [ТАО], напоминает бросок «гайки» сталкером в неизвестное (завесу), определяя механику реакции среды на механику тела. И далее, чтобы выяснить мягкую механику событий, требуется гайка из неметалла, когда используется её функция закрутки на спираль, и так же она поможет найти направление действия тонкого поля по отклонению привязанной «верёвочки». Так броски восстанавливают структуру среды при пролёте. Это и есть сосредоточенность внимания с привязкой к системе координат.

При восхождении мы осознаём бессознательное, интегрируя в себе фрагменты, шаг за шагом отмечая, что в жизни становится меньше неожиданностей, и Я манифестирую то, что сознательно представляю, не деформируя устремление отличиями проекта и фактов реализации строительства жизни, никого и никогда не принося в жертву ради достижения цели [7, с. 143]. Достаточная сознательность различает вхождение в поле чужой разрушительной мыслеформы относительно хорошо отрепетированного состояния непреходящего покоя. Повышением частоты мысли, вмещается полярность и противоположность планов, в которых находишься, одновременно убирая диссонирующие стереотипы. Работает третья сфера сознания над двумя обозначенными противоположностями.

Применить Вектор Внимания $\mathcal{V}\mathcal{V}$ уже возможно, если обозначены начальные источники, выделив из них первичный – «источник первого шага» т.е. место опоры (0) осей переменных и углов поворота $\mathcal{V}\mathcal{V}$, обозначив :| *Я есть Я*.

Экзооператор выражает законченное действие, предписывает выработку некоторой функции состояния памяти на другое состояние, включает информационную часть при выполнении доверительного анализа, показывает по какой из координат недостаточно данных, источников или элементов. И логическая часть – выбор из программы другого оператора, выполняемого вслед за данным в зависимости от однозначности выбора; имеет место детерминированность или недетерминированность выполнения программы.

Определяется поиском операций групп: знать → координата объекта; уметь → функция объекта, получить навык; владеть → субъектность действий, выход за пределы учебно-образовательного процесса, социализация знаний и умений, их единство в среде владения,

манифестация собственного образования при участии других лиц. Владение представляет подобие способа реализации операции умножения при принятии решения выхода из неопределённости состояния.

С помощью *ВВ* оценка *полноты действия* производится по сходимости направленностей движения и наличия центрированных систем, делается по степени законченности сбора данных для принятия решения. В логике это максимальный элемент. Оператор по определению – это отображение множеств знаний попарно, одного на другое, того, что есть, и того, что входит в сознание, их надо наделить структурами образов, формой, определить какие действуют операциями, вводя определение непрерывности, и отношение порядка. Топология сознания не связана с опорой на дискретный элемент, который нам подсказан средой – никогда и ни при каких обстоятельствах сознание не прерывается, исключается и его отсутствие, меняется предметный мир сознания. Это только его временные опоры и его измерение, но оно всегда есть. И в отношении выбора потеря чего-то – не проигрыш, а всегда выигрыш смены плана операций и отношений порядка. Сознание всегда в выигрыше множественностью элементов знания, его вектор ищет непрерывность представления, предел полноты жизни, он составлена не только из привычных элементов. Это всегда имеется ввиду как его топология и предусматривается проектом внимания, тогда виктимность преодолевается.

Структура – форма связности элементов знаний и, если их не достаёт, топология обязывает наполнить пустоту и затем принять решение. Оно с неизбежностью топологии будет позитивным. Если я не определился, значит моё знание дискретно, нужно работать. Операции – объединения и умножения, соединяя накапливаем, и только умножая, получаем качественный скачок, отрыв от линейности обработки суммированием, умножение так же и конденсация, когда знание загружается через подсознание, погружается в бессознательное личности и, выходя из него, не узнаётся как собственное. Здесь и начинается разделение личности учебной и индивидуальности образованной. Он представляет эмпирическое объединение опыта учебной работы, и является способом поиска логических *пределов* служащих обоснованию выводов для себя, декану или преподавателю [1, с. 58–74].

ВВ показывает, какие из координат не включены (да \leftrightarrow нет, есть \leftrightarrow \neg есть), чтобы синтез осуществить, какие переменные задействовать, взять с минусом или плюсом. *Идеал* положения вектора – нормаль к плоскости горизонта или сферы плана реализации. Это уже направление синтеза прецессия вектора относительно вертикали (закончено \leftrightarrow \neg закончено |

¬закончено), не должно попасть в черную точку, тогда ступор сознания и старение. Идеал – одномоментная плоскость отображения объекта, ограниченная его размером, попал в точку или нет, спасает знание факта непрерывности работы сознания, необходимо терпеливо и неспеша войти в тишину, создав её в себе, чтобы выйти за пределы дискретности позиции.

Динамика выборки источников информации для разрешения неопределённости ведет к предельным точкам и радиусам окрестностей информации поиском направлений решения задач по выявленной разбалансировке данных. $\mathcal{B}\mathcal{B}$ представлен графической схемой: две позиции вектора и точки множества (рис.1). Три координаты фиксируют направление вектора к точке её состав и их множество может быть упорядочено приведением к некоторой форме двух пар идеалов выборки $A: \{ \neg \text{и} \neg, \neg \text{и} \neg \}$. Оси показывают направления операций в разные стороны от выбранной точки Я есть приложения вектора, алгебраическая символика первой горизонтали: $[> v <] \leftrightarrow [< v >]$, второй горизонтали: $[P|C|F] \leftrightarrow [F|\mathcal{E}|P]$, вертикали: $\uparrow \odot \downarrow \ominus \downarrow$. Первая и вторая горизонтали образуют плоскость существования. \mathcal{E} - оператор возврата, выбран \mathcal{E} - так... что C^p и \leftarrow это ... есть результат отношения связки по направлению стрелки. F строится сохраняясь и диктует стремлением к законченности P как элементу того из чего F (будущее) достраивает P (прошлое).

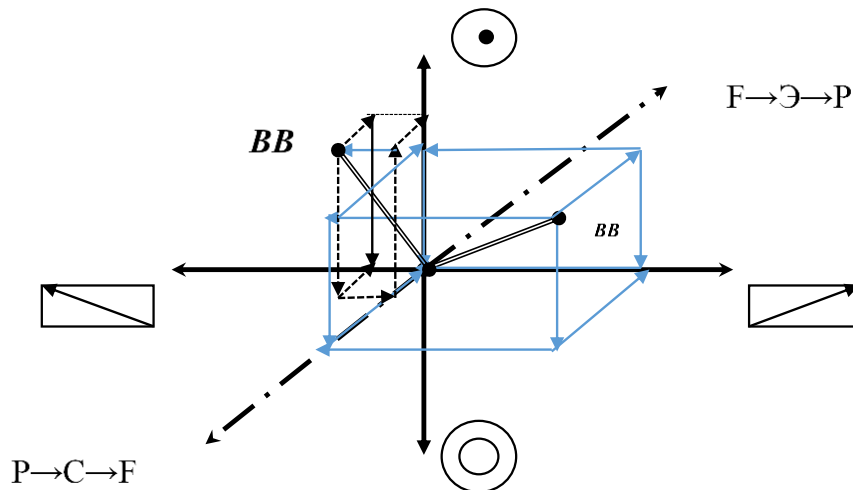

Рисунок 1. Действие экзооператора $\mathcal{B}\mathcal{B}$

Операторы C и \mathcal{E} отличаются направлением ведения внимания: левое – правое относительно точки начала и символически – разорванные окружности или наоборот линии, не замкнутые в окружность. C ведёт к

окольцовке, управлению и контролю, а Э – за предел стенки незнания, где начинается вмешательство в эксперимент образованием трех сфер сознания.

Дополнительностью растет осознание решения, и чтобы войти в будущий проект его надо сначала построить, затратить энергию на макет и силу движения массивности тел (должность, звание), и если координаты – прямые линии, то движение вектора их деформирует искривляя, уже после первого шага введением мерности сущности процессов пространства информации на мир объектов, $\mathcal{B}\mathcal{B}$ – крайний экзоператор конкретных действий.

Третья координата {III} – три знака $[x f y]$, PCF . Тройственное отображение вводит отношение порядка, показывая последовательности, отмечает наличие и вид функциональных связей на диаграммах и графиках для установления баланса достаточности. Это не обязательно координата времени, но всегда координата бинарной операции с включением оператора, зависимой и независимой переменных. Накопление источников P как непрерывно изменяющихся характеристик имеет предел к линии функции блока PCF , прошлое \rightarrow активация \uparrow \rightarrow будущее.

Вторая координата {II} – внимание сосредоточено на наличии или отсутствии противоположностей: \pm , $(\uparrow\downarrow)$, роста или убыли, подъёма или падения, альтернатив, геометрии и алгебры. Основная трудность определить наличие альтернативы в предполагаемой противоположности. Дискретная ось этому служит, намечая точки поиска альтернатив, определяя наличие и отсутствие противоположностей, дифференцированием при определении отношения свойств – замкнутые | открытые структуры, |⁻и, и⁻ |.

Первая координата {I}. Ось поиска целостности оценивается прежде всего по возможности образования пар в различных сочетаниях, как они появились совокупности и почему. Конвергенция к точке, дивергенция окрестности, очерченной кругом $\rightarrow 1$. Внимание сосредоточено, есть точка отсчета, а значит есть сфера окружения. Дивергенция окрестности точки становится истоком преобразований.

Координата, отвечающая за позицию логической целостности {I} оперирует: 1, 0, есть – нет, чтобы иметь возможность в качестве точки центра окружности или сферы по характеристикам и ограничениям: не доделано, не действует, заканчивается, не представлено. И заложить начало подготовки терминологического словаря ТС – языка создания новой среды существования. Расшифровкой используемых слов, образовать множества, свести определения категорий в систему. Полагая образ по оси, конвергенция вверх, дивергенция вниз.

На рисунке горизонт очерчивает круг знаний; вертикаль вверх – восприятие, вниз – интуиция. Восприятие от перцепции отличается не переводом, восприятие субъектное личностное содержит в себе суждение критического ума. Перцепция – оператор состояния – относится к индивидуальности, исключая перекосы субъекта, когда он по уровню знания строит круг, выбирает знания под себя (самоумнение), отклоняя вектор выбора от тем, как ему кажется, ему не требующихся, таким образом блокируя учебно-образовательный процесс. Он замкнут, и без внешнего инициирования его сознание становится черной дырой энергетики (на рис. 1 обозначена как $\{\bullet\}$). Преподаватели вынуждены работать с такими присутствующими вместо того, чтобы работать с отличниками, поднимая их сознания от интуиции подсознания к раскрытию бессознательного. Это и есть его выбор, так как с неизбежностью в период постановки блоков при выборе знания в круг внимания он сам обусловил свой исход с выходом на уроки жизни.

Номера обозначений координат соответствуют числу форм отображения действия операторов. Тройка сохраняет последовательностями направления к пределу. Двойка показывает рождение целого из пар изменяющейся масс, ограничивает и нормирует последовательности, рубит их приводя к единой мере. Единица, закручиванием в кольцо замыкает, восстанавливая неравновесие, вращение в сферу даёт силу конвергенции стремления к точке, направление того самого предела, недостижимого по трубке спирали с шагом разорванного кольца если делать сечение. Этот разрыв становится эквивалентом меры дивергентной разметки пространства информации.

Полнота исследования восстанавливается, когда есть данные для построения нижней плоскости выбранных переменных и выполнен круговой оборот, а) нормированных относительно изменения двух взаимно дополняющих факторов (прямоугольник с диагональю), это причина динамики *превращений* и б) последовательности *состояний* для идентификации относительным сравнением функций (трехсекционный прямоугольник). Тогда есть возможность определить подъём вектора на синтез образованием одного дискретного элемента, на рис.1 он изображен сферой с точкой. Это уже *|есть|*, результат преобразования массы *|есмя|*, вращением вектора выделена сфера в которой определима предельная позиция точки принятия решения о выборе. И чем больше было сделано оборотов *ВВ* тем доверительнее решение.

Заключение

Применение экзоператора *ВВ* эффективно в приложении если есть установка обозначить начало координат и субъект начинает относиться к себе как объекту. Осознав, *Я емь* и *Я есть то что Я есть* надо признаться себе в том, что всё после этого становится гипотезой для последующего действия. Тогда задача решается как векторная. Но требуется относиться к этому как сбору информации о себе взглядом со стороны. Для начала выполнения эксперимента действием надо что-то сделать, применить силу намерения без жертвы и самому сделать шаг, тогда появляется направление, и точка Вектора начнет работу движения, за которой можно осуществлять наблюдение. Бессознательное раскроется вектором в сознание без ущерба телу.

Библиографический список

1. *Полубинский В.И.* Криминальная виктимология: Монография. 2-е изд. М.: ВНИИ МВД России, 2008. 53 с.
2. *Одинцова М.А.* Типы поведения жертвы: Опросник ролевой виктимности. Самара: Издательский дом «Бахрах», 2013. 160 с.
3. *Одинцова М. А.* Многоликость «жертвы» или немного о Великой манипуляции (Система работы, диагностика, тренинги). М.: Флинта, 2010. 256 с.
4. *Азбука социального психолога-практика: справочно-энциклопедическое издание / М.Ю. Кондратьев, В.А. Ильин.* М.: Per Se, 2007. 463 с.
5. *Дорошко Г.П.* Семантическая измеримость намерения специалиста разрешать неопределённости выбора. Человек в условиях неопределенности. Сборник научных трудов: в 2-х томах. / под общ. и науч. ред. Е.В. Бакшутовой, О.В. Юсуповой, Е.Ю. Двойниковой. 2018. С. 122–128.
6. *Общая психология: слов / под ред. А.В. Петровского.* М.: Per Se; СПб.: Речь, 2005. 250 с. (Психологический лексикон: энцикл. слов. в 6 т.).
7. ТАО. Семь мировых законов непричинения вреда. Творческие медитации. Кн. 1. М.: Велигор, 2007. 114 с.

ОТНОШЕНИЕ К МЕГАПОЛИСУ ЖИТЕЛЕЙ С РАЗНОЙ ГОРОДСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТЬЮ

Т.В. Дробышева, С.В. Тарасов
ФГБУН «Институт психологии РАН»

В статье рассматривается проблема жизнеспособности жителей мегаполиса, по-разному воспринимающих условия городской жизни. Предположили, что модальность отношения к городу определяется характером городской идентичности. Цель исследования: выявить различия в содержании отношения к городу у жителей мегаполиса с разной городской идентичностью. В исследовании принимали участие жители Москвы (N=359), проживающие в разных административных округах города в возрасте от 18 до 75 лет. На основе кластерного анализа выделены три группы респондентов. Они различаются по характеру и выраженности привязанности к городу. Обнаружено, глубокая, тесная и многоаспектная связь с городом в группе ответственных, позитивно настроенных горожан проявляется в их избирательном отношении к достоинствам и недостаткам жизни в мегаполисе. Группа «городских пассажиров» отличается локальной идентичностью, основанной на престиже столичного города. Игнорируя проблемы городской жизни, данные респонденты акцентируют внимание на достоинствах города. Тем самым они поддерживают свой «образ Я» столичного жителя. В группе пессимистично настроенных горожан идентичность ограничена престижем города, близостью с ним и перспективой планирования будущего. Отсутствие позитивных воспоминаний о детстве и юности, проведенных в городе, значимых событиях, связанных с этим городом, снижают уровень удовлетворенности горожан условиями жизни в мегаполисе.

По итогам исследования сделан вывод о роли городской идентичности в восприятии разных условий жизни в мегаполисе.

Ключевые слова: социальная психология города, отношение к мегаполису, городская идентичность, ресурсы жизнеспособности горожан.

THE ATTITUDE TO THE METROPOLIS OF RESIDENTS WITH DIFFERENT URBAN IDENTITY

T.V. Drobysheva, S.V. Tarasov
Institute of Psychology, RAS

The article considers the viability of metropolis residents with different perceptions of the urban environment. It has been suggested that the modality of attitude to the city is determined by the nature of the urban identity. The study aims to identify differences in the content of urban attitudes among metropolitan residents with different urban identity. Muscovites (N=359) living in different administrative districts of the city aged between 18 and

75 years participated in the study. Based on the cluster analysis, three groups of respondents are identified. They differ in the nature and depth of attachment to the city. The deep, close and multifaceted relationship with the city in the group of responsible, positive citizens is reflected in their selective attitude to the merits and demerits of living in the metropolis. The group of «city passengers» is distinguished by local identity, based on the prestige of the capital city. By ignoring urban issues, these respondents focus on the merits of the city. In doing so, they maintain their image of “I’m a metropolitan”. In a group of pessimistic citizens, identity is limited by the city’s prestige, proximity to it, and the prospect of planning for the future. The lack of positive memories of childhood and adolescence in the city, of significant events related to the city, reduces the level of satisfaction of urban dwellers with living conditions in the metropolis. The study concluded that urban identity plays a role in the perception of different living conditions in metropolis.

Keywords: the social psychology of the city, attitude to the metropolis, urban identity, citizens’ viability resources.

Благодарности: Исследование проведено в рамках гранта № 20-013-00461 «Ценностно-аффективный компонент жизнеспособности разных групп горожан в условиях проживания в “кризисном городе” и “мегаполисе”».

Актуальность исследования отношения к мегаполису разных групп горожан связана с поиском ресурсов их жизнеспособности в городской среде. Феномен жизнеспособность социальной группы специалистами трактуется широко. Авторы отмечают не только совместное преодоление группой неблагоприятных, подчас угрожающих ее существованию, жизненных ситуаций, но и способность группы адаптироваться к изменившимся условиям, минимизируя психологические последствия, использовать полученный опыт для дальнейшего развития [см.: 2; 5; 7 и др.].

В рамках разрабатываемого нами подхода жизнеспособность горожан рассматривается как свойство большой социальной группы, способствующее оптимизации ее коммуникативных, ценностных, социальных, ментальных и др. ресурсов с целью обеспечения психологического благополучия, преодоления стрессовых ситуаций, реализации потенциальных возможностей развития, а также стимулирующее активность горожан на позитивное преобразование окружающей городской среды [1].

Характеризуя жизнь мегаполисов, специалисты подчеркивают, что их жители, с одной стороны, испытывают повышенный уровень городских стрессов и напряжения в связи с суетой, шумом, конкуренцией, плотностью населения, своеобразным ритмом и высоким темпом жизни, вынужденной близостью к «незнакомцам», сочетанием толпы и изоляции С другой

стороны, мегаполис представляет широкие возможности горожанам для их самореализации, работы, карьерного роста, получения образования, относительно благоприятные условия повседневной жизни, повышающие уровень их удовлетворенности жизнью в городе в целом [4; 6 и др.]. Такая амбивалентность условий городской среды мегаполиса определяет характер его восприятия жителями, проявляющийся в отношении к городу [8; 9; 10 и др.]. Ключевым фактором данного отношения, по нашему мнению, выступает городская идентичность. Она базируется на представлениях и образах города, оценках его психологической близости, и определяет модальность отношения к нему горожан, их готовность нести ответственность за происходящее в городе. Вышеизложенное предположение стало *гипотезой* настоящего исследования.

Цель исследования – выявить различия в содержании отношения к городу у жителей мегаполиса с разной городской идентичностью. Цель конкретизировали в *задачах*: 1) на основании кластерного анализа выделить и описать группы горожан, различающиеся по выраженности показателей городской идентичности; 2) описать особенности восприятия условий проживания в городе в выделенных группах горожан; 3) описать социально-демографические характеристики респондентов в каждой из групп; 4) проанализировать связь между показателями городской идентичности и отношением к городу в каждой из выделенных групп.

Методы исследования. В работе применяли авторские опросники, включающие суждения, выделенные на основе фокус-групповых исследований. Респондентам предлагалось оценить по 5-балльной шкале степень важности для них разных сторон городской жизни как условий комфортной жизни в городе проживания, а также факторов городской среды, снижающих уровень комфорта. С целью изучения городской идентичности использовали методику М. Лалли (Lalli, 1992) (адапт. С.А. Богомаз, С.А. Литвина), включающую 5 блоков: «Внешняя ценность», «Общая привязанность», «Связь с прошлым», «Восприятие близости», «Целеполагание». Дополнительно применяли анкетирование, опросник «Ответственность горожан» (разработка Т.В. Дробышевой), методику «Ценностные ориентации» Е.Б. Фанталовой, *Методы статистического анализа* соответствовали поставленным в работе задачам. Применяли: кластерный анализ (метод k-средних), частотный анализ, описательную статистику, корреляционный анализ (по кр. Спирмена, при $p \leq 0,05$). Различия выявляли по критерию Н Краскела – Уоллиса (при $p \leq 0,05$). Все данные обрабатывали в программе SPSS 20.0.

Выборка исследования включала жителей Москвы (N=359), проживающих в разных административных округах города, в возрасте от 18 до 75 лет. Предваряя результаты исследования, следует отметить, каждая из выделенных групп включала от 42% до 56 % респондентов, родившихся в Москве, от 17% до 20% - проживающих в городе свыше 20 лет. То есть по критерию время проживания в мегаполисе группы были относительно выравнены.

Результаты исследования

С помощью кластерного анализа выделили три группы горожан, различающиеся по степени отождествления респондентами себя с городом проживания. В основе такой дифференциации лежит психологическая близость (система связей) между человеком и городской средой. В методике М. Лалли такая связь описана в континууме от понимания значимости проживания в этом городе, эмоциональной привязанности к нему до полного отождествления себя с городом, планирования в нем своего будущего.

Обнаружили, что в *первой группе* (N=80) городская идентичность редуцирована. Она ограничена престижем проживания респондентов в столичном городе («внешняя ценность»). Выявили, молодые участники исследования (57,5% – в возрасте от 18 до 35 лет) и более старшего возраста (27,5% – от 36 до 60 лет; 15% – свыше 60 лет) эмоционально не привязаны к городу проживания и не готовы связать с ним свое будущее. Эта группа включала преимущественно мужчин (71% подвыборки), не состоящих в официальном браке (46%), имеющих высшее образование (67%) и высокий уровень дохода (50%), ориентированных на ценности личной жизни: здоровье (1 ранг), интересная работа (2 ранг), материально обеспеченная жизнь (3 ранг), наличие семьи (4 ранг), свобода как независимость в поступках и действиях (5 ранг). Их отличал невысокий уровень ответственности за происходящее в городе, причем экстернальной направленности («представители городской власти больше, чем кто-либо несут ответственность за благополучие жителей»). Данную группу можно охарактеризовать как группу «городских пассажиров», нацеленных на потребление услуг мегаполиса.

Результаты описательной статистики позволили выделить наиболее важные, с точки зрения данных респондентов, условия их комфортного проживания в городе (по шкале от 1 до 5, где 4 – скорее согласен, чем нет; 5 – абсолютно согласен): «хорошо развитая транспортная доступность» (ср.зн.=4,54), «удобная и комфортная инфраструктура города» (ср.зн.=4,45),

«наличие большого выбора магазинов, товаров и услуг» (ср.зн.=4,43), «интересная работа, достойная заработная плата» (ср.зн.=4,41), «возможности культурного отдыха» (ср.зн.=4,41), «медицина в мегаполисе на более высоком уровне, чем в маленьких городах» (ср.зн.=4,21), «возможность получения хорошего образования» (ср.зн.=4,34). Оценки факторов, снижающих уровень комфорта, в данной группе респондентов были проигнорированы, что объясняется их отношением к городу и «внешней привязанностью» к нему.

Корреляционный анализ (по Спирмену, при $p < 0,05^*$; $p < 0,001^{**}$) показал, что комфортность проживания в городской среде данные респонденты связывают с «наличием большого выбора магазинов, товаров и услуг» ($r=0,233^*$) и «городскими праздниками» ($r=0,247^*$). По их мнению, только «высокая плотность автомобильного движения и частые пробки» в городе существенно снижают удовлетворенность условиями проживания в нем ($r=0,281^{**}$). Интерпретируя полученные результаты, можно сделать вывод: позиционируя себя как жителей столичного города, в качестве преимуществ жизни в нем данные респонденты отмечают то, что наиболее важно для его внешней привлекательности, поскольку это связано с их статусом жителя мегаполиса.

Городская идентичность *второй группы* респондентов ($N=132$) характеризовалась не только осознанием ими статуса столичного города, но и общей привязанностью к нему. Участники исследования воспринимали себя «как часть города», поэтому и свое будущее планировали связать с ним. Отличительными чертами городской идентичности данной категории респондентов явились их слабо выраженная эмоциональная привязанность к городу и отсутствие обращенности к его прошлому, свидетельствующими о характере связи жителей с городом проживания. Данная группа включала респондентов разного пола (мужского- 55%, женского – 45%) и возраста (49% – до 35 лет, 30% – от 36 лет до 60 лет, 21% - свыше 60 лет). Половина из них состояла в браке (49%) и имела высокий уровень дохода (50%). Сопоставляя структуру ценностных ориентаций респондентов второй и первой групп, следует отметить, что наиболее значимые ориентации во второй группе те же, что и в первой: «здоровье» (1 ранг), «интересная работа» (2 ранг), «материально обеспеченная жизнь» (3 ранг), «счастливая семейная жизнь» (4 ранг). Однако «наличие хороших и верных друзей» (5 ранг) ценится ими выше, чем в первой группе. Уровень ответственности за происходящее в городе в этой группе выше, чем в первой, но сохраняется ее экстернальная направленность: «я очень переживаю, когда вижу грязь и

мусор в своем дворе или подъезде...», но «муниципальная власть должна нести ответственность за чистоту улиц и придомовых территорий».

Психологическая близость с городом и его жителями, ориентированность на социальные ресурсы, отразились в оценках респондентов второй группы не только позитивных, но и негативных черт городской жизни. Позитивно оцениваемые ими условия содержательно не отличались от тех, которые были выделены в первой группе. Тем не менее обнаружены статистически значимые различия (по кр. Краскела-Уоллиса, при $p \leq 0.05$) по значимости явлений: «удобная и комфортная инфраструктура города» ($\chi^2=8,999$; $p=0,011$), «медицина в мегаполисе на более высоком уровне, чем в маленьких городах» ($\chi^2=6,710$; $p=0,035$), «возможность получения хорошего образования» ($\chi^2=10,328$; $p=0,006$). Во второй группе все они оценивались ниже, чем в первой и третьей группах респондентов. Среди негативных черт города во второй группе выделяется высокая плотность автомобильного трафика и частые пробки на дорогах (ср.зн.=4,1).

Интересно, что позитивное и негативное отношение данных респондентов к городу больше, чем в первой и третьей группах связано с их городской идентичностью. В частности, корреляционный анализ показал (по кр. Спирмена, при $p \leq 0,05^*$, $p \leq 0,001^{**}$), что позитивное оценивание горожанами таких возможностей проживания в городе как «интересная работа, достойная заработная плата» обусловлено планированием ими своей жизни в мегаполисе в перспективе ($r=0,184^*$), пониманием престижности проживания в столичном городе ($r=0,199^*$). В то же время такое достоинство мегаполиса как «наличие большого выбора магазинов, товаров и услуг» в восприятии этих жителей отрицательно коррелирует с внешней привлекательностью города ($r=-0,187^*$). Позитивные оценки инициативы городских властей по улучшению уровня комфортного проживания в городе были связаны с перспективными планами респондентов и пониманием, что эти изменения в городе окажут положительное влияние в том числе на их жизнь ($r=0,222^*$).

Условия жизни в мегаполисе, которые снижают уровень благополучия горожан из второй группы, образовали множество отрицательных связей с перспективой их проживания в городе («мое будущее тесно связано с этим городом», и т.п.) и положительных связей – с «общей привязанностью» («мой город – это часть меня», и т.п.). Речь идет о негативном отношении к явлениям: «высокая плотность автомобильного движения и частые пробки на дорогах» ($r=-0,189^*$; $r=0,186^*$); «приезжающие из Ближнего зарубежья и области в город на заработки» ($r=-$

0,351**; $r=0,176^*$); «плохая экология города» ($r=-0,0221^*$; $r=0,176^*$). По нашему мнению, амбивалентность восприятия данных явлений определяется внутренней конфликтностью самой привязанности к городу. Обнаружено, что высокий уровень цен в мегаполисе на товары и услуги, а также сложность найти интересную работу с достойной зарплатой воспринимаются как негативные факторы в сознании тех респондентов из второй группы, которые не планируют долгосрочной перспективы проживания в этом городе ($r=-0,280^{**}$ и $r=-0,219^*$). В то же время недовольство респондентов относительно высокой плотности населения в городе ($r=0,179^*$) и шумного поведения соседей ($r=0,234^*$) связано с привязанностью к городу как «своему дому».

Интерпретируя вышеизложенное, заметим, что в этой группе горожан с идентичностью, построенной на престиже города, осознании себя как части городского сообщества, планирующих самореализоваться в нем в перспективе, оценки возможностей города ограничены интересной работой с хорошей зарплатой, заботой властей о комфорте горожан. Пессимистичное отношение респондентов к городу проявилось в оценках факторов, снижающих уровень их благополучия в мегаполисе – пробки, трудовые мигранты, экология, высокие цены, плотность населения и шум.

В *третьей группе* (N=147) городская идентичность респондентов отличалась целостностью. Она включала все аспекты связи с городом: понимание престижности проживания в городе, эмоциональную привязанность, осознание себя как части города, общность прошлого, перспектива будущего. Данная группа состояла преимущественно из женщин (70% подвыборки) старшего возраста (41% – от 61 до 75 лет). Молодежь и люди среднего возраста были представлены в группе примерно одинаково: 32% - от 18 до 35 лет, 27% - от 36 до 60 лет. Больше половины из них состояли в браке (53%), имели высшее образование (68,9%) и средний (29%), выше среднего (24%) и высокий (28,5%) уровни дохода. Ориентации на базовые ценности не отличались от ценностных ориентаций (ЦО) участников исследования из двух предыдущих групп: здоровье (1 ранг), интересная работа (2 ранг), материально обеспеченная жизнь (3 ранг), счастливая семейная жизнь (4 ранг). При этом ценность любви (5 ранг) в данной группе была более значима, чем ценность социальных связей (наличие друзей (6 ранг)). По всей видимости, такая структура ЦО определялась влиянием факторов возраст и пол участников исследования. Ответственность за происходящее в городе в данной группе характеризовалась интернальной направленностью: «если каждый будет что-то делать для благоустройства города, ... , то и жизнь в мегаполисе

будет более комфортной», что объясняется глубокой и тесной связью респондентов с городом проживания.

Позитивное восприятие ими условий жизни в мегаполисе включало не только те явления, которые выделяли участники исследования из первых двух групп, т.е. возможность культурного отдыха, хорошо развитая транспортная доступность, удобная и комфортная инфраструктура города, и т.п. Респонденты отметили в том числе уровень медицинского обслуживания (ср.зн.=4,31), возможность получения хорошего образования (ср.зн. =4,48). Их оценки негативных явлений жизни в городе не ограничились указанием на высокую плотность автомобильного движения (ср. зн.=4,16). Высокие цены на товары и услуги (ср.зн.=4,02) вызвали беспокойство в этой группе участников исследования.

Выполнили корреляционный анализ связи показателей идентичности и восприятия городской среды (по кр. Спирмена, все при $p \leq 0,05$). Обнаружено, в данной группе респондентов комфортность жизни в городе определяется высоким уровнем медицинского обслуживания, связанным с переживанием родственных чувств к городу, восприятием его как части себя ($r=0,206$). При этом, значимость факторов, снижающих уровень комфортного проживания в городе (высокая плотность автомобильного движения ($r=0,188$), плохая экология городской среды ($r=0,172$)) связана с глубокими переживаниями прошлого, тесной связью с городом («многие вещи в этом городе напоминают мне о моем прошлом» и т.п.). Выявлено, отрицательные оценки инициатив городской власти по преобразованию городской среды в данной группе более выражены у респондентов, для которых престиж города не имеет большого значения ($r=-0,163$).

Интерпретируя описанную выше связь, отметим следующее. В третьей группе респондентов (условно их можно назвать – «городские оптимисты») глубокая и тесная связь с городом не снижает проявление критичности в оценках негативных факторов городской среды, избирательно акцентируя внимание на наиболее важных сторонах комфортной жизни в мегаполисе.

Заключение

В целом проведенное исследование показало, что группа жителей мегаполиса, принимавших участие в исследовании, не гомогенна по критерию городской идентичности, что отражается в восприятии ими ресурсов городской среды. Выделенные группы респондентов различаются по характеру привязанности к городу. Глубокая, тесная и многоаспектная связь с городом в группе «городских оптимистов» характеризует их как

позитивно настроенных на улучшение жизни в городе. По этой причине при общей позитивной оценке всех ресурсов городской среды, данные респонденты избирательно акцентируют внимание на самом важном – высоком уровне медицинских услуг, при этом критично оценивая негативные факторы природной и предметно-пространственной среды мегаполиса.

Поверхностная, локальная идентичность, основанная на престиже города проживания в группе «городских пассажиров», по всей видимости, выполняет функцию поддержания позитивного образа «Я» как жителя столичного города. В связи с этим респонденты, акцентируя внимание на возможностях города (интересная работа, высокая зарплата, и т.п.), стараются не замечать проблемы городской жизни, перенося ответственность за происходящее на власть.

Парциальная идентичность в группе пессимистично настроенных горожан исключала эмоциональную привязанность и общую с городом историю. Восприятие данными респондентами условий жизни в мегаполисе отличалось повышенным вниманием к негативным факторам, снижающим уровень их удовлетворенности. Можно только предположить, что эмоционально окрашенные позитивные воспоминания о детстве и юности, проведенных в городе, а также о значимых в жизни горожанина событиях, связанных с этим городом, являются тем психологическим ресурсом, благодаря которому повышается уровень удовлетворенности горожан условиями жизни в мегаполисе.

Полученные в работе результаты согласуются с данными других исследователей [3; 10 и др.], раскрывающих роль городской (территориальной) идентичности в восприятии городской среды.

Библиографический список

1. Дробышева Т.В., Емельянова Т.П. Жизнеспособность горожан: содержание понятия, теоретические и эмпирические возможности его применения // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Акмеология образования. Психология развития. 2020. Т. 9, вып. 3 (35). С. 232–240. DOI:[10.18500/2304-9790-2020-9-3-232-240](https://doi.org/10.18500/2304-9790-2020-9-3-232-240)

2. Махнач А.В. Жизнеспособность семьи: новый объект и концептуальные предпосылки исследования // Психология повседневного и травматического стресса: угрозы, последствия и совладание / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко, Н.В. Тарабрина, Н.Е. Харламенкова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С. 350–375.

3. Микляева А.В., Румянцева П.В. Городская идентичность жителя современного мегаполиса: ресурс личностного благополучия или зона повышенного риска? СПб.: Речь, 2011. 160 с.
4. Милграм С. Эксперимент в социальной психологии. СПб.: Питер, 2000. 336 с.
5. Нестик Т.А. Жизнеспособность социальной группы: основные подходы к ее изучению // Жизнеспособность человека: индивидуальные, профессиональные и социальные аспекты /Отв. ред. А.В. Махнач, Л.Г. Дикая. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С.176–192.
6. Савина О.О., Баранова В.А. Средовые условия в формировании городской идентичности новых жителей мегаполиса // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2017. Том 6. № 2А. С. 171–180.
7. Ситаров В.А. Воспитание жизнеспособных поколений: позиция И.М. Ильинского // Знание. Понимание. Умение. 2006. №3. С. 24–28.
8. Félonneau M.-L. Love and loathing of the city: urbanophilia and urbanophobia, topological identity and perceived incivilities // Journal of Environmental Psychology. 2004. Vol. 24 (1). P. 43–52.
9. Lalli M. Urban-related identity: Theory, measurement and empirical findings // Journal of Environmental Psychology. 1992. № 12. P. 285–303.
10. Twigger-Ross C.L., Uzzell D. Place and identity processes 1996 // Journal of Environmental Psychology. 1996. Vol. 16. P. 205–220.

УДК 785:78.071.1(470.345)

ОТКРЫТИЕ ЦВЕТОЧНОГО МАГАЗИНА «PRESENT ROOM» В УСЛОВИЯХ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

А.Ю. Дубровская, А.Н. Романова
ФГБОУ ВО «Омский государственный педагогический
университет»

В статье описывается состояние цветочного бизнеса в период пандемии. Рассматривается влияние пандемии на деятельность цветочных магазинов. Описаны проблемы ведения цветочного бизнеса в настоящее время. Раскрыты тренды и перспективы развития флористической отрасли в ближайшее время.

Ключевые слова: малый бизнес, пандемия, государственная поддержка, кризис, цветочный бизнес

OPENING OF A FLOWER SHOP «PRESENT ROOM» IN CONDITIONS OF UNCERTAINTY

A.Y. Dubrovskaya, A.N. Romanova
Omsk State Pedagogical University

The article describes the state of the flower business during the pandemic. The impact of the pandemic on the activities of flower shops is considered. The problems of running a flower business at the present time are described. The trends and prospects for the development of the floristic industry in the near future are revealed.

Keywords: small business, pandemic, governmental support, a crisis, flower business.

Одним из главных способов ведения предпринимательской деятельности является малый и средний бизнес. Даже в условиях пандемии предприятия малого и среднего бизнеса продолжают предоставлять рабочие места более 10 млн. граждан. Данными организациями создается более, чем одна пятая ВВП государства. В субъектах Российской Федерации эта величина составляет более трети ВВП. Судя по статистическим данным, на конец 2018 года, доля малого и среднего бизнеса в государственной экономике составила более 20%.

В 2016 году была утверждена Стратегия развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации (далее – Стратегия). Согласно данной стратегии, доля малого и среднего бизнеса в составе ВВП к 2030 году должна составлять уже около 40%. Данный факт должен приблизить страну к уровню зарубежных стран. В 2018 году Президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин выступил с посланием к Федеральному собранию, где сказал о том, что «уже к 2025 году доля малого и среднего бизнеса в составе ВВП должна приблизиться к 40%». Однако в проекте «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы», который был утвержден в конце 2018 года, поставили цель несколько ниже – около 33% ВВП к 2024 году. В соответствии с паспортом национального проекта, доля малого и среднего бизнеса к концу 2019 года должна составлять около 23%, а по итогам 2020 года – около 24%.

В 2020 году началась пандемия коронавируса, которая вынудила Российских властей ввести режим самоизоляции, с целью сократить распространение данной инфекции. Данные меры серьезно ударили по предприятиям малого и среднего бизнеса. Таким образом, результатов, поставленных паспортом национального проекта, достичь не удалось. Согласно данным интернет-ресурсов, в период пандемии обанкротилось около 5 млн индивидуальных предпринимателей, предприятий малого и среднего бизнеса.

Следует уточнить, что в условиях продолжающейся пандемии, государство продолжает следовать принципам Стратегии, оказывая государственную поддержку представителям малого и среднего бизнеса.

Ограничительные меры, введенные в условиях пандемии коронавируса, практически обязали данный вид бизнеса полностью закрыться. Однако, не смотря на тяжелую экономическую ситуацию, по данным платежного сервиса CloudPayments, спрос на онлайн-продажу цветов рос. С начала самоизоляции спрос на цветы в сети Интернет вырос в 2,5 раза. За первые две недели апреля число транзакций по приобретению цветов в Интернете выросло больше чем в 2 раза по сравнению с последними двумя неделями марта. Рост продолжился и во второй половине апреля – клиенты совершили на 25% больше покупок цветов в онлайн, чем в первой половине месяца [1].

Рост спроса на продажу цветов в сети интернет обусловлен тем, что точки продаж цветов в офлайн закрылись, поэтому представители данной категории предпринимательства переместились в интернет-ресурсы. С другой стороны, в условиях самоизоляции люди не могли видеться друг с другом, в связи с чем доставка цветов стала одним из немногих способов для поздравления с праздником или просто поднятия настроения.

Следует отметить, что во время пандемии коронавируса, люди стали чаще заказывать цветы для себя. По статистике самого крупного приложения по доставке цветов, на начало 2020 года от общего объема заказов, на доставку цветов для себя приходилось около 30% от общего объема продаж, а на начало 2021 года – уже около 40%.

Изменилось и соотношение поводов для подарка. Если в декабре 2019 года 60% открыток, которые клиенты отправляют вместе с букетом, приходилось на поздравления с днем рождения. В апреле же 2020 года фраза «С днем рождения» была написана более чем на 70% открыток. Таким образом, доставка цветов стала хорошим способом поздравить друга или коллегу [2].

Одной из услуг магазина «Present room» как раз является доставка цветов и других оригинальных подарков. В данном магазине будет действовать экспресс-доставка, которая будет осуществляться в течение 90 минут с момента заказа. Проведя анализ времени доставки подобных цветочных магазинов, которая занимает от двух и более часов, можно сделать вывод о том, что вышеуказанная доставка от магазина «Present room» является актуальной.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что перспективным в деятельности цветочного бизнеса является онлайн-

формат. В настоящее время имеется множество приложений для курьеров. В случае магазина «Present room» будет разработан сайт с удобным интерфейсом и 3D моделями букетов, что является крайне удобным для клиента, в силу того, что заказ производится онлайн и у клиента нет возможности увидеть букет в реальном формате.

На протяжении долгого времени невысокими темпами будет идти восстановление цветочного бизнеса. Высокий прирост продаж цветов не ожидается, поскольку на данную отрасль все так же наложен ряд ограничивающих факторов, таких как: снижение уровня доходов граждан, прирост заболеваемости коронавирусной инфекцией, вследствие чего продолжающаяся пандемия. Однако новые форматы и подходы в цветочном бизнесе дают шанс на сохранение спроса и своей деятельности. В связи с высокой скоростью изменения внешней среды, а также все больших потребностей клиентов, необходимо проявлять быструю реакцию и создавать новые и эффективные бизнес-процессы. Грамотное планирование бизнеса и ответственный подход к ведению бизнеса – это основа успешного результата.

Библиографический список

1. В 2020 г продажи срезанных цветов в России в 2020 г упали [Электронный ресурс] // URL: <https://marketing.rbc.ru/articles/12195/>
2. Российский цветочный рынок ушел в интернет [Электронный ресурс] // URL: <https://www.interfax.ru/business/704264>
3. Цветочный бизнес после пандемии [Электронный ресурс] // URL: <https://businessmens.ru/franchise/article/cvetochnyy-biznes-posle-pandemii-interv-yu-s-osnovatelem-cvetov-ru>

УДК 159.923.2 (304.444)

ПОСЛЕДСТВИЯ САМОИДЕНТИФИКАЦИОННОЙ НОМИНАЦИИ (КРЕАТИВНОЕ ОБЩЕСТВО)

Д.В. Ермолович

ЧУО «Институт современных знаний имени А.М. Широкова»

В статье рассматриваются механизм самоидентификации как средство достижения целей самоопределения, как необходимая фаза личностного и профессионального роста, самоактуализации. Говорится о роли ошибки выхода из «зоны

ближайшего развития» как в процессе индивидуального развития, профессионализации, так и общественного культурогенеза.

Ключевые слова: антропный принцип двойственности, рефлексия, неопределенность, номинация, самоидентификация, самоопределение, самоактуализация, креативное общество.

CONSEQUENCES OF SELF-IDENTIFICATION NOMINATION (CREATIVE SOCIETY)

D.V. Ermolovich

Shirokov's Institute of Contemporary Knowledge

The article examines the mechanism of self-identification as a means of achieving the goals of self-determination, as a necessary phase of personal and professional growth, self-actualization. The role of the error in leaving the «zone of proximal development» is discussed in the process of both individual development, professionalization and social cultural genesis.

Keywords: the anthropic principle of duality, reflection, uncertainty, nomination, self-identification, self-determination, self-actualization, creative society.

Номинативная неопределенность неопределенности как принципа

Антропный принцип двойственности человеческой и всякой природы лежит в основании рефлексивного мышления, когда первым условием, актом возможности рефлексирования становится необходимость установливания категориальных границ, предельных рамок мышления, и только потом, во втором акте, отраженная от установленных аксиоматически категорий мысль определяет себя (рефлексирует) в частных категориях и общих понятиях – разворачивается, в третьем акте, до категориальной сетки, уже связанных между собой по законам правильного мышления (формальной логики) определенных понятий – терминов.

В последующих актах познания обнаруживается естественная природа неопределенности, реалистически как неисчислимость определенности (то, чем человек осознанно не управляет); и искусственная природа неопределенности, номиналистически как исчислимость неопределенности (то, чем человек стремится управлять). Мировоззренческая дилемма реализма и номинализма не разрешена, познание как удвоение мысли (семиотическое расщепление мысли на знак и значение, психологическое – на предмет и образ предмета) подталкивает человека стремиться к универсальности, преодолению проблемы универсалий и двойственности истины, предельности и беспредельности человеческой природы, дуализма (корпускулярно-волнового в

неклассической физике, психофизиологического параллелизма в психологии)...

Объективистское (не психологическое) понимание неопределенности (как проявление действительности, ситуация, обстоятельство, данность) – это информационная избыточность (многовариантность), информационная недостаточность, еще ненаступившее хронологически, противоречивость, сложность, новизна, вероятностный характер соотношений связанных явлений микромира (принцип неопределенности В. Гейзенберга) и макромира. Значительно расширяется понятие неопределенности субъективистски (как естественное чувство), не только преимущественно негативно-эмоционально: страх (паника, беспокойство, беспомощность, страдание, разочарование), непредсказуемость, неизвестность, неуверенность, тревожность, повышенная бдительность, странность, негативные ожидания, смятение, сожаление, растерянность; но и в целом позитивно: надежда, трепет, возбуждение, волнение, интерес, любопытство, позитивные ожидания, драйв, радость, открытость миру, энтузиазм, чувство предвкушения, потребность личностного роста, готовность к импровизации, креативности...

Различие в понимании неопределенности закрепляется социокультурно-исторически как на бытовом («Лучше синица в руках, чем журавль в небе»), эмпирическом (слишком озабоченные люди склонны выбирать маленький выигрыш в игре, если он будет получен быстрее, а также ряд психологических эффектов, связанных с разрешением ситуации неопределенности), так и на концептуальном уровне.

Метатеоретический статус выстраиваемых жизненных концепций приписывает реальности некоторые характеристики и через них определяет саму реальность, а в случае если что-то идет не так, то это выглядит для нас как утрата самой реальности. В результате ситуация неопределенности заставляет определять реальность заново (строить очередную концепцию: прогнозировать, выдвигать гипотезы, вглядываться в будущее – номинироваться) и заново самоопределяться.

Место акта номинации в познавательном процессе – центральное: к номинации и от номинации движется познавательный процесс. История познания знает несколько содержательно автономных/дискретных актов цивилизационных номинаций: космоцентризм, теоцентризм, антропоцентризм, культуроцентризм...

Номинация *космоцентризма* фиксирует, устанавливает внешние рамки двойственности: космос (порядок и определенность) – хаос (беспорядок и неопределенность) и определяет эталонные требования

существования в этих рамках – геройство (гомеровский Одиссей). *Геоцентризм* ориентирует на двойственность внутреннюю (реализм-номинализм), по спектру: добро-зло, любовь (жизнь-смерть), красота (гармония-хаос), истина-ложь; фиксирует непостижимость двойственности человеком – вера-несвобода (принципиальное отсутствие выбора). *Антропоцентризм* – переадресация выбора человеку и непосильность ноши, собственно, неопределенность и освобождение от нее в *культуроцентризме* – переадресация выбора социуму (Т. Гоббс), разделение ответственности (Дж. Локк) в конструировании образа жизни (общественный договор, промышленная и научная революции, техносфера...). Человек – недобрый-незлой. Выбор, конечно, безнравственен (по С. Кьеркегору), ибо сводится к отказу от свободы (нравственная свобода выбора, а не сам выбор – диалектика). Культуроцентризм порождает ряд поисковых альтернатив (техноцентризм, цифроцентризм и т. п.): население из стран третьего мира мигрирует во второй, второго мира – в первый, миграция первого мира – в виртуальность...

Трансформация опыта самоидентификации в культуре

Утопия – то, чего нет.

Антиутопия – то, что есть...

Культура номинирует предельные ожидания, реальность разбивает их о «скалы» действительности, предлагая доступные самоидентификационные эйдосы, идеологически транслируемые мигрирующим массам населения. Потребление усвоенных эйдосов может и не потребовать рефлексивных усилий в случае развитости и доступности масскультурных технологий, тем более, если декларируется непрерывность трансформации, постоянство изменений, легкость смены присвоенного образа/роли – иллюзия снятия всякой ответственности/неопределенности.

Рассмотрим один из достаточно легко прослеживаемых циклов (на западноевропейском материале XVIII-XX веков и исторически не первом) трансформации самоидентификации:

1. Утопизм-Просвещение (идеализация типа: Homo sapiens, Человек-машина (Ж. Ламетри), в последствии киборг).
2. Реализм (Человек-функциональный с широким произвольным перебором рейтинговых функций).
3. Критический реализм («скептик» в классической модели рефлексии, «экзистенциалист» – в неклассической, но теоретически возможен марксизм и неомарксизм как альтернативы).

4. Натурализм («Человек-природа» (Ж. Руссо), редукционизм З. Фрейда, иррационалистическое неприятие антропоцентризма, «слишком человеческое» Ф. Ницше с выходом к трансгуманизму как альтернативе индивидуализма).

5. Антиутопизм (катастрофизм XX века, Нюрнбергский процесс, Организация Объединенных Наций, Римский клуб, постмодернизм, глобализация и выученная беспомощность, одержимость безысходностью, знания массового уничтожения (Б. Джой), Человек-избегающий (Т. Качински)...).

Жизненный цикл западноевропейской идеи, разворачивающийся в эйдосах, последовательно указывает на рост уверенности в своих силах (эйдосы 1-2), получив заряд бодрости в идеализациях Французского Просвещения, промышленных успехах Британской империи, романтических настроениях Немецкой мысли, идея достигает высшей точки (эйдос 3) – критики (истинного Просвещения, по Канту). После чего (эйдос 4), с трудом сублимируя как жизненную потенцию, так и жизненный смысл, приходит время ребрендинга идеи западноевропейской цивилизации (эйдос 5) – антропоцентризм накладывается на культурогенез, что можно назвать культуроцентризмом (преимущественно эволюционного, непрерывного толка), происходит освобождение от «проклятия Возрожденческого титанизма» (индивидуализм становится массовым, растворяется в массовом, индивидуальное растворяется в массовидном, как верно и обратное – массовидное растворяется в индивидуальном), т. е. опыт самоидентификации принимается, транслируется, входит в моду, распространяется, и в определенный момент снимается повседневностью, нормируется, стандартизируется, делается обыденным и рутинным.

Причем самоидентификация как акционизм, провокация (социокультурно-историческая – от имперских амбиций Рима до «разумности» Просвещения) в ситуации неопределенности имеет свои последствия: завышенные ожидания становятся обманутыми надеждами, ложатся непосильной ношей, бременем, ответственностью на приходящие поколения (к теории поколений обратимся чуть позже). А провокации индивидуально-психологические в виде рассмотренных здесь самоидентификационных карт (каждой в отдельности или то или иное их сочетание с учетом кумулятивного эффекта культуры) могут быть персонально использованы в целях конструирования индивидуальных программ самоопределения и тогда конкретные люди «застревают» в исторических эпохах, моментах бытия (типологизируются), где ищут свои

жизненные смыслы, строят жизненные стратегии, удовлетворяют свои высокие (и не очень) потребности.

Самоидентификация, самоопределение и самоактуализация

Трансформация человеческой сущности произойдет, по мнению Маркса, в процессе труда и с самим трудом, а именно человеческий род в эволюции своей жизнедеятельности не только последовательно *обнаруживает преодоление* разрушающего человеческую личность физического труда, но и в стратегиях результативной социальной практики, программах профессионально-личностного самоопределения [3] *самодетельно (творчески) создает* историческую перспективу Человечества. Маркс однозначно выступает против всяких форм *индивидуального труда* (эффективный труд всегда разделенный – исторически только так и мог появиться) [6, с. 63], а вместе с этим и всяких форм индивидуального потребления, фактически являющихся частно-собственническими, за коммунальную самодеятельность (в перспективе).

Онтологически, первопричинно обнаруживается особенная роль труда в формировании человека и становлении человеческой сущности (Ф. Энгельс), праксеологически – необходимость преодоления труда: множественное расщепление труда вплоть до отождествления противоположностей (созидательный и разрушительный, умственный и физический, творческий и рутинный), превращение труда в источник саморазвития, «строительный кирпичик» человека, где через неорганическое тело (природу) формируется органическое (социум), через материальное – духовное, т. е. в процессе трудовой деятельности (всегда социальной) преодолевается среда-природа в целях ее преобразования (превращение средства в цель), собственно создается человек в форме целевой *самоактуализации* (личностного развития), посредством коммунального творчества.

Вообще-деятельность опосредована социальной действительностью, т. е. подчинена мотивационным, ценностным, идеальным социо-культурно-историческим основаниям. По мере того, как человек универсально-практически всю природу превращает в свое неорганическое тело (К. Маркс), он осознает свою социо-культурно-историческую ответственность. Деятельная человеческая *универсальность*, как возможность разрешения всякой неопределенности, проявляется в переживаниях, самоидентификации, рефлексии, отношении к действительности; обнаруживается единство сознания и деятельности, открывается дорога к поиску смысла своего существования.

В этих предельно общих установках человеческой природы: *творчество, самоактуализация, универсальность*, – имеется не менее общий пусковой механизм человеческого развития, когда в социально-психологически локализованной и не чувствительной к случайным внешним воздействиям «зоне ближайшего развития» обнаруживается ряд внутренних, качественных сдвигов («переформатирование» целей и средств развития), происходят необходимые для новообразований изменения.

Определенность целеполагания и целедостижения объясняется в культурно-исторической теории антропогенеза (Л. С. Выготский), где антропокультурная действительность реализуется, при наличии условий и необходимой поддержки, в «ближайших зонах развития» культуры и человека [2, с. 233–234] посредством развитых форм социально-значимой деятельности. Однако есть одно принципиальное условие развития – не выходить за рамки обозначенной зоны, изменение должно происходить с личностными структурами (т. е. как самоизменение) и, в конце концов, должно быть осознано, по модальности Я-трансформации [4]: *надо-могу-хочу-должен* (необходимость-возможность-произвольность-результативность). В противном случае проблемная природа «человеческого фактора» в настоящем времени и значимость роли человеческой ошибки в современном техногенном обществе сведется к выходу из «зоны ближайшего развития» как в процессе индивидуального развития, так и общественного культурогенеза.

В свою очередь А. Н. Леонтьев описал в психологической теории деятельности [5, с. 439–478] всякого рода ценностно-результатирующие сдвиги («сдвиг цели на действие» после «сдвига мотива на цель»), порождающие не только непрерывность процесса, но и качественные трансформации форм деятельности и форм труда: в процессе достижения цели той или иной деятельности при положительных подкреплениях достижения, сама цель начинает вызывать интерес у субъекта деятельности, и трансформируется в мотив, образуя и расширяя систему мотивов побуждающую субъекта к деятельностной активности, осознанию персональной ответственности.

Смысл же человеческой деятельности будет утверждаться не только в том, чтобы не совершать «дурных» действий (см. у Гегеля), но и в том, чтобы в движении от индивидуализма к индивидуальности (от культурогенеза общества к индивидуальному развитию) созидать обстоятельства, прекращающие саму возможность бесконечного поиска причины причины, ибо таковой (причиной причины) в определенный

момент устанавливается сам человек, берущий всю полноту ответственности за содеянное на себя.

Актуализация самоидентификационной номинации в процессе профессионального и личностного роста

Следует сказать о последствиях самоидентификационной номинации. Ошибки персональной самоидентификации часто сводятся к оценке – «сам дурак», чего, собственно, и достаточно. Крепость «заднего ума», т. е. на завтра я всегда знаю, что надо было делать вчера, полностью снимает, перезапускает неопределенность ситуации с нуля, возвращает ситуацию в точку бифуркации, «чистого» листа – не выходит за рамки индивидуальных возможностей адаптации, в подавляющем большинстве случаев сохраняет психологическое равновесие (а если не сохраняет, то состояние психоаналитически сублимируется). Иначе обстоит дело с культурогенетическими номинациями в общественном сознании. Рассмотрим свежие примеры, связанных между собой номинаций инновационности и креативности.

На фоне запоздалых повесток о требованиях к инновационности социальных действий, декларируемых на высоком государственном уровне, концепция «креативных индустрий» («креативного класса», «креативного общества») приобретает популярность [7], хотя критическую оценку региональным и национальным особенностям, условиям труда, неэффективности правовых механизмов защиты интеллектуальной собственности, вопросам экономической устойчивости, размытости и несогласованности дефиниций концепция так и не получила.

Представления о представителях «креативного класса» у Р. Флориды идут вразрез с предыдущим архетипом идеализированного сотрудника: интеллигентным, организованным человеком, не принимающим маргинальный образ жизни, – и в целом базируются на положительных характеристиках поколения-Z (например, созидательное удовольствие, индивидуальное предпринимательство, социально-ролевое разнообразие, взаимоотношения, строящиеся на личных чувствах), что снимает вопрос о поиске его представителей ибо имеет массовый характер (избыточный трудовой ресурс, построенный на нейтральных характеристиках поколения-Z: сетевая и «экранозависимость», фильтрация информации, следование за кураторами, конформизм, прагматичность и практичность) и открывает экономические (эксплуатационные) перспективы. Однако ряд отрицательных характеристик поколения-Z (наглость, нарциссизм и эгоизм, отрицание иерархии, падение концентрации внимания, ослабление

долговременной памяти, снижение аналитических способностей...), игнорируемых концепцией могут полностью нивелировать названные перспективы.

Размывая понятия *инновационности* (вне экономической составляющей проблематика инновационности сейчас видится преимущественно через призму постмодернистских проекций инновационной деятельности: эпатаж, деконструктивизм, «новый нарциссизм», «маргинальный элитаризм» и т. п.), *креативности* (качественный прорыв в реальность из мифологического мира иллюзий, новое выступает как открытие, инсайт), *профессиональности*, отождествляя последнее с личностными (для поколения-Z) характеристиками, фиксируется невозможность применения прямых (институционализированных) образовательных технологий, необходимость конструирования новых форм и методик обучения (дистанционное, мастер-класс, например), причем формирование личности как позитивистски не контролируемая цель отвергается.

Межпоколенческие отношения в обществе определенно потребуют установления приоритетности в исполнении своей «исторической» роли. Отсутствие конфликта поколений – это либо субъекты отношений находятся в разных социальных, правовых и др. измерениях (реальность – виртуальность) действительности, либо ими преследуются разные цели (интересно какие), либо имеются разные средства и отсутствует возможность обмена опытом пользования этими средствами. Данный здесь психологический портрет *поколения-Z* (высокая адаптивность; размытые, подвижные нравственные ценности; прагматизм) способен объяснить не только расширение идей анархизма/киберанархизма: отсутствие информационных границ, «интернет-вольница», виртуально-игровое созидание «открытого» общества и т. п., но и заведомо предполагается, что «креативное общество» как политэкономический конструкт, производящий потребителя эпохи постиндустриальности, удовлетворит последнего произведенным (всегда избыток средств, всегда отсутствие целей), искажая (виртуализуя) реальность (что вижу, то и реальность). Однако стоит помнить, что технологически-цивилизационное поколение в ближайшем будущем начнет претендовать на значимые социальные роли и привилегии, т. е. захочет самостоятельно распоряжаться социо-культурно-историческими благами и распределять их (и это не только «биткоины»).

Но есть и альтернатива, обозначенная не конструированием иллюзорных, желательных проекций сторонних участников, «одаренных» теми или иными качествами, положением, статусом (пассива общества), а

перестройкой внутренней работы активных, профессиональных групп (актива общества). Забюрократизированное, институционализированное общество не справляется с гарантированной подготовкой требуемых специалистов, статус и качество дипломов падает, а рекомендательной процедуры профессиональной оценки так и не предложено (для чего требуется организация профессиональных сообществ, лицензируемая, а не академическая практика аттестации).

Общество пока не станет профессионально гражданским, т. е. пока не будет распределена ответственность и не будет снято социальное иждивенчество в любых формах, не осознается в качестве исторического, политического, социального субъекта. Понадобится содержательное понятие профессиональности (см. [3], где дается дисциплинарное определение профессиональности), критика, самокритика, самоконтроль, в первую очередь в профессиональной деятельности, путь к ответственности, профессиональной компетентности и попперовская оценка критики: «критика означает прогресс», а также должны получить институциональные гарантии вытесненный скептицизм, контрэкспертиза, альтернативная профессиональная практика, внутрипрофессиональные и внутрипроизводственные дискуссии о рисках собственных разработок [1, с. 346–347].

Библиографический список

1. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-традиция, 2000. 381 с.
2. Выготский Л. С. Мышление и речь. М.: Лабиринт, 1999. 352 с.
3. Ермолович Д. В. Социогуманитарные технологии профориентации – инструмент стимулирования эффективного личностного самоопределения // Профессиональная ориентация, 2020. №1. С. 3.
4. Ермолович Д. В. Трансформация Я в процессе коммуникативного дискурса // Вестник ВЭГУ, 2016. № 2 (82). С. 140–150.
5. Леонтьев А. Н. Лекции по общей психологии. М.: Смысл, 2001. 511 с.
6. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Избранные сочинения. В 9 т. Т. 2. М.: Политиздат, 1985. С. 5-540.
7. Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее. М.: Классика XXI, 2007. 421 с.

ВЛИЯНИЕ СОВМЕСТНОГО ПРЕДЪЯВЛЕНИЯ НА ДОВЕРИЕ К КОНСПИРОЛОГИЧЕСКИМ И ФАКТИЧЕСКИМ УТВЕРЖДЕНИЯМ

С.В. Зорина

*ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский
университет имени академика С.П. Королева»*

Теории заговора состоят из соединения достоверных и необоснованных утверждений, совместное восприятие которых влияет на оценку их составляющих. В эксперименте испытуемым предъявлялись случайно соединённые фактические и конспирологические утверждения, достоверность которых следовало оценить. Группа сравнения указывала уровень доверия к тем же утверждениям, предъявляемым по одному. В исследовании приняли участие 102 человека, не являющиеся как сторонниками, так и противниками теорий заговора, связанных с высадкой американцев на луну, вредом вакцинации и мистификации ВИЧ-инфекции. Результаты показали изменение отношения к предложениям, содержащим конспирологические идеи в результате их объединения в общий текст наряду с фактическими высказываниями. Обнаружена положительная связь между доверием к конспирологическим и фактическим утверждениям только при их совместном предъявлении.

Ключевые слова: конспирологические утверждения, фактические утверждения, теории заговора, доверие.

THE INFLUENCE OF JOINT PRESENTATION ON TRUST IN CONSPIRACY AND FACTUAL STATEMENTS

S.V. Zorina

Samara National Research University

Conspiracy theories are made up of credible and unfounded statements, the combined perception of which affects the assessment of their components. In the experiment, the subjects were presented with randomly connected factual and conspiracy statements, and assessed their reliability. Comparing group indicated the level of trust in the same statements, only presented one at a time. The study involved 102 people who are neither supporters nor opponents of conspiracy theories including Moon landing, the harm of vaccinations and the mystification of HIV infection. The results showed a change in attitudes towards the sentences containing conspiracy ideas as a result of their combination into a common text along with factual statements. A positive connection was found between confidence in conspiracy and factual statements only when presented together.

Key words: conspiracy statements, factual statements, conspiracy theories, trust.

В современном обществе люди часто сталкиваются со сложными, непонятными, тревожными событиями, для объяснения которых используются конспирологические модели. В теориях заговора постулируется наличие скрытых сил (групп людей), оказывающих тайное влияние на социальные, политические, экономические процессы с целью достижения односторонних преимуществ. Заговорщицкие интерпретации позволяют видеть мир упорядоченным, понятным и предсказуемым, восстанавливая переживание контроля перед лицом угрожающих социальных событий [2, с. 113–114].

Однако сами теории заговора могут быть противоречивыми, сложными и запутанными [3, с. 770]. Учитывая, что в конспирологических идеях якобы раскрывается «тайная» информация, теории заговора представляют собой сочетание фактических утверждений об известных событиях со спекуляциями о скрытых действиях и мотивах предполагаемых заговорщиков.

Мнения людей формируются в результате знакомства с информацией, суждениями, оценками, перемешанными в разных источниках. Участники коммуникации не всегда способны или мотивированы дифференцировать факты от дезинформации или непреднамеренного введения в заблуждение [1]. В исследовании проверяется влияние контекста, то есть расположения предложений, содержащих идеи заговора и проверяемые положения рядом, способствующее их объединения в общую конструкцию. Мы ожидаем, что совместное предъявление конспирологических и фактических утверждений оказывает влияние на уровень доверия к ним.

В исследовании приняли участие 102 человека, в возрасте от 18 до 47 лет ($M=25,4$), из них 46 мужчин. Данные собирались через онлайн-опрос с помощью сервиса *Google Формы*. Время сбора данных – март-апрель 2021 года. В сборе данных принимали участие А.С. Якимова, С.С. Тепоян.

Для проведения исследования были отобраны три известные конспирологические концепции. В первой теории утверждается, что американская космическая программа «Аполлон» (1969-1972) была сфальсифицирована. Согласно данной теории заговора, астронавты не высаживались на Луну, фотографии людей на лунной поверхности были сфабрикованы. Это якобы было сделано для того, чтобы обогнать СССР в космической гонке. Приверженцы следующего движения убеждены, что ВИЧ-инфекции не существует или она не переходит в СПИД. Сторонники третьей теории уверены в том, что прививки опасны, а идея поддерживается фармацевтическими организациями для их собственного обогащения.

Для проведения исследования были отобраны предложения, содержащие утверждения, соответствующие конспирологическим идеям. Их поиск осуществлялся на конспирологических форумах, из постов в сети Интернет. Предложения, содержащие мнения, соответствующие доказательной позиции, отбирались на официальных сайтах НАСА, ВОЗ и других. Таким образом были составлены тексты, состоящие из восьми предложений, четыре из которых соответствовали, а четыре не соответствовали конспирологической позиции по каждой теме.

Конспирологическим в данном исследовании считаются утверждения, противопоставленные официальной точке зрения, подразумевающие действие скрытых сил, манипулирующих общественностью с целью получения односторонней выгоды. Под фактическим понимаются утверждения, которые могут быть доказаны или опровергнуты и соответствуют официальной позиции.

Примеры использованных в исследовании предложений представлены в таблице 1.

Таблица 1

Примеры утверждений, использованных в исследовании

Конспирологические теории	Примеры конспирологических утверждений	Примеры фактических утверждений
Утверждение вредности вакцинации	Известный в СССР доктор Александр Коток писал, что не существует никаких доказательств того, что прививки вообще помогли в борьбе с заболеваниями. Эпидемии туберкулёза, дифтерии, кори и коклюша сошли на нет благодаря улучшению санитарно-гигиенических условий.	Кандидат медицинских наук А.Н. Мац, заведующий лабораторией НИИ вакцин и сывороток им. И.И. Мечникова РАМН считает, что вакцинопрофилактика – один из наиболее благотворных вкладов медицинской науки в здравоохранение.
Отрицание существования болезни (СПИД)	Героин, голод, лекарства, сифилис, паразиты – вот что подавляет иммунитет, а не ВИЧ.	Вирус разрушает и ослабляет функцию иммунных клеток, поэтому у инфицированных людей постепенно развивается иммунодефицит
Отрицание высадки американцев на луну	Угол и цвет теней на фотографиях «с Луны»	Олдрин провел эксперимент по оценке

	<p>противоречивы, что говорит о том, что были использованы искусственные источники света.</p>	<p>проникновения ботинок скафандров в грунт. Он сделал один отпечаток, дважды его сфотографировал и рядом сделал второй.</p>
--	---	--

Как следует из таблицы, предложения не согласованы между собой, могут противоречить друг другу. При составлении текста они случайным образом располагались друг за другом. В разных сообщениях конспирологические и фактические утверждения располагались на разных позициях.

Участникам экспериментальной группы предъявлялся набор предложений, и давалась инструкция внимательно прочитать предлагаемый текст. После завершения чтения испытуемых просили оценить понятность и интересность текста по семибалльной шкале для фиксации восприятия сообщения как целостного образования. Далее для контроля степени внимательности чтения текста задавались три вопроса об его содержании. Например, «В тексте говорилось о том, что прививки обуславливают развитие сахарного диабета?» (Правильный ответ – нет).

Далее испытуемым предъявлялся тот же набор с выделенным в нем жирным шрифтом первым предложением, достоверность которого надо было оценить с использованием семибалльной шкалы, где 1 – абсолютно не достоверно, 7 – абсолютно достоверно. После вынесения оценки, участники переходили к следующей странице, на которой опять располагался тот же текст, но уже с выделенным вторым предложением, уровень доверия к которому следовало указать при помощи аналогичной шкалы. Таким образом, испытуемые оценивали все предложения, включенные в текст.

Участники контрольной группы указывали степень доверия к тем же предложениям, но предъявляемым отдельно. Для того, чтобы избежать установления спонтанной связи между утверждениями, их непосредственного сравнения, каждое предложение располагалось на отдельной странице *Google Формы*.

После завершения оценки утверждений, участников исследования просили указать степень согласия с семибалльными шкалами, разработанными для определения отношения к теориям заговора, которые изучались в исследовании (таблица 2).

Таблица 2

Отношение к теориям заговора (шкалы)

Целевое назначение шкал	Теории заговоров		
	Утверждение вредности вакцинации	Отрицание существования болезни (СПИД)	Отрицание высадки американцев на луну
Оценка заинтересованности в теме	Я интересуюсь темой вакцинации	Я интересуюсь темой ВИЧ-инфекции	Я интересуюсь темой полёта человека на Луну
Оценка веры в положение, соответствующее конкретной теории заговора	Я считаю, что вакцинация опасна	Я считаю, что такой болезни как СПИД нет	Я считаю, что американцы не высаживались на Луну
Определение личного отношения к теме	Я намерен при необходимости вакцинироваться	Я думаю, что люди должны защищаться от возможности заражения ВИЧ – инфекцией	Я думаю, что высадки человека на Луну – это запутанная и неясная тема

Результаты оценки доверия участников исследования к описываемым теориям заговора отражены в таблице 3.

Таблица 3

Отношение к теориям заговора (среднее (стандартное отклонение))

Группа	Заинтересованность в теме	Положение, соответствующее теории заговора	Личное отношение к теме
Экспериментальная группа	3,43 (1,9)	2,78 (1,8)	5,06 (2,31)
Контрольная группа	3,31 (1,9)	2,71 (1,8)	4,82 (2,26)

Оценки показывают средние уровни заинтересованности в теории заговора, доверия к одному из положений составляющих конкретную теорию и личного мнения по проблеме, непосредственно сопряженной с предъявляемой теорией заговора. Участники исследования не относятся как

к сторонникам, так и противникам конспирологических взглядов, занимая умеренную, среднюю позицию.

Испытуемые экспериментальной группы оценивают текст как достаточно интересный ($M=5,8$) и понятный ($M=5,3$). Оценки косвенным образом свидетельствуют о том, что случайное смешение фактических и конспирологических утверждений не вызвало при чтении выраженного диссонанса. Это позволяет предположить, что предложения воспринимались как часть общего сообщения. Оценка внимательности чтения показала, что 33 человека не сделали ни одной ошибки, 13 человек совершили одну ошибку, 5 человек – две ошибки.

В таблице представлены оценки доверия к предложениям, в зависимости от их объединения в текст (таблица 4).

Таблица 4

Доверие к конспирологическим и фактическим утверждениям

Группа	Показатели		Конспирологические утверждения	Фактические утверждения
Оценка предложений, составляющих текст	Медиана		4,25	5,5
	Процентили	25	3,25	4,25
		50	4,25	5,5
		75	6	6,5
Оценка предложений, предъявляемых отдельно	Медиана		3,75	5,25
	Процентили	25	2,75	4
		50	3,75	5,25
		75	4,5	6,25

Применение критерия Манна-Уитни позволило обнаружить достоверные различия в оценке конспирологических утверждений ($U = 989$, $p = 0,037$). Доверие к предложениям, содержащим положения теорий заговора выше если они предъявляются совместно. Оценка фактических утверждений не различается в зависимости от их экспозиции в составе письменного сообщения ($U = 1218$, $p = 0,58$).

Корреляционный анализ по Спирмену позволил обнаружить наличие связи между доверием к конспирологическим и фактическим утверждениям у испытуемых, читавших текст ($r_s = 0,340$, $p = 0,015$). В группе испытуемых, оценивших каждое предложение отдельно, такая связь отсутствует ($r_s = 0,159$, $p = 0,264$). Результат показывает, что предложения, предъявляемые совместно, оцениваются согласованно в отличие от отдельно экспонируемых утверждений.

Совместное предъявление утверждений способствует тому, что они воспринимаются в совокупности как части единого текста. У читателей формируется отношение к сообщению, которое коррелирует с оценкой его отдельных частей. Поэтому происходит изменение отношения к конспирологическим утверждениям. Можно предположить, что объединение в текст способно оказать влияние и на доверие к фактическим предложениям. Если отношение к сообщению определяет оценку его отдельных частей, то доверие к обеим группам исследуемых утверждений может изменяться в случае их восприятия как текста. Важно, что сами предложения могут не составлять действительно логически связного, завершеного повествования, быть несогласованными или даже противоречивыми. Организацию информации как когерентной осуществляет сам читатель без специальной инструкции.

Данное исследование свидетельствует о влиянии совместного предъявления фактических и конспирологических утверждений на уровень доверия к ним. Полученные результаты рассматриваются как часть процесса изменения отношения к идеям, сопряженным с теорией заговора, показывая механизмы формирования мнения в результате знакомства с несогласованными утверждениями.

Библиографический список

1. *Brotherton R., Son L. K.* Metacognitive Labeling of Contentious Claims: Facts, Opinions, and Conspiracy Theories // *Frontiers in psychology*, 2021. Т. 12. С. 924.
2. *Van Prooijen J. W., Jostmann N. B.* Belief in conspiracy theories: The influence of uncertainty and perceived morality // *European Journal of Social Psychology*, 2013. Т. 43. № 1. С. 109–115.
3. *Wood M. J., Douglas K. M., Sutton R. M.* Dead and alive: Beliefs in contradictory conspiracy theories // *Social psychological and personality science*, 2012. Т. 3. № 6. С. 767–773.

ДЕТСКО-РОДИТЕЛЬСКИЕ ОТНОШЕНИЯ КАК ФАКТОР ПОСТРОЕНИЯ СЕМЕЙНОЙ КАРЬЕРЫ В ПЕРИОД ВХОЖДЕНИЯ ВО ВЗРОСЛОСТЬ

О.А. Карabanова, Е.И. Захарова, Ю.А. Старостина
ФГБОУ ВО «Московский государственный
университет им. М.В. Ломоносова

В статье рассматриваются жизненные планы девушек в отношении самореализации в семейной сфере в период вхождения во взрослость. Было выдвинуто предположение, что удовлетворенность отношениями с родителями, опыт собственных детско-родительских отношений обусловит место семейной карьеры в ближайших жизненных планах молодых девушек. Было опрошено 158 студенток высших учебных заведений Москвы и Пензы в возрасте от 18 до 22 лет и выявлено три типа планирования семейной карьеры: 1) «семья, отложенная на неопределенный срок» – создание семьи не в ближайшей временной перспективе или вообще отсутствие этого желания; 2) «семья в ближайшем будущем» – создание семьи в ближайших планах; 3) «семья в обозримых планах» - есть планы по семейной карьере, при отсутствии очевидной временной перспективы создания семьи. Полученные данные подтверждают выдвинутую гипотезу: для тех девушек, которые в ближайшем времени собираются создать семью, свойственны наибольшая удовлетворенность отношениями с родителями, более позитивный эмоциональный фон взаимодействия с ними, ощущение их поддержки и принятия.

Ключевые слова: семейная карьера, профессиональная карьера, детско-родительские отношения, вхождение во взрослость.

PARENT-CHILD RELATIONSHIP AS BASIS FOR FAMILY CAREER PLANNING WHEN ENTERING ADULTHOOD

O.A. Karabanova, E.I. Zakharova, Y.A. Starostina
Lomonosov Moscow State University

This article investigates the life plans of young women in relation to self-realization in the family sphere during adulting. It is assumed that the experience of a parent-child relationship and their satisfaction with relationship with parents shall determine the place of a family career in the life priorities of young women. Totally 158 female university students aged 18 to 22 from Moscow and Penza participated. Three types of career planning for young women have been identified: 1) family postponed for an indefinite period, which means creating a family not in the short term or even the absence of this desire; 2) family in the near future, meaning the creation of a family in the near future; 3) family in foreseeable plans, which means

that there are plans for a family career in the absence of an obvious time perspective of a family creation. The data obtained in the study confirm the following hypothesis: the young women who are going to start a family in the near future are characterized by the greatest satisfaction with their relationships with their parents, a more positive emotional background of interaction with them, a feeling of their support and acceptance.

Keywords: family career, professional career, parent-child relationship, entering adulthood.

Планирование семейной карьеры на этапе вхождения во взрослость может рассматриваться как часть проектирования личностью жизненного пути. Особое значение этот процесс приобретает для девушек: изменение роли женщины в современном обществе неизбежно приводит к изменениям предпочтений и жизненных планов молодых женщин. Одной из наиболее заметных тенденций современной России является откладывание рождения ребенка на более поздние возраста: коэффициент рождаемости (родившиеся живыми дети на 1000 женщин данного возраста) среди женщин 20-24 лет в 1990 году составлял – 156,5, в 2019 году – 74,8; среди женщин 35-39 лет в 1990 году коэффициент рождаемости был равен 19,4, в 2019 году – 38,7 [6]. В психологических исследованиях фиксируются различные негативные тенденции развития семьи и родительства в частности: негармоничность и искаженность представлений о родительстве у молодежи [1; 4], негативное отношение и неготовность к будущему родительству [5], большое количество соматических нарушений у женщин (бесплодие, привычное невынашивание беременности) [7], распространение практики сознательного отказа от родительства [3; 9], стремление перепоручить материнские обязанности ухода за ребенком другим [3]. Необходимы современные исследования планирования семейной и профессиональной карьер у юношей и девушек, особенно в период вхождения во взрослость, их соотношения, понимания факторов на них влияющих.

Целью данного исследования было изучение взаимосвязи между удовлетворенностью собственными детско-родительскими отношениями с типами планируемой семейной карьеры. Мы предположили, что удовлетворенность детско-родительскими отношениями является значимым фактором для планирования создания семьи как задачи развития у молодых девушек. Соответственно при различных вариантах планирования семейной карьеры могут быть выявлены значимые различия в удовлетворенности собственными детско-родительскими отношениями. Нами были поставлены следующие задачи 1) выделение типов планирования семейной карьеры; 2) изучение особенностей удовлетворенности детско-родительскими отношениями и наличной

семейной ситуацией в зависимости от типа планирования семейной карьеры.

В исследовании были использованы следующие методики: авторский опросник «Семейная и профессиональная карьеры» (СПК) и авторский опросник «Удовлетворенность отношениями с родителями». Опросник СПК, содержит 5 шкал: «Мотивационная направленность в построении карьеры», «Карьерный план», «Локус контроля в отношении карьеры», «Временная перспектива» (в шкалах выделены две субшкалы для профессиональной и семейной карьеры) и шкала «Согласованность семейной и профессиональной карьеры». Испытуемым предлагалось выразить согласие с 71 приведенным утверждением, исходя из 5-балльной шкалы (от 5 – «абсолютно согласен» до 1 – «совершенно не согласен»). Баллы, полученные в ответ на утверждения, принадлежащие к одной шкале, суммировались, становясь показателем выраженности характеристики [2; 8]. Опросник «Удовлетворенность отношениями с родителями» содержит 7 шкал: «Эмоциональный тон взаимоотношений», «Конфликтность», «Согласие», «Стремление дистанцироваться от родителей», «Поддержка», «Отношения в детстве» и «Глобальная удовлетворенность отношениями». Всего в опроснике 21 вопрос, шкала ответов 4-балльная.

Выборку исследования составили 158 студенток вузов гг. Москвы и Пензы в возрасте 18-22 лет.

На основе кластерного анализа нами были выделены три типа планирования семейной карьеры (без учета профессиональной карьеры): 1) «*семья, отложенная на неопределенный срок*» (28,5% респондентов) – создание семьи не в ближайшей временной перспективе или вообще отсутствие этого желания, нет никаких четких планов семейной карьеры, локус контроля семейной карьеры – внутренний; 2) «*семья в ближайшем будущем*» (42% респондентов) – создание семьи в ближайших планах, не характерен приоритет семьи, а скорее баланс семьи и карьеры, есть четкие планы по семейной карьере, локус контроля семейной карьеры – внешний; 3) «*семья в обозримых планах*» (29,5% респондентов) – приоритет семейных отношений, есть планы по семейной карьере, при отсутствии очевидной временной перспективы создания семьи, локус контроля семейной карьеры – внутренний. Отметим, что ведущим мотивами для создания семьи респонденты всех выделенных групп признавали мотив любви, доверия и взаимопонимания, то есть психологической интимности, близости. Для девушек из второй группы, которые собираются заводить семью в обозримом будущем, более значим, чем для других групп, мотив безопасности, защищенности (Т-критерий Стьюдента, $p < 0,05$). Мотив

реализации в семье, семейных отношениях, значимо выражен в третьей группе («семья в планах»), по сравнению с первой группой девушек, не собирающихся в обозримой временной перспективе создавать семью (Т-критерий Стьюдента, $p < 0,05$). Высокая значимость мотивов воспитания детей и родительства характерна для респонденток, собирающихся создать семью в ближайшей временной перспективе, по сравнению с девушками из третьей группы, для которых семья, безусловно, находится в планах, но не близких (Т-критерий Стьюдента, $p < 0,05$).

Характеристики удовлетворенности детско-родительскими отношениями для каждого из выделенных кластеров, различающихся по типу планирования семейной карьеры (СК), представлен ниже (таблица 1).

Таблица 1

Характеристики удовлетворенности детско-родительскими отношениями у девушек с разными типами планирования семейной карьеры

Тип планирования семейной карьеры Характеристики ДРО	«Семья, отложенная на неопределенный срок» N=45		«Семья в ближайшем будущем» N=66		«Семья в планах» N=47	
	Среднее	Ст.откл.	Среднее	Ст.откл.	Среднее	Ст.откл.
Эмоциональный тон	8,82	1,87	10,30	1,44	9,08	2,17
Конфликтность	6,26	1,05	6,84	0,63	6,12	1,34
Согласие	8,64	1,47	9,68	1,30	8,55	2,01
Стремление дистанцироваться	9,20	1,76	10,69	1,30	9,14	2,39
Поддержка	6,53	1,39	7,24	1,03	6,40	1,97
Отношения в детстве	9,06	1,87	10,59	1,60	8,70	2,33
Глобальная удовлетворенность	16,11	2,08	18,15	1,90	15,97	3,39

Попарное сравнение значимости различий между группами по шкалам удовлетворенности детско-родительскими отношениями на данный момент времени обнаружило следующее. Девушки, планирующие в ближайшем будущем создать семью, имеющие четкие, развернутые планы по семейной карьере, отличаются значимо от оставшихся групп по всем показателям методики «Удовлетворенность отношений с родителями». Для них характерны: глобальная удовлетворенность отношениями с

родителями, более позитивный эмоциональный фон взаимодействия с ними сейчас и большая удовлетворенность отношениями в детстве, они ощущают поддержку родителей, согласие с ними по основным вопросам. Все эти показатели значимо отличают данных респонденток, от девушек из обеих оставшихся групп (Т-критерий Стьюдента, $p < 0,01$). При этом важно, что показатели конфликтности отношений с родителями в данной группе тоже значимо выше, чем в оставшейся выборке, как и стремление дистанцироваться от родительской семьи. Возможно, именно это служит предиктором желания как можно быстрее завести собственную семью. Либо, глобальная удовлетворенность отношениями с родителями позволяет более свободно говорить о стремлении к реализации возрастных задач. Но заметим, что на фоне благополучного эмоционального фона взаимодействия и отношений с родителями, молодые девушки позитивно относятся именно к этой потенциальной возможности семейных отношений, стремясь реализовать ее в ближайшей временной перспективе. Выделенные нами группы девушек, не собирающихся заводить семью в ближайшее время («отложенная семья» и «семья в обозримых планах») значимо не отличаются ни по одному из выделенных в данной методике показателей. Этот результат тоже достаточно любопытен, то есть невысокая удовлетворенность отношениями с родителями не обязательно совершенно негативно сказывается на планах в собственной семейной карьере: например, для группы «семья в обозримых планах» характерен приоритет семейных отношений над карьерными устремлениями, но при этом создание этих отношений откладывается. Возможно, именно этот временной аспект планирования семейной карьеры и связан с удовлетворенностью детско-родительскими отношениями.

Актуальность исследования жизненных планов девушек в отношении самореализации в семейной сфере в период вхождения во взрослость обусловлена необходимостью выявления причин низкого приоритета материнства, снижения привлекательности брака и семейных отношений. Гипотезой нашего исследования стало предположение о том, что удовлетворенность детско-родительскими отношениями, семейной ситуацией, обусловит место семейной карьеры в жизненных приоритетах личности. Данные, полученные в исследовании, в целом подтверждают выдвинутую гипотезу: для тех девушек, которые в ближайшем времени собираются создать семью, ориентированы на семейные отношения, имеют четкие планы на семейную карьеру, характерны наибольшая удовлетворенность отношениями с родителями, более позитивный

эмоциональный фон взаимодействия с ними, ощущение их поддержки и принятия.

По итогам исследования мы можем сделать следующие выводы:

1. Анализ типов построения девушками планов в отношении семейной карьеры в период вхождения во взрослость обнаруживает вариативность, которая обнаруживается в стремлении создать семью в ближайшем будущем (42% респондентов), наличиях планов создания семьи вообще (29,5%) и откладывание создания семьи на неопределенный срок или нежелание ее создавать (28,5%).

2. Для девушек, планирующих создание семьи в ближайшем будущем, характерны удовлетворенность отношениями с родителями в детстве, ощущение их поддержки, позитивный эмоциональный фон взаимодействия, наряду с наличием стремления дистанцироваться и некоторой конфликтностью в отношениях.

Библиографический список

1. Захарова Е.И., Карабанова О.А., Старостина Ю.А., Долгих А.Г. Представления о будущем родительстве в подростковом и юношеском возрасте // Российский психологический журнал, 2019. Т.16. № 2. С. 103–122.

2. Захарова Е.И., Карабанова О.А., Старостина Ю.А. Представленность семейной и профессиональной карьер в жизненных планах девушек в период вхождения во взрослость // Педагогическое образование в России, 2020. № 6. С. 203–210.

3. Захарова Е.И. Психология освоения родительства. М.: ИИУ МГОУ. 2014. 258 с.

4. Карабанова О.А., Молчанов С.В. Семейные факторы в формировании родительских установок у студенческой молодежи на этапе вхождения во взрослость // Национальный психологический журнал, 2017. № 2 (26). С. 92–97.

5. Мухина Н.В., Белогай К.Н. Уровень психологической готовности к материнству в период ранней взрослости // Перинатальная психология и психология родительства, 2007. №4. С. 98–100.

6. Российский статистический ежегодник. 2020: Стат.сб/Росстат. М. 2020. 700 с.

7. Хломов К. Отношение к соматическим симптомам у беременных с угрозой прерывания беременности // Консультативная психология и психотерапия, 2009. №1. С. 107–120.

8. Karabanova O.A., Zakharova E.I. Personal factors of coordination of professional and family career in youth // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences, 2020. Future Academy (online), № Volum – V94. P. 353–360.

9. Langdridge D. Sheeran P., Connolly K.J. Understanding the reasons for parenthood // Journal of reproductive and infant psychology, 2005. Vol.23; No.3. P.121–133.

DIGITALIZATION AS A FACTOR OF CRITICAL THINKING IN HIGHER EDUCATION

E.D. Kachura, A.S. Silantyeva, S.E. Sviridova
Togliatti Academy of Management

Digitalization has already affected a lot of management processes in various spheres of society. This article discusses advantages and disadvantages of digitalization, as well as possible ways to implement it in the education system of the Togliatti Academy of Management.

Keywords: digitalization, higher education, critical thinking, management.

Digitalization in higher education institutions

The main trend of the modern world is the digitalization of all spheres of society. Education is no exception. The need for higher education institutions to comply with modern standards has pushed government structures of all countries of the world to digitalize and modernize the education system as a whole.

Digitalization is becoming a necessary element, which is one of the main mechanisms for the development of all facets of life in modern society, including the education system [1, p. 6]. The purpose of the study is to search, analyze and process trends in the development of such technologies that are capable of transferring any type of work into digital form, it will be much more convenient for modern higher education institutions, having a positive impact on the results of their interaction. In the process of research, the dialectical method is used, as well as instrumental and functional approaches as proper ways of critical thinking. Today, in Russia there is a qualitative process of development of digitalization of higher education, and to achieve a large-scale and high-quality result, we are to follow all the norms and standards from existing examples of other developed countries.

The need of implementating digitalization of management processes in higher education institutions

At the moment, tracking deviating indicators of the educational process takes long time, since the work of departments of any higher education institution is carried out with the help of different programs. Collecting and critically analyzing information from various sources about the workload of students, teachers, the quality of education entails time-consuming employees of various departments, which ultimately leads to monetary costs. If you create a single

system that compares data and tracks deviations in indicators, then you will need to spend much fewer resources to eliminate gaps in the educational process [3, p. 100].

For many universities, a real improvement in the quality of higher education is not a priority indicator, they are more interested in attracting highly qualified foreign teachers, expanding the academic exchange of students and raising their international level and status. Universities do not want to create and implement new systems for tracking errors in the educational process due to a large amount of information for analysis: data on students' performance, teacher qualifications, the composition of training courses and disciplines, academic hours for mastering professional competencies.

Foreign experience in the implementation of digitalization

American and European universities were the first, trying to implement digitalization and work in existing proven systems [4, p. 44]. However, standard digitalization takes place by creating a common electronic structure - a database of training courses, grade books, a website and social networks. Next, you need to implement a tracking system to identify gaps to simplify the analysis of errors during the educational process.

The introduction of digitalization also has its costs:

- Transactional costs (with service providers or IT developers).
- Costs associated with the development team.
- Display and reassignment of processes.
- System integration and interface.
- Maintenance of the electronic structure.
- Training of personnel to work in a new system.

Digitalization at the Togliatti Academy of Management (Academy) does not lag behind global trends. The main step for the Academy was the creation of its system, which at first was TAoM-master and TTS (Test-training system), and now EIOS (Electronic information and educational environment). EIOS ensures the information transparency of the university by the requirements of the regulatory legal acts of the Russian Federation in the field of education, organizes educational activities of the university and provides users with access to information and educational resources [2, p. 88]. Creation of a parser for EIOS (a program that collects data from the specified web resources, analyzes them and outputs them in the required format) will not be as complicated and costly as previously expected thanks to the lightweight scripts of the electronic system. Thus the Academy has critically thought out its existing system and decided to implement a new one.

Benefits of introducing digitalization in the process of higher education institution

The digitalization of management processes of the university, as a factor of critical thinking, entails undoubted benefits and has the following advantages:

- Digitized processes go faster – less waiting time for students, more time for other activities of the university staff.
- Less bureaucracy and paperwork for universities and students.
- Higher quality student services and support. An understandable assessment system and transparent monitoring of knowledge ensure accessibility, as well as ease in finding the necessary information.
- Increased reliability and relevance of data for students and university staff. Today, due to the constant change of teaching staff, it is difficult to track the quality of knowledge and academic performance, so this system will be able to maintain up-to-date information.
- Improved data visibility for staff and university administrators.
- Transparency of processes and results created by the university.

Phased implementation plan

According to research data from CHEDTEB (a strategic partnership project between the University of Bielefeld, the University of Tartu and the Brno University of Technology), the most successful assessment of the indicators necessary for the organization can be considered as a roadmap system - a visual presentation of a step-by-step scenario of achieving strategic goals of the organization [4, p. 21]. Critically thought out, this scenario will help to understand the essence of the organization, what stage of digitalization it is at the moment and the finish point. For such work the most suitable is the ICT roadmap, which takes into account positions and capabilities of stakeholders (founders, management systems and teachers) while making decisions on the assessment of benefits, resources and risks. Critical thinking demands, that every management decision is to ask the following questions: Who is the benefit for? Who bears the risk? What resources are required?

Roadmap ensures the achievement of the organization's objectives by assessing needs, conditions and capabilities of interested parties; it sets the direction of activities and organization of time through prioritization and decision-making, as the essence of critical thinking; it monitors the execution of work, their observance and progress in achieving the specified directions and goals.

We propose to link the existing systems of the Academy, developed earlier, with a new one, which will help to track and provide data by processing them:

– Training Information System (SIS) for organizing the educational process. This system is EIOS, however, some of the data requires the creation of additional evaluation criteria. At the moment, there are categories such as attendance and statements containing information about debts, student ranking and academic hours missed.

– Information system for document management (for university documents' registration and management) [6, p. 41]. TAoM uses the following systems: AS Load and AS Curricula. These systems allow you to distribute the workload and track the employment of the teaching staff and students. When parsing and collecting data into one system, it will be possible to compare attendance with the workload, which will help to identify shortcomings as indicators of interest and capabilities of students during training, and in the construction of curricula.

– An HR and finance information system for accounting and HR management will simplify staff assessment decisions by tracking students' performance before and after changes and will help to edit training material.

– When implementing a system that can collect and process data, it is necessary to take into account the periodic updating of the system and the constant introduction of new standards into it. However, the undoubted advantage of the creation and implementation of the system is that in the future it will be possible to predict the results, that also demonstrates the process of Critical thinking at the Academy [5, p. 15].

It should be noted that the expected result of the digitalization of management and educational processes will affect such parameters as the effectiveness of interaction among all departments and simplification of critical analysis for further management decisions. High-quality modernization of the internal content is an integral element of critical thinking process and those large-scale innovative transformations that we are talking about today.

Thus, the Academy, undoubtedly, has a critically thought out opportunity of introducing such a system that will simplify the decision-making process based on the specific indicators of the above systems, as a factor of critical thinking in higher education.

Reference

1. Digitalization in a modern higher education institution [Electronic resource] // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-v-sovremennom-vysshem-uchebnom-zavedenii>

2. Digitalization of the educational process: risks and prospects in a pandemic Covid-19 [Electronic resource] // URL: https://www.vstu.ru/nauka/izdaniya/doi/10.35211_2500-2635-2020-3-43-85-92.pdf

3. Digitalization of management processes in scientific and educational organizations [Electronic resource] // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-upravlencheskih-protsessov-v-nauchno-obrazovatelnyh-organizatsiyah>

4. White paper on digital transformation of universities' internationalization process [Electronic resource] // URL: https://www.chedteb.eu/media/attachments/2019/08/25/white_paper_on_digitalisation_universities.pdf

5. Руднева Т.И., Стрекалова Н.Б. Образовательные риски в инновационных условиях педагогической деятельности. Самара: Изд-во «Самарский государственный университет», 2018. 194 с.

6. Sarieva Z.I., Kachura E.D. Quality Assurance of Communicative Bachelor Training // Modern Humanities Success/Успехи гуманитарных наук, 2019. №6. С.41.

УДК 159.9

ПРЕОДОЛЕНИЕ ПСИХОЭМОЦИОНАЛЬНОГО СТРЕССА У ЛИЦ МОЛОДОГО ВОЗРАСТА В УСЛОВИЯХ COVID-19

*О.С. Ковшова, Д.Д. Лыгина, А.Р. Акдерли
ФГБОУ ВО «Самарский государственный
медицинский университет»*

Психологические проблемы пандемии имеют высокую актуальную значимость и даже не меньший смысл, чем ее клинические и эпидемиологические аспекты. Цель нашего исследования состояла в диагностике и психологической коррекции эмоционального стресса у лиц молодого возраста в условиях COVID-19. Результаты проведенного исследования выявили у студентов склонность к депрессивному реагированию и демонстративному суициду, ситуативный психоэмоциональный стресс: диагностирован высокий уровень ситуативной тревожности, с тревожной оценкой перспективы и высокими реакциями социальной защиты, высокой потребностью в социальном взаимодействии. На основе результатов исследования была разработана и проведена программа психологической коррекции психоэмоционального стресса, которая была направлена на повышение социально-психологической адаптации и мотивации обучения студентов в ВУЗе.

Ключевые слова: эпидемиологическая ситуация COVID-19, студенты, психоэмоциональный стресс, тревога, депрессия, суицидальный риск, психо-социальная адаптация.

OVERCOMING PSYCHOEMOTIONAL STRESS IN YOUNG PERSONS UNDER COVID-19

O.S. Kovshova, D.D. Lygina, A.R. Akderly
Samara State Medical University

The psychological problems of the pandemic are of high actual importance and even no less meaningful than its clinical and epidemiological aspects. The purpose of our study was to diagnose and psychologically correct emotional stress in young people under COVID-19 conditions. The results of the study revealed in students a tendency to depressive reactions and demonstrative suicide, situational psycho-emotional stress: a high level of situational anxiety was diagnosed, with an anxious assessment of the prospects and high reactions of social protection, a high need for social interaction. Based on the results of the study, a program of psychological correction of psychoemotional stress was developed and carried out, which was aimed at increasing the socio-psychological adaptation and motivation of students to study at the university.

Keywords: epidemiological situation COVID-19, students, psycho-emotional stress, anxiety, depression, suicidal risk, psycho-social adaptation.

Согласно большинству исследований распространённость тревоги среди населения варьирует от 20 до 25%, большинство студентов в период пандемии испытывают большую нагрузку, напряжение, связанное с учебным процессом, а также испытывают страх перед будущим. Психологические проблемы пандемии имеют высокую актуальную значимость [5; 6; 7].

Дистанционное обучение не позволяет студенту привыкнуть к обстановке нового учебного заведения, адаптироваться в нем, получить информацию о нормах и правилах поведения в стенах вуза. Тревога и напряжение, связанное с ситуацией изменения обучения, места жительства, окружения, организации быта, усугубляется тревогой за собственную жизнь и жизнь своих близких [1; 2; 3; 8; 9]. Высокую значимость для студенческой молодежи в связи с ситуацией в мире приобрело качество социального функционирования, последующие места в иерархии потребностей занимают темы заботы о здоровье. Негативные эмоциональные состояния в студенческой среде, такие как страх и тревога, по результатам некоторых исследований выражены незначительно [6].

Воздействие стресса может отрицательно сказаться не только на процессе обучения, но и на состоянии психологического здоровья студентов, поэтому мы сосредоточили наше внимание на предупреждении развития психо-эмоционального стресса у студентов 1 курса Самарского

государственного медицинского университета в условиях covid-19 [4; 10; 11].

На подготовительном этапе проводилась клиническая беседа с целью выявления анамнестических данных психологическое консультирование в рамках когнитивно-поведенческой терапии (КПТ). Создание доверительных отношений с клиентом, формирование рабочего альянса между психологом и студентом. Подбор индивидуального подхода к каждому студенту, создание условий безопасности [44].

Цель. Определить психо-эмоциональное состояние лиц молодого возраста в условиях COVID-19 и разработать программу психологической коррекции выявленных нарушений.

Методы исследования. Клиническая беседа; структурированное интервью; ПДО – «Патохарактерологический диагностический опросник», 1983; методика ИТТ – «Интегративный тест тревожности», 2005; методика диагностики социально-психической адаптации, 2004; Опросник суицидального риска Т.Н. Разуваевой, метод «Парных сравнений»; статистический анализ проводился с помощью компьютерной программы для статистической обработки данных SPSS Statistics – 2020.

Выборка исследования. Обследовано 40 студентов, обучающихся на первом курсе СамГМУ. Средний возраст обследуемых $18,4 \pm 1,4$ лет. По данным структурированного интервью достоверных различий в психологических данных между респондентами – студентами 2-х факультетов не выявлено. Соотношение выборки по полу составило: 10 юношей и 30 девушек.

Все обследуемые студенты прошли обследование перед поступлением в СамГМУ по форме У-286, психической патологии не выявлено (консультированы психиатром и наркологом).

Критерием разделения на две группы сравнения явился критерий тревожной predisпозиции, который определялся нами по следующим показателям: печальное настроение, повышенная тревожность, прослушивание грустной музыки, страх общения и страх болезни. Первая группа сравнения составила 10 человек с тревожной predisпозицией (5 юношей и 5 девушек). Вторая группа сравнения (25 девушек и 5 юношей) – лица, не имеющие эмоциональных переживаний.

Полученные результаты. У молодых людей в первой группе сравнения у студентов с тревожной пре-диспозицией преобладает эпилептоидная Эпилептоидный тип акцентуации характера (33%), который имеет высокую корреляционную взаимосвязь с показателями «делинквентности» ($rS=0,847$) по «ПДО» и «тревожной оценки

перспективы» в структуре тревожности ($rS=0,789$). У студентов с тревожной пре-диспозицией выявлены достоверные различия по параметрам «склонность к депрессии» ($5,1\pm 1,3$, $p<0,05$) и «склонность к демонстративному суициду» ($2,2\pm 1,6$, $p<0,05$); выявлен высокий риск развития депрессивной симптоматики и высокий риск демонстративного суицида. Отмечается, что все молодые люди имеют более высокие значения «материальных потребностей» ($22,5\pm 5,8$; $23,1\pm 7,8$), «потребностей в самовыражении» ($25,7\pm 5,5$; $23,2\pm 10,4$), и «признании» ($19,1\pm 4,7$; $19,3\pm 6,3$), что дает характеристику, как высокое желание лиц молодого возраста обеспечить себе высокий материальный уровень жизни, добиться уважения и успеха.

У молодых людей в двух группах сравнения выявлена тенденция к снижению уровня «адаптации» ($66,5\pm 12,0$, $p>0,05$; $64,0\pm 16,4$, $p>0,05$), что свидетельствует об этапе приспособления и адаптации молодых людей к новым условиям обучения в вузе и организации своего быта.

Высокие показатели в двух группах сравнения выявлены по показателям «самопринятия» ($64,2\pm 24,0$, $p>0,05$; $69,6\pm 18,5$, $p>0,05$), «стремления к доминированию» ($57,3\pm 13,1$, $p>0,05$; $52,73\pm 18,2$, $p>0,05$) и «эмоциональной конформности» ($61,5\pm 24,34$, $p>0,05$; $59,8\pm 19,2$, $p>0,05$), что говорит о положительной самооценке, стремлении занимать позицию лидерства в межличностных отношениях, высокой эмоциональной вовлеченности, уверенности в себе.

Выявлена высокая корреляционная взаимосвязь показателя «адаптации» с «самопринятием» ($rS=0,906$) и «эмоциональной конформностью» ($rS=0,964$), что может свидетельствовать что на фоне пониженного уровня адаптации студенты имеют высокую самооценку, уверенность в себе, объективно оценивают необходимость адаптации к новым условиям обучения и проживания, ношению средств индивидуальной защиты от коронавируса для комфортной жизнедеятельности.

Выявлено, что «ситуативная тревожность» у лиц молодого возраста ($4,5\pm 2,9$, $p>0,05$; $4,5\pm 2,3$, $p>0,05$) преобладает над «личностной тревожностью» ($6,4\pm 1,7$, $p>0,05$; $6,1\pm 2,1$, $p>0,05$) в обеих группах сравнения, что объясняется ситуацией психологической адаптации в ВУЗе, высокого напряжения в обучении, стрессовой ситуацией в условиях коронавируса, страхом заболевания, дистанционным обучением. Установлены высокие показатели ситуативной тревожности в группах сравнения по критериям: «эмоциональный дискомфорт» ($6,9\pm 1,6$, $p>0,05$; $6,4\pm 2$, $p>0,05$), «астенический компонент тревожности» ($6,2\pm 1,9$, $p>0,05$; $6,2\pm 2,5$, $p>0,05$),

«тревожная оценка перспективы» ($6,3 \pm 1$, $p > 0,05$; $5,7 \pm 2,5$, $p > 0,05$), что свидетельствуют о снижении эмоционального фона, о высоком эмоциональном напряжении, усталости, быстрой истощаемости, страхе перед будущим.

Уровень «личностной тревожности» имеет высокую значимую взаимосвязь с показателем личностного «эмоционального дискомфорта» ($rS=0,767$), «тревожной оценкой личностной перспективы» ($rS=0,940$), общим показателем «ситуативной тревожности» ($rS=0,846$) и «тревожной оценкой перспективы» ситуативной тревожности ($rS=0,856$). Общий показатель «ситуативной тревожности» имеет высокую взаимосвязь с «фобическим компонентом» ситуативной тревожности ($rS=0,892$) и ситуативной «тревожной оценкой перспективы» ($rS=0,912$). Выше перечисленные тесные корреляционные показатели характеризуют молодых людей в обеих группах как эмоционально напряженных, возможно неудовлетворенных жизненной ситуацией, тревожно оценивающих ситуацию в настоящем и будущем времени.

Выявленные взаимосвязи говорят о том, что молодые люди в двух группах сравнения испытывают психоэмоциональный стресс, возможно в связи с ситуацией пандемии, ощущают угрозу и озабоченность будущим, неуверенность в себе на фоне общей высокой эмоциональной чувствительности.

В первой группе сравнения обнаружены достоверные различия и высокая корреляционная взаимосвязь ($rS=0,974$) по параметрам «склонность к депрессии» ($5,1 \pm 1,3$, $p < 0,05$) и «склонность к демонстративному суициду» ($2,2 \pm 1,6$, $p < 0,05$). Молодые люди с эмоциональными переживаниями склонны к депрессивному реагированию более подвержены риску демонстративного суицида, чем молодые люди без эмоциональных нарушений.

Сравнительная характеристика результатов исследования суицидального риска в двух группах показала, что лица молодого возраста с эмоциональными нарушениями имеют достоверно значимые различия по параметрам «социальный пессимизм» ($4,2 \pm 1,3$, $p < 0,05$) и «антисуицидальный фактор» ($3,2 \pm 0$, $p < 0,05$). Сочетание повышенного показателя по критерию «социальный пессимизм» и низких значений критерия «антисуицидальный фактор» у лиц молодого возраста в первой группе с тревожной предрасположенностью свидетельствует о негативной оценке мира, возможно низких морально-нравственных ценностях, идеалах, снижении ответственности в делах.

Высокую корреляционную взаимосвязь фактор «временной перспективы» имеет с «потребностью в безопасности» ($rS=0,772$), с «личностной тревожностью» ($rS=0,869$), «реакцией социальной защиты» ($rS=0,766$) и «тревожной оценки перспективы» ($rS=0,826$). Полученные данные означают, что ситуация COVID-19 вызывает у молодых людей высокий уровень тревоги, страх общения, неопределенность будущего, в связи с этим возрастает потребность в обеспечении личной безопасности.

Проведена программа групповой психологической коррекции для лиц молодого возраста (7 занятий по 1 часу, 2 раза в неделю).

Групповая когнитивно-поведенческая психологическая коррекция проводилась на основном этапе: в виде клинической беседы, с целью снятия тревоги и эмоционального напряжения, формирования контакта, доверительных отношений и создание атмосферы эмоциональной поддержки, поиск ресурсного состояния личности. Для достижения поставленных целей в работе использовались следующие техники: активного слушания; эмпатия (безусловное принятие клиента, условия безопасности); мотивация в работу; техники обобщения; техника рефлексии (отражение чувства клиента).

Проведено обучение техникам релаксации с использованием дыхательных техник, упражнений расслабления и снятия напряжения, техника мышечной релаксации по Шульцу-Джекобсону. Обучение в группе – управлению эмоциями с использованием дыхательных упражнений, визуализации, десенсибилизации. На завершающем этапе проведена оценка эффективности программы психологической коррекции, формирование позитивной установки на будущее, а также создание мотивации к использованию знаний и опыта в повседневной жизни.

Выводы

У студентов с эмоциональными переживаниями (10 человек) диагностирован высокий социальный пессимизм ($p<0,05$), низкий антисуицидальный фактор ($p<0,05$) и склонности к депрессивному реагированию и демонстративному суициду. Студенты 1 курса в период пандемии испытывают большую нагрузку, напряжение, связанное с учебным процессом, ситуация covid-19 вызывает у молодых людей высокий уровень тревоги, страх общения, неопределенность будущего. В связи с выше перечисленным возрастает потребность в своевременной психологической коррекции. Программа психологической помощи направлена на улучшение эмоционального состояния и повышение социально-психологической адаптации.

Библиографический список

1. *Артюхова Т.Ю.* Особенности психологического благополучия студентов в период пандемии // Материалы сборника Сибирского федерального университета. Красноярск, 2020. С.30–36.
2. *Архангельский А.Е., Баурова Н.Н., Галиев Р.Ф.* и др. Психотерапия: учебное пособие. СПб: Спец. Лит, 2012. 750 с.
3. *Баранова В.А., Савина О.О.* Проблемы студенческой молодежи в связи с самоизоляцией в ситуации пандемии COVID-19 // Материалы сборника МГУ имени М.В. Ломоносова. М., 2020. С. 75–81.
4. *Короткова И.С., Еремина Д.А., Щелкова О.Ю.* Особенности психологического реагирования и механизмы адаптации к стрессу, вызванному пандемией COVID-19 // Зейгарниковские чтения. Материалы международной научно-практической конференции, 2020. С. 86–89.
5. *Королёв П.М.* Влияние карантинных мер, связанных с ситуацией пандемии COVID-19, на психическое здоровье студентов-медиков // Зейгарниковские чтения. Материалы международной научно-практической конференции, 2020. С. 54–60.
6. *Куфтяк Е.В.* Совладание со стрессом в период пандемии COVID-19 // Зейгарниковские чтения. Материалы международной научно-практической конференции, 2020. С.93–95.
7. *Лесин А.М., Соболева П.И.* Ответственность и личностная тревожность молодых людей, соблюдавших и не соблюдавших режим самоизоляции в период пандемии коронавируса //Зейгарниковские чтения. Материалы международной научно-практической конференции, 2020. С. 96–103.
8. *Лях Г.Ю.* Здоровье студентов как детерминант их конкурентоспособности и роль физического воспитания в его формировании // Мир науки, культуры, образования, 2017. № 6 (67). С. 158–159.
9. *Тхостов А.Ш., Рассказова Е.И.* Психологическое содержание тревоги и профилактики в ситуации инфодемии: защита от коронавируса или «порочный круг» тревоги? // Консультативная психология и психотерапия, 2020. Т. 28. № 2. С.70–89.
10. *Холмогорова А.Б.* Суицидальное поведение: теоретическая модель и практика помощи в когнитивно-бихевиоральной терапии // Консультативная психология и психотерапия, 2016. Т. 24. № 3. С. 144–163.
11. *Kovshova O.S., Novikova N.V.* Identification of suicidal behavior in the youth environment // Scientific research of the SCO countries: synergy and International Conference «Scientific research of the SCO countries: synergy and integration» integrationInternation al., 2018. P. 50–54.

КОРПОРАТИВНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ЭПОХУ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ С УЧЕТОМ ОТРАСЛЕВОЙ СПЕЦИФИКИ

А.А. Ларкина, А.В. Омелькович
ФГБОУ ВО «Самарский государственный
технический университет»

В научной статье раскрывается суть корпоративного образования, в основе которого лежит управление знаниями персонала. Излагаются требования к ключевым компетенциям цифровой экономики. Описывается матрица освоения компетенций, и предлагаются направления модернизации системы корпоративного образования в эпоху цифровой экономики с учетом отраслевой специфики.

Ключевые слова: корпоративное образование, цифровая экономика, цифровые компетенции, отраслевая специфика, человеческий капитал, управление знаниями, формализованные и неформализованные знания.

CORPORATE EDUCATION IN THE ERA OF THE DIGITAL ECONOMY TAKING INTO ACCOUNT THE INDUSTRY SPECIFICITY

A.A. Larkina, A.V. Omelkovich
Samara State Technical University

The scientific article reveals the essence of corporate education, which is based on knowledge management of personnel. The requirements to the key competencies of the digital economy are outlined. The matrix of mastering competencies is described, and the directions of modernization of corporate education system in the era of digital economy, taking into account industry specifics, are proposed.

Keywords: corporate education, digital economy, digital competencies, industry specifics, human capital, knowledge management, formalized and non-formalized knowledge.

Образование – это не просто концепция, это жизненный путь. Бесспорно, образование сталкивается с проблемами и требует структурных реформ. Поскольку цифровые рынки труда продолжают расти, перенося риски и издержки на работников, крайне важно, чтобы опыт отдельного цифрового работника был переориентирован в рамках исследований и общественного дискурса.

XXI век – время перемен. Поэтому, чтобы образование могло конкурировать с реальным миром, необходим тотальный переход к цифровизации во всех сферах жизни общества с учетом отраслевой

специфики, так как цифровая экономика стала важнейшим компонентом социальной жизни и развития [4].

Следует отметить, что информация должна быть тщательно обработана и преобразована в знания, и только тогда она станет важнейшим ресурсом для повышения экономической эффективности предприятия и роста конкурентоспособности производственной деятельности. Следовательно, предпосылки для становления общества знаний, которым необходимо управлять, возникают на фоне цифровой экономики. Управление знаниями – порождение среды, где человеческий капитал плодотворно используется для оптимального достижения целей организации [1].

Так, в условиях цифровизации и интернетизации российской экономики каждый специалист должен обладать новыми навыками и знаниями. К таким следует отнести: работа с данными, цифровой этикет, самообучаемость и адаптивность, умение работать в условиях неопределенности. Несомненно, все вышеупомянутое нуждается в непрерывном развитии и накоплении знаний. Этому будет способствовать постоянное совершенствование уровня профессиональных навыков кадрового потенциала, а также непрерывное образование и саморазвитие личности [2].

Таким образом, важными элементами системы управления знаниями являются корпоративное образование и непрерывное профессиональное обучение. Благодаря ним формируются универсальные и профессиональные навыки, необходимые сотрудникам соответствующей организации согласно стратегии развития компании, рыночным условиям, а также текущим и будущим потребностям.

В условиях цифровизации и интернетизации российской экономики перед системой корпоративного образования ставятся абсолютно новые задачи и вопросы. Например, «Какую методику оптимально использовать в системе корпоративного обучения?»; «Как формализовать неявные знания в системе обучения?» [1].

Как известно, существуют формализованные и неформализованные знания. Неформализованные знания – это знания, которые являются результатом интуиции, личного опыта и непосредственно связаны с решением организационных задач. Вследствие этого именно эти знания помогают достигать поставленных целей и стимулируют получение новых знаний [1].

Перед тем как предложить направления модернизации системы корпоративного образования в эпоху цифровой экономики с учетом

отраслевой специфики целесообразно рассмотреть рекомендации по формированию ключевых компетенций цифровой экономики сотрудников в организациях.

Отметим, что цифровые компетенции представляют собой дополнительные компетенции и относятся к группе общих компетенций. Вследствие этого, чтобы иметь четкое представление о корпоративном образовании, строящемся на цифровых компетенциях, следует изложить требования к ключевым компетенциям цифровой экономики (таблица 1).

Таблица 1

Требования к ключевым компетенциям цифровой экономики

№	Компетенции	Знать	Уметь	Практический опыт
1	Работа с данными. Управление информацией	Проектное управление; аналитика данных; цифровой контент.	Проектировать деятельность с использованием цифровых ресурсов.	Поиск источников информации; обработка данных; передача информации с использованием цифровых средств.
2	Цифровой этикет	Понятийный аппарат; способы обмена информацией посредством цифровых технологий; нормативно-правовую базу интернет-коммуникаций; молодежный сленг.	Уметь грамотно сосуществовать с устройствами, софтом и интерфейсами так, чтобы быть максимально результативным для себя и не причинять неудобств другим.	Взаимодействие с окружающими и достижение поставленных целей, используя цифровые средства.
3	Самообучаемость и адаптивность	Возможности, которые предоставляют владение цифровой компетенцией.	Использовать мультимедийные интернет-ресурсы для получения максимальной эффективности в профессиональной деятельности.	Непрерывное образование; развитие других компетенций с использованием цифровых средств.

4	Умение работать в условиях неопределенности	Основные виды цифрового контента и актуальные интеллектуальные системы и технологии.	Ориентироваться в информации для создания электронных материалов.	Идти в ногу со временем. Предлагать новые проекты и идеи для решения задач цифровой экономики. Нахождение оптимальных алгоритмов.
---	---	--	---	---

Вариантом формирования цифровых компетенций может являться внедрение концепции образовательной программы в условиях цифровизации с привлечением ведущих экспертов в области цифровой экономики (таблица 2).

Таблица 2

Концепция образовательной программы

Обучение ЦК ₁	Тема 1.	8 ч.
Обучение ЦК ₂	Тема 2.	6 ч.
Обучение ЦК ₃	Тема 3.	12 ч.
Обучение ЦК ₄	Тема 4.	4 ч.

Важнейший шаг в направлении обучения – отработка профессиональных стандартов и системное обновление. В связи с меняющейся парадигмой развития профессионального образования в целом для развития рынка труда необходимо формирование относительно новой экспертизы работников с учетом отраслевой специфики. Так как подход к развитию человеческого капитала в регионах будет различен. Это объясняется тем, что каждый субъект РФ отличается своим комплексом конкурентных преимуществ и недостатков, проблем развития, специфическими условиями для осуществления любой сферы деятельности. Вследствие того, что в любом регионе РФ представлены предприятия различных отраслей, каждая отдельно взятая территория будет по-своему уникальна из-за её отраслевой специфики. Так, территориальное разделение труда относит определенные отрасли к определенным регионам [3].

Изучение сотрудниками предприятия образовательной программы формирования цифровых компетентностей будет способствовать финансовому росту компании и позитивной направленности развития сотрудника, ощущающего заинтересованность коллектива в своей личной успешности.

Матрица освоения компетенций

№	Название компетенции	ФИО сотрудника	Балл
1	Работа с данными. Управление информацией		
2	Цифровой этикет		
3	Самообучаемость и адаптивность		
4	Умение работать в условиях неопределенности		

Предложенные авторами направления модернизации системы корпоративного образования в эпоху цифровой экономики с учетом отраслевой специфики представлены на рисунке 1.

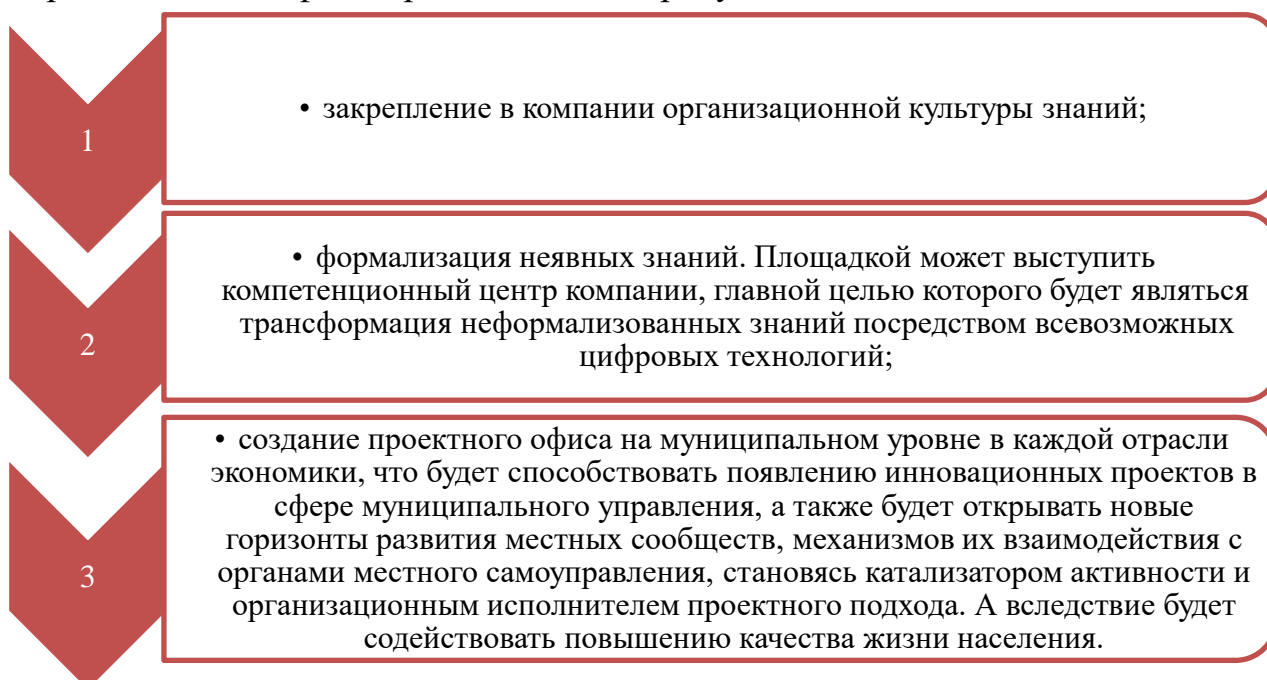

Рисунок 1. Направления модернизации системы корпоративного образования в эпоху цифровой экономики с учетом отраслевой специфики

Более того, можно представить проекты, сфокусированные на макро-, мезо- и микро- измерениях цифровой экономики.

- Макроизмерение: создание схемы движения к цифровой экономике;
- Мезоизмерение: изучение роли организаций, а также роли платформ, задействованных в формировании опыта цифрового труда;
- Микроизмерение: исследование цифровой грамотности и подготовленности.

В целом будет вырисовываться общая картина, которая поможет понять, как отдельные цифровые работники являются значимыми в условиях все более удаленной и деконтекстуализированной цифровой экономики.

Таким образом, процесс обучения постепенно становится все более динамичным, что приводит к сдвигу внимания в сторону полной оцифровки образовательных процессов. Кроме того, в условиях растущей экономической конкуренции фактор знаний приобретает довольно значимое положение как источник развития предприятий. Управление знаниями сегодня не менее важно, чем управление материальными и прочими ресурсами. Так как именно знания становятся решающим фактором повышения конкурентоспособности и прибыльности предприятий.

Библиографический список

1. *Маличенко И.П.* Управление знаниями как эффективный механизм формирования непрерывной системы обучения и развития персонала в организации // Вестник НГУЭУ, 2016. № 1. С. 174–188.
2. *Омелькович А.В.* Цифровизация и интернетизация российской экономики // Дневник науки, 2020. №5 [Электронный ресурс] // URL: <http://www.dnevniknauki.ru/images/publications/2020/5/economy/Omelkovich.pdf>
3. *Омелькович А.В., Ларкина А.А.* Стратегия формирования регионального человеческого капитала // Человеческий капитал в условиях цифровой экономики: сборник трудов XI Всероссийского Кадрового форума / Отв. ред. Г.П. Гагаринская. Самара: Самар. гос. техн. ун-т, 2020. С. 629–636.
4. *Омелькович А.В., Хорина И.В.* Развитие цифровой экономики как нового двигателя роста // Наука. Бизнес. Образование [Электронное издание]: сборник статей / Ответственный редактор О.С. Чечина. Самара: Самар. гос. техн. ун-т, 2020.

ОБРАЗОВАНИЕ КАК НЕОБХОДИМОСТЬ АДАПТАЦИИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Д.А. Малышев¹, О.В. Малышева², М.А. Климанова¹

*¹ЦРСК ФГБОУ ВО «Самарский государственный
технический университет»*

*²ФГБОУ ВО «Самарский государственный университет
путей сообщения»*

В статье рассматривается цифровизация технологий, как один из основных факторов конкурентного преимущества передовых стран, ростом финансовых вложений, и связанной с этим процессом адаптации людей разных специальностей, путем необходимости повышения образования, получения дополнительных навыков, в том числе с помощью онлайн-обучения.

Ключевые слова: цифровые технологии, затраты цифровизации в доле ВВП, методика расчета показателей цифровой трансформации, Кривая Аутора, проблема занятости сотрудников средней квалификации, пандемия Covid-19, онлайн-образование, правило 5 часов.

EDUCATION AS A NEED FOR ADAPTATION IN THE CONDITIONS OF DIGITALIZATION

D.A. Malyshev¹, O.V. Malysheva², M.A. Klimanova¹

¹CDMC of Samara State Technical University

²Samara University of Railways

The article discusses the digitalization of technologies as one of the main factors of the competitive advantage of advanced countries, the growth of financial investments, and the associated process of adaptation of people of different specialties, through the need to improve education, acquire additional skills, including through online learning.

Keywords: digital technologies, the share of digitalization in GDP, the methodology for calculating digital transformation indicators Autor Curve, the problem of employment of medium-skilled employees, the Covid-19 pandemic, online education, the 5-hour rule/

Переход от индустриальной к постиндустриальной эпохе развития общества, предопределил появление цифровых технологий и связанную с этим процессом трансформацию общества. Развитые страны оспаривают первенство в мировой экономике ростом ВВП, обусловленным активным внедрением цифровых технологий, о чем свидетельствует рост доли

цифровизации на 2,2% за период с 2010 по 2016 г. в доле ВВП. По оценке специалистов International Data Corporation мировые затраты в цифровизацию к 2022 г. составят около 2 трлн. долларов [10], причем по мнению The Boston Consulting Group к 2035 году данный показатель составит порядка 16 трлн. долларов [2].

В докладе за 2016 г. «Глобальные информационные технологии», Россия не является лидером в области цифровизации и из 143 стран оказалась на 41 месте по уровню готовности перехода к цифровой экономике. Однако программа «Цифровая экономика РФ», утвержденная в 2017 году распоряжением Правительства РФ, определила цели, задачи, обозначила направления цифровых технологий и призвана повысить конкурентоспособность страны на микро- и макроуровне, при этом повышая качество жизни граждан.

Попытка провести анализ готовности страны к цифровой модернизации предпринималась экспертами ВШЭ, специалистами Росатом, так по мнению последних анализ цифровизации в 2018 году ключевых отраслей России позволяет сделать вывод о положительных перспективах в таких областях как кибербезопасность, цифровое правительство, человеческий капитал, где показатели очень близки к лидерам в данной области (рис.1) [7].

Последовательная работа по проведению поэтапной цифровизации основных направлений в РФ подразумевает введение показателей и проведение мониторинга промежуточных результатов с помощью центров управления регионов. С этой целью в ноябре 2020 г. приказом Минцифры была утверждена методика расчета показателей «Цифровой трансформации», включающей основные понятия, источники информации и алгоритм расчета, а также методика расчета прогнозных показателей по стране в целом и отдельно по регионам на период до 2030 г., при этом в документе обозначено 4-х кратное увеличение вложений в отечественные цифровые решения по сравнению с 2019 г., которые составят порядка 400 млрд. руб., при этом отдача от вложенных средств в 9 раз превзойдет вложенную сумму [4\$ 3].

УРОВЕНЬ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОТДЕЛЬНЫХ ОТРАСЛЕЙ ЭКОНОМИКИ РОССИИ

ИСТОЧНИК: ROSATOM.

Рисунок 1. Показатели цифровизации отдельных отраслей в России

Успех проводимой политики цифровизации во многом зависит от готовности общества меняться и отвечать адекватно на вызовы, продиктованные глобализацией.

Процесс адаптации со стороны работников и служащих подразумевает:

- постоянное обучение в силу нестабильности спроса на устоявшиеся профессии, сокращения их жизненного цикла, а также появления новых «цифровых» профессий;
- «апгрейд» собственных компетенций в сторону социально-эмоциональных [9].

Проблема занятости сотрудников средней квалификации, рассмотренная Дэвидом Аутором в промышленных отраслях США с 1980 по 2005 гг. наглядно характеризует нынешнюю ситуацию, которая демонстрирует вытеснение профессий среднеквалифицированного персонала машинами и программами, посредством цифровизации (рис.2) [8].

Рисунок 2. Кривая Аутора

По результатам опроса населения в начале 2019 г., проведенным центром НАФИ, Международным институтом менеджмента объединений предпринимательства большинство россиян (65%) боятся потерять работу в связи с внедрением информационных технологий, нужно отметить, что риск потери места прямо пропорционален возрасту сотрудника, поскольку очевидно людям старше 50 лет сложнее осваивать новые технологии. Четверть респондентов полагают, что обучение в сфере освоения новых знаний позволит избежать увольнения, особенно это беспокоит молодежь в возрасте до 25 лет, работников с высшим образованием и квалифицированных специалистов [1].

Произошедшая пандемия Covid-19 ускорила назревающую необходимость внедрения цифровизации, при этом усугубила опасения в сложности трудоустройства работников средних навыков. Так по результатам опроса 2020 г., порядка 20% россиян прошли дополнительные курсы, около 10% получили новую профессию или дополнительное образование [11].

На рис. 3 показаны результаты исследования рынка образовательных технологий в России, где отмечается, что доля онлайн образования будет расти, причем по прогнозам больший рост наметится как в сфере школьного

и высшего образования, так и в сфере дополнительного профессионального [5].

Рисунок. 3 Рост онлайн-образования в России в млрд. руб.

Подводя итогу вышесказанному, хочется отметить, что сегодня нет однозначных рекомендаций в области профессий, поскольку их устаревание будет проходить ускоренными темпами, поэтому перманентное обучение станет символом постиндустриальной эпохи. Так согласно правилу 5 часов, придуманного М. Симмонсом, для того чтобы не отставать в своей области и обучаться чему-то новому человеку необходимо потратить 5 часов для еженедельного обучения, а для повышения квалификации еще больше [6].

Библиографический список

1. Больше половины россиян опасаются потерять работу из-за цифровизации [Электронный ресурс] // URL: <https://nafi.ru/analytics/bolshe-pолоviny-rossiyan-opasayutsya-poteryat-rabotu-iz-za-tsifrovizatsii/>
2. Главные цифровые экономики мира [Электронный ресурс] // URL: <http://ar2016.rostec.ru/digital-g20/>
3. Григорьев Д. Пандемия ускорила темпы цифровизации России [Электронный ресурс] // URL: <https://telesputnik.ru/materials/trends/news/pandemiya-uskorila-tempy-tsifrovizatsii-rossii/>
4. Минцифры утвердило методики расчёта показателей достижения национальной цели развития «Цифровая трансформация» [Электронный ресурс] // URL: <https://d-russia.ru/mincifry-utverdilo-metodiki-raschjota-pokazatelej-dostizhenija-nacionalnoj-celi-razvitija-cifrovaja-transformacija.html>
5. Мишина В. Начальное онлайн-образование. Что тормозит трансформацию системы образования [Электронный ресурс] // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4133196>

6. Правило пяти часов: регулярное обучение для карьерного роста [Электронный ресурс] // URL: <https://lala.lanbook.com/pravilo-pyati-chasov-regulyarnoe-obuchenie-dlya-karernogo-rosta>
7. Проекты в области цифровизации РФ Услуга «Тематические новости» Демонстрационная версия еженедельной услуги [Электронный ресурс] // URL: <https://infoline.spb.ru/upload/iblock/538/5386cb587e36295a59eb88d889890389.pdf>
8. Профессии будущего: как стать востребованным специалистом [Электронный ресурс] // URL: <http://tvk6.tilda.ws/profession>
9. Социально-эмоциональные компетенции – результат образования в XXI веке [Электронный ресурс] // URL: <https://fioco.ru/Contents/Item/Display/2201605>
10. *Стельмах С.* В 2022 г. мировые расходы на цифровую трансформацию составят 2 трлн. долл. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.itweek.ru/digitalization/article/detail.php?ID=204211>
11. *Харитонов Г.* Пандемия ускорила цифровую трансформацию госуправления [Электронный ресурс] // URL: <https://ac.gov.ru/comments/comment/26560>

УДК 159.99

ЖИЗНЕСПОСОБНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА И ВЫБОР НОВОЙ ПРОФЕССИИ

А.В. Махнач

ФГБУН «Институт психологии РАН»

В статье анализируется проблема получения новой профессии взрослым человеком, что связано с получением дополнительного образования, профессиональным становлением, приспособлением к условиям действительности с высокой степенью неопределенности. На примере профессии «психотерапевт» рассматриваются факторы риска и защиты, способствующие формированию жизнеспособности специалиста на первых шагах в новой профессии. Анализируется проблема смены профессии взрослыми; выделены основные направления изучения феноменов в отечественной науке с акцентом на изучении внешних (социальных) и внутренних (психологических) факторов, обуславливающих выбор новой для человека профессии. Отмечается, что феномен жизнеспособности начинающего профессионала в приложении к теме вхождения в новую профессию практически не изучается в отечественной психологии труда. Делается акцент на том, что изучение выбора новой профессии, вхождение в нее взрослых людей, а не вчерашних выпускников школ, не является широко исследуемой научной проблемой. Проанализированы причины смены человеком профессии и обучения новой. Обобщены тенденции потери ранее полученных профессий в периоды социальной ситуации неопределенности и нестабильности и поиск новой: обучение новым профессиональным знаниям и умениям, новым условиям профессионального развития. Отмечено, что у большинства студентов (89%), начавших обучение по программам второго высшего психологического образования, отмечается смена не только профессии, но и ее тип (по Е.А. Климову), т.е. в соответствии с объектом труда

меняется выбранной ими тип профессии. Обосновывается, что основным фактором успешной динамики профессионализации будущих психологов, получающих специальность в рамках второго высшего образования, является готовность взрослого человека к профессиональной самореализации в быстро изменяющихся обстоятельствах жизни, что отражается в их представлениях о будущей профессии. Делается вывод о том, что они, будущие профессионалы, более подготовлены к влиянию факторов риска и умеют обращаться к защитным факторам, что свидетельствует о жизнеспособности взрослых людей, обучающихся по программе второго высшего образования. Получение дополнительного образования взрослыми людьми напрямую связано с их жизнеспособностью, т.к. предполагает обращение к уже существующим у них компетентностям, которые они приобрели за свою жизнь.

Ключевые слова: жизнеспособность профессионала, неопределенность будущего, второе высшее образование, факторы риска, факторы защиты.

HUMAN RESILIENCE AND CHOICE OF A NEW PROFESSION

A.V. Makhnach

Institute of Psychology, RAS

The article analyzes the problem of obtaining a new profession for an adult, which is associated with obtaining additional education, professional development, adaptation to reality conditions with a high degree of uncertainty. On the example of the profession of “psychotherapist”, the author examines the risk and protective factors that contribute to the formation of a specialist's resilience at the first steps in a new profession. The problem of change of profession by adults is analyzed; the main directions of the study of phenomena in Russian science are highlighted with an emphasis on the study of external (social) and internal (psychological) factors that determine the choice of a new profession for a person. It is noted that the phenomenon of a beginning professional's resilience as applied to the topic of entering a new profession is practically not studied in Russian labor psychology. The emphasis is made on the fact that the study of the choice of a new profession, the entry of adults into it, and not yesterday's school graduates, is not a widely studied scientific problem. The reasons for changing a profession and learning a new one are analyzed. The tendencies of the loss of previously acquired professions during periods of a social situation of uncertainty and instability and the search for a new one are generalized: teaching new professional knowledge and skills, new conditions of professional development. It was noted that the majority of students (89%) who started their studies under the programs of the second higher psychological education, change not only the profession, but also its type (according to E.A. Klimov), i.e. in accordance with the object of labor, the type of profession they choose changes. It is substantiated that the main factor in the successful dynamics of the professionalization of future psychologists who receive a specialty in the framework of the second higher education is the readiness of an adult for professional self-realization in rapidly changing life circumstances, which is reflected in their ideas about their future profession. It is concluded that they, future professionals, are more prepared for the influence of risk factors and know how to address protective factors, which indicates the adults' resilience studying under the program of second higher education. Additional education for adults is directly related to their resilience, because presupposes an appeal to the competences already existing in them, which they have acquired during their life.

Key words: professional resilience, uncertainty of the future, second higher education, risk factors, protective factors

Благодарности: исследование выполнено по государственному заданию Минобрнауки РФ № 0159-2021-0001 «Психологические проблемы профессионального менталитета в условиях организационных и технологических инноваций».

Введение

В современной литературе недостаточно глубоко изучены психологические характеристики тех, кто рискнул поменять профессию, получить дополнительное образование и начать новый этап трудовой деятельности. Такое решение предполагает включение в новые условия профессионального образования, новую социальную действительность, сопряженную со многими факторами неопределенности. Мы полагаем, что получение дополнительного образования взрослыми людьми напрямую связано с такой интегративной характеристикой человека, как его жизнеспособность.

В разных группах профессий необходим подробный анализ факторов риска, препятствующих получению новой профессии, профессиональному росту в ней и защитных факторов, которые позволяют осознанно планировать и формировать достижения в этой области. Вместе с тем в большинстве исследований отечественных ученых акцент традиционно делался на роли и месте стрессогенных факторов в выборе профессии, обучению и первым шагам в ней. Работ, в которых рассматривались факторы, способствующие развитию будущего профессионала, позволяющие ему не только выстоять при принятии решения о выборе новой профессии, часто непростого для человека, его окружения, но и стремиться совершенствоваться в ней, несмотря на воздействие неблагоприятных условий – по-прежнему мало. Эти исследования осуществляются часто в акмеологии, чем в психологии труда или организационной психологии.

При вхождении в социономические профессии, например, важен анализ и последующее развитие социальной поддержки старших коллег, наставников, как фактора формирования жизнеспособности человека. Для этих профессий роль поддержки коллег, признание обществом, семьей, близкими значимости их деятельности часто является фактором защиты и основой формирования их жизнеспособности. Для начинающих специалистов (социальных работников, психологов, психотерапевтов, профессиональных замещающих родителей) крайне актуальным становится знание о факторах риска в связи с характерным для этой группы профессий

эмоциональным выгоранием. Для профилактики этого феномена становится важным изучение факторов, способствующих развитию жизнеспособности человека, осуществляющего деятельность в одной из этих профессиях и формированию им всех необходимых ресурсов для продолжительной и продуктивной работы.

Как феномен психологии жизнеспособность человека стоит в ряду наиболее важных проблем современных исследований в теоретических и прикладных исследованиях: в детской и подростковой психологии развития, психологии здоровья и психопатологии. Но только в последнее десятилетие в зарубежной психологии этот феномен как целостное структурное образование становится предметом исследования психологии труда и организационной психологии. Вместе с тем жизнеспособность начинающего профессионала в приложении к теме вхождения в новую профессию взрослого человека практически не изучается. В исследованиях к характеристикам жизнеспособности работающего человека относят все те же ранее выявленные основные ее компоненты: адаптироваться в сложных условиях и минимизировать негативные последствия; восстановиться после воздействия неблагоприятных событий и использовать полученный опыт для дальнейшего развития, продолжая функционировать, несмотря на давление обстоятельств и условий труда.

Обзор литературы

Как правило, получение новой профессии взрослым человеком определяется необходимостью получения им дополнительного профессионального образования (ДПО), которое в постиндустриальном обществе направлено на удовлетворение образовательных потребностей взрослого человека в совершенствовании профессионализма, раскрытии человеческого потенциала, на профессиональное развитие человека, обеспечение соответствия его квалификации меняющимся условиям профессиональной деятельности и социальной среды [1]. Известно, что получать ДПО стремятся те взрослые, которые в силу разных причин утратили профессиональные навыки, в их жизни произошли значительные изменения и, преодолевая неопределенность будущего, такие люди ищут стабильность в получении новой профессии. Для более эффективного прохождения этапа поиска новой профессии и получения необходимого для этого образования в обучении взрослых важен учет характеристик личности, что предполагает обращение к уже существующим у человека компетентностям, которые он приобрел за свою взрослую жизнь.

Все обучение новой для взрослого человека профессии должно основываться в большей степени на приобретенных жизненном опыте, компетентностях. Поэтому обучение взрослых должно происходить с учетом их личностных и интеллектуальных характеристик, на базе которых и формируются необходимые в новой профессии профессионально-важные качества (ПВК). Именно по этой причине профессиональное самоопределение взрослых в психологии труда преимущественно рассматривалось с позиции выявления ПВК, в связи с подбором (отбором) специалиста и решением задач управления им (К.М. Гуревич, А.А. Деркач, Л.Г. Дикая, Д.Н. Завалишина, Е.А. Климов, А.Г. Ковалев, Е.М. Иванова, А.К. Маркова, Е.И. Степанова и др.).

Проблема смены профессии взрослыми в отечественной науке представлена исследованиями профессиональной мобильности, маргинализма, при этом внимание акцентируется на изучении внешних (социальных) и внутренних (психологических) факторов, обуславливающих переход из одной сферы в другую. Профессиональная идентичность людей, которые выбирают из всех возможных вариантов дальнейшего профессионального развития – её смену остается новой и малоизученной темой [2; 3; 4; 5]. Значительно больше работ, посвященных изучению становления профессиональной идентичности студентов – будущих специалистов, их личностно-профессиональному самоопределению и их выбору профессии. Выбор таких тем объясним: студенты – наиболее доступная выборка для исследований, а взрослые люди, выбирающие профессию или ищущие работу – менее открытая для изучения группа. По этой причине большая группа взрослого населения, которая находится в поиске работы, смене профессии, профессиональном развитии в рамках новой профессии остается вне исследовательского интереса.

Как известно, профессиональное самоопределение характеризует личность в динамике, и как процесс может сопровождать человека всю его профессиональную жизнь, а не только в начале карьеры. Многие вынуждены менять свою профессию, пойти на значительные связанные с этим риски и затраты – психологические (дискомфорт от смены привычного ритма и стиля жизни, изменений в семье), социально-экономические (затраты на переобучение) – вступить в зону рисков и неопределенности. Поэтому «сущностью этой перемены является осознанный выбор субъектом профессии с учетом своих особенностей и возможностей, требований профессиональной деятельности, социально-экономических и культурно-исторических условий. При этом специфика профессионального самоопределения взрослых состоит в формировании готовности себя к

осознанному и самостоятельному построению, корректировке и реализации перспектив профессионального развития, восприятию себя развивающимся во времени субъектом» [2, с. 29].

Смена профессии проходит в результате потери той профессии, которой ранее обладал человек, что для послеперестроечной и нестабильной России было явлением достаточно массовым. Частный бизнес только формировался и часть профессий, по которым было получено образование и профессиональный опыт в советское время, могли оказаться невостребованными, и поэтому профессионалы из многих отраслей производственной и непроизводственной сфер остались вне дел. В ответ на появление в обществе запроса на новые профессии и совпадающего с ним желания многих людей, созревших для смены профессии, в России повсеместно открываются частные школы, курсы, готовящие специалистов по востребованным и новым для страны профессиям. В таком социально-экономическом контексте неопределенности мира профессий оказалась профессия «психолог», «психотерапевт».

Рассмотрим вкратце причины смены человеком профессии и обучения новой. Анализируя ситуацию с появлением в нашей стране большого интереса к этим профессиям, обратимся к оценке причин этого явления. Переобучение при этом, по мнению Л.И. Дементий, выступает как «способ обретения новой профессиональной идентичности. При этом возникает проблема, состоящая в том, насколько меняет человек свою профессиональную идентичность при получении второго образования» [3, с. 49]. Вместе с тем возросшая потребность в психологических знаниях в условиях кризиса конца 1990-х годов – перестройки государства, общественных отношений и отношений внутри семьи (потеря работы, профессии, перспектив) нами рассматривается с двух перспектив. Во-первых, это способ получения само-помощи в ходе обучения: изучая психологию, каждый из студентов таких курсов и школ получал не только знание по психологии, но и поддержку от сокурсников, особенно в ситуации высокой степени неопределенности и нестабильности – в семье, в стране, в целом – в будущем. Во-вторых, получение второго высшего – в нашем случае – психологического образования при сознательной смене профессии являлось способом получения новой профессии взамен старой, невостребованной обществом, государственными организациями, частным бизнесом. Не последнюю роль в этом сыграла т.н. «престижность» профессии психолога. На фоне потерь социального и экономического статуса для некоторых людей определение в собственном понимании и в глазах окружающих в качестве обладателя престижной профессии могло

являться, по нашему мнению, проявлением жизнеспособности этого человека. С одной стороны, престиж большинства профессий, и необходимого образования, которое было получено еще в СССР, снизился или просто исчез – как это было с некоторыми профессиями технического профиля, инженер-химик, технолог производства и т.п. Эти профессии, прежде считавшиеся символом надежности и предсказуемости, например, материального достатка, вмиг перестали быть нужными, гарантированная профессиональная занятость сменилась нестабильным существованием специалиста и его семьи в будущем. С другой стороны, мода на новое социальное явление – обращение за помощью к психологу и спровоцировала стремление людей разных профессий соотнести себя с новой для них профессией, что стало возможным после прохождения, как правило, краткосрочного обучения.

Для многих людей потеря профессии и поиск новой, обучение новым профессиональным знаниям и умениям было определено социальной ситуацией неопределенности, которая предлагала новые условия и правила профессионального развития. Используя понятие социальной ситуации в приложении к анализируемой группе, обратим внимание на концепцию динамики нормативного кризиса Е.Л. Солдатовой и А.А. Шевченко, согласно которому «любой нормативный кризис развития, в том числе и профессиональный, открывается изменением объективной составляющей социальной ситуации развития. В профессиональном кризисе таким пусковым механизмом может явиться, например, изменение профессионального статуса или вхождение в новое профессиональное сообщество, что приводит к изменениям в субъективной составляющей социальной ситуации развития (фактически – в структуре личности)» [6, с. 24-25]. В исследуемой нами группе взрослых людей перечисленные выше характеристики их как профессионалов в новой для них области являются определяющими их дальнейший жизненный путь.

Еще одна причина ухода из профессии, которая является сознательным выбором некоторых женщин, связана с рождением детей. Совсем другая ситуация, когда вынужденная потеря работы и, соответственно, профессии происходит вследствие прекращения деятельности организации, на которой женщина работала до ухода в отпуск по уходу за ребенком, что связывают со значительными трансформациями общества начала 2000-х годов, крайне неблагоприятными и жесткими. По мнению В.И. Ильина, «жесткая жизненная, в том числе и профессиональная колея – атрибут общества модерна. По мере проявления тенденции к формированию “текучей современности” [7] стабильность такой колеи

ставится под вопрос, она начинает переживать эрозивные процессы. При этом структурные трансформации, с одной стороны, порождают формирование адекватных им личностных характеристик, а с другой – эти личностные особенности являются предпосылкой успешности такой трансформации» [8, с. 517]. По образному выражению В.И. Ильина, «новая профессиональная колея открывает перспективу старта с нуля, а ее смена требует больших издержек» [там же, с. 518], т.е. насыщена различными признаками неопределенности. Поэтому люди, потерявшие по разным причинам первую профессию, и способные найти в себе силы, пойти учиться снова – обладают жизнеспособностью. Она является той его характеристикой, которая помогает с минимальными потерями адаптироваться к сложившейся жизненной ситуации и продолжать свое развитие как профессионала.

Рассматривая потерю профессии как трудную жизненную ситуацию, отметим, что в этом случае существуют несколько вариантов совладания с такой трудной жизненной ситуацией как потеря работы. Для человека в этой ситуации может быть либо разрешение проблем и поиск социальной поддержки, либо избегание проблем. В этом случае одним из самых важных ресурсов среды является социальная поддержка, что является той характеристикой стабильности, так необходимой в условиях неопределенности. В случае потери профессии человек склонен вести себя по-разному. Опираясь на поддержку семьи, которая иногда вынуждена сосредоточить свои финансовые, временные ресурсы для переподготовки или обучения новой профессии члена семьи, столкнувшегося с тем, что прежняя его профессия более не востребована. Многие из тех, кому приходится выбирать новую профессию во взрослом состоянии, имея высшее образование по другой специальности, проходят через переживания тревоги за завтрашний день, страх неопределённости, неуверенность в своих силах. В такой ситуации воздействие факторов риска не всегда перевешивает влияние факторов защиты, поэтому сознательная смена профессии с выходом на получение нового образования может быть определена как проявление жизнеспособности человека. И не только как преодоление кризиса трудовой жизни, а как цель развития после кризисного периода жизни. При этом активность личности по осмыслению источников кризиса, выбор и овладение новой профессией, характеризующиеся формированием признаков развития, определяют сознательную смену профессии как феномен профессионального становления [9]. Согласимся с мнением Г.А. Горбуновой: «... многие, вступая в середину взрослости, стремятся начать жизнь сначала, найти новый путь и средства

самоактуализации. Середина жизни часто сопровождается личностными и профессиональными кризисами, психологическим содержанием которых является обесценивание мечты, переоценка ценностей, исчерпанность одних жизненных смыслов и поиск других» [10, с. 47].

На формирование системы ценностей людей, выбравших другую профессию, обращено исследование К.М. Гайдар, определившей ее как согласованную и непротиворечивую [2], что может свидетельствовать о жизнеспособности человека – стабильность ценностных установок часто выделяется среди основных характеристик этого интегративного качества человека [см., например: 11; 12; 13;14]. К этому можно добавить мысль о том, что совпадение жизненных ценностей с выбором новой профессии выводит человека на иной уровень, на котором он более конкурентоспособен как субъекта труда, успешно адаптированный к требованиям новой профессии, а, следовательно – более жизнеспособен. В интервью одного из ведущих мировых кардиохирургов, проведенном Т. Орликом, был задан вопрос о жизнеспособных стратегиях, которые он использует в работе в случае появления неопределенности и высокого риска, угрожающие жизни пациента. Стратегии, способствующие повышению вероятности успеха, включали: подготовку, оптимизм, полный фокус на шаг вперед, вера в себя и других, работа в команде. Требования к характеристикам человека с повышенными требованиями к его профессионализму: в полете в космос, выполняющего высоко-технологичную и опасную для жизни пациента операцию, восхождение на гору альпинистом – очень разные. Тем не менее, существуют общие требования к физическим, когнитивным и эмоциональным характеристикам для того, чтобы деятельность профессионала была успешной. Достижение трудной цели в условиях экстремального риска и стресса требует особого рода мировоззрение и фокус на достижении [15].

В ряде исследований обращается также внимание на ограничения, связанные с тем, что смену профессии осуществляет взрослый человек. Поэтому «важной особенностью ситуации перехода зрелого человека к новой деятельности является снижение с возрастом объективных возможностей развития, качественного изменения личности, образования у нее новых психологических структур, отвечающих требованиям новой деятельности» [10, с. 46]. С этим напрямую связан тот факт, что обучение взрослых отличается еще и тем, что отношение их к обучению иное, в нем есть понимание, что необходимо брать максимум из предлагаемого учебного материала. С позиции взрослого человека более отчетливо выстраиваются взаимосвязи между курсами учебной программы, а

последовательность предметов соотносится с практической направленностью. По этой причине большинство из учебных программ вынуждены в большей степени ориентироваться на запрос практики, что отразилось даже в названиях специализаций, например, в области психологии – «практический психолог», «семейный психолог-консультант» и т.п.

Считаем необходимым отметить следующий факт, который важно учитывать в анализе выбора новой профессии людьми, потерявшими по разным причинам свою первую профессию. По нашим данным у большинства студентов (89%), начавших обучение по программам второго высшего психологического образования, отмечается смена не только профессии, но и ее тип (по Е.А. Климову). В соответствии с объектом труда меняется выбранной ими тип профессии. Получая новую профессию, многие переходят из типа «человек – техника», «человек – художественный образ» в другой и выбирают тип профессии «человек – человек».

Как известно, предметом интереса, распознавания, обслуживания, преобразования профессий типа «человек – человек» являются социальные системы, сообщества, группы населения, люди разного возраста [16]. Поэтому представляет интерес анализ причин такой перемены типа профессии и соответствующие выводы. Подтверждением нашим данным является мысль А.К. Марковой о неизбежности для каждого человека с возрастом проходить через кризисную ситуацию вынужденной перемены профессии и уделять особое внимание тому, что человеку необходимо иметь такое образование, которое допускало бы широкий спектр специализации и позволило бы ему быстро осваивать новый род занятий [17].

Существенным отличием выбора профессии во взрослом состоянии является также и тот факт, что «построение своего профессионального развития не как случайного и хаотичного, зависящего от многих внешних обстоятельств, а как целенаправленно организуемого, поступательного, с восходящим вектором и с возрастанием сложности задач приводит к становлению и развитию у психолога акмеологической компетентности. Под акмеологической компетентностью мы понимаем интегральную готовность и способность зрелой личности строить свое поступательное психическое и профессиональное развитие с постоянным усложнением задач и возрастанием уровня достижений, наиболее полно реализующих имеющиеся у человека психологические ресурсы» [18, с. 47]. Именно к этим ресурсам и обращается будущий психолог-консультант, который сделал выбор в пользу получения нового образования и профессии. К таким

ресурсам мы относим, прежде всего, его индивидуальные и семейные ресурсы.

А.А. Будницкий выделяет восемь групп «людей, столкнувшихся с необходимостью сменить профессию: 1) сокращенные; 2) люди без специальности; 3) специалисты невостребованных профессий; 4) утратившие способность к работе по прежней профессии из-за травм на предприятии, проблем со здоровьем; 5) женщины, находящиеся в декретном отпуске, домохозяйки, у которых дети выросли; 6) переживающие кризис среднего возраста; 7) уволенные с военной службы; 8) творческие люди, превращающие хобби в основную работу, приносящую доход, или просто по зову души» [19, с. 85-86]. В наших исследованиях практически все респонденты являются женщинами: когда-то находившиеся в декретном отпуске и домохозяйки, у которых дети выросли; переживающие кризис среднего возраста, а также творческие люди, превращающие хобби в основную работу.

Необходимо отметить, что изучению специфики профессиональной подготовки и переподготовки психологов-консультантов и психотерапевтов посвящено немало работ. Вопросам обучения профессии психолога-консультанта, психотерапевта в связи с получением второго высшего образования как научной проблеме посвящен ряд работ [3; 20; 21; 22; 23; 24; 25; 26; и др.]. В исследованиях обращается внимание на: роль личной терапии для профессионального развития будущих профессионалов [23; 27; 28; 29; и др.], В исследовании Н.В. Щеколдиной показано, что «наиболее адекватный и осознанный повторный выбор профессии делают взрослые люди с гармоничным и интровертированным типом личности, с высоким уровнем сформированности личного профессионального плана» [5, с. 24].

Таким образом, в отечественной науке проблема смены профессии взрослыми представлена исследованиями профессиональной мобильности, маргинальности, профессиональной идентичности в условиях неопределенности, при этом внимание акцентируется лишь на изучении внешних (социальных) и внутренних (психологических) факторов, обуславливающих переход из одной сферы в другую. Вместе с тем практически отсутствуют исследования ресурсности человека, стремящегося найти себя в новой профессии, поменяв кардинально при этом тип профессии. Акцент на этом особенно важен, т.к. проявление активности в поиске новой профессии, несмотря на различные факторы риска, влияющие на попытки самореализации человека, является проявлением его жизнеспособности в соответствии с формулой Нормана

Гармези – пионера исследований жизнеспособности: «жить хорошо, работать хорошо, любить хорошо, ожидать хорошего» [30, р. 73].

Результаты исследования и обсуждение

В наших исследованиях акцент сделан на выборе профессии «психолог-консультант», «психотерапевт» потому что психотерапевты и другие специалисты помогающих профессий, такие как учителя, врачи и медсестры, социальные работники работают в очень сложных областях и могут страдать от выгорания, усталости от проявления сочувствия, что приводит к переживанию вторичного стресса. Люди этих профессий могут уделять больше внимания благополучию своих клиентов, чем своему собственному. Поэтому так важно для специалистов-практиков в этих областях достигать оптимальный баланс между заботой о себе и оказанием помощи другим.

Прежде всего, в соответствии с классификацией профессионального развития Д.Н. Завалишиной [33] анализируемые нами группы взрослых, обучающихся по программе второго высшего образования семейной психотерапии, следует отнести к первому виду профессионального развития – адаптивно-репродуктивному, ведущую роль в детерминации которого играют социально-профессиональные требования.

Отталкиваясь от методологических посылок, сформулированных Г. Силласте, обоснуем специфику профессионального развития экспериментальных выборок нашего исследования. Особенностью выборки является тот факт, что абсолютное большинство выборки составляли женщины, потерявшие профессию по нескольким причинам. Одна из основных причин – объективные социальные и экономические условия, в которых формируются новые и развиваются уже приобретенные профессиональные навыки женщин. Профессиональная карьера женщины находится в прямой зависимости от ее социальной и профессиональной мобильности, зависит от уровня ее профессиональной квалификации [31]. Вместе с тем люди, «отмечающие вторую специальность как актуальную, более интегрированы в жизнь современного общества. Идентификация с новой профессией сопровождается высокой удовлетворенностью профессиональными знаниями и отношениями, идентифицируют себя с семьей» [32, с. 90].

Основным фактором успешной динамики профессионализации будущих психологов, получающих специальность в рамках второго высшего образования, является готовность взрослого человека к профессиональной самореализации в быстро изменяющихся

обстоятельствах жизни, что отражается в их представлениях о будущей профессии. Известно, что складывание образа себя как профессионала, социальное представление о себе в новой для взрослого человека профессии может играть антиципирующую и направляющую роль в профессиональном становлении. Именно социальное представление о себе задает перспективу профессионального развития и одновременно повышает ценность избранного профессионального пути. С нашей точки зрения, представления будущих психологов-консультантов и психотерапевтов, в которых отражена их личность, могут быть рассмотрены как основа профессионального отбора. Было справедливо подмечено, что первокурсники группы второго высшего образования по сравнению с первокурсниками дневного обучения имеют более адекватные представления о своей будущей профессиональной работе, эмоциональную устойчивость, коммуникативные навыки, которые остаются важными факторами профессиональной подготовки. «У них есть представления о сфере возможной деятельности, потребностях рынка труда, условиях оплаты, типичных трудностях» [34, с. 65]. Как будущие профессионалы они более подготовлены к влиянию факторов риска и представляют возможным обращение к защитным факторам, что свидетельствует о жизнеспособности взрослых людей, обучающихся по программе второго высшего образования.

Одним из условий успешной подготовки будущего психотерапевта является формирование у него образа идеального психотерапевта, помогающего осознать ориентиры будущей профессии и формирующего позитивные представления о предстоящей профессиональной деятельности [35]. Образ идеального психолога как ориентир в саморазвитии может явиться проекцией себя в будущую деятельность, объединяя две линии развития человека – профессиональную и личностную. С учетом описанного выше процесса, на фоне которого происходит формирование жизнеспособности человека, решившего сменить профессию, считаем необходимым исследовать эмпирически представления о профессии, которая выбрана сознательно во взрослом возрасте и о себе как личности, самостоятельно выбравшей путь профессионального развития в новой профессии. Без совершенствования личности психотерапевта, формирования адекватных профессиональных установок, выражающиеся в «соотношения склонностей, мотивов, целей, смыслов создает определенные профессиональные установки человека — стремление овладеть профессией, получить специальную подготовку, добиться в ней успеха, определенного социального статуса» [17, с. 71].

Выбор профессии «психолог-консультант», «психотерапевт» как новой в исследуемой нами группе респондентов происходит с опорой на внутренние ресурсы, и во многом – ресурсы семьи. Выбор в качестве респондентов группы женщин, потерявших профессию и в сложные времена начала 2000-х годов, проявивших социальную и профессиональную мобильность в получении новой, был вызван тем, что они, как будущие специалисты, по нашему убеждению, характеризуются выраженной жизнеспособностью. Родительская семья также является предпосылкой становления личностных и профессиональных особенностей будущего психотерапевта. В исследовании было показано, что личные ценности и жизненная философия, события собственной жизни играют не меньшую роль, чем клинический опыт терапевта и полученное им образование. В данном перечне присутствуют некоторые из выделяемых нами компонентов жизнеспособности человека: социальные и семейные связи (поддержка коллег, стабильные отношения с супругом, получение супервизии), совладание и адаптация (наличие механизмов совладания со стрессом), индивидуально-психологические характеристики (прохождение личной психотерапии – как возможность развития необходимых ПВК). Важность этой проблемы и ее значимость в подготовке психотерапевта была отражена в ряде исследований [36; 37], при этом отечественных публикаций по этой теме сравнительно меньше.

Необходимо отметить, что в каждом направлении психотерапии отмечается важность личной и социальной зрелости специалиста: личностный рост будущего терапевта всегда положительно коррелирует с профессиональными достижениями, полученными человеком в предыдущей профессии, в целом – в его жизненном опыте. Личностные качества, необходимые терапевту, также могут формироваться в результате постепенного профессионального роста и развития. В связи с этим актуальными являются вопросы «Как подготовить специалиста, обладающего жизнеспособностью?», «Каковы критерии жизнеспособности профессионала?», «Каковы средства обучения жизнеспособного профессионала?». Для решения этих вопросов необходимо сформировать у специалиста знания о существующих внутренних и внешних ресурсах, способствующих формированию жизнеспособности его как профессионала, разработать требования к профессиональным знаниям и личностным качествам психотерапевта, выявить компоненты жизнеспособности профессионала.

В настоящее время проведено незначительное число исследований, посвященных изучению компонентов жизнеспособности взрослых людей,

выбравших профессию психолога, психотерапевта, как новую для себя профессиональную стезю. Традиционно больше представлена тема изучения факторов риска профессии в связи с их жизнеспособностью [38; и др.]. Исследователи также задают вопрос о том, какие факторы риска и защиты, среди которых личностные особенности находятся среди наиболее востребованных, необходимы для развития и поддержания жизнеспособности будущих психотерапевтов на протяжении всей их карьеры? [39]. Вместе с тем в литературе практически отсутствуют данные исследований обучения профессии психолога консультанта не вчерашних школьников, а взрослых людей, сознательно выбравших профессию консультанта, психотерапевта, а также факторах, оказавших влияние на формирование представлений о будущей профессии и профессиональном пути. Отсутствие данных о роли индивидуально-личностных характеристик как компонента жизнеспособности профессионала определило наш интерес к этой теме. В этом компоненте жизнеспособности чаще всего выделяют и изучают духовность, моральные и ценностные установки психотерапевтов – особенно в рамках социальной (психологической) модели исследований. Преимущественно эти исследования проводятся в зарубежной психологии, этому посвящены работы, в которых анализируются указанные характеристики профессионала – будущего или опытного.

Таким образом, особую важность имеет способность человека начать новый этап трудовой деятельности, включившись в новые условия профессионального образования, новую социальную действительность. Адекватные социальные представления о необходимости смены профессии и обучение новой выполняют функцию стабилизации эмоционального состояния социальной группы женщин, потерявших первую профессию. Формирование системы ценностных представлений профессионала должно являться целью системы подготовки специалиста, при этом выделяемые в большинстве исследований ценностные ориентации психотерапевтов (любовь, свобода, познание и др.) совпадают с классическим определением жизнеспособности Н. Гармези, приведенным выше. Данное им определение поддерживается в ряде исследований, подтверждающих наличие жизнеспособности у взрослых, которые решили получить второе высшее образование по психологическому консультированию и психотерапии. Их представления соответствуют будущей профессиональной работе, они обладают эмоциональной устойчивостью, коммуникативными навыками, которые являются важными факторами профессиональной подготовки.

Отметим также, что изучению компонентов жизнеспособности психологов, психотерапевтов, связанных с выполнением ими

профессиональных функций, учеными уделено недостаточное внимания. Преобладание исследований, посвященных различным аспектам дефицитарности обучающихся и уже состоявшихся специалистов, свидетельствует о доминировании медицинской модели в дискурсе профессиональной подготовки. По этой причине тема жизнеспособности психологов, консультантов, психотерапевтов представлена с одной стороны научной проблемы – посредством изучением факторов риска профессии: эмоционального выгорания, травм различного генеза. Исследования с другой стороны жизнеспособности психолога – с позиции факторов защиты практически не представлены в научной литературе.

Выводы

Получение дополнительного образования взрослыми людьми напрямую связано с их жизнеспособностью, т.к. предполагает обращение к уже существующим у них компетентностям, которые они приобрели за свою жизнь. Получение второго высшего образования в ситуации сознательной смены профессии предполагает востребованность определенных личностных характеристик, помогающих людям, потерявшим профессию, не согласиться с тем, что прежняя профессия потеряна, найти в себе силы и пойти учиться снова. Не согласиться с обстоятельствами жизни, преодолеть трудность и выйти на новый уровень развития – это свидетельства их жизнеспособности.

Процессуальность и протяженность во времени таких явлений как профессиональное самоопределение и профессиональная идентичность часто не затрагивает большую группу взрослых людей, которые на определенном жизненном этапе меняют профессию – и эта группа профессионалов практически незаметна как объект исследований. Несмотря на массовость явления среди взрослых людей, которые выбирают из всех возможных вариантов дальнейшего профессионального развития – её смену, остается новой и малоизученной темой.

Совладание с трудной жизненной ситуацией потери работы предполагает социальную поддержку, опору на поддержку семьи, которая вынуждена сосредоточить ресурсы для обучения новой профессии члена семьи, столкнувшегося с тем, что прежняя его профессия более не востребована. В таком контексте социальная и семейная поддержка является важным ресурсом его жизнеспособности, на который указывают многие исследования.

Также важным фактом является то, что часто смена профессии приходится на середину жизни и сопровождается личностными и

профессиональными кризисами. Поэтому так важна в этой профессии адекватная переоценка ценностей, поиск жизненных смыслов – в этом проявляется другой из изучаемых нами компонентов жизнеспособности человека – мировоззренческая направленность, которая выражается в устремленности человека к духовному развитию, нравственному поведению, в духовности.

Библиографический список

1. *Логвинова О.Н.* Показатели оценки качества системы дополнительного профессионального образования как ведущего компонента непрерывного образования взрослых // *Профессиональное образование и общество*, 2016. Т. 1 (17). С. 59–66.
2. *Гайдар К.М.* Особенности профессионального самоопределения работающих специалистов и выпускников бакалавриата, повторно выбирающих профессию // *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Проблемы высшего образования*, 2016. № 4. С. 28–32.
3. *Дементий Л.И.* Проблемы профессиональной идентичности и маргинальности в ситуации сознательной смены профессии (на примере получения второго высшего психологического образования) // *Известия Алтайского государственного университета*, 2009. № 2. С. 48–53.
4. *Ермолаева Е.П.* Психологические стратегии и методы поддержки профессионалов в кризисные периоды карьеры // *Личность в экстремальных условиях и кризисных ситуациях жизнедеятельности*. 2014. № 4. С. 302–306.
5. *Щеколдина Н.В.* Профессиональное самоопределение взрослых, включенных в повторный выбор профессии: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Самара, 2006.
6. *Солдатова Е.Л., Шевченко А.А.* Взаимосвязь психического выгорания и показателей статусов эго-идентичности // *Вестник ЮУрГУ. Серия «Психология»*, 2013. Т. 6. № 4. С. 24–30.
7. *Бауман З.* *Текущая современность*. СПб.: Питер, 2008.
8. *Ильин В.И.* Профессия как индивидуальная жизненная колея: концептуализация категории // *Журнал исследований социальной политики*, 2015. Т. 13. № 4. С. 515–528.
9. *Клищевская М.В.* Смена профессии как феномен профессионального развития: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2001.
10. *Горбунова Г.А.* Анализ причин смены профессионального профиля взрослыми людьми // *Сибирский педагогический журнал*, 2009. № 13. С. 46–50.
11. *Bakker A.B., Demerouti E.* Towards a model of work engagement // *Career Development International*, 2008. V. 13 (3). P. 209–223.
12. *Beddoe L., Davys A., Adamson C.* Educating resilient practitioners // *Social Work Education*, 2013. V. 32 (1). P. 100–117. DOI:10.1080/02615479.2011.644532
13. *Bekki J.M., Smith M.L., Bernstein B.L., Harrison C.* Effects of an online personal resilience training program for women in stem doctoral programs // *Journal of Women and Minorities in Science and Engineering*, 2013. V. 19 (1). P. 17–35. DOI:10.1615/JWomenMinorScienEng.2013005351

14. *McCann C.M., Beddoe E., McCormick K., Huggard P., Kedge S., Adamson C., Huggard J.* Resilience in the health professions: a review of recent literature // *International Journal of Wellbeing*, 2013. V. 3 (1). P. 60–81. DOI:10.5502/ijw.v3i1.4
15. *Orlick T.* In pursuit of excellence: How to win in sport and life through mental training, 3rd edition. Champaign: Human Kinetics, 2000.
16. *Климов Е.А.* Психология профессионального самоопределения. М.: Академия, 2004.
17. *Маркова А.К.* Психология профессионализма. М.: МГФ Знание, 1996.
18. *Маркова А.К.* Акмеологическое содержание профессионального становления психолога в сфере образования // *Акмеология*, 2003. № 3 (7). С. 47–50.
19. *Будницкий А.А.* Внутриличностный конфликт как фактор репрофессионализации // *Актуальные проблемы психологии профессиональной деятельности в системе транспорта* / Под ред. М.В. Сокольской. Хабаровск: ДВГУПС, 2014. С. 83–87.
20. *Гаврилова Т.П.* Становление профессиональной идентичности христианского психотерапевта как проблема // *Консультативная психология и психотерапия*, 2011. № 4 (71). С. 106–129.
21. *Коваленко Е.Э., Шлей К., Штефан Л.В.* Инновационные технологии обучения в профессиональной подготовке детских и подростковых психотерапевтов // *Проблеми інженерно-педагогічної освіти*, 2015. № 46. С. 63–69.
22. *Махнач А.В.* Жизненный опыт и выбор специализации в психотерапии // *Психологический журнал*, 2005. Т. 26. № 5. С. 86–97.
23. *Махнач А.В.* Представления о профессии будущих семейных психотерапевтов и психоаналитиков как основание для их профессионального отбора // *Семейная психология и семейная терапия*, 2009. № 3. С. 39–50.
24. *Овчинникова Ю.Г.* Профессиональная подготовка психологов-консультантов // *Alma mater (Вестник высшей школы)*, 2012. № 2. С. 45–49.
25. *Орлов А.Б., Орлова Н.А.* Психологический статус психотерапевта // *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 2014. Т. 11. № 2. С. 136–149.
26. *Пономарёва Е.Ю.* Особенности профессиональной подготовки практических психологов в контексте современных требований // *Гуманитарные науки*, 2016. № 1 (33). С. 35–42.
27. *Бибчук М.А.* Системный подход к проблемам обучения: от диагностики к психотерапии // *Сибирский вестник психиатрии и наркологии*. 2010. № 3 (60). С. 38–42.
28. *Махнач А.В.* Актуальные вопросы профессионального отбора и обучения профессии «психотерапевт» // *Консультативная психология и психотерапия*, 2011. № 2 (69). С. 192–219.
29. *Duncan B.* On becoming a better therapist // *Psychotherapy in Australia*, 2010. V. 16. № 4. P. 42–51.
30. *Garmezy N.* Stressors of childhood // *Stress, Coping, and Development in Children* / N. Garmezy, M. Rutter (Eds.). New York: McGraw-Hill, 1983. P. 43–84.
31. *Силласте Г.* Гендерная асимметрия как фактор карьерного роста женщин // *Высшее образование в России*, 2004. № 3. С. 122–133.
32. *Сушкова Е.И.* Особенности идентификационной сферы лиц, получающих дополнительное высшее образование // *Вестник Костромского государственного*

университета им. Н.А. Некрасова. Серия: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика, 2014. Т. 20. № 3. С. 89–92.

33. *Завалишина Д.Н.* Практическое мышление: Специфика и проблемы развития. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005.

34. *Самойлова Г.В.* Мотивы выбора профессии «психолог» у студентов группы второго высшего образования // Северо-Кавказский психологический вестник, 2011. Т. 9. № 1. С. 63–66.

35. *Махнач А.В., Горобец Н.Л.* Психологический анализ деятельности и личности психотерапевта // Социальная психология труда: Теория и практика. Т. 1. / Отв. ред. Л.Г. Дикая, А.Л. Журавлёв. М.: изд-во «Институт психологии РАН», 2010. С. 255–278.

36. *Gold S.H., Hilsenroth M.J., Kuutmann K., Owen J.J.* Therapeutic alliance in the personal therapy of graduate clinicians: relationship to the alliance and outcomes of their patients // *Clinical Psychology and Psychotherapy*, 2015. V. 22. P. 304–316. DOI:10.1002/cpp.1888.

37. *Heinonen E., Nissen-Lie H.A.* The professional and personal characteristics of effective psychotherapists: a systematic review // *Psychotherapy Research*, 2020. V. 30 (4). P. 417-432. DOI:10.1080/10503307.2019.1620366

38. *Skovholt T.M., Trotter-Mathison M.* The resilient practitioner: Burnout and compassion fatigue prevention and self-care strategies for the helping profession, 3rd Edition. New York: Routledge, 2016.

39. *MacTaggart J.K.* Promoting resilience in psychotherapy interns through supervision: an integrated literature review. Dis. Psy.D. Pasadena: Saybrook University, 2014.

УДК 159.99

ЦИФРОВОЙ МИР И ВЛИЯНИЕ, ОКАЗЫВАЕМОЕ ИМ НА ЧЕЛОВЕКА

А.В. Морозов

*ФКУ «Научно-исследовательский институт федеральной службы
исполнения наказаний» России*

В статье рассматриваются проблемные аспекты, обусловленные развитием процесса цифровизации, охватившего все, без исключения стороны жизнедеятельности человека, науки и производства, в том числе, систему современного отечественного образования. Процесс активного использования обучающимися и, в первую очередь, несовершеннолетними, различных цифровых гаджетов и технологий, способствующий их глубокому погружению в «пучину» цифрового виртуального пространства, неминуемо приводит к деградации мозга, уже получившей название «цифровое слабоумие». Цифровые гаджеты и технологии, став неотъемлемой частью жизни современного человека, постепенно и незаметно подсаживают его на «цифровую иглу». Цифровизация образовательного процесса способствует утрате когнитивных функций и, в первую очередь, это сказывается на навыках мышления, снижении способности к

критической оценке фактов и ориентации в потоках информации, а также умственной работоспособности, в целом. В процессе обособления, отдавая предпочтение различного рода гаджетам вместо реального общения с людьми, человек незаметно разрушает социальные связи, подвергаясь эпидемии «цифрового аутизма».

Ключевые слова: цифровой мир, человек, образовательный процесс, цифровизация, гаджеты, зависимость, головной мозг, общение, цифровые технологии, аутизм, информация.

THE DIGITAL WORLD AND THE IMPACT IT HAS ON A PERSON

A.V. Morozov

Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

The article examines the problematic aspects caused by the development of the digitalization process, which has covered all aspects of human life, science and production, including the system of modern domestic education, without exception. The process of active use by students and, first of all, minors of various digital gadgets and technologies, contributing to their deep immersion in the «abyss» of digital virtual space, inevitably leads to brain degradation, already called «digital dementia». Digital gadgets and technologies, having become an integral part of modern man's life, gradually and imperceptibly put him on the «digital needle». Digitalization of the educational process contributes to the loss of cognitive functions and, first of all, it affects thinking skills, a decrease in the ability to critically assess facts and orientation in information flows, as well as mental performance in general. In the process of isolation, preferring various kinds of gadgets instead of real communication with people, a person imperceptibly destroys social ties, being exposed to an epidemic of «digital autism».

Keywords: digital world, human, educational process, digitalization, gadgets, addiction, brain, communication, digital technologies, autism, information.

В средствах массовой информации и различных интернет-источниках современный мир вовсе не случайно всё чаще называют «цифровым», а сам термин «цифровизация» весьма прочно «прописался» в лексиконе человека XXI-го века. Именно по этой причине феномен, обусловленный влиянием цифрового мира на современного человека, стал предметом нашего специального исследования, некоторые из результатов которого представлены в настоящей статье.

Цифровые гаджеты и технологии, став неотъемлемой частью жизни современного человека, постепенно и незаметно, подобно самому изощрённому и коварному наркодилеру, подсаживают его на «цифровую иглу», не оставляя никаких шансов на выбор иного пути, кроме как на полное и безоговорочное погружение в «омут цифровизации», который, по

мнению целого ряда исследователей [1; 6; 8; 10; 11; 13; 15; 17; 19; 27; 29], наполнен, отнюдь, не стопроцентным позитивом и достоинствами.

Подтверждением обоснованности выдвинутого нами выше тезиса являются всё более тревожные и всё более часто звучащие в различных средствах массовой информации, на научных форумах, круглых столах, вебинарах и других подобных мероприятиях, мнения как никому неизвестных, так и признанных во всём мире учёных, исследователей, специалистов-практиков по поводу тех многочисленных рисков, угроз и вызовов, которые несёт в себе процесс глобальной цифровизации, наряду с внешними, достаточно хорошо всем известными положительными эффектами и преимуществами, широко рекламируемыми сегодня адептами цифровизации, умалчивающими, при этом, о весьма проблемных «зонах» и аспектах, а также негативных её последствиях [3; 7; 9; 12; 14; 16; 18; 22; 25; 28].

Целый ряд учёных открыто называет смартфоны и айпады не иначе как «цифровым наркотиком». Американский нарколог Н. Кардарас, сообщает, что «исследования сканов мозга показали: новомодные цифровые технологии влияют на лобную долю коры головного мозга, отвечающую за концентрацию внимания и кратковременную память, ровно также, как кокаин. При этом, в организме повышается уровень дофамина – нейротрансмиттера, участвующего в формировании зависимости» [24]. «Из-за этого эффекта американский доктор П. Вайбрау – директор факультета неврологии Калифорнийского университета – считает экраны «электронным кокаином», а доктор Э. Доан – руководитель отдела исследований наркотической зависимости для Пентагона и флота США – называет игры и гаджеты «цифровой фармакеей». Китайские же исследователи называют их «цифровым героином»» [23].

Процесс активного использования обучающимися и, в первую очередь, несовершеннолетними, различных цифровых гаджетов и технологий, способствующий их глубокому погружению в «пучину» цифрового виртуального пространства, неминуемо приводит к деградации мозга, уже получившей название «цифровое слабоумие» (или «цифровой деменцией» – «digital dementia»). «Это диагноз, означающий нарушение когнитивных функций мозга и поражение отдельных его участков. Впервые этот диагноз поставили в Южной Корее в 2007 году младшим школьникам, когда оказалось, что изменения, которые произошли в их мозге, очень напоминают старческое слабоумие или деменцию. По мнению доктора Б. Джиуона из сеульского Центра развития мозга, зависимость от новых цифровых технологий препятствует нормальному развитию мозга, так как

при этом происходят атипичные процессы: в основном, развивается левое полушарие, а правое – остаётся слабо развитым или не используется вовсе, что в 15% случаев ведёт к цифровой деменции» [30].

В России об этом негативном последствии цифровизации стали говорить относительно недавно, и до сих пор к обозначенной проблеме ещё не относятся со всей серьёзностью. В то время как в нашей стране отсутствуют систематические обобщающие исследования заявленной проблемы, а тема цифровой зависимости на государственном уровне фактически не обсуждается, на Западе количество подобных исследований неуклонно растёт: психологи и психиатры, педиатры, нейробиологи, нейрофизиологи, представители других профессий – принимают активное участие в рассмотрении проблемы [30].

К весьма интересным и значимым исследованиям, по нашему мнению, следует отнести книгу немецкого психиатра и нейрофизиолога М. Шпитцера «Цифровое слабоумие. Как мы лишаем разума себя и своих детей», название которой было переведено на русский язык, мягко говоря, не вполне корректно: «Антимозг. Цифровые технологии и мозг», что вполне объяснимо, если брать во внимание нежелание «активистов и пропагандистов цифровизации» посеять малейшее «зерно сомнений» у рядовых обывателей, вовлекаемых в процесс глобальной цифровизации и далёких, при этом, от научного поиска и анализа, а также сопоставления реальных цифр и фактов.

Необходимо отметить, что в указанной нами выше книге М. Шпитцера «достаточно детально представлены дисфункции вследствие отрицательного воздействия цифровых технологий на детей и приведён систематизированный статистический материал, посвящённый этой тематике» [26].

Реальное фактическое исследование окружающего мира сегодня подменяется виртуальным, что на практике способствует существенному ограничению возможностей человеческого познания. Мозг ребёнка, будучи лишённым получения необходимой ему для развития и нормального функционирования «пищи», начинает деградировать, что обусловлено атрофированием живых тканей в результате регулярного «голодания» важнейших участков мозга, ответственных за концентрацию внимания, сопереживание, самоконтроль, принятие решений и т.д.

Головной мозг, как и любой орган человека, нуждается в регулярной тренировке, в связи с чем имеющиеся на сегодняшний день данные исследований убедительно подтверждают тот факт, что интенсивное использование определённых зон головного мозга приводит к их увеличению и, напротив,

отсутствие нагрузки на головной мозг приводит, в конечном итоге, к уменьшению его размеров. Процесс цифровизации, в целом, и различные цифровые гаджеты, в частности, избавляя человека от необходимости кропотливого умственного труда, лишают его регулярных «тренировок» ума, приводя к постепенному отмиранию не используемого органа.

Цифровизация образовательного процесса способствует утрате когнитивных функций и, в первую очередь, это сказывается на навыках мышления, снижении способности к критической оценке фактов и ориентации в потоках информации, а также умственной работоспособности, в целом. «Восприятие информации постепенно становится всё более поверхностным. Если раньше тексты читали, сегодня их бегло просматривают, то есть скачут по верхам. Раньше в тему вникали, сегодня вместо этого путешествуют по Интернету (то есть скользят по поверхности информации; появилось даже слово «сёрфить»)» [26].

Всё это на практике приводит к закреплению, так называемого, «клипового мышления» у ребёнка, означающего особенность восприятия окружающего мира посредством коротких теленовостей, видеоклипов, различного рода ярких образов и т.д. При этом, окружающий мир не воспринимается целостно, а в виде небольших блоков событий, не связанных между собой и сменяющих друг друга без всякой логической связи. Таким образом, мир становится подобен калейдоскопу осколков информации и разрозненных фактов. Кроме того, как отмечает исследователь А. Косенко, современные дети, в большинстве своём, «совсем мало читают и очень плохо запоминают прочитанное, но самое ужасное в том, что они не понимают смысла прочитанного и очень быстро забывают то, чему их недавно учили. В процессе одного из исследований российским старшеклассникам предложили ответить на ряд элементарных вопросов из программы предыдущих классов, результаты показали, что коэффициент усвоения знаний у школьников равен всего лишь... 10%» [4].

Научить обучающегося пониманию является основной задачей реального образования. В этой связи последний президент Чехословакии (1989-1992) и первый президент Чехии (1993-2003) В. Гавел весьма афористично и образно обозначил разрыв между уровнем знания и уровнем понимания: «чем больше я знаю, тем меньше я понимаю».

Ведь на самом деле получить сегодня знания – является достаточно несложной задачей: из Интернета, иных средств массовой информации. Вопрос остаётся лишь в том – где же сегодня учат именно пониманию?

«В последние годы всё больше учёных, несмотря на сильнейшее давление и угрозы в их адрес, предупреждают об опасности

электромагнитных излучений, повышающих риск возникновения рака мозга, лейкоза, разрыва ДНК, сердечно-сосудистых заболеваний, когнитивных дисфункций, психоза, сахарного диабета, нарушения иммунной и репродуктивной системы, заболеваний щитовидной железы, надпочечников, эпифиза, сердечно-сосудистой системы, гормональных нарушений, астмы, хронической депрессии, заболеваний нервной системы и многого другого. В свете всего вышесказанного устремления российских цифровиков оцифровать российскую школу можно сравнить с организацией забега наших детей на минное поле» [24].

Так, например, одним из выявленных следствий цифровизации современного образовательного пространства становится ликвидация у детей системного и аналитического мышления: мозг утрачивает способность конструирования образа будущего и, соответственно, постановки цели перед собой. В случае совмещения дистанционного формата образования с традиционным, а, тем более, замены второго первым – время, необходимое для осуществления качественного мыслительного процесса, у обучающихся будет неуклонно сокращаться.

В процессе обособления, отдавая предпочтение различного рода гаджетам вместо реального общения с людьми, человек незаметно разрушает социальные связи, подвергаясь эпидемии «цифрового аутизма», характеризующегося развитием суицидальных наклонностей и проявлений депрессии, в результате чего проявляет агрессию, социальную настороженность и внутреннее напряжение, склонность к конформизму. Человек утрачивает способность поддержания длительного психологического контакта с окружающими, теряет интерес к внутреннему миру другого человека и т.д.

Назовём лишь некоторые, наиболее характерные признаки «цифрового аутизма»:

- практически всё свободное время человек проводит в социальных сетях;
- даже в ситуациях, когда рядом находятся друзья, семья, просто приятные люди, человек не в силах преодолеть навязчивое желание постоянно проверять свои мессенджеры;
- реальная жизнь человека постепенно и незаметно для него самого становится всё беднее на эмоции и события;
- человек утрачивает заинтересованность в конкретных людях, более того, они становятся для него легко заменяемыми;

- человеку становится проще и комфортнее общаться в социальных сетях, чем в реальной обстановке, с живыми людьми;
- снижается уровень эмпатии: человек постепенно перестает понимать и становится безразличным к тому, что чувствует и переживает другой человек;
- постепенно становится стандартной и обыденной ситуация, когда проще отказаться от общения с другим человеком, чем постараться найти с ним общий язык, принимать его таким, какой он есть: с присущими ему чертами характера, привычками и другими индивидуальными особенностями.

«Если 20 лет назад аутизм встречался у одного ребёнка из 5000, то сейчас – у одного из 50. Раньше основным контингентом детского психиатра, по словам Е. Кулебякиной, были умственно отсталые дети, а сейчас их уверенно обгоняют аутисты. То, что это связано с цифровизацией, говорит тот факт, что передовые позиции в этом занимают лидеры в области цифровых технологий – США и Южная Корея. Замещение цифровыми технологиями естественной передачи знаний от старшего поколения младшему неизбежно приведёт к утрате навыков самостоятельного мышления. В результате подрастающее поколение станет всего лишь частью матрицы, управляемой силой, которая контролирует цифровые и информационные потоки уже сейчас. А это угрожает не только суверенитету страны, но и каждому человеку в отдельности» [5].

О. Скопина считает, что «человек, который не может владеть собой, станет, по сути, рабом, которым будут управлять другие. Кроме того, «оцифрованные» дети, став взрослыми, никогда не смогут даже задуматься об ином, более свободном и гуманном мире. Никто из людей уже не сможет двигать колесо Истории и стремиться выйти из царства необходимости в царство свободы. Цифровизаторы, убийцы традиционного образования, хотят лишить наших детей возможности правильно сформировать свой мыслительный аппарат, который и определяет человека разумного. Цифровизация образования сделает из наших детей тупых социопатов, рабов, не способных вершить свое будущее» [21].

При этом, 42-летний ректор МИРЭА С. Кудж вышел с предложением Правительству РФ о включении в документ о высшем образовании **цифровой квалификации выпускника**. По его мнению, графа «цифровая квалификация» в дипломе будет являться отражением *степени владения цифровыми аспектами полученной специальности, а самим выпускникам* это «ноу-хау» предоставит возможность повышения своей конкурентоспособности в процессе дальнейшего трудоустройства после

окончания вуза. Как отметил С. Кудж, (ставший ректором МИРЭА в 34 года после освобождения им должности директора департамента государственной службы, кадров и мобилизационной подготовки Министерства образования и науки Российской Федерации и официально не имевший, к моменту своего назначения, никакого педагогического стажа), «востребованность молодых специалистов на рынке труда определяют именно дипломы» [2]. Комментарии здесь, как говорится, излишни.

В той стране, в которой мне посчастливилось родиться и вырасти, учебно-воспитательный процесс был построен на безусловном авторитете Учителя перед учениками, на уважении и доверии к его знаниям, опыту и выбору своей благородной профессии. В современном мире всё перевернуто «с ног на голову» и ценность педагога в образовательной организации, зачастую, сведена к нулю. Идолом для поклонения являются цифровые ресурсы и технологии, контент, оборудование – всё, что угодно, только не Педагог...

Выступая на встрече с финалистами всероссийского конкурса «Учитель года» 05.10.2021 Президент РФ В.В. Путин заявил о том, что «какими бы передовыми технологиями ни был бы насыщен образовательный процесс, они никогда не смогут заменить непосредственного, живого общения... личность учителя, его эмоции, мудрость, теплота, внимание, сила убеждений имеют колоссальное значение в интеллектуальном и нравственном становлении ученика» [20]. По словам главы государства, в том, что педагога не заменить даже самыми передовыми технологиями, все ещё раз убедились в период дистанционного обучения.

Очень жаль, что многие чиновники «от образования» до сих пор этого не поняли, самозабвенно уповая на «цифру» и забывая о людях.

Библиографический список

1. *Алпатова И.* Так цифры сошлись: как цифровизация меняет и будет менять нашу повседневную жизнь // Российская газета, 24.12.2020. № 292 (8346).
2. В дипломы собираются включить графу «Цифровая квалификация» [Электронный ресурс] // URL: <https://urait.ru/news/1926> (дата обращения: 13.06.2021).
3. *Вербицкий А.А.* Проблемы и риски цифрового обучения // Психотехнологии в бизнесе и образовании: Материалы IV Международной научно-практической конференции. М., 2019. С. 1.

4. *Косенко А.* Что такое клиповое мышление [Электронный ресурс] // URL: <http://www.lookatme.ru/mag/how-to/inspiration-howitworks/207449-clip> (дата обращения 19.05.2021)
5. *Кулебякина Е.* Риски цифровизации [Электронный ресурс] // URL: <http://www.russsdom.ru/node/10801> (дата обращения: 17.05.2021).
6. *Лазар М.Г.* Цифровизация общества, её последствия и контроль над населением // Проблемы деятельности учёного и научных коллективов, 2018. № 4 (34). С. 170–181.
7. *Морозов А.В.* Влияние цифровизации образовательной среды на психологическое здоровье обучающихся // В сборнике: Человек в цифровой реальности: технологические риски // Материалы V Международной научно-практической конференции, посвящённой 75-летию Победы в Великой Отечественной войне. Тверь: ТвГТУ, 2020. С. 391–395.
8. *Морозов А.В.* Изменение менталитета субъектов образовательного процесса в условиях цифровизации образования // Социально-психологические проблемы ментальности / менталитета, 2018. № 14. С. 65–73.
9. *Морозов А.В.* Личность обучающегося и цифровая образовательная среда // Человеческий фактор: Социальный психолог. 2020. № 1 (39). С. 186–193.
10. *Морозов А.В.* Роль и значение современных электронных технологий в образовательном процессе вуза // Современные инновационные информационно-образовательные технологии в подготовке будущих бакалавров: Материалы итоговой научно-практической конференции преподавателей и аспирантов / под ред. Ф.Г. Мухаметзяновой. Казань: ТИСБИ, 2014. С. 188–194.
11. *Морозов А.В.* Смыслжизненные ориентиры и ценности: трансформация в условиях цифровизации // Россия и мир: развитие цивилизаций. Преобразования цивилизационных ценностей в современном мире: Материалы XI Международной научно-практической конференции. М.: ИМЦ, 2021. С. 565–567.
12. *Морозов А.В.* Современные тенденции развития цифрового образования: «за» и «против» // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. Ежегодник: Материалы XIX Национальной научной конференции с международным участием. М.: ИНИОН РАН, 2020. С. 673–674.
13. *Морозов А.В.* Трансформация образовательного пространства в условиях цифровой экономики // Электронное обучение в непрерывном образовании 2019 // VI Международная научно-практическая конференция, посвященная памяти А.Н.Афанасьева. Ульяновск, 2019. С. 338–345.
14. *Морозов А.В.* Формирование гражданской идентичности российской молодёжи в процессе её социализации // В сборнике: Формирование гражданской идентичности молодёжи в условиях социально-экономических реалий российского общества // Материалы Международной научно-практической конференции. Казань: АСО, 2017. С. 165.
15. *Морозов А.В., Радченко Л.Е.* Влияние средств массовой информации на нравственное воспитание, психическое и физическое здоровье современной молодёжи // Социально-психологические проблемы современной молодёжи: Материалы Международной научно-практической конференции. Арзамас: АГПИ, 2009. С. 9–12.

16. *Морозов А.В., Романова Е.Н.* Цифровые технологии и их пагубное влияние на развитие несовершеннолетних // Наука, образование, культура: Сборник статей / Составители Т.И. Раковчена и др. Т. 3. Психолого-педагогические науки. Комрат: КГУ, 2020. С. 466–470.
17. *Мухаметзянов И.Ш.* Цифровое пространство в образовании: ожидания, возможности, риски, угрозы // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник: Материалы XIX Национальной научной конференции с международным участием / Отв. ред. В. И. Герасимов. М.: ИНИОН РАН, 2020. С. 571–574.
18. *Никифоров О.* Чем полезна и опасна тотальная цифровизация [Электронный ресурс] // URL: https://www.ng.ru/economics/2018-07-09/8_7261_technology.html (дата обращения: 23.04.2021).
19. *Овчинников А.* Современный человек растворяется в цифровой сфере [Электронный ресурс] // URL: https://ruskline.ru/news_rl/2020/05/20/sovremennyi_chelovek_rastvoryaetsya_v_cifrovoi_sfere (дата обращения: 30.03.2021).
20. Путин: новые технологии никогда не смогут заменить живое общение и личность учителя [Электронный ресурс] // URL: https://news.mail.ru/society/48219139/?frommail=1&exp_id=828 (дата обращения 05.10.2021).
21. *Скопина О.* Цифровые технологии против детей: физиологические и психические последствия дистанционного обучения [Электронный ресурс] // URL: <https://rvs.su/statia/cifrovye-tehnologii-protiv-detey-fiziologicheskie-i-psiicheskie-posledstviya-distancionnogo> (дата обращения: 22.01.2021).
22. Цифровизация человека: влияние цифровых технологий на общество [Электронный ресурс] // URL: <https://mentamore.com/socium/cifrovizaciya-cheloveka.html> (дата обращения: 12.05.2021).
23. Цифровой героин: как экраны превращают детей в психотических наркоманов [Электронный ресурс] // URL: <https://narasputye.ru/archives/3962> (дата обращения 09.06.2021).
24. *Четверикова О.* Цифровизация образования – это опасно [Электронный ресурс] // URL: <https://mentamore.com/socium/cifrovizaciya-cheloveka.html> (дата обращения: 28.04.2021).
25. *Шабашев В.А., Щербакова Л.Н.* Тенденции цифрового неравенства / равенства в современном мире // Социологические исследования, 2016. № 9. С. 3–12.
26. *Шнитцер М.* Антимозг. Цифровые технологии и мозг [Электронный ресурс] // URL: <https://www.litmir.me/br/?b=189102&p=1> (дата обращения 17.04.2021).
27. *Bashkireva T.V., Bashkireva A.V., Morozov A.V., Evdokimova A.I., Apsite M.A.* Conditions for Digitalization of Education and Related Health Problems of Students // 2nd International Scientific and Practical Conference on Digital Economy (ISCDE 2020) // Atlantis press SARL / Advances in Economics, Business and Management Research? 2020. Vol. 156. P. 159–162.
28. *Morozov A.V., Kozlov O.A.* Information and communication technologies in modern digital educational environment // CEUR Workshop Proceedings. 2. Сер. «InnoCSE 2019 – Proceedings of the 2nd Workshop on Inovative Approaches in Computer Science within Higher Education», 2019. Vol. 2562. P. 211–217.

29. *Mukhametzyanov I.Sh.* Digital educational environment, health protecting aspects // Journal of Siberian Federal University // Humanities and Social Sciences, 2019. Т. 12. № 9. С. 1670– 1681.

30. Surge in «digital dementia» By Julian Ryall, Tokyo 24 Jun 2013 [Электронный ресурс] // URL: <https://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/asia/southkorea/10138403/Surge-in-digital-dementia.html> (дата обращения 22.03.2021).

УДК 37.017:004

НОВИЗНА ЦИФРОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ КАК СТИМУЛ ДЛЯ РАЗВИТИЯ ПОДРАСТАЮЩЕГО ПОКОЛЕНИЯ

О.С. Парц

*ФГБОУ ВО «Омский государственный
педагогический университет»*

Данная статья посвящена проблеме поиска позитивных стимулов для развития подрастающего поколения в условиях цифровой реальности. Отмечается, что различные аспекты развития подрастающего поколения в условиях цифровой реальности выступают как совершенно новая проблема для исследователей. Основными методами исследования выступают анализ и синтез имеющихся разнородных исследовательских данных, социально-педагогического опыта. Дети и молодежь естественно чувствуют себя в новой реальности. Они воспринимают цифровой мир как уникальную возможность для поиска истины и достижения жизненных целей новыми, более быстрыми и удобными способами. Неопределенность поиска притягивает их реальной новизной и фантастическими возможностями. Делается вывод, что новизна цифровой реальности стимулирует развитие подрастающего поколения, что важно учитывать при разработке основ и обновлении образования будущего.

Ключевые слова: цифровизация, человек, подрастающее поколение, развитие, новизна цифровой реальности, образование.

NOVELTY OF DIGITAL REALITY AS STIMULUS FOR THE DEVELOPMENT OF THE HUMAN YOUNGER GENERATION

O.S. Parts

Omsk State Pedagogical University

This article is devoted to the problem of finding positive incentives for the development of the younger human generation in a digital reality. It is noted that various aspects of the development of the younger human generation in the conditions of digital reality is a completely new problem for researchers. The main research methods are the analysis and synthesis of

available heterogeneous research data and socio-pedagogical experience. Children and young people naturally feel in the new digital reality. They perceive the digital world as a unique opportunity to search the truth and achieve life goals more quickly and conveniently. The uncertainty of the search attracts them with real novelty and fantastic possibilities. It is concluded that the novelty of digital reality stimulates the development of the human younger generation. This is important to consider when developing the foundations and updating the education of the future.

Keywords: digitalization, human, younger generation, development, novelty of digital reality, education.

Понятие цифровой реальности стремительно ворвалось в нашу жизнь в начале XXI века. Сегодня цифровая реальность становится нормой жизни, поглощая все свободное время человека: она притягивает его своей новизной и ожиданиями чего-то необычного, приближающего к будущему.

Цифровая реальность многопланова и «формируется в процессе широкого использования цифровых технологий в различных сферах общества» [2, с. 122].

Понятие цифровой реальности в контексте жизненного пространства человека подробно рассматривает Е.В. Лазинина, отмечая параллельность цифровой и реальной действительности [3, с. 80]. Под цифровой реальностью подразумевают вид существующей реальности, информационной действительности, воспринимаемой человеком, преобразованной с помощью и посредством компьютерных технологий в цифровую среду.

Степень новизны цифровой реальности настолько велика, что изучению разных аспектов развития человека в будущем цифровом обществе современные исследователи уделяют все большее внимание.

Так, философские аспекты самореализации человека в цифровой реальности изучают Т.Д. Марцинковская, Е.П. Белинская, Е.Е. Елькина, Л.Н. Мешкова, О.Н. Астафьева, Е.В. Никонорова, О.В. Шлыкова концентрируют внимание на формировании культурного контекста цифровой цивилизации, его гуманистической, смысловой и ценностной составляющих. Г.Г. Малинецкий, И.В. Гордеева исследуют вызовы, возможности и риски новой цифровой реальности. Л.Ш. Докумова, Е.В. Лазинина акцентируют внимание на проявлениях цифровизации в социальной реальности и восприятии данных явлений человеком. М.С. Гусельцева, Е.Е. Несмеянов, С.С. Зубарева рассматривают возможности человека в цифровом мире. Возможности цифровой реальности для развития детей и молодежи рассматривают К.С. Назаренко,

Е.В. Авдеенко, И.Т. Абдраимова, А.Е. Кирьянов, Н.Н. Масюк, Д.В. Маслов, А.А. Кириллов и др.

Исследователи акцентируют внимание на изучении особенностей цифровой реальности, рисках и открывающихся возможностях для развития человека. С данных позиций уместно использовать методы анализа и синтеза результатов современных исследований, социально-педагогического опыта на основе изучения и обобщения исследовательских материалов для определения положительных свойств цифровой реальности в контексте развития подрастающего поколения и определения основ образования будущего.

В Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы отмечается, что цифровое общество своей первоочередной задачей видит «развитие человеческого потенциала» [8]. В п. 22 Национальной стратегии искусственного интеллекта отмечается, что использование современных технологий направлено на «повышение качества услуг в сфере образования» [4].

Важно понимать, что технологические преобразования осуществляются целенаправленно и системно. В свою очередь, освоение компьютера, информационно-коммуникационных технологий, ресурсов интернет значительно меняют уклад жизни человека, вносят корректировки во все сферы, включая образование.

В центре внимания возможности новых технологий, которые притягивают подрастающее поколение в силу своей очевидной новизны и широчайших перспектив для удовлетворения потребности в освоении и познании мира.

Так, результаты интернет-опроса ВЦИОМ об использовании ресурсов интернет показал, что молодежь очень активно и продуктивно использует цифровые ресурсы для реализации различных социально-образовательных целей, используя для этого различные средства цифровой коммуникации:

- совершает покупки онлайн;
- читает книги, слушает музыку, смотрит фильмы и др.;
- общается в социальных сетях, на форумах и т.д.;
- ищет друзей, единомышленников по интересам;
- создает и ведет блоги, иные интернет ресурс [7].

То есть, очевидна социальная привлекательность цифровых технологий: расширяют общение, открывают горизонты обновления всей системы образования подрастающего поколения, значительно облегчают жизнедеятельность.

Перспектива жизни в цифровой реальности является сложившимся фактом. Дети и молодежь открыты новому способу познания мира и чувствуют себя в современном мире естественно и уверенно. Информационная открытость является для них возможностью предъявления себя миру и одновременно стимулом познания: они готовы к поиску, цифровые ресурсы понятны и осваиваются практически интуитивно, кроме того, интересны разнообразные форматы и безграничность осваиваемой реальности.

Задача взрослых – тщательно продумать основы образования будущего с использованием информационных технологий, а затем на их основе грамотно перестроить образовательный процесс, параллельно повышая свою информационную грамотность и осваивая современные технологии. С этих позиций есть место критике взрослого поколения, многие из которых с трудом осваивают современные технологии и пользуются устаревшим оборудованием [1, с. 332]. Данную консервативность нужно преодолевать, поскольку наступило время преобразований, и осваивать цифровые технологии становится жизненно необходимо.

В образовании накапливается замечательный опыт использования современных технологий и форматов образования, в том числе, Smart-образования, электронного обучения, гибкой организации учебного процесса, виртуализации в обучении и др.

На данный момент продолжают разрабатываться направления технического обновления современной школы. Важно видеть в этих преобразованиях основу взаимодействия человека и «продуктов цифры», которые захватывают воображение людей разных возрастов своими возможностями, как с технической, экономической, так и содержательной стороны, что служит огромным стимулом для образования и профессионального развития. При этом свой вклад в развитие новой реальности могут внести люди разных поколений [6, с. 118]. От качества их сотрудничества может зависеть как содержательное наполнение программного обеспечения продуктов деятельности людей – «человекоподобных» роботов и искусственного интеллекта, так и характер коммуникации, являющейся с появлением информационных технологий колоссальным ресурсом развития.

Внимания заслуживает опыт СберУниверситета, специалисты которого разрабатывают различные способы применения современных информационных технологий в образовании, в том числе, акцентируют значимость скорейшего обновления практического опыта, привлекая к

диалогу как российских, так и зарубежных специалистов в области информационных технологий в рамках конференций, вебинаров и семинаров. По завершению образовательных событий разрабатываются уникальные учебно-методические пособия по использованию современных информационных ресурсов в образовании [5]. Это бесценный опыт мотивации на образование, основанный на привлекательности цифровых образовательных ресурсов для обучающихся.

Таким образом, новизна цифровой реальности имеет огромный потенциал для развития подрастающего поколения, поскольку представляет собой безграничное поле воплощения творческих замыслов и идей. Исторический процесс всей эволюции человека показывает, что он способен приспосабливаться и выживать в разных условиях, при этом прогрессировать в своем развитии, находить новые способы улучшения и преобразования своей жизни. Цифровая реальность является новым условием, определяющим глобальные изменения в жизни человека. Поэтому важно определять направления обновления образования будущего на основе цифровых технологий, которые привлекают молодежь своей новизной, вызывают интерес, стимулируя к развитию в условиях цифровой реальности.

Библиографический список

1 Гордеева И.В. Цифровая трансформация как новая реальность: новые технологии и новое качество жизни // Современные наукоемкие технологии, 2019. № 12-2. С. 329–334. DOI 10.17513/snt.37880.

2 Елькина Е.Е. К проблеме концептуализации «цифровой реальности» и «цифрового человека» в философском дискурсе // Наука как общественное благо: сборник научных статей Второго Международного Конгресса Русского общества истории и философии науки, Санкт-Петербург, 27–29 ноября 2020 года / Санкт-Петербургский государственный университет; Русское общество истории и философии науки. – М.: Межрегиональная общественная организация «Русское общество истории и философии науки», 2020. С. 121–125 [Электронный ресурс] // URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=45611464>

3 Лазинина Е.В. Цифровая реальность в контексте процессов коммуникации и экзистенции человека // Современные исследования социальных проблем, 2019. Т. 11. № 2-1. С. 78–90. DOI 10.12731/2077-1770-2019-2-78-90.

4 Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года. Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 [Электронный ресурс] // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_335184/

5 Обучение в новой нормальности: вызовы и ответы. Аналитический отчет. М. АНО ДПО «Корпоративный университет Сбербанка», 2020. 71 с. [Электронный ресурс] // URL: <https://sberuniversity.ru/edutech-club/journals/3531/> (Дата обращения: 19.06.2021).

6 *Парц О.С.* Взаимодействие разных поколений людей и философия цифровизации // Сборник тезисов Международной конференции по передовым технологиям обучения EdCrunch-Томск, Томск, 02–04 декабря 2020 года / Ответственный редактор Е.А. Другова. Томск: Издательство Томского государственного университета, 2020. С. 117–119. DOI 10.17223/978-5-94621-963-1-2020-33.

7 Персональные данные в интернете: возможности и риски// ВЦИОМ. Пресс-релиз № 3804 от 01.11.2018 [Электронный ресурс] // URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9401> (Дата обращения 19.06.2021)

8 Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы (утв. указом Президента РФ от 09.05.2017 № 203) [Электронный ресурс] // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216363/

УДК 159.9.072

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ИНКЛЮЗИВНОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ: РИСК-РЕСУРСНЫЙ ПОДХОД

М.И. Плугина¹, Е.С. Слюсарева²

¹ФГБОУ ВО «Ставропольский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения РФ

²ГБОУ ВО «Ставропольский государственный педагогический институт»,

В настоящее время инклюзивное (совместное) образование рассматривается как одно из стратегических направлений отечественной системы образования. Ведущим условием эффективной реализации совместного обучения учащихся с разными образовательными возможностями является создание инклюзивной образовательной среды, обеспечивающей удовлетворение потребностей всех субъектов образовательных отношений, и, в первую очередь, потребности в безопасности.

Целью исследования стало рассмотрение психологической безопасности инклюзивной образовательной среды. Одним из ведущих подходов в психологии безопасности образовательной среды является риск-ресурсный подход, направленный на выявление угроз и предотвращение рисков, возникающих в образовательной среде и влияющих на психологическую безопасность субъектов образовательных отношений (педагогов, учащихся и их родителей).

С опорой на концепцию психологической безопасности, в статье предложено определение инклюзивной образовательной среды; рассмотрена структура инклюзивной образовательной среды, состоящая из трех компонентов: пространственно-предметный, содержательно-методический (психодидактический) и социально-психологический.

Исходя из положений риск-ресурсного подхода, содержательно обоснованы риски, которые возникают на уровне каждого структурного компонента среды и влияют на психологическую безопасность субъектов образовательных отношений. Исходя из этого, рассмотрены ресурсы, позволяющие предупредить или минимизировать риски, возникающие в инклюзивной образовательной среде: на уровне пространственно-

предметного компонента – архитектурная и информационная доступность образовательной организации; на уровне содержательно-методического компонента – личностно-профессиональная готовность педагогов к реализации инклюзивной образовательной практики на основе личностно-ориентированной модели взаимодействия; на уровне социально-психологического компонента – готовность субъектов образовательных отношений к позитивному взаимодействию в инклюзивной образовательной среде.

Ключевые слова: инклюзивная образовательная среда, психологическая безопасность, риск-ресурсный подход.

PSYCHOLOGICAL SAFETY OF AN INCLUSIVE EDUCATIONAL ENVIRONMENT: A RISK-RESOURCE APPROACH

M.I. Plugina¹, E.S. Slusareva²

¹Stavropol State Medical University

² Stavropol State pedagogical institute

Currently, inclusive education is considered as one of the strategic directions of the national education system. The leading condition for the effective implementation of joint learning of students with different educational opportunities is the creation of an inclusive educational environment that meets the needs of all subjects of educational relations, and, first of all, the need for security. One of the leading approaches in the psychology of the safety of the educational environment is the risk-resource approach aimed at identifying threats and preventing risks that arise in the educational environment and affect the psychological safety of the subjects of educational relations (teachers, students and their parents)

The purpose of the study was to identify the risks and resources for ensuring the psychological safety of an inclusive educational environment.

Based on the concept of psychological safety, the article proposes a definition of an inclusive educational environment; the structure of an inclusive educational environment, consisting of three components: spatial-subject, content-methodical (psycho-didactic) and socio-psychological.

Based on the provisions of the risk-resource approach, the risks that arise at the level of each structural component of the environment and affect the psychological safety of the subjects of educational relations are meaningfully justified. On this basis, we consider the resources that allow us to prevent or minimize the risks that arise in an inclusive educational environment: at the level of the spatial and subject component-the architectural and information accessibility of an educational organization; at the level of the content and methodological component – the personal and professional readiness of teachers to implement inclusive educational practices based on a personality-oriented model of interaction; at the level of the socio-psychological component-the readiness of the subjects of educational relations for positive interaction in an inclusive educational environment.

Keywords: inclusive educational environment, psychological safety, risk-resource approach.

Введение

В настоящее время увеличивается количество детей, имеющих ограниченные возможности здоровья. Это обстоятельство обуславливает появление у детей особых образовательных и коммуникативных потребностей и требует создания особых условий, сопровождающих процесс их жизнедеятельности, воспитания и обучения.

Важнейшим условием реализации особых образовательных потребностей детей с ограниченными возможностями здоровья является становление такой среды, которая будет способствовать развитию всех субъектов образовательных отношений, в том числе, и учащихся с разными образовательными возможностями. Анализ качественных характеристик такой среды, представленных в современных психолого-педагогических исследованиях (Э.Б. Дунаевская, Е.В. Зволейко, С.А. Калашникова, И.Н. Никулина и др.), показывает, что системообразующим феноменом, определяющим содержание и качество инклюзивной образовательной среды, является понятие «безопасность» [1; 2; 3].

В последнее время к феномену безопасности проявлен особый интерес, который все чаще рассматривается в качестве составной части психолого-педагогического тезауруса, а изучение психологической безопасности среды и личности является отдельным самостоятельным научным направлением (О.Н. Богомякова) [4].

Как любая исследовательская область, продолжающая интенсивно развиваться, так и психология безопасности среды сохраняет проблемные «зоны», не получившие ещё достаточной теоретико-практической визуализации и интерпретации (Т.М. Краснянская, В.Г. Тылец) [5].

Одной из таких «зон», на наш взгляд, является проблема психологической безопасности инклюзивной образовательной среды.

Здесь видится две проблемные области, требующие научных исследований и практического опыта. Первая проблема связана с отсутствием единого определения понятий «инклюзивная образовательная среда», четких критериев оценки среды и ее компонентов. Суть второй проблемы заключается в недостаточно четком представлении содержания психологической безопасности и доступности инклюзивной образовательной среды.

Обратимся к более подробному анализу обозначенных проблем.

Обзор литературы

Среди зарубежных и отечественных подходов можно проследить влияние ведущих методологических подходов на современные трактовки инклюзивной образовательной среды: экологической (В.В. Ковалев, В.И. Панов, В.А. Ясвин и др.); коммуникативно-ориентированной (В.В. Рубцов и др.); антрополого-психологической (В.И. Слободчиков) моделей; концепции психологической безопасности образовательной среды (И.А. Баева, Е.А. Климов, Г.А. Ковалев, Е.Б. Лактионова, С.В. Тарасов и др.).

Проведя анализ существующих подходов к понятию «инклюзивная образовательная среда», мы можем отметить «коллекционерский подход» (В.А. Ясвин) [6], т.е. инклюзивная образовательная среда рассматривается как некоторая совокупность психолого-педагогических условий, влияющих на эффективность ее функционирования. Это приводит к расплывчатости и неопределенности данного термина, его смешиванию с другими, активно входящими в современную профессиональную лексику в области исследований инклюзивной образовательной среды (инклюзивная культура, инклюзивное образовательное пространство и т.д.).

Опираясь на положения концепции психологической безопасности (И.А. Баева), аккумулирующей предложенные подходы мы определяем инклюзивную образовательную среду как вид образовательной среды, психолого-педагогическую реальность, содержащую специально организованные условия для формирования личности и отражающую ее возможности в обеспечении безопасности, комфортности и доступности взаимодействия всех субъектов образовательных отношений при включении в нее ребенка, имеющего ограниченные возможности здоровья [7].

Нами отмечено, что на современном этапе развития теории и практики психологической безопасности последняя рассматривается в единстве внешней (образовательной) и внутренней (личностной) сред, т.е. психологическая безопасность среды и психологическая безопасность личности, которые представляют собой целостное единство.

Интеграция данных подходов нашла отражение в исследованиях И.А. Баевой, с опорой на которые мы рассматриваем психологическую безопасность инклюзивной образовательной среды как состояние образовательной среды, свободное от проявлений психологического насилия во взаимодействии, способствующее удовлетворению потребностей в личностно-доверительном общении, создающее референтную значимость среды и обеспечивающее состояние

защищенности всех субъектов образовательных отношений, от угроз их достоинству, благополучию, позитивному мировосприятию и самоотношению.

При этом мы разделяем исследовательскую позицию С.В. Алехиной и ее коллег, которые отмечают, что инклюзивность образовательной среды – это наличие в ней тех ресурсов и условий, без которых она перестает быть образовательной и комфортной для детей с особыми образовательными потребностями [8].

В связи с этим считаем возможным рассмотреть инклюзивную образовательную среду через риски и угрозы, которые в ней возникают и ресурсы, позволяющие их минимизировать.

Правомерно признать, что риск-ресурсный подход, направленный на выявление угроз и предотвращение рисков, возникающих в образовательной среде и влияющих на психологическую безопасность личности, является одним из ведущих подходов в психологии безопасности образовательной среды (И.А. Баева, П.И. Беляева, Е.Б. Лактионова, Л.И. Шахова и др.) [9; 10; 11].

Психологический риск определяется как действие, направленное на привлекательную цель, достижение которой сопряжено с элементом опасности, угрозой потери и неуспеха, применение необычного метода или приема разрешения отдельной педагогической задачи при отсутствии полной уверенности в положительном результате, когда обычные меры оказываются малоэффективными [12].

Анализ существующих исследований (И.А. Баева, В.А. Ясвин, Е.Б. Лактионова, С.В. Тарасов, и др.) позволил нам выделить три компонента в структуре инклюзивной образовательной среды, каждый из которых имеет специфическое содержание, обусловленное индивидуально-психологическими и типологическими особенностями включаемых в него субъектов – детей с ограниченными возможностями здоровья и влияющими на состояние психологической безопасности: пространственно-предметный компонент образовательной среды; содержательно-методический или психодидактический компонент образовательной среды; социально-психологический компонент образовательной среды, который определяется особой, присущей именно данному типу культуры формой детско-взрослой общности [6; 7; 10; 13].

Представление о сущностном содержании каждого из компонентов инклюзивной образовательной среды позволяет рассматривать психологическую безопасность через риски и угрозы, которые возникают на уровне каждого из них.

Так, пространственно-предметный компонент предполагает определенную предметную и пространственную организацию среды, позволяющую минимизировать у ребенка с особенностями психофизического развития чувство неуверенности и страха: доступная (безбарьерная) архитектурно-пространственная организация.

Рассматривая пространственно-предметный компонент среды с точки зрения обеспечения психологической безопасности ребенка, и, прежде, всего, физической, можно выделить следующие угрозы и риски: низкий уровень архитектурной и информационной доступности, отсутствие специальных средств, необходимых детям с ОВЗ для обеспечения их жизнедеятельности в школе; неэкологично организованное пространство учебного заведения: маленькие размеры «жизненных пространств», их недостаточная комфортность, отсутствие разнообразия; сенсорно обедненная или же наоборот сенсорно пресыщенная пространственная среда; высокая степень акустической и визуальной агрессивности (голые стены, монотонное оформление, стандартизованность и безликость архитектуры и пр.); отсутствие помещений для реализации коррекционной работы (зоны отдыха, кабинетов логопеда, дефектолога и т.д.)

Ресурсом данного компонента среды является не только архитектурная и информационная доступность, но и оформление семантики образовательного пространства (так, герб и девиз инклюзивной школы, размещение в пространстве школы фотографий и историй выпускников, обучающихся в данной инклюзивной школе и достигших разного уровня высот в личностном и профессиональном развитии, формируют у детей и их родителей перспективу их жизненного пути и т.д.)

Содержательно-методический (психодидактический) компонент инклюзивной образовательной среды – это содержание общественного процесса, осваиваемые ребенком способы действий, организация обучения.

Это то, как учат детей, чему учат и в каких условиях (В.Я. Ясвин). От учителя требуется знание содержания и способов обучения детей с разными образовательными возможностями, умение своевременно предупреждать истощаемость детей с ОВЗ, адаптировать инструкцию и содержание учебного материала с учётом таких общих закономерностей развития всех детей с ОВЗ как снижение способности к приему, переработке, хранению и использованию информации; трудности словесного опосредования; трудности коммуникации, изменение в развитии личности (В.И. Лубовский) [14].

К угрозам нарушения психологической безопасности на уровне содержательно-методического (психодидактического) компонента инклюзивной образовательной среде можно отнести:

- несоответствие уровня требований учебного предмета возможностям учащегося с ОВЗ; трудности контакта с учителем; отсутствие мотивации; отсутствие интеграции между предметом и сложности выполнения заданий; психофизиологические особенности ребенка с ограниченными возможностями здоровья и т.д. Данные угрозы могут привести к формированию барьеров общения (Л.И. Акатов) [15];

- стрессовую тактику педагогических воздействий, несоответствие методик и технологий возрастным и индивидуальным возможностям, нерациональную организацию образовательного процесса и др. (М.М. Безруких) [16];

- чрезмерную загруженность педагогического коллектива разработкой программно-методического обеспечения педагогического процесса, что препятствует созданию реальных условий для развития личности обучающихся с ОВЗ;

- учебно-дисциплинарную модель взаимодействия педагога с детьми, ориентированную на формирование знаний, но не учитывающую личность ребенка в инклюзивной образовательной среде.

Исследования ученых показывают, что в младшем школьном возрасте ведущей в процессе обучения является роль педагога: стиль его отношения (демократический, авторитарный, либеральный) к учащимся оказывает решающее влияние на психологическую безопасность ученика (П.И. Беляева, Т.Б. Беляева). При этом педагог в начальной школе формирует не только взаимоотношения между участниками образовательного процесса, но и пространственно-предметные характеристики образовательной среды: так, у педагогов с авторитарным стилем руководства наиболее высокие показатели пространственно-предметного компонента среды: структурированность среды, порядок и т.д., тогда как у педагогов, придерживающихся демократического стиля руководства, в большей мере представлен психодидактический и социально-психологический компонент. Наиболее благоприятные условия для учебной деятельности и психологическая безопасность младших школьников наблюдаются при демократическом стиле педагогической деятельности.

Не отрицая значимости влияния педагога на психологическую безопасность младшего школьника, важно акцентировать внимание и на вопросе психологической безопасности самого педагога в инклюзивной

образовательной среде. От готовности и мотивации педагога к осуществлению инклюзивного образования, от организованной психологически безопасной и комфортной образовательной среды школы как для обучающихся, так и для педагогов, будет зависеть социальный эффект в отношении качества инклюзивной образовательной системы [17].

Неблагоприятные психологические явления личности педагога снижают эффективность инклюзивного образования. Так, наличие у педагогов чувства психологического дискомфорта, незащищенности, неуверенности в собственной компетентности, неудовлетворенности своей профессиональной деятельностью при работе с детьми с ОВЗ, с одной стороны, и отсутствие поддержки с одновременно высоким уровнем ответственности, требований родителей, коллектива и администрации с другой, способствуют высокой вероятности отрицательного воздействия личности педагога на личность обучающегося с особыми образовательными потребностями и негативного педагогического эффекта [18].

Готовность и желание педагогов работать с детьми с ограниченными возможностями здоровья не всегда является субъективной проблемой, чаще на мотивацию педагога влияет среда образовательной организации, а именно созданные условия среды – способствующие либо снижению мотивации учителя, либо ее повышению [19].

Такое представление о роли педагога в инклюзивной образовательной среде позволяет нам заявить о том, что ресурсом, обеспечивающим психологическую безопасность в этой среде, является его готовность к организации позитивного (ненасильственного) взаимодействия с детьми на основе личностно-ориентированной модели и защищенность самого педагога в инклюзивной образовательной среде. Среда не может считаться психологически безопасной и комфортной для всех субъектов инклюзивного образования, если в ней не созданы условия, обеспечивающие удовлетворенность работой и психологическую защищенность педагога, включенного в новую для него деятельность (в нашем случае, в процесс взаимодействия с детьми, имеющими разный психофизиологический статус).

Таким образом, системообразующим компонентом инклюзивной образовательной среды, на наш взгляд, является социально-психологический компонент – это позитивное (ненасильственное) взаимодействие в общностях «учитель-ученик», «ученик-ученик», «учитель-родитель» и т.д. [20].

Обсуждение и заключения

Проведенный анализ структурно-содержательных характеристик инклюзивной образовательной среды позволил нам, исходя из концепции психологической безопасности, выделить в них ряд рисков, угрожающих ее эффективному функционированию:

1) на уровне пространственно-семантического компонента среды риском может стать не экологично организованное пространство учебного заведения, отсутствие архитектурного дизайна, соответствующего потребностям детей с ОВЗ; низкий уровень информационной доступности и специальных средств;

2) на уровне содержательно-методического компонента в качестве риска следует рассматривать несоответствие уровня требований учебного предмета возможностям учащегося с ОВЗ; трудности контакта с учителем; отсутствие мотивации; отсутствие интеграции между предметом и сложностью выполнения заданий. Основным риском является недостаточность теоретической и практической готовности учителя к организации совместного обучения детей с ОВЗ, использование педагогом учебно-дисциплинарной модели, в основе которой – субъект-объектное взаимодействие, нарушение чувства безопасности учащихся;

3) на уровне социально-психологического компонента к рискам правомерно отнести большое количество психологических барьеров взаимодействия в общности «учитель-ученики», «ученики – ученики с ОВЗ», «учитель-родитель», что может привести к неэффективным стратегиям взаимодействия, нарушающим психологическую безопасность субъектов образовательных отношений.

Психологически безопасная инклюзивная образовательная среда может одновременно рассматриваться и как основа для формирования готовности субъектов инклюзивной среды к позитивному взаимодействию, и как поддерживающий ресурс развития учащихся с разными образовательными возможностями. В свою очередь готовность субъектов инклюзивной среды к позитивному взаимодействию также может представлять собой психологический ресурс, определяющий содержание образовательных отношений.

Библиографический список

1. Дунаевская Э.Б. Психологическая безопасность образовательной среды как фактор реализации инклюзивного образования // Проблемы современного педагогического образования, 2018. № 61-4. С. 272–275.

2. Психолого-педагогическая оценка инклюзивной образовательной среды / С.А. Калашникова, Е.В. Зволейко. Чита: Забайкальский гос. ун-т, 2015. 262 с.
3. *Никулина И.Н.* Требования к инклюзивной образовательной среде: психологический аспект // Современные проблемы теории, истории, методологии инклюзивного образования: сборник научных статей по материалам VII Международного теоретико-методологического семинара / Составители Н.М. Назарова, О.Г. Приходько, Е.В. Ушакова, Н.Ш. Тюрина. 2015. С. 31–35.
4. *Богомяжкова О.Н.* Психологическая безопасность личности в условиях инклюзивного образования // Ярославский педагогический вестник, 2013. № 4. Том II (Психолого-педагогические науки). С. 245–250.
5. *Краснянская Т.М., Тылец В.Г.* Темпоральные аспекты психологической безопасности // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика, 2015. № 3. Том 15. С. 70–75.
6. Школьная среда как предмет измерения: экспертиза, проектирование, управление / В.А. Ясвин. М.: Народное образование, 2019. 448 с.
7. *Баева И.В.* Психологическая характеристика образовательной среды: диагностика и оценка // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, 2002. Том 2. № 3. С. 16–26.
8. *Алехина С.В.* Инклюзивное образование: история и современность: учебно-методическое пособие // Педагогический университет: «Первое сентября», 2013. 33 с.
9. *Беляева Т.Б., Беляева П.И.* Педагогический стиль руководства как фактор образовательной среды, влияющий на психологическую безопасность младшего школьника // Вестник Новгородского государственного университета, 2012. №70. С. 70–73.
10. *Лактионова Е. Б.* Психологические риски в образовательной среде // Психологическая безопасность образовательной среды региона: теоретические основы и практика создания. СПб: ГИЭФПТ, 2019. С. 55–72.
11. *Шахова Л.И.* Сопровождение психологической безопасности младших школьников и учащихся кадетских классов: риск-ресурсный подход // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, 2015. С.159–169.
12. Большой психологический словарь / Под ред. Б.Г. Мещерякова, В.П. Зинченко. СПб., 2006. С. 477.
13. *Тарасов С.В.* Образовательная среда современной школы: проблемы и подходы к изучению // Культурно-исторические основания создания и развития образовательной среды. СПб.: СПбГУПМ, 2002. С. 15–26.
14. *Лубовский В.И.* Особые образовательные потребности // Психологическая наука и образование psyedu.ru, 2013. №5. [Электронный ресурс] // URL: <http://psyedu.ru/journal/2013/5/Lubovskiy.phtml> (дата обращения: 15.05.2021).
15. *Акатов Л.И.* Социальная реабилитация детей с ограниченными возможностями здоровья. Психологические основы: учебное пособие для студентов высших учебных заведений. М: ВЛАДОС, 2003. 368 с.
16. *Безруких М. М.* Здоровье школьников, проблемы, пути решения // Сибирский педагогический журнал, 2012. № 9. С. 11–16.

17. *Кожанова Н.С., Болгарова М.А., Панкратьева О.С.* Проблема обеспечения психологически комфортной и безопасной образовательной среды в инклюзивном образовании // *Перспективы науки и образования*, 2019. № 4 (40). С. 307–321.

18. *Адеева Т.Н.* Психологическая готовность к инклюзивному образованию педагогов и родителей различных категорий детей: монография. Кострома: КГУ, 2017. 81 с.

19. *Поляков Л.П.* Мотивационная готовность педагогического коллектива к введению инноваций / Л. П. Поляков, А. А. Подгорнова // *Эксперимент и инновации в школе*, 2014. № 2. С. 28–32.

20. *Вачков И.В.* Полисубъектный подход к взаимодействию субъектов инклюзивной образовательной среды // *Психолого-педагогические основы инклюзивного образования: коллективная монография* / Отв. ред. С. В. Алехина. М.: МГППУ, ООО «Буки Веди», 2013. С.84–96.

21. *Баева И.А., Лактионова Е.Б.* Психологическая экспертиза образовательной среды: методологические основания и эмпирические показатели // *Человек и образование*, 2016. №3. (48). С. 19–24.

УДК 371.1

РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ ИНДИВИДУАЛЬНОГО ПОДХОДА В ПОДГОТОВКЕ БУДУЩЕГО ПЕДАГОГА-МУЗЫКАНТА

О.П. Радынова¹, И.В. Груздова²

¹*ГБОУ ВО «Московский государственный институт музыки им. А.Г. Шнитке»*

²*ФГБОУ ВО «Тольяттинский государственный университет»*

В статье рассматривается проблема индивидуального подхода в подготовке индивидуального подхода в обучении для выбора вариантов исполнительской и словесной интерпретации музыкальных образов, и возможности фортепианного исполнительского будущего педагога-музыканта на занятиях фортепиано, в русле проблемы неопределенности. Автор показывает процесс становления методик обучения искусству фортепианного исполнительства, анализирует отрицательные и прогрессивные установки и методы, обосновывает необходимость искусства в развитии творческих способностей, творческого потенциала личности будущего педагога-музыканта.

Ключевые слова: неопределенность, культура, обучение, индивидуальный подход, фортепиано, репертуар, творческие способности, варианты интерпретации, образное слово, креативность личности.

RETROSPECTIVE ANALYSIS OF THE PROBLEM OF INDIVIDUAL APPROACH IN PREPARATION OF THE FUTURE TEACHER-MUSICIAN

O.P. Radynova¹, I.V. Gruzdova²

¹*A. G. Schnittke Moscow State Institute of Music*

²*Togliatti State University*

The article discusses the problem of an individual approach in the preparation of a future musician teacher in piano lessons, in line with the problem of uncertainty. The author shows the process of formation of methods of teaching the art of piano performance, analyzes negative and progressive attitudes and methods, substantiates the need for an individual approach to teaching for choosing options for performing and verbal interpretation of musical images, and the possibilities of piano performing art in the development of creative abilities, the creative potential of the personality of the future teacher-musician.

Keywords: uncertainty, culture, training, individual approach, piano, repertoire, creativity, interpretation options, figurative word, personality creativity.

Проблема индивидуального подхода в музыкальной педагогике является одной из постоянно актуальных в силу ее связи с культурно-творческой парадигмой образования, профессионально-личностным развитием обучаемых.

В настоящее время, в связи с наблюдающимся явлением неопределенности в разных областях гуманитарных наук, разработка связанных с ним проблем позволит искать эффективные пути развития креативности личности будущего педагога-музыканта, способствующие культурному развитию общества средствами музыкального искусства.

Вместе с тем заметным явлением в социальной жизни общества сегодня в нашей стране явилось снижение интереса к музыкальному образованию, как детей, так и взрослых, снижение уровня этого образования в музыкальных школах, сокращение конкурса в профессиональные музыкальные колледжи и вузы.

Это приводит к тому, что уровень музыкальной культуры, развития способностей и профессиональных умений абитуриентов, поступивших в музыкальные учебные заведения, заметно различается. Особенно это прослеживается на занятиях фортепиано, которые являются обязательными для студентов всех факультетов и специальностей.

В овладении профессией педагога-музыканта (любого профиля) в профессиональном колледже и вузе обучение игре на фортепиано играет незаменимую роль. Именно эти занятия в большой степени способствуют

становлению профессионализма и общекультурному развитию в силу универсальности этого инструмента.

Поэтому проблема индивидуального подхода в обучении современных студентов становится все актуальнее.

Крупный отечественный культуролог М.С. Каган подчеркивал, что образование и культура не являются идентичными понятиями. Он отмечал, что для развития личностной культуры, «присвоения» культурных ценностей познавательная деятельности человека должна быть связана с ценностно-ориентационной и творческой деятельностью в реальном общении с педагогом и иллюзорно-художественным общении с создателем культурных ценностей [2, с. 660–661].

Индивидуальный подход в подготовке будущего педагога-музыканта не обеспечивается лишь формой индивидуальных занятий по фортепиано. Эта проблема затрагивает глубинные основы профессионально-личностного становления и развития студента – способности, отношение к будущей профессии, основы профессионального мастерства, креативность личности.

Проблема индивидуального подхода в обучении игре на фортепиано затрагивалась многими известными пианистами. Один из крупнейших российских педагогов-пианистов – К.Н. Игумнов указывал, что один и тот же прием в одном случае может оказаться уместным, а в другом – неуместным. «То, что хорошо одному, – объяснял он, порой негодно для другого». Занятий без учета индивидуальности он не признавал [5, с. 146]. Аналогичные высказывания мы встречаем и у других пианистов и педагогов.

Так один из замечательных российских педагогов – С.И. Савшинский писал, что каждого ученика педагог должен рассматривать как особое явление, изучать его характерные свойства и приспособлять к ним свою «школу», методику своей работы [7, с. 103].

Достижения отечественной фортепианной школы известны во всем мире. Великие педагоги-пианисты – А.Б. Гольденвейзер, К.Н. Игумнов, Г.М. Коган, Е.Я. Либерман, Я.И. Мильштейн, Г.Г. Нейгауз, А. Николаев, Л.Н. Оборин, Н.Г. Рубинштейн, А.Г. Рубинштейн, С.И. Савшинский, Е.М. Тимакин, С.Е. Фейнберг, Я.В. Флиер, М. Юдина воспитали целую плеяду знаменитых российских музыкантов, прославивших отечественную музыкальную культуру. Многие из них обобщили свои педагогические находки в книгах, методических пособиях. О методах обучения в их классе писали их ученики. Индивидуальный подход был основным принципом обучения у этих пианистов и педагогов.

Однако путь становления российской фортепианной школы был непростым. С появлением инструментов – предшественников фортепиано – клавесина, клавикордов (XVIII – XIX вв.) появились методические труды представителей так называемого механистического направления (Ф. Калькбреннер, И. Ложье и др.). Это направление учитывало конструкцию старинных инструментов, которая предполагала использовать технику «изолированных пальцев» – подъема каждого пальца, отсутствие движений кисти и не ориентировало на работу слуха и активность сознания.

Однако, несмотря на изменения со временем конструкции фортепиано, это направление оказалось очень стойким, «живучим». Г.М. Цыпин отмечает его влияние на фортепианную педагогику и в настоящее время, проявления отголосков этой методики в современных музыкальных школах, что приводит к зажатости, скованности аппарата учеников, отсутствию слухового контроля как регулятора качества игры [13, с. 20].

Позднее (XIX–XX вв.) появилось анатомо-физиологическое направление, представители которого (Р. Брейтгаупт, Ф. Штейнгаузен, Г. Прокофьев) пытались исследовать и унифицировать типы движений пианиста, основанные на использовании разных мышц. Они применяли специальные аппараты, фиксирующие работу разных мышц во время игры. Однако, вне учета стиля композитора, им не удалось раскрыть механику двигательного процесса. Проблема индивидуального подхода в этих теориях практически не затрагивалась.

Наиболее прогрессивной и современной в понимании сути процесса исполнительства оказалась психотехническая школа, представители которой утверждали приоритет слуховых представлений создаваемого образа, предшествующих движениям, как регулятора движений (Ф. Бузони, И. Гофман, А. Шнабель). И. Гофман называл эти представления «умственной техникой». К.А. Мартинсен определял это «предслышанием», «звукотворческой волей».

Идеи этих пианистов легли в основу многих отечественных методик обучения игре на фортепиано, под контролем слуха, реализуя задуманное звучание, эмоционально-осознанный творческий поиск и выбор вариантов интерпретации на основе вдумчивого анализа текста композитора, чувства стиля.

Разработка проблемы индивидуального подхода в процессе обучения в большой мере принадлежит крупному ученому – отечественному психологу – Б.М. Теплову. В своих трудах «Психология индивидуальных различий», «Психология музыкальных способностей» он глубоко

анализирует исследуемую проблему, доказывая, что способности не только развиваются в деятельности, но и создаются в деятельности. В музыкальной психологии они рассматриваются как индивидуально-психологические особенности человека, которые не сводятся к наличию навыков, умений или знаний, но могут объяснить легкость и быстроту их приобретения [11, с. 16–17]. Основное, что должно интересовать педагога, не вопрос о том, насколько музыкален тот или другой ученик, а вопрос о том, какова его музыкальность и каковы, следовательно, должны быть пути ее развития. Причем, если одна из способностей отстает в развитии, это может послужить причиной вялого развития других. «Важно вовремя устранить этот тормоз путем продуманной и совершенной педагогической работы» [12, с. 254].

Это положение обосновывает дифференцированный подход к определению степени трудности изучаемых произведений разными студентами и времени для их освоения. Способные студенты активнее реагируют на новизну и сложности текста произведения, смелее и точнее анализируют и исполняют его.

Поэтому подбор репертуара является важным компонентом индивидуального подхода к обучению, с учетом возможности продвижения ученика и темпа его обучения. Важным в выборе репертуара является его соответствие вкусам и предпочтениям студента для укрепления положительного отношения к музыке и занятиям фортепиано, но с учетом необходимости формирования художественного, эстетического вкуса.

К.Д. Игумнов высказывал свою точку зрения на важность выбора репертуара с учетом необходимости индивидуального подхода: «Нельзя играть с одинаковой искренностью всю существующую фортепианную музыку. Естественность и правдивость исполнения возможны лишь тогда, когда исполняемое произведение близко по духу исполнителю, когда оно находит в нем живой отклик, когда оно становится его личным достоянием. Должны быть близкими не только созвучия, не только форма, но и чувства, настроения, вызываемые исполняемым произведением. Когда исполнителю дороги эти настроения, появляется теплота в исполнении; когда они чужды ему исполнение становится холодным, фальшивым. Не могут все композиторы одинаково нравиться и отвечать душевной сущности исполнителя.

Можно многое принять и освоить пальцами, но душой принять можно далеко не все». Стало быть, всегда есть произведения близкие и далекие, композиторы «свои» и «чужие». И не считаться с этим художник не может. «Если композитор мне далек... я предпочитаю его не играть, ибо

лгать в искусстве не могу, не умею» ... «Главное заключается в том, чтобы передать художественные намерения автора, как свои собственные...». Искренность – самый высокий критерий в искусстве [5, с. 104–106].

Многие пианисты отмечали важность выбора репертуара, который близок студенту по душевному настрою, жанру, эмоциональному содержанию, учитывая индивидуальный уровень их пианистического и музыкально-культурного развития, опираясь на их яркие профессионально-личностные качества, и усиленно активизируя преодоление пробелов в их пианистической подготовке, в том числе, в развитии техники, художественном интонировании текста.

Можно обобщить, что индивидуальный подход в освоении репертуара предполагает разные *принципы*:

– *линейный* принцип (постепенное усложнение репертуара, освоение новых приемов звукоизвлечения, приемов работы);

– *неравномерный, скачкообразный* принцип усложнения репертуара, овладения творческими умениями («забегания вперед», «зона ближайшего развития» и возвращения назад для закрепления усвоенного);

– *принцип контрастных сопоставлений* произведений, музыкальных образов, стилей, жанров (для усиления мотивации к занятиям, расширения кругозора);

– *концентрический* принцип – опора на знакомое, подобное, возврат, повтор, закрепление знаний о стилях, приемах работы на новом витке формирования основ пианистической культуры (сочетание усвоенного и незнакомого, нового);

– принцип *адаптивности* (индивидуальный темп продвижения в освоении и применении усвоенных приемов и методов работы, проявление ценностного отношения к фортепиано, самостоятельности, творчества).

К.Д. Игумнов считал, что для начала работы с учеником необходимо «избавиться от негодного», исправить прежние дефекты в постановке двигательного аппарата, освободить руки для развития техники, в том числе – техники извлечения звука – *интонирования* мелодии.

Этот важнейший компонент исполнительской интерпретации был в центре внимания работы с учениками у великого российского педагога-пианиста – Генриха Густавовича Нейгауза, воспитавшего таких мастеров пианизма как С. Рихтер, Э. Гилельс (и многих других).

Г.Г. Нейгауз подчеркивал необходимость в самостоятельной работе добиваться непрерывного внимания к качеству звучания. Чуткое отношение к каждому звуку в отдельности и к цепи звуков, составляющих

музыкальный рисунок, является основным условием создания музыкально-исполнительского образа [6, с. 183].

Обучая специфике интонирования на фортепиано, многие великие педагоги и пианисты писали о важности «исследования» мелодических линий, как важнейшего, «говорящего» выразительного средства произведения, отыскивая наиболее яркие речевые «интонации», с кульминациями, спадами. Добиваться красоты звучания фортепиано – это техническая и одновременно музыкальная задача, говорил он. С ней справляются далеко не каждый студент. Даже относительно технически продвинутые ученики часто бывают равнодушны к поискам звуковых красок.

Крупный отечественный ученый, композитор и музыковед Б.В. Асафьев писал о специфике мелодического движения в музыке: «отдельные звуки в музыкальном потоке – «своего рода «интонационные комплексы, «сгустки», возвышенности на равнине, изгибы и утолщения... В этих узлах, концентрируется с м ы с л...» [1, с. 355]. Мелодический анализ на уроке, осознание этих смыслов рождает понимание исполняемого произведения для поиска вариантов произнесения мелодии, рождения исполнительской интерпретации.

Известно, что К.Д. Игумнов уделял внимание нахождению «интонационных точек» в предложении, фразе. От этого, – полагал он, зависит связность музыкальной речи. «Интонационные точки – это как бы особые точки тяготения, влекущие к себе, центральные узлы, на которых все строится, которые исполняются с некоторым нажимом, чтобы фраза звучала округло, гибко. Фраза сразу оживает» [4, с. 56].

Развитие тонкого тембрового и динамического слуха здесь очень важно. Эти интонационные «бугорки» (Е.Я. Либерман) подчиняющиеся осмысленной и художественно оправданной фразировке, играют огромную роль в поисках вариантов интерпретации произведения.

Осознание интонационной выразительности мелодических линий осуществляются уже на стадии разбора произведения. Воспитание культуры разбора и анализа текста также требует индивидуального подхода.

«Нотная запись многозначна», – пишет Г. Коган. «Музыкальное произведение по своей природе не однолико, а м н о г о л и к о, то есть имеет не одно, а множество обликов, из которых ни одно не раскрывает полностью, не исчерпывает всей его сущности» [3, с. 44].

В поиске наиболее оправданных вариантов исполнительской интерпретации, интонационно-осмысленного и выразительного воплощения музыкальных образов, играет образное слово. Необходимо

разъяснять ученику выразительную сущность всех композиторских ремарок, определять характер произведения, каждого образа. Этот анализ требует развития творческого умения – образной речи студента для характеристики эмоционально-образного содержания тем, интонаций, разделов формы. В понимании музыкальной речи, «чувственной программы музыкального произведения», помогают образные сравнения, метафоры, слова-эмоции (тревожно, приветливо, порывисто, нежно и пр.), подбираемые студентом сначала совместно с преподавателем, а затем самостоятельно.

С.И. Савшинский писал, что «словесное определение помогает рождению образа пианистических ощущений, и пианистических движений». «У человека нет сознательной, творческой деятельности вне мышления и оречевления. Восприятие, полученное любым из органов чувств, связывается со словами, обозначающими воспринятое. Такие слова как гневно, ласково, изящно и т.п. рождают представления соответствующих интонаций исполнения и присущий им эмоциональный тон [8, с. 64], подчеркивал, что при этом «мы оперируем мыслительно-эмоциональной сферой» [8, с. 107]. Индивидуальный подход необходим и здесь.

Г.Г. Нейгауз говорил, что, «имея дело со средними по способностям учениками..., я часто прибегаю к возбуждению их творческого воображения путем различных ассоциаций... При работе с талантливыми учениками это не так необходимо. Чем человек более талантлив, тем в большей степени музыка является для него содержательной речью» [6, с. 173].

Многие студенты не приучены к грамотному разбору текста и проявляют небрежность. Они не задумываются о смысловых оттенках композиторских ремарок. Им трудна фортепианная фактура. Они часто не замечают штрихов, мелких лиг, нюансировки.

В поисках вариантов исполнительской интерпретации необходимо показывать студенту разницу смысловых оттенков «произнесения» разных вариантов исполнения штрихов, формируя культуру разбора как уточнение исполнительского замысла, понимание интонационной выразительности текста. Такой анализ необходим для формирования творческих умений самостоятельной работы.

Вариативный *показ и поиск способов* интонирования (фраза, раздел формы) и выбор варианта интонирования студентом, совместно с педагогом – действенный прием для понимания возможности творческих поисков выражения содержания произведения.

Побуждение к поиску выразительных интонаций, мелодических «центров», «интонационных точек» в произведении *самостоятельно*, как домашнее задание студенту, рекомендуется как творческое осмысление текста для рождения вариантов интерпретации.

Беседа о форме, эмоционально-образном содержании, способах интонирования мелодических линий помогает осмыслению исполнительского замысла. Занятия фортепиано предполагают поиск вариантов исполнительской и словесной интерпретации, выразительного интонирования произведения, что способствует не только развитию музыкальных, но и творческих способностей обучаемого.

М.С. Старчеус в исследовании профессионального слуха музыканта подчеркивает, что «музыкальные свойства звучания возникают из единства звука и смысла, с которым так или иначе связано формирование всех форм и всех стратегий музыкального слуха» [9, с. 8].

В книге «Личность музыканта» раскрываются механизмы и возможности творческого развития, креативности личности обучаемого средствами музыкального искусства [10].

Таким образом, проблема неопределенности существует и в искусстве. Ее познание способствует развитию эмоций, оригинальности мышления, творческому поиску смыслов в процессе воплощения художественных образов, развитию креативности личности.

Библиографический список

1. *Асафьев Б.В.* Музыкальная форма как процесс. 2-е издание. Л. 1971.
2. *Каган М.С.* Образование, воспитание, культура // Каган М.С. Избранные труды в VII томах. Т. III. Труды по проблемам теории культуры. СПб.: ИД «Петрополис», 2007. С. 660–663.
3. *Коган Г.* Избранные статьи. Вып.3. М., 1985. 184 с.
4. Мастера советской пианистической школы. Московская консерватория: Очерки / ред. А.А. Николаева. М., 1954.
5. *Мильштейн Я.* Игумнов К.Н. и вопросы фортепианной педагогики // В сб. Вопросы фортепианного исполнительства / под ред. М.Г. Соколова. М., 1965. 245 с.
6. *Николаев А.А.* Взгляды Г.Г. Нейгауза на развитие пианистического мастерства // Мастера Советской пианистической школы. М., 1961. 237с.
7. *Савшинский С.* Пианист и его работа. М., 2002. 240 с.
8. *Савшинский С.* Работа пианиста над техникой. Л.: Издательство «Музыка», 1968. 107 с.
9. *Старчеус М.С.* Слух музыканта. М., 2003. 639 с.
10. *Старчеус М.С.* Личность музыканта. М., 2012. 491 с.

11. *Теплов Б.М.* Психология индивидуальных различий // Избр. труды. В 2 т. М., 1985. Т. 1.
12. *Теплов Б.М.* Психология музыкальных способностей. М., 2003.
13. *Цыпин Г.М.* Исполнитель и техника. М.: Academia, 1999. 183 с.

УДК 82-193.3

«ГАЗЕЛЬ» Р.М. РИЛЬКЕ: МНОГОЗНАЧНОСТЬ ЗАГЛАВИЯ КАК ЖАНРООБРАЗУЮЩИЙ ФАКТОР

Е.А. Разумовская

*ФГБОУ ВО «Саратовский государственный
университет им. Н.Г. Чернышевского»*

В статье анализируется сонет «Газель» Р.М. Рильке из книги «Новые стихотворения» (1907). Стихотворение вписывается в размышления поэта о чуждости человека природе и о единственной возможности преодоления этого в творчестве. Стихотворение анализируется с точки зрения поэтики заглавия: двойной смысл заглавия позволяет увидеть в традиционной западной форме сонета признаки газели, жанра восточной любовной поэзии. Проводя через все стихотворение двоящийся образ газели-животного и газели-поэтического жанра, Рильке отдает приоритет последнему. Органически соединив таким образом в тексте жанры сонета и газели, Рильке показывает близость и универсальное родство восточной и западной культур.

Ключевые слова: жанрообразующий фактор, Р.М. Рильке, «Новые стихотворения», сонет, газель, поэтика заглавия.

«THE GAZELLE» BY R. M. RILKE: POLYSEMY OF THE TITLE AS A GENRE-FORMING FACTOR

E.A. Razumovskaya

Saratov State University

The article analyzes the sonnet «The Gazelle» by R.M. Rilke from the book «New Poems» (1907). The poem fits into the poet's thoughts about the alienness of man to nature and about the only way to overcome this in creativity. The poem is analyzed from the point of view of the poetics of title: the double meaning of the title allows to see in the traditional western form of the sonnet the signs of the gazelle, a genre of eastern love poetry. Drawing through the whole poem a double image of the gazelle as an animal and the gazelle as a poetic genre Rilke gives priority to the second one. Thus organically combining the genres of sonnet and gazelle in the text Rilke shows the closeness and universal kinship of Eastern and Western cultures.

Keywords: genre-forming factor, R.M. Rilke, «New poems», sonnet, gazelle, poetics of the title.

«Новые стихотворения» Р.М. Рильке – книгу, в которой сам поэт, как это ясно из названия, видел начало нового этапа своего творчества, – правильнее, пожалуй, назвать авторским циклом: циклизация является здесь и важнейшим композиционным принципом, и выражает ведущую идею книги, идею всеобщей взаимосвязи. Книга, включающая в себя две части, построена не линейно. Даже если взять за основной линейный принцип расположение стихотворений, нельзя исключать появление в тексте дополнительных связей, которые объединяют отдельные фрагменты «Новых стихотворений», даже стоящие далеко друг от друга. Среди прочих выделяются два принципа циклизации: переключки заголовков и подзаголовков, а также место и время написания, обозначенные автором. Что касается единства времени и места написания отдельных стихотворений, то этот прием позволяет вычленять в общем контексте стихотворения, связанные единой идеей или настроением, даже если они расположены в разных концах книги. Примером того, как поэт применяет этот прием в своем творчестве, может служить «мюнхенский» микроцикл в раннем сборнике «Венчанный снами».

Заглавие же играет важнейшую роль в «Новых стихотворениях» Р.М. Рильке: оно не просто представляет стихотворение читателю, но, определяя главный образ, задает вектор интерпретации текста. Столь важная роль заглавия в книге приводит к мысли, что, поскольку заголовок является манифестацией каждого отдельного стихотворения, то переключки заголовков обозначает переключку образов, а значит и связи между произведениями.

Стихотворение «Газель», взятое для анализа, связано с впечатлениями от парижского зоологического сада [2, с. 256]. Размышления о взаимоотношениях человека и природы Рильке начинает в период Ворпсведе; в одноименной книге (1902), ставшей итогом жизни в этой колонии художников неподалеку от Бремена, он сначала высказывает мысль о том, что человек далек от природы, чужд ей, мал в сравнении с ней: «Пейзаж нам чужд, и страшно одиноким чувствуешь себя среди деревьев, которые цветут, и среди ручьев, которые текут мимо. Наедине с мертвецом и то не чувствуешь себя таким брошенным, как наедине с деревьями. Ибо какой бы таинственной ни была смерть, еще таинственнее жизнь, не принадлежащая нам, безучастная, празднующая свои праздники, за которыми мы, словно случайные гости, наблюдаем не без некоторого замешательства» [цит. по: 4, с. 55]. Единственное взаимодействие, которое возможно, это попытка понимания и освоения природы в творческом акте:

«... пытаться понять природу с помощью интуиции художника, справиться с ее хаосом, претворив его в гармонию» [цит. по: 4, с. 56]. Ту же мысль о необходимой связи человеческого искусства с природой он излагает в «Письмах молодому поэту» (1903): «ибо творчество духа берет начало в творчестве природы, по сути едино с ним, и оно есть лишь более тихое, восторженное и вечное повторение плотской радости», - радости зачатия и рождения [цит. по: 6, с.: 340].

Нам представляется, что пространство зоологического сада показывает взаимопроникновение, взаимовлияние отдельно стоящих друг от друга сфер - человеческого мира и мира природы, ведь зоологический сад, хотя и отражает отношения в мире природы, но создан человеком по своему образу и подобию, и представленные в нем фрагменты живой природы, созданной богом, подвергаются здесь сильной корректировке со стороны человека. Но творческий акт, воссоздание природного объекта в художественном произведении позволяет восстановить первоначальную гармонию.

В «Новых стихотворениях» есть целая группа стихотворений, связанных с зоологическим садом; для посещений парижского Jardin du Plants в часы и дни, когда сад закрыт для посетителей, Рильке даже выправил себе особый пропуск [2, с. 236]. В эту группу входят «Пантера», «Парк попугаев», «Фламинго» (эти три стихотворения связаны меж собой подзаголовком «Jardin des Plants»); к ним можно отнести и «Газель».

«Газель» интересна неоднозначностью представленного в ней образа. Рильке использует прием, который мы, вслед за С.Н. Фединым, специалистом в области комбинаторной литературы, назовем «двоевзором»: в зависимости от ракурса зрения читатель по-разному может прочесть одно и то же произведение, и образ в нем словно двоятся, то распадаясь на две составляющие, то складываясь в некое единство.

В «Газели» Рильке магистральный ракурс прочтения задается заглавием и подзаголовком: «Die Gazelle. Gazella Dorcas». В заглавие вынесено название животного, а подзаголовок дает латинское название вида по классификации Карла Линнея. Таким образом, подзаголовок весьма отчетливо определяет для читателя первообраз стихотворения: животное, относящееся к семейству антилоп.

Однако текст стихотворения не столь отчетлив. Рильке не дает описания внешности: в этом была бы оценка, присутствие его собственной точки зрения, которой он старался избежать в своих знаменитых «стихотворениях о вещах». Используя прием внезапного начала, весьма характерный для «Новых стихотворений» [см., напр.: 5, с. 70], поэт

начинает стихотворение словом «Verzauberte» («завороженная» в пер. К. Богатырева), словно просто добавляя эпитет к заглавию. Эпитет *verzauberte* стоит здесь в выделенной позиции, первым в строке, строфе и стихотворении, но не только этим притягивает к себе внимание; он задает звуковой ряд ударных гласных во всем стихотворении. Ключевыми в первом предложении являются слова, связанные со звуком, словом, стихотворением (*Einklang, Worte, Reim*). Таким образом, первый катрен открывает читателю образ колдовства словом, словесной магии, намекая, что не зрение, а слух более важен в этом стихотворении: животное изображено поэтом не на бегу, а в готовности к бегу – в состоянии настороженности, напряженного вслушивания, что прекрасно передано в переводе К. Богатырева:

Завороженная ...

<...>

Как

будто прыжками стройный стан заряжен,

но медлит с выстрелом... [7, с. 357]

Название стихотворения дает намек и на то, что образ можно интерпретировать по-другому: газель (нем. *die Ghaselle*; есть и другие варианты написания этого термина) - «основная форма персидской лирики, чаще всего любовного содержания (с гимном вину, любви, радостям жизни)» [3, с. 21]. В немецкую поэзию газель как форма восточной поэзии проникла в 1814 году, с изданием перевода стихотворений Хафиза; популярности ее немало способствовал «Западно-восточный диван» И.– В. Гете (1819). Немецкое «*die Gazelle*» отсылает читателя ко второму, скрытому в стихотворении образу (в русском переводе заглавия двойственность пропадает, поскольку оба этих вектора совпадают).

Двойственность центрального образа, введенная в стихотворение посредством заголовка, сохраняется на протяжении всего текста. Интересно, что образ этот не распадается на два равноценных, а, скорее, двоится. Этого эффекта поэт достигает при помощи переносов (так, например, перенос придаточного предложения «*solang der Hals / das Haupt ins Horchen hält*» тесно связывает меж собой терцеты) и синтаксической структуры стихотворения, которое делится всего на два предложения (1-3 и 2-14 стихи).

Двойственность заглавия перерастает и в двойственную жанровую природу стихотворения, в котором формальные признаки сонета, в частности, внешнее деление на катрены и терцеты, сочетаются с жанровыми

признаками газели, песни любви. В частности, мы видим в «Газели» Рильке намек на основную стиховую единицу восточной поэзии, двустишие-бейт (например, в образе лиры, рогов газели), и прямое упоминание в тексте жанра «любовных песен» (Liebeslieder). Рильке обращается и к образности, характерной для персидской газели: так, образ газели или лани широко использовался при описании грации и утонченности красивой женщины, а роза была распространенным визуальным образом при описании красоты любой природы. Упоминание во втором катрене стороннего наблюдателя (читатель-зритель) может быть неявной отсылкой к неременному атрибуту классической газели: к образу самого автора, который вводится обычно в последнем бейте упоминанием его имени или творческого псевдонима (тахаллуса).

Интересен в «Газели» Рильке образ купальщицы, на которую словно смотрит невидимый ей наблюдатель. С одной стороны, мы вновь видим, как двои́тся центральный образ стихотворение: газель-животное через посредство второго катрена, описывающего читателя, только что отложившего в сторону книгу и закрывшего глаза, чтобы яснее представить себе прочитанное, превращается в настороженную девушку-купальщицу, в лице которой отражается лесное озеро:

... тянешь шею ты
вся слух; как скрытая кустами
купальщица... (пер. В. Летучего) [7, с. 25]

С другой стороны, этот образ может быть аллюзией на знаменитый эпизод первой встречи влюбленных героев из поэмы персидского поэта XII века Низами Гянджеви «Хосров и Ширин»: принц Хосров видит красавицу Ширин во время купания, но она при виде незнакомого юноши отворачивается и закрывает лицо волосами. Впервые содержание поэмы переложил для немецкоязычных читателей австрийский ориенталист и поэт Йозеф фон Хаммер в начале XIX века [1].

Таким образом, Р.М. Рильке, используя многозначность заглавия, придает своему сонету черты восточного жанра любовной поэзии, газели. Сведя вместе эти два жанра, западный и восточный, Рильке продолжает традицию западно-восточного литературного синтеза, начатую в немецкой поэзии «Западно-восточным диваном» И.-В. Гете (1819). Как и Гете, он отказывается от ориентальной экзотики в качестве поэтического приема и показывает близость, взаимное отражение и универсальное родство восточной и западной культур, органически соединив их в стихотворении «Газель».

Библиографический список

1. *Hammer J., von.* Geschichte der schönen Redekünste Persiens. Wien, 1818. 466 S.
2. *Prater D.A.* Ein klingendes Glas. Das Leben Reiner Maria Rilkes. Eine Biographie. Aus dem Englischen vom F. Wagner. Muenchen, Wien: Carl Hanser Verlag, 1986. 744 S.
3. *Андреева И.И.* Древние и средневековые литературы народов СССР. Ч. 1. Таджико-персидская поэзия X-XV веков. Казань: Издательство Казанского университета, 1990. 184 с.
4. *Голенищев-Кутузов И.Н.* От Рильке до Волошина. Журналистика и литературная критика эмигрантских лет. М.: Русский путь, 2005. 336 с.
5. *Разумовская Е.А.* Линейное расположение стихотворений как циклообразующий принцип в книге «Новые стихотворения» Р.М. Рильке // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Филология. Журналистика. 2009, Т. 9. Вып. 2. С. 69-72.
6. *Рильке Р.М.* Новые стихотворения. М.: Наука, 1977. 544 с. Сер. «Литературные памятники».
7. *Рильке Р.М.* Собр. соч.: В 3 т. Т. 2. Стихотворения (1906-1926). М.: АСТ; Харьков: Фолио, 1999. 592 с.

УДК 316.752

IN SEARCH OF THE PIVOT: THE SLOVENES' ANTI-CRISIS ADAPTATION MECHANISMS

K. Rakovec¹, L.N. Talalova²

¹School of Economics and Business, Ljubljana, Slovenia,

²State University of Management

The article encompasses the coronavirus crisis which has taken place in the world and in Slovenia precisely. Appreciation of the problem by the Slovenians through the Hofstede's Cultural Dimension Theory is analyzed. The most appropriate index which is chosen for analysis is the Long-Term and Short-Term Orientation index. Different ways of Slovenians' adapting for the changed circumstances are illustrated. The given examples being the manifestation of the long-term/short-term orientation show the mechanisms how the whole society puts efforts to be united and to face the difficulties all together.

Keywords: Hofstede Model, the Long-Term/Short-Term Orientation index, tradition, adaptation for the circumstances, differentiating national cultures.

В ПОИСКАХ ТОЧКИ ОПОРЫ: АНТИКРИЗИСНЫЕ АДАПТАЦИОННЫЕ МЕХАНИЗМЫ СЛОВЕНЦЕВ

К. Ракович¹, Л.Н. Талалова²

¹Школа экономики и бизнеса, Любляна, Словения,

²ФГБОУ ВО «Государственный университет управления»

Статья затрагивает проблему кризиса, вызванного пандемией коронавируса в мире, в частности в Словении. Восприятие проблемы словенцами анализируется через призму теории культурных измерений Г. Хофстеде. Для исследования был выбран наиболее приемлемый индекс стратегического планирования – долгосрочной и краткосрочной ориентации на будущее. Рассмотрены различные модели адаптации словенского общества к изменившимся условиям. Конкретные примеры, иллюстрирующие проявление долгосрочной и краткосрочной ориентации на будущее, показывают механизмы «встраивания» нации в новые обстоятельства.

Ключевые слова: модель Хофстеде, долгосрочная/краткосрочная ориентация на будущее, традиция, адаптация к изменениям, дифференциация национальных культур.

Research on adaptation for changes using the cognitive bandwidth approach would benefit from considering the cultural schemas that influence how people perceive and prioritize needs. It can explain variation by analyzing cultural repertoires that structure nation's choices. The study using the concrete behavioral patterns of the nation under the pandemic stress can better explain implicit attitudes by addressing the variability in cultural schemas that undergird biases. We identify how the nation's long-term and short-term orientations preferences can deepen the causal understanding of human attitudes and behaviors by addressing the interaction between internal cognition and supra-individual cultural repertoires.

Slovenia is a small Central European country with a very colorful history. Looking at the retrospective of today's Slovenian land, one can see that it had been a part of the Roman Empire, the Frankish empire, the Austro-Hungarian Empire, and before establishing its independence in 1991, a part of socialistic Yugoslavia. It is located on the crossroad among the Slavic (Croatia), Romanian (Italy), Germanic (Austria) and Finno-Ugric (Hungary) nations. It all results in habits, traditions, and mentality, it would not be easily guessed from a superficial observer.

Nevertheless, «...exploring the Slovenian culture through the lens of Hofstede 6-D Model, we can get a good overview of the deep drivers of the Slovenian culture relative to other world cultures» [4]. Geert Hofstede pioneered with his cross-cultural groups research which explained the mechanisms how

these groups influence the behavior of societies [5], he played a major role in developing a systematic framework for differentiating national cultures [7].

First, having the score of 71, Slovenia reaches high on the dimension of Power Distance index, which means that hierarchical order is widely accepted and is seen as reflecting inherent inequalities. Secondly, Slovenia is considered as a collectivistic society, with a score of 27 on the dimension of Individualism – Collectivism index. On the dimension of Masculinity – Femininity index, Slovenia scores 19. It means Slovenian society is a feminine society. Consequently, people value high their equality, free time, flexibility, and well-being. 88 is the Slovenian Uncertainty Avoidance index score which shows that the Slovenes have high preference for avoiding uncertainty. On the Indulgence – Restraint index (the ability to control the desires and impulses) Slovenia scores 48. Therefore, no preference can be indicated. The same goes for Long/Short-Term Orientation index which is the dimension we are going to focus on in more detail.

As already mentioned, on the Long-Term Orientation index highlighting «perseverance and thrift versus the past/present» [8, p. 364], or society's links with its past and challenges of the future, Slovenia scores 49. It clearly shows there are no significant preferences. To sum up, there is no clear line between Slovenia being a normative or more pragmatic society. It suggests that Slovenia is a medium-term oriented country as «...in most European countries, a medium-term orientation is found» [3]. Normative nations are more likely to maintain traditions, norms and are suspicious about societal change. On the other hand, pragmatic approach brings efforts for modern education and preparation for the future.

To better understanding what medium-term orientation brings the further explanation of both extreme long and short-term orientations is needed. Long-term orientation societies are ready delaying social success for being prepared to the future, they value persistence and perseverance. These nations are also more willing to believe that everything depends on the malleable circumstances, tradition must be adaptable to them, they try to acquire the experience other countries obtain. In contrary, short-term orientation characteristic is focused on the present or past, considering them as more important than the future. Tradition, social hierarchy, fulfilling social obligations and immediate gratification are more valuable than long-term fulfillment. For short-term oriented societies it is also considered that «...a good person adapts to the circumstances always the same way, there are universal guidelines about what is good and evil, it is supposed to be proud of one's country, service to others is an important goal...» [3].

For identifying risks of the unprecedented and long-run crisis that were brought by the COVID-19 pandemic, a closer look at characteristics of the former is required. It was not like any of the global financial crisis that a modern world has ever experienced. In the contrast of the last great financial crisis in 2008, fast but careful decisions were needed in the very beginning. It was also hard to imitate other countries or establish general European/global restrictions as situation greatly depends on and varies between every country and continent. In addition, it was also spreading so fast that there was no time for huge macroeconomic analysis before acting. It also significantly impacted all the countries, people, and industries. For example, experts in aviation industry explain that some of them have worked during the global financial crisis, the SARS outbreak and 9/11. What is happening as the COVID-19 result is more serious than any of the past events [6]. Thus, the coronavirus pandemic brought the crisis that requests totally new approaches for solving it and traditional crisis management steps might not answer the problems nations are facing because of it. Even though the beginning of the crisis spread around fast, it will take a long time for societies, countries, and companies to recover and build a stable and trustworthy world again.

As the Slovenian society is considered as somewhere in between the long-term and short-term orientation, it has quite good chances and consequently the option of low risk when passing the crisis, regarding the dimension of long-term orientation. The medium-term orientation offers society more flexibility in taking the best for the given situation from long- and short-term oriented countries. The COVID-19 demanded many short-term decisions for virus to be isolated in the fastest possible time. In the same time restrictions had to be in alignment with more long-term perspective of a society. Especially in the times when the spread of the coronavirus was limited, and society started to get back on their feet.

To support the statement that the Slovenian society is really in the middle of short-term and long-term orientation, further examples of the taken measures will be presented. Slovenia was quick with loosening the virus restrictions and it was the first country in Europe to declare the end of the epidemic with the first of June 2020. Already with the first of May 2020 the pubs, bars and cafes were open, and a wider range of services was available for all the Slovenians. It shows the short-term orientation as the immediate gratification and a fast return to all the pleasure activities turned out as both important and viable. It is also true that the virus was already under a permanent control in May. That is why the government could afford to make this step, but the officials did not wait for any other European country to declare the end of the epidemic first and to see the consequences. The thrill of being the first and to re-start the economy as soon as possible to be returned to well established national growth was a manifestation of a long-term

oriented goal. Nevertheless, it turned into putting Slovenia in fifth place in the European Union on incidence rate per 100,000 population (the number of new coronavirus cases has more than doubled in one week) in the second wave of pandemic in October 2020 [1], and it even caused the protests in November [2].

Another case of combination of short- and long-term orientation is the measure that every Slovenian under the age of 18 gets 50 EUR and every Slovenian of age gets 200 EUR to spend in Slovenian touristic facilities within the period of June and September 2020. It again supports greatly the momentary joy of people who lost money for vacations during the crisis as well as it saves many touristic facilities on a long shot, as the tourism is also one of the most vulnerable industries during the today's crisis. But the measure will save many touristic facilities on the long-term and as the tourism represents 10% of the Slovenia's GDP such a support will result also in more steady growth in further years.

A good illustration of the Slovenes' cooperation-oriented adaptation for the changed circumstances is also the Christian festival of Easter. Slovenia is mostly the Roman Catholic country, and therefore Easter (the feast that took place twice already in the middle of quarantine) is a too much important Christian holiday for the sizeable part of the Slovenians (for the large cohort of the seculars too). As traditions say the holiday was always accompanied with certain sacred rituals. During the time of quarantine all the similar activities were disabled. The priests found a new innovative way of holding the spiritual-religious entity and being close to all the congregation in these depressive times. They established Facebook Live broadcast of the Easter Church Ceremony. That is how all the communities that usually meet for the holiday within the church could communicate and participate online in the most important liturgical ceremony of a year. It is a clear example of a long-term orientation where the whole society puts effort to adapt traditions to new circumstances and fully accepts it.

The Slovenes are also well known for being keen on local shopping as it is becoming more and more trendy. Because of all the restrictions that were prescript for shops working during quarantine, many small farm shops could not afford to host customers on their farms. That is why another example of tradition being redesigned has happened. The small Slovenian farms and businesses have been connected on an online platform named E-Local Farmer's Market where the customers could order the local food from the neighborhood farm and their packages were delivered to them in a fast and a no-physical-contact way. It is another sample of a long-term orientation where society keeps its tradition and habits and was rather willing to change the way of shopping than substitute products with those in supermarkets.

To conclude, it offers many benefits for society not to be strictly long-term or short-term oriented. It brings a lot of flexibility and more open-minded approach in problem solving when it comes to the unique crisis as the COVID-19 is. It is still not necessary that a society can overcome all the problems easily, it might just help with avoiding some of the risks, more stubborn societies are facing.

References

1. *Andrinek G.* Slovenia Struggles to Contain Surge in COVID-19 Cases. DW. October 22, 2020. Retrieved from <https://www.dw.com/en/slovenia-ljubljana-coronavirus-epidemic/a-55358677> (date of access: 07.05.2021).
2. *Hina.* Violence at Protests against Covid in Ljubljana, Police Intervene. № 1. November 5, 2020. Retrieved from <https://hr.n1info.com/english/news/a572332-violence-at-protests-against-covid-in-ljubljana-police-intervene/> (date of access: 07.05.2021).
3. *Hofstede G.* Dimensionalizing Cultures: The Hofstede Model in Context. Online Readings in Psychology and Culture, 2011. №2 (1). Retrieved from <https://scholarworks.gvsu.edu/orpc/vol2/iss1/8/> (date of access: 03.05.2021). DOI: [10.9707/2307-0919.1014](https://doi.org/10.9707/2307-0919.1014).
4. Hofstede Insights. What about Slovenia?, 2021. Retrieved from <https://www.hofstede-insights.com/country/slovenia/> (date of access: 03.05.2021).
5. *Laurent D.* The Insider Stance on the Hofstede's Heritage Rethinking by the Netherlands. Scientific Initiative of International Students and Postgraduates: Proc. of the I Intern. Conf. April 27–29, 2021. Tomsk: Tomsk Polytech, 2021.
6. *Pandey A.* Coronavirus Shock vs. Global Financial Crisis – The Worse Economic Disaster? DW. March 17, 2020. Retrieved from <https://www.dw.com/en/coronavirus-shock-vs-global-financial-crisis-the-worse-economic-disaster/a-52802211> (date of access: 06.05.2021).
7. *Talalova L.N., Werthschulte D.K.* Adapting Two Cultures (a Glance through the Hofstede's Cultural Dimensions Model). Functional Aspects of Intercultural Communication. Translation and Interpreting Issues: Proc. of special session “Culture and Education: Social Transformation and Multicultural Communication”, VII Intern. Scientific Interdisciplinary Conf. November 20, 2020. (Eds.) E.F. Quero Gervilla, N.L. Sokolova, & S.A. Sharonova. M.: RUDN, 2020. P. 12–18. DOI: [10.22363/2686-8199-2020-7-12-18](https://doi.org/10.22363/2686-8199-2020-7-12-18).
8. *Venai S., Zhu Y., Brewé, P.* Looking into the Future: Hofstede Long Term Orientation versus GLOBE Future Orientation. Cross Cultural Management: An International Journal, 2013. № 20(3). P. 361–385. DOI: [10.1108/CCM-02-2012-0014](https://doi.org/10.1108/CCM-02-2012-0014).

ДЕПРЕССИВНАЯ РЕПРОДУКТИВНОСТЬ ЖЕНЩИН КАК СЛЕДСТВИЕ СОЦИАЛЬНОЙ УСТАНОВКИ: 2000-2020 ГГ.

М.Н. Родштейн

*ФГБОУ ВО «Самарский государственный
социально-педагогический университет»*

В статье анализируются социально-психологические факторы, приводящие к неопределенности гендерных конструкторов мужчин и женщин и как следствию – искажению в их репродуктивной стратегии. Сравнительный анализ эмпирических исследований 2004–2006 и 2020-го годов позволил автору увидеть закрепившиеся модели репродуктивного поведения у женщин с различным типом гендерной идентичности. Андрогаенизация молодых женщин актуализирует их стремление к такой стратегии репродуктивности, при которой не страдают другие стороны самореализации, и её зависимость от возможности разделения финансовой, бытовой и моральной ответственности за ребенка с партнером или другими членами семьи.

Ключевые слова: гендерная идентичность, культурные нормы, репродуктивная установка.

DEPRESSIVE FEMALE REPRODUCTION AS A CONSEQUENCE OF SOCIAL ATTITUDES: 2000-2020

M. N. Rodshtein

Samara State University of Social Sciences and Education

In the article the author analyzes the socio-psychological factors that lead to the uncertainty of gender constructs of men and women and as a consequence a distortion in their reproductive strategy. A comparative analysis of empirical studies from 2004 to 2006 and 2020 allowed the author to see the fixed models of reproductive women behavior with different types of gender identity. Androgenization of young women actualizes their dependence on the possibility of sharing financial, household and moral responsibility for the child with a partner or other family members and desire for such a strategy of reproduction in which other aspects of self-realization do not suffer.

Keywords: gender identity, cultural norms, reproductive attitude.

Двадцать лет тому назад, в конце 90-х годов, произошла онтологическая и цивилизационная катастрофа российского общества, исповедующего материалистическую, атеистическую доктрину. Распад культурной элиты, конфликт социальных ценностей, ошибочные решения в строительстве государства, реванш сил, ведущих курс на понижение

абсолюта культуры – духовности, а следовательно, его персональных ценностей – все эти системные процессы до сих пор продолжают развиваться стихийно и непредсказуемо.

Особенно свирепой агрессии подверглась сфера традиционных культурных норм и идеалов. С индивида спадают многовековые культурные покровы, размываются границы человеческого образа, что не может не вести к его утрате. Об «одичании» как социальном явлении французский мыслитель Э. Мунье писал, что человек, теряя высоту «не то, чтобы опускается ниже среднего человеческого уровня, – он падает гораздо ниже животного» [8, с. 275]. Влечения первобытного человека подчас кажутся безобидными по сравнению с деструктивным инстинктоидным произволом человека массовой культуры: человек потребляющий вытесняет в индивиде человека мыслящего. Он утрачивает стилистическое единство и самоидентичность личности, расширяя рамки свободы в собственном произволе, разрушая связи и зависимости с культурными традициями, утрачивая способность к индивидуальной смысловой коммуникации. Трансформируется органическая семантика телесных жестов, язык музыки, живописи, драмы через примитив масскультуры. Все это следует считать достаточным основанием, чтобы определить происходящее с индивидом как острый культурно-антропологический кризис. Хайдеггеровский вопрос: «что проникает из присутствия другого (из культуры) в мое присутствие обрекается современностью на тягостную безответственность» [2].

Таким образом, складываются устойчивые предпосылки для вторичного «одичания». Снятие культурных «одежд» с биологической природы человека, отказ от исторически выверенных нормативов и запретов (якобы архаичных с точки зрения масскультуры) на формы человеческой деструкции ведет к вытеснению модели человека мыслящего моделью человека духовно обезличенного, с истощенным онтологическим чувством личности.

Пренебрегая культурой – собственной антропологической защитой, общество не осознает, что только культура есть «образование человека» в индивиде. И что вне её рутинное восприятие полагает рутинное мышление (комплекс клише, трафаретов) и рутинную аксиологию, так как последняя личностью обретается, а не изобретается.

Половая самость в человеке развивается через наследуемые формы воплощения и их инструментальные средства самовыражения, то есть через всю совокупность исторических артефактов и их соматический контекст. Времена истощения половой культуры на исторической дистанции человека зияют культурными провалами. Карлейль определил их как пошлые

безжизненные времена с их безверием, бедствиями, замешательством, с их сомневающимся и нерешительным характером, с их затруднительными обстоятельствами, времена, быстро разменивающиеся на все худшие и худшие бедствия, приводящие их к окончательной гибели.

Проблема сохранности биологического человека как вида осознается в России как демографическая. Так почему в течение 20 лет русский народ репродуктивно самоуничтожается? Этому есть достаточно причин. Демографическая успешность человека эволюционно обеспечивалась не только материальными факторами, но, по преимуществу, моногамией и развитием взаимопомощи в моногамной паре. Начиная с вида гоминид «рабидуса», обозначенные феномены позволяли сохранять большую часть потомства, что затем поддерживалось всеми монорелигиями и этническими этиками семейного поведения. Этой глобальной тенденции препятствовали только болезни, а маргинальные девиации играли роль статистической погрешности. Природные законы демографии тысячелетия были неприкосновенны.

В XX веке сексуальная революция в европейской семейной культуре пробила смертельные бреши в морали новых поколений, до сих пор не осознавших, что стали продуктом рекламного бизнеса, навязывающего гедонизм бездетности и малодетства семьи как важнейший фактор успешности её членов. При этом замалчиваются социальные риски их выживания и одиночества.

Многодетная семья – в России и большинстве европейских стран – это семья, в которой трое или более детей. В советской России многодетной считалась семья, в которой было не менее пяти детей. Деторождение в истории социальных отношений в нашей стране служило гарантированным способом самореализации женщины. Однако со второй половины XX века статус родительства и, в частности, материнства системно деградирует. Почему столь глубоко просела репродуктивность женщин российского общества несмотря на поддержку государства? Какие мощные силы сломали тысячелетние репродуктивные стандарты за последние полвека и в чём первопричина деградации репродуктивных ценностей сегодня?

С уверенностью можно сказать, что ломка образцов репродуктивного поведения началась с переориентации социальных ценностей и культурных практик коллективистского группового (соборного) характера на индивидуалистический. В такой системе социальная значимость семьи и ребенка ослабевает и приобретает значимость только как компонент индивидуальной, личностной системы ценностей. В то же время культивируемый в России андроцентризм социально одобряемых практик

самореализации снижает ценность ребенка в сознании молодых женщин, выдвигая как первичные ценности удовольствия, комфорта, профессионального роста и финансовой состоятельности. Эти глубинные социально-личностные изменения запустили процесс разрушения устойчивых репродуктивных практик и служат основой неопределенности демографического будущего России. При этом, можно подчеркнуть, что финансовая поддержка государства не способна сформировать репродуктивную установку, ориентированную на многодетность. Стимулировать ее можно только вернув внимание общества к культурным практикам общинного мироустройства.

Проблема изменения репродуктивных установок в современной России приобрела наибольшую актуальность в последние два десятилетия. 17 лет тому назад, когда явление демографической катастрофы только приобретало статистические контуры, мы попытались отыскать первопричину в исследовании «Гендерно-ролевая идентичность как фактор репродуктивной установки женщин», ведшемся на протяжении 2004-2006 гг. Анализ репродуктивной установки как психического феномена, обуславливающего положительное или отрицательное отношение к рождению детей, представления о желаемом, ожидаемом и реальном числе детей, позволил установить феномен устойчивой генофобной установки молодых женщин, вступивших в репродуктивный возраст. Так как основной репродуктивной стратой общества являются женщины, а их сексуальные и детородные функции лежат в основе культуры и символического поля существования, то ее репродуктивные установки по преимуществу определяют демографическую ситуацию в обществе. При этом исследование выявило взаимосвязь специфики репродуктивной установки с типологией гендерно-ролевой идентичности. Исследование показало, что, несмотря на общую фрагментарность «картины» отражаемой ситуации, представления женщин с феминной идентичностью отличаются детоцентричностью, непротиворечивостью, позитивным аффективным сходством; представления женщин с андрогинной идентичностью отличаются смысловой диффузией и нефиксированностью на объекте репродукции; интегрирующая сила ядра представлений женщин с маскулинной идентичностью основана на неготовности к материнству. Для репродуктивной установки женщин с маскулинной идентичностью характерны репродуктивная пассивность и вследствие этого – стойкая негативность по отношению к репродуктивной роли, детям в целом в силу ориентации на отказ от полоролевой репродуктивной функции [4].

Данный феномен многие исследователи гендерного дисплея объясняют проявлением процессов глобализации в различных сферах не только социальной, но и личной жизни. Консервативные гендерные отношения закрепляют за женщинами традиционные роли и формируют барьеры для их выхода из этого узкого круга. Одним из механизмов сдерживания женского потенциала оказывается внутренняя мизогиния – принижение значимости женщин и женского в общественном пространстве, которое создается и транслируется самими женщинами [3]. Пытаясь снять эти барьеры, женщины стремятся уйти из поля сугубо женской деятельности, изменяя не только внешние обстоятельства, но и внутренние психологические характеристики. Интеграция российского общества в систему мировой экономики, способствует и внедрению инокультурных социальных практик. К ним можно отнести и обесценивание института брака, и закрепление нормативности рождения внебрачных детей, и ориентацию на бездетную или малодетную семью и перенос рождения ребенка на более зрелый возраст. Модные тенденции подталкивают молодых женщин и девушек к отказу от традиционных семейных ценностей и выбору стратегии самореализации, руководствуясь маскулинным целеполаганием. Унификация гендерного дисплея снижает ценность «женских» практик, взамен чего фокусируется претензия на значимость достижений только в «мужском» пространстве. При этом агрессивная пропаганда гендерного равенства способствует деградации как женской, так и мужской психологии.

Такие выводы были сделаны нами в исследовании репродуктивной установки молодых женщин, начатый 17 лет тому назад. Трансформация репродуктивного поведения женщин «продемонстрировала» социально-психологическую депрессию генофилии в репродуктивной установке и неготовность этой страты к ее реабилитации. Что же изменилось за этот период? Согласно данным Росстата, с 2016 года естественный прирост населения исчисляется в минусовых значениях и это число неуклонно растет, фактически сводя на нет все старания государства в сфере демографической политики. Достижения 2013-2015 гг. в уровне рождаемости, когда количество рожденных перекрывало количество умерших, резко сошли на нет при возросших экономических и социальных рисках. При этом, согласно статистическим данным, дисбаланс произошел именно за счет снижения рождаемости, а не увеличения смертности. Усугубляется ситуация тем, что в репродуктивный возраст вступило малочисленное поколение 90-х, которое в 1,7 раз меньше, чем поколение 80-х. В связи с этим показатель рождаемости опустился до 1,49 ребенка на

одну роженицу. Президент России в 2012 году продекларировал необходимость трехдетной семьи для обеспечения демографической стабильности, тем не менее ясно обозначился кризис рождаемости [9]. Указанные статистические данные по-прежнему подчеркивают актуальность исследований репродуктивной установки и поиск психологических драйверов деторождения.

Исследование 2020-2021 гг. по выявлению причин вариативности репродуктивной установки молодых женщин репродуктивного возраста показало, что переход в иное психическое время связан с изменением способов адаптации и личностной самореализации. Половое самоопределение женщин репродуктивного возраста становится слабее связано с ценностями продолжения рода, и эти усиливающиеся тенденции нуждаются в изучении не только на уровне порождающих психологических механизмов, но и на уровне функциональных последствий психологического растождествления тела и социального пола. В связи с этим изучение взаимосвязи типологии гендерно-ролевой идентичности женщины и ее субъективной настройки на материнство соответствует актуальному социальному запросу. Изучение социально-психологических детерминант репродуктивности широко представлено в работах, посвященных психологии материнства. Это исследования, посвященные психологии женщин, широко известны: Д.В. Винникот, С.Де Бовуар, А.Я. Варги, И.Ю. Хамитовой, А.Г. Винрявского, Г.П. Киселева. В работах Р.Ж. Мухамедрахимова представлено авторское видение межличностных отношений матери и ребенка. В работах С.Ю. Мещеряковой и Л. Молнар освещаются проблемы психологической готовности женщин к материнству. Исследования Р.В. Овчаровой, Н.Л. Пушкаревой, В.А. Рамих, Г.Г. Филипповой, Т.Б. Щепанской посвящены концептуальным вопросам психологии материнства.

Уже несколько десятилетий в психологических исследованиях обсуждается процесс деконструкции гендерно-ролевых стандартов и стереотипов и влияние этого процесса на гендерно-ролевую идентичность мужчин и женщин (И.С. Кон, Е.Т. Соколова, Н.Л. Пушкарева). Эти процессы вносят диссонанс в когнитивные модели мужественности / женственности и отвержение или искажение функций, связанных с полом в связи с утратой их определенности, целостности и дифференцированности (В.Ф. Петренко, С. Бем, Ш. Берн, Ф. Зимбардо).

Попытки анализа кризисных явлений в репродуктивных практиках, связанных с гендерно-ролевой идентификацией женщин не получили парадигмального характера и развиваются в различных направлениях

социальной психологии весьма ограничено. На фоне негативных результатов демографической статистики проблема анализа её причин осложнена идеологическим андроцентризмом социальных ролей поколения детородного возраста и общественными дискурсами о закономерности отмирания материнского «инстинкта» как прогрессивной трансформации половых ролей.

В связи с сохраняющимся неблагополучием психологического воспроизводства родительского поведения, утраты семейных институтов передачи материнских и отцовских образцов поведения, научный анализ психологических причин депрессии репродуктивности женщин и драйверов деторождения и продуктивного родительства сохраняет характер социального заказа. Характер поиска определяется анализом социально-психологических причин депрессии репродуктивной установки женщин детородного возраста.

Кризис гендерно-ролевой идентичности современных молодых женщин возникает объясняется унификацией психологического пола и социальных ролей женщин, а также отчужденностью от предписаний культуры биологического пола и его функциональной специфики. Нельзя не прислушаться к предупреждению Э. Левинаса, что, если «самость ...сводится к одинаковости/тождественности и расщеплению одинаковости и игнорирует другую самость – это рискует закончиться уничтожением рода» [7].

Изменчивость гендерно-ролевой идентичности женщин служит сегодня инструментом манипуляций, порождая депрессивные формы репродуктивного поведения. Репродуктивная установка женщин в фазе настройки на родительство является внутренней позицией отношения женщины к деторождению и интерпретацией материнской роли. С психологической точки зрения, она является переживанием желанности или нежеланности деторождения, настройкой на генеративность или ее отвержение. Изучение тенденций, наметившихся в репродуктивных установках женщин 17 лет назад и современных данных, позволяет нам увидеть сформировавшиеся устойчивые конструкты у женщин репродуктивного возраста.

Так как в современном российском обществе большая часть женщин отличается андрогинной гендерной идентичностью и ролевым репертуаром, нами была особенно внимательно изучена эта категория. Женщины с андрогинной идентичностью отличаются отсутствием аутентичности в силу противоречивости репродуктивных представлений. Репродуктивная установка у женщин с андрогинной идентичностью ослабевает по мере

роста социальных препятствий. Андрогиные женщины придерживаются «сбалансированной» репродуктивной стратегии. Стремясь к партнерской модели семьи и личностной самореализации, они не идут на расширение семьи без возможности обеспечить баланс разных сфер жизни. К рождению ребенка подходят рационально. Репродуктивная стратегия андрогинных женщин менее зависима от института брака, но зависима от возможности разделения финансовой, бытовой и моральной ответственности за ребенка с партнером или другими членами семьи.

Маскулинные женщины ориентированы на андроцентристские ценности и не склонны психологически погружаться в родительскую роль. Однако именно маскулинные женщины могут реализовать стратегию многодетности в силу психологической независимости от института брака и установок брачного партнера. В силу психологической автономности такая женщина может принять решение о рождении очередного ребенка, руководствуясь личными, а не социальными мотивами.

Феминные женщины в большей степени ориентированы на семейные ценности и роли, но чрезвычайно зависимы от института брака и репродуктивной установки брачного партнера. Для реализации многодетной репродуктивной стратегии им нужна внешняя поддержка и одобрение. В ситуации массового мужского протеста против многодетности эта стратегия не реализуется.

Таким образом, сравнительный анализ репродуктивной установки в 17-летнем интервале позволяет увидеть оформившиеся репродуктивные стратегии у женщин с различным типом гендерной идентичности. И учитывая тот факт, что 80% женщин репродуктивного возраста имеют андрогиновую гендерную идентичность, прогнозировать всплеск рождаемости не представляется возможным, так как баланс возможностей с материальной и социальной точки зрения в современном Российском обществе пока не достигим.

Библиографический список

1. *Бредникова О.* Изменение концепций современной семьи и новые репродуктивные технологии // *Семья и семейные отношения: современное состояние и тенденции развития* / Под редакцией Д.З. Саралиевой. Н. Новгород: Издательство НИСОЦ, 2008. С. 124–126.
2. *Бредникова О., Нартова Н.* Нарушая молчание: дискриминация женщин в пространстве Новых репродуктивных технологий (НРТ) // *Современная женщина, семья, демография. Актуальные исследования* / Под общей ред. О. Здравомысловой. М.: Звенья, 2007.

3. Захарова Е., Савинская О. Женщины против женщин: как девушки включаются в поддержание патриархата // Forbes woman, 2017 [Электронный ресурс] // URL: <https://www.forbes.ru/forbes-woman/347051-zhenshchiny-protiv-zhenshchin-kak-molodye-devushki-vklyuchayutsya-v-podderzhanie>
4. Родштейн М.Н. Кризис репродуктивной психологии женщин. (монография) Кризис репродуктивной психологии женщин. LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co/ KG Heinrich-Bocking-Str. – Germani, 2012. 241 с.
5. Родштейн М.Н. Социокультурные основания гендерной идентичности: учебно-методическое пособие. Самара: Издательство СГСПУ, 2017. 194 с.
6. Карлейль Т. Теперь и прежде. М., 1906. С. 15 [Электронный ресурс] // URL: http://www.marsexx.ru/lit/karlel-proshloe_i_nastoyashee.html
7. Левинас Э., Деррида Ж. Избранное: Тотальность и бесконечное / Составитель С.Я. Левит; Перевод И.С. Вдовиной, Б.В. Дубина, Н.Б. Маньковской; Жак Деррида «Насилие и метафизика» в переводе А.В. Ямпольской. Сер. Книга света. М.: ИД Университетская книга, 2020 [Электронный ресурс] // URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22269432>
8. Мунье Э. Манифест персонализма. М:Республика, 1999. 275.
9. Население Росси: численность, динамика, статистика. – 11.05.2021 [Электронный ресурс] // URL: <http://www.statdata.ru/russia>

УДК 159.9

ЖИЗНЕСТОЙКОСТЬ И ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЕ МОТИВАЦИИ ОНКОЛОГИЧЕСКИХ БОЛЬНЫХ КАК ФАКТОРЫ ПРЕОДОЛЕНИЯ СТРЕССОВЫХ СИТУАЦИЙ ЗАБОЛЕВАНИЯ В СИТУАЦИИ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

Н.А. Русина, С.В. Швецова, А.Д. Соловьева¹, В.Н. Димова²

*¹ФБГОУ ВО «Ярославский государственный
медицинский университет»*

*²ГБУЗ Ярославской области «Областная клиническая
онкологическая больница»*

В статье приводятся результаты исследования поведения и состояния онкологических больных в ситуации прохождения лечения, представляющей собой стрессовый опыт и ситуацию неопределенности. Анализируется феномен посттравматического роста (РТГ). Для группы онкологических пациентов подтверждена гипотеза о наличии среди испытуемых переживаемого феномена РТГ, о чем говорят их повышенные показатели жизнестойкости, экзистенциальных мотивации.

Ключевые слова: онкологическое заболевание, стресс, жизнестойкость, экзистенциальные мотивации, совладание, посттравматический рост.

RESILIENCE AND EXISTENTIAL MOTIVATIONS OF CANCER PATIENTS AS FACTORS OF OVERCOMING STRESSFUL SITUATIONS OF THE DISEASE IN A SITUATION OF UNCERTAINTY

N.A. Rusina, S.V. Shvetsova, A.D. Solovyova¹, V.N. Dimova²

¹Yaroslavl State Medical University

²Yaroslavl Regional Clinical Hospital

The article presents the results of a study of the behavior and condition of cancer patients in a situation of undergoing treatment, which is a stressful experience and a situation of uncertainty. The phenomenon of post-traumatic growth (PTG) is analyzed. For a group of cancer patients, the hypothesis of the presence of the experienced PTG phenomenon among the subjects was confirmed, as evidenced by their increased indicators of resilience and existential motivation.

Keywords: cancer, stress, resilience, existential motivations, coping, post-traumatic growth.

Рак обычно воспринимается как опасное для жизни и потенциально травматическое заболевание, восприятие которого усугубляется его внезапным началом и неконтролируемым характером. Кроме того, больные раком имеют дело с драматическими изменениями в жизни, к которым они должны адаптироваться на протяжении всего курса лечения. Все это создает для пациента ситуацию высокой степени неопределенности. Тем не менее, несмотря на значительные страдания, связанные с диагностикой рака и его лечением, многие больные раком проявляют замечательную устойчивость.

Одним из широко известных объяснений личностного роста после травмы является теория посттравматического роста (PTG). PTG – это термин, используемый для обозначения положительных психологических изменений, вызванных борьбой людей с трудными обстоятельствами. Термин, предложенный Р. Тедески и Л. Кэлхоун (Tedeschi and Calhoun), появился в середине 1990-х годов [10]. Существуют различные модели PTG, в которых даются характеристики PTG [3]. Современные исследования PTG проводятся среди людей, перенесших различный травматический опыт, в результате которого происходят различные положительные изменения отношения к себе, к другим людям, к жизни; изменения ценностей и смыслов; возникновение новых возможностей; экзистенциальная переоценка в духовной сфере [2; 5; 8].

Эмпирические исследования свидетельствуют: посттравматическое развитие может носить не только положительный характер, могут наблюдаться и негативные изменения; они могут чередоваться.

Специалисту не стоит ориентироваться на то, что позитивные изменения — это необходимый этап восстановления. Возникающие изменения заставляют нас подумать, что главным является то, как мы сами изменяем события, как справляемся с ними, но не сами, даже если они оказываются небезопасными и травматичными для человека [1]. «Нас беспокоят не сами события, а наше восприятие этих событий» (Эпиктет).

Считается, что многие типы травматических событий стимулируют РТГ. Опыт диагностики и лечения рака является очень стрессовым и потенциально травмирующим. Обнаружение того, что у человека опасное для жизни заболевание, может быть шокирующим и травматичным, потому что сам диагноз оказывает травматическое воздействие на жизнь некоторых пациентов, а течение болезни часто подрывает предположения людей о неуязвимости, предсказуемости и контроле.

Тем не менее, многие пациенты, пережив неприятное известие, проявляют рост просоциального поведения через оказание помощи пациентам с более тяжелым состоянием, выполняют волонтерскую работу.

Неизбежность смерти, связанная с раком, часто является, по мнению Вейсмана (Weissman), одной из первых конфронтаций людей с собственной смертностью, порождает «экзистенциальное бедственное положение» и описывает обострение мыслей о своем существовании и потенциальной возможности не существования после постановки диагноза рака. С тех пор экзистенциальное тяжелое положение рака стало основным объектом внимания в литературе по психосоциальной онкологии.

Различия также существуют в начале, возникновении и продолжительности тяжелого экзистенциального положения. Знаменательное исследование Вейсмана и Уордена [11] конкретизировало экзистенциальное тяжелое положение рака, начиная с постановки диагноза и до тех пор, пока дистресс не исчезнет примерно через 100 дней после этого. Однако некоторые пациенты могут испытывать более неясное явление, которое нарастает и ослабевает на протяжении всего пути преодоления онкологического заболевания — усиление в переходных точках, для которых характерна большая неопределенность. Чтобы объяснить эти различия, исследователи предполагают, что степень дистресса, испытываемого пациентом, связана не с объективным прогнозом, на который указывает гистологическая стадия рака, а, скорее, с оценкой угрозы жизни, связанной с раком.

Теория смысла утверждает, что люди обладают «глобальным смыслом», который представляет собой персонализированную жизненную схему, построенную на наборе убеждений и предположений, чтобы

обеспечить чувство порядка и цели в жизни. Этот глобальный смысл основан на наборе иллюзий, которые характерны и необходимы для нормального психического здоровья. Такие иллюзии включают чрезмерно позитивные убеждения о себе и ожидания того, что завтра всегда будет, что хорошие люди заслуживают того, чтобы с ними происходили хорошие вещи, что можно планировать будущее на будущее и что будущее выглядит светлым. Этот набор позитивных иллюзий обычно остается неизученным, пока что-то не пойдет не так, например, пока у пациента не будет диагностирован рак. Когда его поражает рак, система убеждений, которая когда-то обеспечивала чувство стабильности, близости и безопасности, ставится под сомнение. Цели, которые были поставлены на будущее, могут больше не казаться реалистичными или достижимыми. Похоже, что «экзистенциальное тяжелое положение рака» может относиться к тому, что сейчас известно в современной литературе как «поиск смысла» – нормативный, но тревожный психологический процесс.

Общие **цели** нашей работы заключались в следующем:

- 1) изучить, какие факторы могут усилить или ослабить жизнестойкость и экзистенциальную мотивацию онкологических больных;
- 2) изучить взаимосвязь между жизнестойкостью, посттравматическим ростом и результатами психического здоровья;

Процедура и методы исследования. Для того чтобы определить общее направление тех психологических аспектов человека, которые позволяют справиться с ситуацией, с высокой вероятностью вызывающей дистресс, приводящий к различным психическим расстройствам, таким как расстройства адаптации, тревожные и депрессивные расстройства, были выбраны три методики оценки качества жизни.

– Тест экзистенциальных мотиваций (ТЭМ) предназначен для субъективной оценки реципиентом степени реализации в своей жизни фундаментальных экзистенциальных мотиваций и степени экзистенциальной исполненности своего бытия-в-мире согласно концепции А. Лэнгле [9]. Тест выявляет четыре фундаментальные экзистенциальные мотивации; первая фундаментальная мотивация (ФМ) – Фундаментальное доверие; вторая ФМ – Фундаментальная ценность; третья ФМ – Самоценность; четвертая ФМ – Смысл жизни [4]. На первом уровне человек отвечает на вопрос: могу ли я быть в этом мире. Для онкологического больного это ответ не вопрос: буду ли я вообще жив в такой ситуации. Для второй фундаментальной мотивации ставится вопрос: нравится ли мне жить? Если человек стоит перед лицом смерти, этот вопрос уходит из поля зрения (например, в терминальной стадии заболевания раком), но если

человек борется за свою жизнь, улучшает качество жизни, выздоравливает, побеждает страхи, то вопрос снова на повестке дня, потому что человек ответил на главный вопрос: он может жить в этом мире. Согласно третьей мотивации, человек решает для себя вопрос, может ли он доверять собственным оценкам, имеет ли он сам ценность в этом мире, и отвечает на вопрос: могу ли я быть таким, какой я есть (в ситуации болезни: больным, слабым, зависимым и т.д.). На четвертой мотивации перед пациентом возникает вопрос: что я должен делать теперь, когда я болен, слаб, бессилен. И это вопрос, который адресуется будущему: а есть ли у меня это будущее.

– Тест жизнестойкости (Hardiness Survey) предназначен для исследования факторов, способствующих успешному совладанию со стрессом и снижению внутреннего напряжения. Жизнестойкость понимается как некая экзистенциальная смелость, позволяющая мало зависеть от возникающих переживаний, и преодолевать постоянную ситуативную тревогу при неопределённости и необходимости выбора. Использовался вариант опросника жизнестойкости С. Мадди The Personal Views Survey III-R (2001). Шкалы: Вовлеченность. Контроль. Принятие риска.

– Опросник «Способы совладающего поведения» Р. Лазаруса опирается на когнитивную модель совладания Р. Лазаруса. По этой модели способы совладания зависят в большей степени от стрессовой ситуации, а не от личностных качеств человека. Копинг-стратегия демонстрирует степень эмоциональных, когнитивных и поведенческих усилий по преодолению стресса. Выявляются две базовые стратегии совладания – проблемно-фокусированный и эмоционально-фокусированный копинги. Шкалы: Конфронтационный копинг. Дистанцирование. Самоконтроль. Поиск социальной поддержки. Принятие ответственности. Бегство-избегание. Планирование решения проблемы. Положительная переоценка.

Для исследования были выбраны две основные группы людей с различным социальным статусом (образование, работа, семья и так далее):

30 человек с онкологическими заболеваниями от 30 лет.

30 человек без онкологических заболеваний, в возрасте от 30 лет.

База исследования: Исследование среди онкологических больных проводилось на базе ЯОКОБ в 2020-2021 гг. Исследование условно здоровых проводилось на базе сети Интернет и выдачи методик очно.

Для обработки результатов использовали непараметрические методы исследования различий между независимыми выборками: критерий U Манна-Уитни, результаты анализа представлены в таблице 1, таблице 2, таблице 3; корреляционный анализ данных методом ранговой корреляции

Спирмена. Статистическая обработка производилась с использованием ЭВМ и пакета программы обработки данных «Statistica 10».

Описание и интерпретация результатов

Таблица 1

Результаты сравнительного анализа экзистенциальных мотиваций в исследуемых группах (по критерию U Манна-Уитни)

	Средние значения		Уровень значимости p
	Условно здоровые	Онкобольные	
Опора	5,93	7,00	0,02049023*
Пространство	4,33	6,10	0,00705074**
1ФМ	15,13	18,23	0,00436348**

* уровень значимости $p < 0,05$,

** уровень значимости $p < 0,01$

Были выявлены значимые различия между группами условно здоровых реципиентов и онкологических пациентов. По результатам статистической обработки выяснилось, что онкологические больные имеют более высокие показатели по 1-й фундаментальной мотивации, а именно «опора» и «пространство», чем условно здоровые респонденты, что характеризует их как людей, которым необходимо пространство для жизни и развития, а также как имеющих по жизни надежную опору (таблица 1). Основное содержание первой фундаментальной мотивации, персональной переработки – принять и выдержать. Для онкологического больного это означает принять свою болезнь, пережить все трудности, выжить и жить. Поэтому и в целом показатель 1-й ФМ значимо выше у онкологических больных.

Таблица 2

Результаты сравнительного анализа показателей жизнестойкости в исследуемых группах (по критерию U Манна-Уитни)

	Средние значения		Уровень значимости p
	Условно здоровые	Онкобольные	
Вовлеченность	30,87	40,23	0,01024532*
Контроль	22,27	28,50	0,02219511*
Жизнестойкость	67,13	84,47	0,02917250*

* различия на уровне значимости $p < 0,05$

Полученные значимые различия в таблице 2 указывают на то, что у онкологических больных значительно выше общий показатель жизнестойкости, в сравнении с условно здоровыми. Поскольку жизнестойкость – это система убеждений человека о себе, мире, отношениях с миром, то очевидно, что система убеждений онкологических больных устойчива. Важно отметить, что онкологические больные получают больше удовольствия от собственной деятельности, чем условно здоровые, они все, как правило, сублимируют в работу. Работа является для них приоритетом в жизни, они успешны в своих достижениях в работе. Онкологические больные убеждены в том, что активность продолжится. Первый вопрос, который они задают после операции: когда я смогу выйти на работу.

Различия между группами условно здоровых реципиентов и онкологических больных показали (таблица 3), что респонденты первой группы чаще, чем онкологические больные, используют конфронтативные копинги для решения возникающих перед ними проблем. Использование копинга «бегство – избегание» может означать, что в борьбе со стрессом условно здоровые предпочитают агрессивные реакции по изменению ситуации или мысленно придумывают, а затем предпринимают поведенческие действия, которые приводят к бегству или избеганию проблемы. Онкологические больные в своей жизни предпочитают создавать положительные значения происшедшего, переоценивают ценности, фокусируются на саморазвитии. Это подтверждает поиск новых смыслов онкологическими больными.

Таблица 3

Преобладающие стратегии совладающего поведения в изучаемых группах (по критерию U Манна-Уитни)

	Средние значения		Уровень значимости p
	Условно здоровые	Онкобольные	
Конфронтативный копинг	9,60	6,87	0,00054761***
Бегство – избегание	13,00	10,37	0,01724670*
Положительная переоценка	10,67	13,80	0,00928097**

* уровень значимости $p < 0,05$,

** уровень значимости $p < 0,01$

*** уровень значимости $p < 0,001$

Полученные результаты были обработаны методом корреляционного анализа по Спирмену с учетом деления на 2 выборки респондентов с онкологией и контрольную выборку (условно здоровых).

Результаты корреляционного анализа фундаментальных мотиваций и жизнестойкости в группе онкобольных

	Экзистенциальные мотивации			
	1-я	2-я	3-я	4-я
Показатель жизнестойкости	0,51**	0,51**	0,64***	0,61***

** уровень значимости $p < 0,01$

*** уровень значимости $p < 0,001$

Среди онкологических больных была выявлена очевидная взаимосвязь между шкалами экзистенциальных мотиваций и жизнестойкости (таблица 4), которая говорит нам о следующей взаимосвязи: чем интенсивнее пациенты проявляют первое, тем сильнее они склонны ко второму. Возможно, стремление чувствовать самоценность и понимать свое бытие, видеть в нем смысл, усиливает жизнестойкость онкологических больных. Это подчеркивает мысль о том, что чем сильнее пациент чувствует удовлетворение от исполненности того, что им задумано, принято, что задуманное сбывается, что ценности его неизменны, несмотря на болезнь, тем выше жизнестойкость пациентов. Они к этому привыкли по жизни!

Такая сильная корреляция может говорить нам о том, что у онкологических больных на систему убеждений о себе и мире, влияют возможность его бытия в этом мире, ценность самой жизни, самоценность и значимость самого себя, а также философский (религиозный) смысл. Такое осознание дает человеку возможность жить, действовать, творить, ставить новые задачи, несмотря на болезнь, думать о будущем и ценностях, которые для него значимы. В этом случае жизнь сохраняет значимость, иногда приобретает новую ценность и новый порядок.

Следуя 1-й фундаментальной мотивации для свободного бытия, человек должен иметь различные возможности выбора. Ему необходимо как физическое пространство, так и психологическое: в семье, на работе, свобода в своих чувствах, желаниях, мыслях. Только в таком случае он чувствует себя психологически защищенным, принятым другими людьми в обществе, в отношениях. Опору он ищет в законах природы, в закономерностях социальной жизни и в своих способностях, знаниях, убеждениях, опыте [9]. Пациент, заболевший онкологией, таким и был до болезни. Он сам мог быть опорой. Брал на себя ответственность, достигал успеха в работе, в жизни, в семье. А теперь он перестает иметь такую опору внутри себя. Кроме того, тяжело переживает, что перестает быть опорой

другим людям. Психотерапия и психологическая коррекция должна быть направлена на изменение ограничивающих убеждений, не позволяющих ему принять свою слабость.

Следуя 2-й фундаментальной мотивации, человек старается радоваться жизни; соотнося свою жизнь с отношениями с другими людьми и с ценностями мира. Возникает переживание времени. Время и психологическая близость к людям делают возможным возникновение эмоциональных переживаний, позволяя возникнуть чувствам удовольствия и радости, страдания и боли. Эмоции отражают субъективное восприятие человеком качества своей жизни [9]. В этой связи в нашем последующем исследовании мы собираемся изучать восприятие временных отрезков прошлого, настоящего и будущего у пациентов онкологической клиники в сравнении со здоровыми реципиентами и пациентами других нозологий. Отношения с другими людьми и ценности, оценки времени существенно меняются в результате болезни.

Согласно 3-ей фундаментальной мотивации для человека важен вопрос собственной самооценки: «имею ли я право быть таким, какой я есть». Для онкологических пациентов эта мотивация очень значима, они ранимы, тревожны, поэтому она защищает их от обиды, несправедливой критики или оценки. При том, что они в значительной степени ориентированы на нормативность. В данном случае он должен понять, что он может быть таким: больным, слабым, с изменениями собственной телесности, беспомощным (а он привык полагаться только на себя), зависимым, научиться принимать помощь. Как правило, онкологические больные являются созависимыми от работы, предмета, другого человека, растворяясь в них. Он должен научиться любить себя, осознавать собственную ценность, повысить самооценку, уйти от внутренней конфликтности и самообвинения (подобные выводы мы получали в наших ранних исследованиях самоотношения у онкологических больных [7]).

4-я фундаментальная мотивация свидетельствует о наличии смысла бытия или об экзистенциальном вакууме, пустоте — чувстве глубокого разочарования жизнью, переживания ее бессмысленности. До болезни пациенты точно знали, для чего живут. Болезнь разрушила их уверенность в контроле процесса жизни. Нарушение экзистенциального смысла бытия приводит человека (в данном случае пациента) к депрессии. Нередко, столкнувшись с фактом заболевания, больные начинают осмысливать свою жизнь по-другому, отвечая на вопрос, чем для них является болезнь. У онкологических больных есть два варианта: сохранение старых смыслов (и тогда быть в экзистенциальном кризисе) или преобразовывать смыслы,

выстраивать новые [7]. Выбирая второй путь, они способны изменить свой мир, свои ценности, преобразовать жизнь, улучшить качество жизни, нередко избавиться от болезни.

Также выявлена корреляция между жизнестойкостью и совладающим поведением, а именно субшкалой «планирование решения проблемы» (таблица 5).

Таблица 5

Результаты корреляционного анализа жизнестойкости и стратегии совладающего поведения в группе онкобольных

	планирование решения проблемы
жизнестойкость	0,39*

*уровень значимости $p < 0,05$

Согласно результатам, представленным в таблице 5, можно предположить, что у онкологических больных, чем с повышением жизнестойкости, повышаются произвольные проблемно-фокусированные усилия по изменению ситуации, включающие аналитический подход к решению проблем.

В результатах также наблюдается сильная взаимосвязь между субшкалой жизнестойкости «принятие риска» и 1-й, 3-ей и 4-й фундаментальными мотивациями, а именно: возможностью бытия в мире, нахождением в нём смысла, а также самоценностью, которая проявляется следующим образом (таблица 6).

Таблица 6

Результаты корреляционного анализа принятия риска и экзистенциальных мотиваций в группе онкобольных

	Экзистенциальные мотивации		
	1Ф	3Ф	4Ф
Принятие риска	0,58***	0,65***	0,64***

*** уровень значимости $p < 0,001$

Можно предположить, что поскольку для онкологических больных, жизнь является способом приобретения опыта, при этом они готовы действовать даже при отсутствии гарантий успеха, на свой страх и риск, то смыслом своей жизни они считают саму жизнь, возможность самого бытия в мире. Именно в таком случае они имеют высокое чувство самоценности, способны принимать аутентичные решения. Стоит отметить, что

онкологическим больным необходимо осмысление ситуации, возможно, её религиозной составляющей, ведь известие о неизлечимой болезни заставляет задуматься о своём будущем. Для них любой опыт — позитивный или негативный — способствует развитию, личностному росту. Смеем утверждать, что именно за счет этой уникальной способности онкологического больного и происходит посттравматический рост. Такое философское осмысление онкологических больных объясняет их жизнестойкость и принятие риска.

Далее рассмотрим корреляции экзистенциальных мотиваций и совладающего поведения в группе больных (таблица 7, таблица 8).

Таблица 7

Результаты корреляционного анализа стратегии совладающего поведения и ФМ в группе онкобольных

	Экзистенциальные мотивации	
	2ФМ	3ФМ
Стратегия Планирование решения проблемы	0,46**	0,46**

** уровень значимости $p < 0,01$

Субшкала «планирование решения проблемы» имеет среднюю корреляцию со 2-й и 3-ей фундаментальными мотивациями. Это означает, что, чем выше соотношение с жизнью для переживания ценностных оснований и чем выше осознание права быть собой (индивидуальность, встреча как источник аутентичности), тем выше планирование решения проблемы. Согласно этим мотивациям, человеку необходимо осознавать ценность жизни, а также самоценность (таблица 7). Это может означать, что, чем больше онкологические больные прибегают к произвольным проблемно-фокусированным усилиям по изменению ситуации, чем чаще анализируют, прежде чем решить проблему, тем больше они хотят радоваться жизни и принимать себя безусловно. Известен факт исследования, когда больные прибегают к эмоционально-фокусированным копингам, они имеют когнитивную оценку угрозы прогрессирования заболевания. При проблемно-ориентированных копингах стратегия их жизни сопровождается когнитивной оценкой контролируемости заболевания.

В приведенной ниже таблице 8 мы наблюдаем сильную корреляцию между положительной переоценкой и 2-й, 3-ей и 4-й фундаментальными мотивациями.

**Результаты корреляционного анализа стратегии совладания и
фундаментальных мотиваций в группе онкобольных**

		1-я	3-я	4-я
Стратегия	Положительная	0,47**	0,46**	0,56**
переоценка				

** уровень значимости $p < 0,01$

Судя по данным таблицы 8, можно предположить, что в случае онкологических больных, чем большую ценность имеют сама жизнь, самооценку, а также философское осмысление жизни или религиозные убеждения, тем большую ценность имеет положительная переоценка. Это позволяет онкологическим больным перерабатывать негативные переживания, переосмысливать значение болезни, рассматривать болезнь как стимул для личностного роста. В экзистенциальной психотерапии больные учатся определять все проявления жизни в сравнении со смертью. Постигая свою экзистенцию, человек обретает свободу, т.е. возвращается к 1-й фундаментальной мотивации. Круг замыкается. Пациент приобретает новый смысл для чего ему жить.

Выводы

1. В группе онкологических больных в сравнении с группой условно здоровых респондентов значимо выше стратегия совладания «положительная переоценка».
2. В группе онкологических больных в сравнении с группой условно здоровых респондентов значимо выше общий показатель 1-й фундаментальной мотивации в целом, а также именно такие ее показатели, как «опора» и «пространство».
3. В группе онкологических больных в сравнении с группой условно здоровых респондентов значимо выше показатели жизнестойкости, вовлеченности и контроля.
4. Корреляция между жизнестойкостью и фундаментальными функциями экзистенциальных мотиваций существует и прослеживается для показателей всех четырех фундаментальных функций среди онкологических больных.
5. Для группы онкологических пациентов была подтверждена гипотеза о наличии среди испытуемых переживаемого феномена посттравматического роста, о чем говорят их повышенные показатели жизнестойкости, экзистенциальных мотивации. Высокие уровни РТГ

согласуются с более ранними эмпирическими данными, показывающими, что РТГ часто встречается у людей, страдающих раком.

Чтобы лучше понять, как травматический опыт борьбы с онкологической болезнью влияет на восприятие оказываемой помощи и характер предлагаемой помощи, будущие исследования должны быть сосредоточены на том, каким образом онкологические больные с наблюдаемым посттравматическим ростом вовлекаются в социум людей с подобным диагнозом и на том, какую помощь они готовы предоставить таким людям.

Библиографический список

1. *Быховец Ю.В.* Феномен посттравматического роста // Психологические исследования личности: история, современное состояние, перспективы. М.: Институт психологии РАН, 2016. С. 214–226.
2. *Зелянина А.Н., Падун М.А.* К проблеме посттравматического личностного роста: современное состояние и перспективы // Психологические исследования, 2017. Т. 10, № 53. С. 4 [Электронный ресурс] // URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2017v10n53/1424-zelyanina53.html> (дата обращения 09.02.2018)/
3. *Леонтьев Д. А.* Удары судьбы как стимул личностного развития: феномен посттравматического роста // Жизнеспособность человека: индивидуальные, профессиональные и социальные аспекты. М.: Институт психологии РАН, 2016. С. 144–158.
4. *Лэнгле А.* Фундаментальные мотивации экзистенции как действенная структура экзистенциально-аналитической терапии // Экзистенциальный анализ, 2009. №1. С.9–29.
5. *Магомед-Эминов М.Ш.* Феномен посттравматического роста. Вестник ТГУ. Вып.2 (71), 2009. С. 111–117.
6. *Падун М.А., Котельникова А.В.* Психическая травма и картина мира. Теория, эмпирия, практика. М.: Институт психологии РАН, 2012. 206 с.
7. *Русина Н.А.* Психологический статус и адаптационные ресурсы онкологических больных // Российский медико-биологический вестник им. акад. И.П. Павлова, 2012. №3. С. 115–121.
8. *Толкачева О.Н.* Социально-психологические факторы посттравматического роста личности. Дисс...канд. психол. н... Саратов, 2017. 244 с.
9. *Шумский В.Б., Уколова Е.М., Осин Е.Н., Лупандина Я.Д.* Диагностика экзистенциальной исполненности: оригинальная русскоязычная версия теста экзистенциальных мотиваций // Психология. Журнал Высшей школы экономики, 2016. Т.13. № 4. С.763–768.
10. *Calhoun L.G., Tedeschi R.G.* Posttraumatic growth: Conceptual foundations and empirical evidence // Psychological Inquiry, 2004. V. 15. P. 1–18.

11. Weisman A. D. The existential plight in cancer: significance of the first 100 days // Int J Psychiatry Med, 1977. № 7(1). P. 1–15.

УДК 821.161.1

ПРОБЛЕМА ЭТНИЧЕСКОЙ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (НА ПРИМЕРЕ РОМАНА ШАМИЛЯ ИДИАТУЛЛИНА «ПОСЛЕДНЕЕ ВРЕМЯ»)

М.С. Савельева

*Московский государственный институт
международных отношений МИД РФ*

В статье идет речь о тенденции современной русскоязычной литературы к переходу от этнической темы к региональной. Рассматривается принцип неопределенности, проявляющийся в романе Ш. Идиатуллина «Последнее время» на разных уровнях: этнической принадлежности героев, сюжета, системы образов, законов фантастического мира и др. Делается вывод об оптимистичном послыле, который парадоксальным образом несет в себе неопределенность в контексте этнических проблем.

Ключевые слова: Шамиль Идиатуллин, «Последнее время», регионализм, этнические мотивы.

THE PROBLEM OF ETHNIC UNCERTAINTY IN MODERN RUSSIAN LITERATURE (BASED ON SHAMIL IDIATULLIN'S NOVEL «LAST TIMES»)

M.S. Savelyeva

MGIMO University

The paper discusses a tendency in modern Russian literature towards switching from ethnic to regionalist agenda. In Shamil Idiatullin's novel «Last times», the uncertainty principle can be seen at different levels: the ethnic affiliation of the characters, the plot, the laws of the imaginary world, etc. The paradoxical conclusion is that there is an optimistic message in the uncertainty regarding the ethnic issues.

Keywords: Shamil Idiatullin, «Last times», regionalism, ethnic issues.

В современном мире глобальное ощущение неопределенности широко охватывает в том числе форму и содержание произведений художественной литературы. О новом романе татарского русскоязычного писателя Шамиля Идиатуллина «Последнее время» критик Анна Жучкова

пишет: «Вот, скажем, начинаете вы читать книгу Идиатуллина – и не понимаете ничего. Не фигура речи, действительно ничего не понятно. Странные слова: силовой подрост, орт, лайвуй, малки, мары, одмары, кам-мары, кырымары, и законы несуществующего мира» [2]. Тот же прием концентрации авторских неологизмов в рецензии значительно ранее использовал Лев Данилкин, отзываясь на роман Алексея Иванова: «Обитатели этого сочинения получают тамгу у увтыра, рассказывают сказки у чувала, мчатся в Ялпынг и окунаются в студёный лесной кипун. «Сердце Пармы» – литературный курьез, не влезающий ни в какие ворота...» [1].

Упомянутые романы Иванова и Идиатуллина сходны не только на языковом уровне, оба посвящены концу, вымиранию народа, оба написаны в динамичном и остросюжетном жанре на историческом материале. Кроме того, Идиатуллин в этом романе приближается к Иванову в интересе к региональной культуре. Для Иванова это культура Урала, для Идиатуллина – Поволжья. Татарский писатель начинал с темы собственного этноса и пространства Татарстана, однако в романе «Последнее время» расширил круг интересов до финно-угорских соседей, оставив в тексте татар лишь в зашифрованном виде. Похожую эволюцию видим в творчестве еще одного известного на федеральном уровне татарского писателя – Гузели Яхиной. Если первый ее роман «Зулейха открывает глаза» был посвящен судьбе женщины-татарки и ее семьи, то позднее (в романах «Дети мои» и «Эшелон на Самарканд») писательница обратилась к истории Поволжья в значительно более широком охвате.

Таким образом, в современной русской литературе прозаики, обращающиеся к этнической теме, заметно выходят за рамки привычного для нашей культуры канона, заданного позднесоветскими национальными литературами (Ф. Искандер, Ч. Айтматов, Р. Гамзатов). Краткие результаты сравнения этих двух парадигм представлены в таблице ниже.

Национальные литературы позднесоветского периода (Ф.Искандер, Ч.Айтматов, Р.Гамзатов)	Современная проза на этническую тему (Д.Осокин, А.Иванов, Г.Яхина, Ш.Идиатуллин)
В центре рассмотрения своя нация.	Авторы тяготеют к регионализму, проявляют активный интерес к культурам соседних народов, ставят их в центр повествования.
Общее соответствие концепции «дружбы народов». Новые тенденции XX в. и уход	Появляется жанр фэнтези для демонстрации отношений народов, в него

национального начала показаны, но не становятся центральной проблемой.	вносятся элементы боевика, с темой ухода народа связаны апокалиптические мотивы (у Иванова, Идиатуллина).
Писатели в той или иной степени владели национальными языками.	Писатели не владеют или мало владеют национальными языками
Это были национальные литературы.	Это русская литература, написанная на русском языке.

Как мы видим, в современном глобальном мире этническая тема ощущается как кризисная, болезненная. В романе «Последнее время» этнонациональная неопределенность затрагивает всех центральных персонажей. Мальчик-раб Кул, воспитанный народом мары, мечется между своими воспитателями и своим истинным народом. Женщина-воительница Кошше почти забыла родной язык, но вспоминает его, когда поет колыбельную сыну. Айви, центральная героиня сюжета, связанного с мары, чувствует себя чужой в собственном племени и в финале уплывает от него на остров.

Помимо этого, неопределенность проявляется на самых разных уровнях этого текста:

1) **В отдельных ситуациях.** В начале романа Кул просыпается, не зная, где он. В финале этот же герой стреляет из лука, но уверен, что стреляет его товарищ. В несостоявшейся любовной сцене Айви знает, что ей уготован Кул, но он в последний момент выбирает другую — знахарку Сылвику. И т.п.

2) **На уровне общего построения сюжета.** Постоянно, в том числе ближе к финалу, появляются новые герои, новые локации и ситуации.

3) **В правилах функционирования художественного мира.** Ни читатель, ни некоторые герои не понимают до конца принцип действия фантастических элементов романа. И т.п.

Безусловно, неопределенность необходима для построения коллизии в любом литературном произведении, но здесь она возводится в ранг художественного принципа. Как написала о романе критик Галина Юзефович, «метафора вынесенного в заглавие «последнего времени» — эпохи, в которую привычные закономерности перестают работать — реализуется в том числе на уровне текста, буквально взрывающегося изнутри» [4].

Вероятно, главная неопределенность этого романа связана с отраженным в нем историческим фоном. Кто такие кучники-степняки, нападавшие на мары? Согласно степной версии происхождения татар, это

были именно они. Татарские слова, вкрапленные в текст (*Кул* – «раб», *Итиль* – «Волга»), дополнительно подтверждают эту догадку. И тогда «Последнее время» – роман уже не только о соседях (фантастических «мары» или реальных марийцах), но и о собственном этносе автора, а *Кул*, выращенный чужим народом, становится фигурой, вероятно, отчасти автобиографической: русскоязычный татарский писатель, живущий в Москве, судя по его интервью, как и его герой, тоже в какой-то степени зажат между двух мировоззренческих систем⁶.

Ситуации неопределенности дают широкий простор для парадоксальных выводов. Через демонстрирование кризиса национального сознания Идиатуллин привлекает интерес к этой теме. Ту же неоднозначность мы видим в романе Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза»: только в отрыве от родной культуры герои обретают подлинную близость к ней [3].

В финале романа «Последнее время» *Кул* возвращается к своим соплеменникам, кучка мары остаётся в живых, мать Кошше смогла защитить сына, они засыпают в новом, добром к ним мире, но всё это, безусловно, временные передышки. Финал открыт, будущее всех персонажей туманно. Неопределенность есть и здесь, но на фоне апокалиптического названия и сюжета в ней заложены ростки надежды.

Библиографический список

1. Данилкин Л. Диагностика Пармы [Электронный ресурс] // URL: <http://ivanproduction.ru/recenzii/serdcze-parmyi/10.html> (дата обращения: 16.06.2021).
2. Жучкова А. Конец эона. Бахрома. Книги, о которых вы не слышали [Электронный ресурс] // URL: <https://godliteratury.ru/articles/2020/09/15/bakhroma-knigi-o-kotorykh-vy-ne-slyshali-3> (дата обращения: 16.06.2021).
3. Савельева М. Утверждение через отрицание // Октябрь, 2015, № 12. С. 132–136.
4. Юзефович Г. «Последнее время» и «Неучтённая планета» – два российских романа, в которых происходит что-то фантастическое [Электронный ресурс] // URL: <https://meduza.io/feature/2020/09/19/poslednee-vremya-i-neuchtennaya-planeta-dva-rossiyskih-romana-v-kotoryh-proishodit-что-то-fantasticheskoe> (дата обращения: 16.06.2021).

⁶ См., например, в эссе на сайте об образовании и воспитании «Мел»: «Я предлагал детям учить татарский – они не захотели. Это печально, но это моя, а не их печаль» [Электронный ресурс] // URL: https://mel.fm/pravila-vospitaniya/1368952-idiatullin_rules (дата обращения: 16.06.2021).

ПРЕОДОЛЕНИЕ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОЭЗИИ ЗИНАИДЫ МИРКИНОЙ)

О.В. Седова

*ФГБОУ ВО «Елецкий государственный
университет им. И.А.Бунина»*

В статье рассматривается тема преодоления неопределенности, основанная на материале поэзии современной поэтессы, переводчицы, литературоведа З.А. Миркиной. Стихотворения З.А. Миркиной воссоздают историю души, обретшей смысл бытия в Боге и тем самым сумевшей преодолеть неопределенность существования. В ее поэзии развивается тема смысла страданий и возможности их преодоления благодаря религиозной вере. Поэзия З.А. Миркиной утешает и просветляет душу, вдохновляет, призывает к духовному преображению, напоминает о вечных истинах, о необходимости внутреннего покоя и мира, молитвы и постоянной устремленности к Богу.

Ключевые слова: неопределенность, З.А. Миркина, поэзия.

OVERCOMING UNCERTAINTY (BASED ON THE POETRY OF ZINAIDA MIRKINA)

O.V. Sedova

Bunin Yelets State University

The article deals with the theme of overcoming uncertainty, based on the poetry of the modern poetess, translator, literary critic Z.A. Mirkina. The poems of Z.A. Mirkina represent the story of the soul that found the meaning of being in God and thus managed to overcome the uncertainty of existence. Her poetry develops the theme of the meaning of suffering and the possibility of overcoming it through religious faith. The poetry of Z.A. Mirkina comforts and enlightens the soul, inspires, calls for spiritual transformation, reminds of eternal truths, the need for inner peace, prayer and constant aspiration to God.

Keywords: uncertainty, Z.A. Mirkina, poetry.

Понятие «неопределенность» достаточно прочно вошло во все сферы современного научного знания, отражая увеличившийся интерес ученых к проблемам, связанным с нестабильностью, неустойчивостью, изменчивостью окружающего мира и существованием в нем человека. Феномен неопределенности изучается представителями различных наук. В современном быстро меняющемся мире человек все чаще попадает в ситуацию неопределенности, которую одни исследователи рассматривают

как ситуацию выбора между несколькими альтернативами, другие как ситуацию «отсутствия вариантов решения и поведенческих альтернатив» [6, с. 11]. Неопределенность, не предполагающая никаких ориентиров для поведения человека, вызывает чувства уязвимости, тревоги, страха, бессмысленности бытия, которые необходимо преодолевать. Многие исследователи занимаются вопросами, касающимися преодоления неопределенности. Еще в середине XX века австрийский психиатр, психолог и философ Виктор Франкл, прошедший через тяжелейшие испытания в концентрационном лагере и на своем опыте познавшем деструктивную силу неопределенности, разработал теорию стремления к смыслу как главной движущей силы поведения и развития личности. Франкл был убежден, что человеческое существование не может быть бессмысленным по своей внутренней сути. Жизнь человека всегда имеет смысл, и в самых безвыходных и неопределенных ситуациях, в первую очередь, важно найти смысл своего существования. Современные психологи также развивают мысль, что «именно в процессе взаимодействия с неопределенностью человек постигает смыслы, понимает мир и себя» [6, с. 14]. При этом «обладающий сознанием человек сталкивается с неопределенностью не только внешнего, так называемого объективного мира, но и своего внутреннего, субъективного, и эта неопределенность тоже должна каким-то образом преодолеваться» [1, с. 4].

Теме преодоления неопределенности посвящено наше исследование, материалом которого послужила поэзия замечательной современной поэтессы, переводчицы, литературоведа Зинаиды Александровны Миркиной. Вся ее жизнь и творчество является примером преодоления неопределенности как внешнего, так и внутреннего мира. Как мы узнаем из ее автобиографии «Очерк моей жизни», З.А. Миркина, родившаяся в 1926 году в Москве в семье пламенных революционеров, впервые столкнулась с неопределенностью, двусмысленностью, неясностью в 1937 году, когда родители многих ее друзей были арестованы и объявлены «врагами народа», а ее «отец два месяца спал, не раздеваясь» [5, с. 432], в ожидании ареста и прощался с семьей перед сном. Размышления о несоответствии идеологии и жизни привели ее к глубокому кризису, из которого З.А. Миркина вышла благодаря книге польского и советского писателя Бруно Ясенского «Человек меняет кожу», переиздававшейся при жизни десять раз. Книга убедила ее, что самое главное — это «энтузиазм и вера в идеалы, формирующие новые отношения людей и новую атмосферу» [5, с. 432]. Из прочитанного она вынесла мысль о том, что «само горение души важнее всего того, что из этого горения получается» [5, с. 432] и «как бы присягнула внутренне на

верность этому огню» [5, с. 432]. Однако, через некоторое время З.А. Миркина узнает, что автор романа сам арестован и объявлен врагом народа... Примечательно, что в автобиографии после этого сообщения стоит многоточие, которое красноречивее всех слов указывает на вновь открывшуюся перед ней неопределенность существования. Разразившаяся вторая мировая война «смыла все вопросы», – пишет поэтесса. Эвакуация в Новосибирск, ностальгия по родному городу, неустроенный быт, недоедание, тяжелые работы в совхозе – все это вызывало невероятное напряжение всех сил юной Зинаиды.

В 1943 году З.А. Миркина вернулась в Москву и поступила на филологический факультет МГУ, где столкнулась с различными экзистенциальными вопросами, отсутствие ответа на которые приводило ее в смятение. Зинаида не осознавала, что эти вопросы, относящиеся к категории «вечных», на протяжении веков мучили человечество. Она «была одна, наедине с неведомым, с мучительной тайной бытия» [5, с. 433]. Вновь столкнувшись с неопределенностью, З.А. Миркина чувствовала, как трудно и болезненно созревала душа. Многочисленные книги «только подводили к тайне», но никаких ответов не давали. Выросшая в атеистической семье З.А. Миркина к восемнадцати годам почувствовала, что «атеизмом не проживешь, что он мал, куц» [5, с. 433]. После прочтения Библии она осознала глубину Ветхого Завета, на Новый Завет душа не откликнулась. Музыка, особенно органные концерты Баха, открыла ей «такую внутреннюю бесконечность», что она впервые пишет стихотворение о Боге. По ее словам, «Бог из внешнего пространства одним рывком переместился внутрь, в мою собственную внутреннюю бездну» [5, с. 434]. Но ощущения от этого прозрения, несмотря на всю его яркость, постепенно стирались, и душа словно бы оставалась в пустыне, которая все увеличивалась по мере возрастания «вечных» вопросов. «Весь мир представлялся мне сплошной раной, сплошным страданием», – писала поэтесса. Она не с кем не разговаривала на эту тему, и боль в душе все усиливалась. Однажды настал день «кульминации боли», когда не было сил терпеть душевные терзания, и тогда же произошло нечто, что трудно поддается описанию. После грозы вся в дождевых каплях ель «вдруг вспыхнула тысячью солнц» [5, с. 435], и хотя ее «физические» глаза видели только ослепительную красоту, внутреннему взору открылся Бог. Этот духовный опыт, проникнутый любовью и светом, был ответом на все мучившие ее вопросы.

Взяв Евангелие, на этот раз З.А. Миркина все мгновенно поняла. Ей хотелось поделиться с людьми тем, что ей открылось, но этот опыт был слишком тяжел и непонятен для окружающих, девушку не понимали даже

родные, и ей вновь пришлось замкнуться в себе и никому ничего не говорить. Однако, внутреннее напряжение, сопряженное с трудностями военных лет, сказалось на здоровье. Зинаида заболела, и была прикована к постели пять лет. Испытывая невероятные душевные и телесные муки, она понимала, что это некий крест, который она должна вынести, и от того, как она справится с данной задачей, зависит очень многое. Далее ей заново пришлось учиться ходить, писать, а в поисках заработка также заниматься переводами. В 1960 году она познакомилась с выдающимся философом и культурологом Григорием Померанцем, через год состоялась их свадьба. С этого времени они все делали вместе.

Обретенное поэтессой понимание глубинного смысла бытия, способствующее преодолению неопределенности, нашло отражение в ее творчестве. Слово «смысл» стало лейтмотивом ее лирики. В одном из стихотворений, вошедшем в книгу «Проникновенье света», содержащую стихи 2005, 2006 и начала 2007 годов, она утверждала: «Есть смысл великий всех потерь» [2, с. 40], понимая, что потери, скорби, беды в человеческой жизни не случайны, они имеют большую духовную пользу, учат смирению, терпению. Не случайно, в стихотворении «Святая скорбь, божественная боль» слово «скорбь» имеет эпитет «святая», слово «боль» – божественная, а «печаль» – «священная», ведь страдания очищают душу, подготавливают ее к восприятию великих вечных духовных истин. «И входом в вечность оказалась рана» [2, с. 61], – проникновенно писала З.А. Миркина. Она знала, что в любой скорби человек никогда не бывает один, с ним всегда любящий Господь, пострадавший на кресте за человечество: «Он стоит за безутешным горем» [2, с. 75], чтобы утешить страждущего, «преодолеть страданием – страданье / И Божьей болью – человеческий плач» [2, с. 74].

В книге «По Божьему следу», в которую вошли стихотворения 2011, 2012, 2013 годов, тема смысла страданий и их преодоления верой в Бога развивается. В стихотворении «И настает мой главный час» говорится: «только потому страданье наше выносимо» [3, с. 48], что смысл скорбей и потерь, хоть и «запрятанный во тьму», всегда есть.

Окружающий мир может казаться бессмысленным и страшным, если воспринимается человеком фрагментарно, дробно. Важно осознавать всецелость. Не случайно второй раздел книги «По Божьему следу» называется «Припомнить тайную всецелость», и все стихотворения, входящие в этот раздел, подчинены основной задаче: осознать свою всецелость и невозможность жизни без источника жизни, который есть Господь.

Некогда поняв, что смысл жизни в Боге, она всем своим творчеством

исповедует это. Смысл своей жизни человек обретет только тогда, когда душа «наполнится всем Богом» [3, с. 47], и в этой сопричастности Богу утихает скорбь: «В бездне Бога исчезает боль» [3, с. 142]. Смысл жизни только во встрече с Богом, «другого смысла в жизни нет» [2, с. 283], – провозглашает З.А. Миркина в стихотворении «Так приближается Всевышний». Ту же самую мысль она повторяет и в стихотворении «А снег идет, идет, идет»: «И смысл всей жизни только в том, / Чтоб шепот Господа услышать» [2, с. 238]. Осознать Божье присутствие можно только в безмолвии, вырвавшись из суеты внешнего мира и собственных путанных, хаотичных мыслей.

Поэтому слово «тишина» становится одним из ключевых понятий лирики З.А. Миркиной. Тишина не просто ассоциируется у нее с Богом, а отождествляется с Ним: «Бог есть тишина» [2, с. 73], «Бог свое дело вершит в тишине» [2, с. 79], – утверждает поэтесса. Тишина – это еще и путь к Богу, необходимое условие услышать Божье слово: «А тишина есть Путь» [2, с. 101], который приводит к Богу. Тишина метафорически называется огнем: «тишина – это пламя» [2, с. 79]. Погружаясь все глубже в безмолвие, поэтесса чувствует, «как пламенеет тишина» [2, с. 83]. Чтобы достигнуть такого уровня соприкосновения с божественным миром, нужно быть очищенным от всякого рода грехов и тогда уже можно сказать: «безгрешность – это тишина» [3, с. 140]. Тишина в поэзии З.А. Миркиной наделена такими эпитетами как «мистическая», «таинственная», «целительная», «спасительная», «творящая», «великая», «бездонная», «глубокая», «затаенная», «вселенская», «совершенная», «мировая». Тишина в художественном мире поэтессы не статична, она разгорается, звучит, звенит, густеет, «сгущается до песни», воцаряется, растет, смыкается, настигает, диктует, рассказывает. Именно в тишине творится молитва, которая, по словам святых отцов, есть разговор с Богом. Для З.А. Миркиной, «молитва – это выход. / Это – стены раздвинуты. / Открыт простор Вселенной, / И ты один выходишь на дорогу, / Которая приводит прямо к Богу» [2, с. 193].

Некоторые стихотворения З.А. Миркиной включены в антологию «Молитвы русских поэтов», тем самым закрепляя за ними статус молитвенных. Входящие в антологию стихи объединены общим названием «Жизнь – это с Богом разговор» [4, с. 615]. В стихотворении «Молитва – дело трудное» звучит мысль о том, что молитва – это «ежеминутное стремление» к Богу. Молиться – не просто, поскольку приходится преодолевать инерцию души, лень.

Возможно, именно потому, что поэтесса обрела смысл жизни в Боге,

внутреннюю тишину, в которой из глубины сердца творится молитва, понятие «страх» в художественном мире З.А. Миркиной всегда сопутствует теме его преодоления. Более того, когда появляется «страх перед земной судьбой», это означает потерю «связи с бесконечной силой» [4, с. 616], забывание о Боге. Но искреннее обращение к Господу с молитвой возвращает душе покой и умиротворение, побеждает страх.

Поэзия З.А. Миркиной, исповедальная по сути, лечит и просветляет душу, утешает, вдохновляет, призывает к духовному преображению, напоминает о вечных истинах, которыми мы должны руководствоваться в своей жизни. Каждое ее стихотворение – это «сражение с тяжестью земною» [4, с. 615].

Таким образом, духовная поэзия З.А. Миркиной, основанная на жизненном опыте поэтессы, воссоздает историю души, обретшей смысл бытия в Боге и тем самым сумевшей преодолеть неопределенность существования. Ее стихотворения вовлекают читателя в мир глубоких духовных прозрений об истинной сущности и назначении человека, необходимости внутренней тишины и мира, молитвы и постоянной устремленности к Богу, который есть источник жизни.

Библиографический список

1. Алишев Б.С. Психика и преодоление неопределенности // Психология. Журнал Высшей школы экономики, 2009. Т. 6. № 3. С. 3–26.
2. Миркина З.А. Проникновение света: избранные стихи 2005, 2006 и начала 2007 годов. М.: Evidentis, 2008. 344 с.
3. Миркина З.А. По Божьему следу: стихотворения. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, Университетская книга, 2014. 216 с.
4. Молитвы русских поэтов. XX–XXI. Антология / Авт. проект, сост. и биогр. статьи В.И. Калугина. М.: Вече, 2011. 960 с.
5. Померанц Г., Миркина З. Спор цивилизаций и диалог культур (Лекции и статьи нулевых годов). М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив; Университетская книга, 2014. 504 с.
6. Первушина О. Н. Человек и неопределенность: на подступах к постановке проблемы // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Психология, 2007. Т. 1. № 1. С. 11–19.

**«Я ХОТЕЛА БЫ БЫТЬ МУЖЧИНОЙ!»:
ПОЛОЖЕНИЕ ЖЕНЩИНЫ-УЧЕНОГО В НАУЧНОМ
СООБЩЕСТВЕ (НА ПРИМЕРЕ БИОГРАФИИ М.В. НЕЧКИНОЙ)**

А.А. Серых¹, М.Н. Е.В. Бакишутова¹

¹*ФГБОУ ВО «Самарский государственный технический университет»*

²*ФГБОУ ВО «Самарский государственный
социально-педагогический университет»*

Статья посвящена проблеме роли женщины в науке. На примере биографии советского историка М.В. Нечкиной авторы рассмотрели возможность женщины-ученого преодолеть «стеклянный потолок» и сделать выдающуюся профессиональную карьеру. Статья является примером междисциплинарного исследования и включает в себя анализ конкретных исторических данных через призму современных психологических подходов к пониманию гендерной идентичности и ее перформанса в ситуации неопределенности.

Keywords: женщина-ученый, роль женщины в науке, академическая среда, ролевое перевоплощение.

**«I WOULD LIKE TO BE A MAN!»:
POSITION OF A WOMAN SCIENTIST IN THE SCIENTIFIC
COMMUNITY
(ON THE EXAMPLE OF THE BIOGRAPHY OF M.V. NECHKINA)**

A.A. Serych¹, M.N. Rodshtein², E.V. Bakshutova¹

¹*Samara State Technical University*

²*Samara State Social and Pedagogical University*

The article is devoted to the problem of the role of women in science. On the example of the biography of the Soviet historian M.V. Nechkina's authors considered the possibility of a woman scientist to overcome the «glass ceiling» and make an outstanding professional career. The article is an example of interdisciplinary research and includes the analysis of specific historical data through the prism of modern psychological approaches to understanding gender identity and its performance in a situation of uncertainty.

Keywords: woman scientist, the role of women in science, academic environment, role transformation.

Введение

Наука и образование в истории человечества начинались с мужчин – Любомудры (философы, они же математики и инженеры) и педагоги – сохранились только мужские имена. Постепенно культура пришла к тому, что в силу малой престижности образование стало женской сферой деятельности, а наука все еще «бережет» свои границы, при очевидности того, что диссертации защищают большей частью женщины.

Наша цель – изучить биографию М.В. Нечкиной и рассмотреть ее в контексте современных психологических теорий, анализирующих проблему распределения гендерных ролей в науке. Важно понять, как в условиях жесткой гендерной определенности, обусловленной представлениями о «должных» женских ролях, эта женщина выбирает путь неопределенности как ресурс для собственной жизни. Вопрос, которому посвящено данное исследование – возможность женщины не просто сделать академическую карьеру, а стать и быть выдающимся ученым: специалистом по истории декабристов, революционных движений и общественной мысли XIX в. Быть главным специалистом в отечественной исторической науке по биографии и трудам В.О. Ключевского. В 1974 году вышла монография М.В. Нечкиной «Василий Осипович Ключевский. История жизни и творчества», которая до настоящего момента остается одной из ключевых историографических работ по истории отечественной исторической науки второй половины XIX в.

Статус женщины в отечественной академической среде до настоящего момента остается достаточно сложным. Согласно спискам академиков, приведенным на сайте Российской Академии Наук, сейчас в состав РАН входит 41 женщина – ученый, большинство из которых являются членами отделения медицинских наук [1]. В то же время, например, в Институте нефтегазовых технологий Сам ГТУ (уж на что «мужская» отрасль) декан и значительная часть преподавателей и сотрудников (а это доктора и кандидаты наук) – женщины.

Во многом положение женщины в науке зависит от общего уровня научно-технического развития государства, системы законодательства; серьезное воздействие оказывает экономическая ситуация и, конечно, социально-культурные традиции общества [10]. И.Ф. Богданова, как и многие другие исследователи гендерной проблематики, отмечают, что до второй половины XX в. достижения женщин в науке оставались скромными [2]. В России научное сообщество, на протяжении всей своей истории, с точки зрения гендерной структуры оставалось не пропорциональным. Наука всегда оставалась «мужским» делом, поэтому женщине-ученому в

прошлом (а нередко и в настоящее время) приходится соответствовать «мужским правилам игры», но даже при полном соблюдении всех возможных условий положение женщины в академической среде часто остается второстепенным.

Несмотря на сложившийся контекст, в различные периоды исторического развития общества в научном сообществе всегда присутствовали женщины, однако их роль, как правило, умахалась. Маргарет Росситер назвал это «эффект Матильды», подразумевая под ним систематическое умаление значения женщин ученых в той или иной научной сфере и приписывание их научных открытий мужчинам-ученым [19]. Одним из самых ярких примеров «эффекта Матильды» может быть ситуация, связанная с Марией Склодовской-Кюри, которую изначально Нобелевский комитет не включил в список номинантов на премию по физике, но включил ее коллег-мужчин. Впоследствии ошибка была исправлена.

Постановка проблемы

По справедливому замечанию М.Н. Родштейн и Т.К. Рулиной, «изменения в социальных, экономических, политических отношениях в России XX в. обострили конфликт между традиционными мужскими и женскими ролями, что привлекло внимание общества к проблеме гендерной идентичности и гендерных отношений» [16]. Однако роль женщин в науке – это не только российская проблема. Количество профессий, запрещенных для женщин, сокращается во всех странах [9], наукой и вовсе никто не запрещает заниматься, однако... Е. Наймарк, ссылаясь на мнение П. Лоренса (и он не одинок), пишет о том, что «отсутствие женщин в верхних этажах» объясняется вовсе не малой склонностью или способностью женщин к аналитическому мышлению. Есть причины как «традиционные», так и «возмутительные». Традиционное объяснение связано с тем, что женщины по своей природе предпочитают детские нужды карьерным, а возмутительное – с социальными правилами – «вся система научной иерархии насквозь мужская, изначально не приспособленная к женскому типу мышления. Все оценочные тесты на интеллект и выявление талантов, которые учитываются при отборе научных кадров, разработаны мужчинами под лозунги о равенстве женских и мужских возможностей. И женщины вынуждены как-то приспособливаться к этим тестам» [11]. То, что у мужчин и женщин разный мозг – трюизм, не требующий доказательств. Важен социальный контекст, а еще более – характер, или тот принцип, который обозначил А.Н. Леонтьев: «Индивидом рождаются, личностью становятся, а индивидуальность отстаивают».

Результаты и их обсуждение

Российская система образования и науки за долгое время своего существования пережила много трансформаций и реформ. Однако все преобразования до большевистского переворота 1917 г. практически не затрагивали гендерную проблематику. Образование было уделом мужчин, женщины должны были стать хорошими женами и матерями. Для этого, по мнению и общества, и государства было достаточно получение домашнего образования (Россия здесь не исключение, и сегодня есть страны, которые руководствуются данным принципом). Во второй половине XIX в. государству пришлось в некоторой степени уступить женщинам в их стремлении к получению знаний, было принято решение об открытии Бестужевских женских курсов в Санкт-Петербурге и женских курсов В.И. Герье в Москве. На курсах преподавали профессора Московского и Петербургского университетов, обучение на курсах было почетно и, часто воспринималось как некий вызов обществу со стороны юной курсистки, однако окончание курсов не давало девушкам возможности поступления в университет и получение «настоящего» диплома.

Ситуация резко меняется после 1917 г. Образовательная программа большевиков была направлена на преодоление неграмотности среди женщин-работниц. Другой задачей было воспитание женщин-ученых «из рабочей среды». По данным Н.Л. Пушкаревой «при предприятиях уже в первые годы советской власти, создавались фабрично-заводские училища, в которых до 60 % мест резервировалось за женщинами. Девушки составляли до 25% обучающихся на рабфаках, число студенток в предвоенные годы составило почти половину от общей массы советских студентов (43%)» [13]. «Закончив университеты, студентки имели право на поступление в аспирантуру и, пройдя подготовку в Институте красной профессуры (1930-1938 гг.)» [13], могли готовиться к получению научной степени.

В статье мы рассмотрим положение женщины-ученого в советском научном сообществе на примере биографии М.В. Нечкиной. Что помогало и что мешало ей в выстраивании профессиональной научной карьеры? Почему биография этого ученого кажется нам наиболее выразительной? Потому что, с одной стороны, этапы обучения и становления М.В. Нечкиной как профессионала и историка являются стандартными (гимназия, университет, институт красной профессуры, защита диссертации и т.д.). С другой стороны, судьба М.В. Нечкиной не типична, потому что эта женщина смогла преодолеть барьер, который в мировой социологии называется «стеклянный потолок» [13] и смогла получить признание в «мужской» науке.

Основной приход женщин в российскую науку начался после Великой Отечественной войны, однако М.В. Нечкина к этому моменту уже сформировала свое профессиональное имя.

Милица Васильевна Нечкина – легендарная женщина, ученый и историк советского периода отечественной исторической науки. Ее судьба переплетается с основными этапами советской истории. Она постоянно находилась в политическом контексте, тем более что сфера ее деятельности – историческая наука, во многом воспринималась как один из инструментов формирования политической системы. Именно поэтому М.В. Нечкиной часто приходилось быть осторожной в профессиональной деятельности. При этом М.В. Нечкина является представителем первого поколения «красной профессуры». С одной стороны, ей мировоззренчески были близки идеи марксизма, с другой стороны, она имела возможность взаимодействия с дореволюционными историками, благодаря чему, пусть и не в полной мере, были сохранены традиции университетской и академической культуры.

Ключевым источником для анализа проблемы послужило эпистолярное наследие М.В. Нечкиной. Благодаря сохранившимся дневниковым записям историка, созданным в различные периоды жизни, а также благодаря опубликованной переписки М.В. Нечкиной с коллегами и близкими людьми у нас есть возможность проанализировать отношение историков к проблеме становления ее как ученого и педагога.

Е.В. Мирская и Е.А. Мартынова, анализируя причины, мешающие женщинам добиться равных с мужчинами успехов в науке, выделили социально-биологические, социально-психологические и социологические аспекты проблемы [10]. Рассмотрим эти аспекты на примере биографии М.В. Нечкиной.

Одним из основных факторов, мешающих развитию женской карьеры в научном сообществе, называют социально-биологический, предполагая, что одно из главных предназначений женщины – материнство. М.В. Нечкина в 1924-1926 гг. «училась в институте Красной профессуры и преподавала историю на рабочем факультете 1-го Московского государственного университета, где и познакомилась со своим будущим мужем Давидом Аркадьевичем Эпштейном, в будущем академиком и доктором технических наук. Их брак был долголетним, они прожили вместе шестьдесят лет» [18, с. 90]. Однако детей у супругов не было и это было одной из личных трагедий Милицы Васильевны, 23 марта 1940 г. она записала в дневнике «Я не хочу жить. Я хочу умереть. У меня ничего нет. Основное мое чувство, проникающее все, – отчаяние. Я пятнадцать лет

думала, что, если бы у меня все было нормально и был бы ребенок, я жила бы. Но сейчас уже поздно и ничего нет. Только отчаяние» [5]. Если рассматривать отдельные аспекты личной жизни М.В. Нечкиной, то необходимо отметить, что она часто находилась в опасности. «Репрессии 1930-х гг. отразились и на ее семье. В 1937 г. были арестованы как родственники самой Милицы Васильевны, так и ее мужа. Старший брат М.В. Нечкиной, Борис Василевич, был расстрелян в 1937 г. В 1938 г. расстреляны старший и младший братья Д.А. Эпштейна, а также супруга одного из братьев Е.К. Соколовская» [18, с. 111]. В 1980 г. М.В. Нечкина, будучи уже признанным и авторитетным ученым, которому можно было не опасаться за свое будущее и будущее семьи, вспоминала о Е.К. Соколовской: «В последние годы жизни она была в составе руководства (художественная часть) Мосфильма. При ее активном участии создан ряд известных советских фильмов: «Цирк», «Волга-Волга» и ряд других. В создании известной песни «Широка страна моя родная» Елена принимала самое активное участие. Я узнала от нее эту песню и внесла ее в текст своего учебника для средней школы с ее разрешения, которым тогда занималась. В то время песня эта еще почти никому, кроме работающих в фильме, не была известна. <...> Елена расстреляна в 1938 (арестована в октябре 1937) после страшных пыток в Лефортовской тюрьме. Она была умница, красавица, человек огромного обаяния и самое главное – настоящая коммунистка» [3, с. 130].

Таким образом можно говорить о том, что личная жизнь М.В. Нечкиной была во многом трагичной и отсутствие детей было болезненно. Однако, нереализованное материнство, возможно, способствовало развитию творческого и профессионального потенциала ученого.

Вторым аспектом, мешающим женщине реализовать себя в научной сфере, являются социально-психологические факторы. Современные социологи и психологи не выделяют серьезных гендерных различий в когнитивных способностях, которые могли бы повлиять на формирование профессиональной карьеры [4]. Наряду с объективными причинами личностной деформации женщины-ученого, попробуем выделить субъективные, внесшие в личностный профиль М.В. Нечкиной свойство человека эпохи неопределенности в ситуации слома культурных норм.

В 1974 г. С. Бем ввела новое понятие «психологический андрогин» [19] – предполагается, что поведение человека может сочетать в себе как традиционно женские, так и мужские особенности. Соответственно, предполагалось, что люди, сочетающие и те, и другие черты отличаются более оригинальным подходом к решению творческих задач. Что не есть

правда, т.к. когнитивные способности не зависят от гендерной идентичности. Человек с фемининной, андрогинной и маскулинной гендерной идентичностью может обладать одинаковыми когнитивными способностями. По мнению Н.Л. Пушкаревой, «с 1917 года выросло поколение, не знавшее препятствий в получении образования, связанных с гендерной асимметрией» [13]. М.В. Нечкину мы склонны относить к этому поколению; возможно, что специфика получения образования способствовала формированию особенного уникального характера историка.

М.В. Нечкину можно условно назвать «психологическим андрогином». Так, в 1920 г. М.В. Нечкина отметила в дневнике свои «женские» черты характера: «Сегодня я убедилась, что прекрасно умею флиртовать и кокетничать. <...> я совершенно невольно ловлю при разговоре с мужчиной, чего ему надо от меня, яснее говоря, что ему больше может во мне понравиться. Серьезный тон, спокойный взгляд, не бегающий и не скользящий, а неподвижный или, наоборот, живость, смех, легкое скаканье с предмета на предмет в разговоре. Ловлю все это – и как бы быстро приспосаблиюсь» [5; 1 июля 1920]. Буквально через два года историк признается самой себе, в том, что в мире ее привлекает всего лишь два явления – мужчины и наука: «В этом мире есть два явления – чудесных, таинственных, захватывающих дыхание, прекрасных и влекущих: это наука и мужчина. Говорю сейчас о науке не как о системе уже выработанных, добытых истин, а как о носительнице бесконечных возможностей. И о мужчине говорю так же. И науку я люблю, как мужчину» [5; 2 января 1922]. В этих мыслях проявляется женская составляющая характера М.В. Нечкиной; однако историк обладала и другими чертами характера, которые традиционно приписывают мужчинам. В 1919 г. М.В. Нечкина отметила в дневнике: «Мне кажется, что я очень трезвая, с математически точной подкладкой размышлений. Теперь меня трудно оскорбить, т.е. гораздо труднее, чем прежде. Меньше прощу, обхожусь собою, очень скептически. Каждый новый, довольно большой укол вызывает только презрительно сжатые уголки губ и насмешливую улыбку» [5; 30 мая 1919]. М.В. Нечкину всегда отличала сдержанность, исследователи отмечают даже ее безэмоциональность и вместе с тем логичность мышления историка и ее амбициозность.

Именно с амбициями связана третья причина меньшей реализованности женщин в науке – социально-статусная. Как правило, отечественная историческая наука воспринимается как мужская. Еще со школьной скамьи утверждается стереотип, что ученые, и историки в том

числе, это мужчины. И при слове «историк» у большинства людей возникает образ В.О. Ключевского, С.М. Соловьева, С.Ф. Платонова и т.д. В советской историографии также огромное количество блестящих ученых-историков. Профессиональная реализация женщин в советское время была связана с продолжением их домашних обязанностей. Научная же деятельность предполагала работу на должностях младших научных сотрудников и лаборантов (и это не только в истории, во всех отраслях науки руководителями лабораторий были мужчины, а лаборантами – женщины). Таким образом, положение женщины в социальной структуре научного общества заведомо оставалось более уязвимым. Кроме того, выполнение в большей степени не творческих задач приводило к более низкому удельному весу научных достижений, сделанных женщинами.

Однако М.В. Нечкина стала первой женщиной-историком советского периода, получившим звание академика. И сам факт присвоения звания и стал тем моментом «пробивания стеклянного потолка», который позволил амбициозной женщине, высококвалифицированному ученому, стать в один ряд с выдающимися мужчинами-историками. Однако процесс принятия в «академическую элиту» оказался достаточно сложным. М.В. Нечкина вынуждена была предпринять несколько попыток своего избрания. В 1937 г. историк предприняла первую (неудачную) попытку избрания в АН СССР. В 1943 г. проводились довыборы в Академию Наук. В этот период Милица Васильевна находилась в эвакуации в Ташкенте; 8 мая 1943 г. она написала историку и академику АН СССР И. Минцу: «Признаюсь, что пишу Вам в трудную для себя минуту жизни. 6-го мая у нас произошло заседание Ученого совета института истории, где выдвигались кандидатуры для предстоящих выборов в члены-корреспонденты АН и в академики. Мою кандидатуру выдвигала наша партийная организация, которая дала высокую оценку как моей научной, так и общественной работы во время войны. Давал мою характеристику Греков. Вам уже ясно, конечно, что академики меня провалили» [5, с. 597]. Далее Милица Васильевна перечисляет все, что успела сделать, пока находилась в эвакуации, среди прочего написала 6 научных докладов, прочитала более 300 лекций, получила несколько почетных наград, однако всего этого оказалось недостаточным, по мнению академиков, для ее избрания. Сама М.В. Нечкина объясняла сложившуюся ситуацию сговором.

В сентябре 1953 г. Н.М. Дружинин, академик АН СССР, с которым у М.В. Нечкиной был многолетний профессиональный диспут о декабристах, посчитал необходимым выступить в защиту историка. В 1958 г. М.В. Нечкина была избрана действительным членом Академии наук СССР.

Если рассматривать отношение самой М.В. Нечкиной к гендерному вопросу в научной сфере, то необходимо отметить, что историк с некоторой иронией относилась к гендерному вопросу и не причисляла себя к «великим» женщинам, 7 марта 1936 г. она записала: «Была в Доме ученых на слете знатных женщин науки (хотя я считаю искренно, что к «знатным» женщинам уж никак не отношусь, но повестку мне почему-то прислали)». Вместе с тем, уже в 15 лет размышляя о роли женщины и мужчины в обществе, М.В. Нечкина приходит к выводу о том, что во многом мужчины обязаны своим положением женщинам, которые их поддерживают: «И вчера ночью, в толчее вечера, под нестройные звуки музыки, стуки ножей и вилок, гул разговора и смеха было жгуче обидно за женщину. Я хотела бы быть мужчиной. О, как хотела бы!» [5; 30 июня 1918]. Здесь речь идет если не о маскулинной идентичности, то наверняка об андрогинизации самосознания ученого.

Мы можем сделать вывод о том, что судьба и развитие профессиональной деятельности Милицы Васильевны Нечкиной было во много закономерным, и каждый период соответствовало историческому контексту сталинской, хрущевской и брежневской эпох. В 1937 г по объективным, не зависящим от нее причинам, она не могла стать академиком, вместе с тем, к 1958 г. исторический контекст и политическая ситуация в стране изменились настолько, что это стало возможным. Согласимся с мнением Н.Л. Пушкаревой о том, что выстраивание карьеры женщиной-ученым в советский период происходил не благодаря, а вопреки целому ряду обстоятельств, одним из которых было и гендерное неравенство. И Милица Васильевна Нечкина, будучи исключением из этого правила, своей профессиональной и личной жизнью еще раз его подтвердила.

Доля женщин в науке в нашей стране в разные периоды колебалась в интервале от 10 до 40%. Не превышен этот процент и в настоящее время при том, что законодательно сняты все половые ограничения. Остается актуальным поиск причин такого перекоса. Среди них указываются феномен «стеклянного потолка», влияние гендерных стереотипов на выбор профессии, семья как помеха карьерному росту. При этом мало исследователей затрагивают проблему гендерного статуса женщины в профессии. Требования к женщине-ученому таковы, что ей просто необходимо перестать психологически быть женственной.

Психологический портрет М.В. Нечкиной отражает большинство черт женщин-ученых и нашего времени. Л.Н. Качина и Н.В. Егорова считают, что социокультурный портрет современной женщины-ученого

несет в себе культурный код предшествующих эпох. Этот образ наделен энергией, мобильностью, активностью в сфере научных коммуникаций, предельной профессиональной самоотдачей. В то же время их характеризует внешняя ухоженность, обаяние, умение презентовать себя и свои научные достижения. Однако авторы отмечают, что стиль исследовательской работы женщин-ученых является скорее копированием принятой в научных кругах манеры поведения мужчин-ученых: «...искусная “игра” в мужчин-ученых...» происходит, по их мнению, без какой-либо утраты особенностей характера женщин. Она базируется на гармоничном сочетании привлекательности, обаяния, деликатности, красоте и активности, владении стратегией, умением маневрировать, инициативностью, независимостью, состязательностью, уверенностью в себе [6].

Позволим себе высказать несогласие с данной точкой зрения в том, что такое сочетание характеристик не является утратой женственности и действительно гармонично. Обращает на себя внимание то, что женственными указаны только внешние характеристики (при этом гендерно-нейтральные), в то время как внутренняя личностная структура человека, подстраиваясь под внешний социальный и профессиональный фон, становится радикально маскулинной.

Такие характеристики как умение уступать, застенчивость, мягкость, доверчивость, спокойствие, характеризующие фемининную (традиционно женскую) гендерную идентичность, не вписываются в профессиональный образ ученого.

Способность к ролевому перевоплощению, присваивание категориально-гендерных характеристик и ролевого репертуара своего и иного пола для достижения преимуществ в социальных презентациях демонстрирует закрепление практик гендерного перформанса, в том числе в сфере научной профессиональной деятельности [15].

Социально-биологический фактор, присутствующий в биографии М.В. Нечкиной, как личная трагедия и одновременно как стимул к научной работе также актуален в современных исследованиях.

По выражению Н.Л. Пушкаревой, «замужество и материнство берут-таки “пошлины” с научных достижений» – женщины, как правило, снижают темп в продвижении научной карьеры с появлением детей [14]. И по этому вопросу данные Венского института демографии представляются катастрофичными: «44% женщин-ученых в возрасте 40-45 лет не имеют детей, у остальных 56% на одну женщину приходится 0,9 ребенка (то есть каждая 10-я женщина – бездетна)» [8, с. 67]. Данные по отдельным странам

существенно различаются, но в целом, уровень бездетности и малодетности женщин-ученых очень высок. Ярко подтверждают этот тезис биографии женщин-ученых. Только небольшой процент женщин, стремящихся проложить свой путь в науку, решаются на второго и третьего ребенка. При этом возраст рождения первенца отодвигается по разным исследованиям на 29-30 лет, что в среднем на 5 лет позже, чем у женщин вне научной сферы.

По мнению самих женщин-ученых совмещать роль жены, матери с работой без ущерба для семьи возможно, но для этого женщине требуется прикладывать больше усилий. «Они должны меньше спать, лучше распределять время и уметь связывать не связываемые вещи». Таким образом, женщина-ученый должна быть на порядок сильнее и умнее мужчин в этой сфере, чтобы претендовать на «равенство» [17].

В связи с проблемой расстановки приоритетов на начальном этапе научного роста у женщин-ученых складывается определенная система ценностных ориентаций, задающих общую направленность устремлениям и интересам личности, определяющих уровень притязаний. По данным А.П. Соловей, приоритетные места в системе ценностей у женщин, имеющих научную степень, занимают следующие ориентиры: «наличие ученой степени», «самореализация в качестве ученого», «опора на собственные силы в достижении цели», «финансовая состоятельность». Замужество и материнство тоже представляются важными, но занимают более низкие ранги в системе ценностей [17].

Биографии женщин-ученых редко уделяют внимание их родительской роли. Редкие исключения, такие как ученый-физик XVIII в. Лаура Басси, имевшая 12 детей, лишь подчеркивают правило [17].

Заключение

Подводя итог, можно сказать, что биография М.В. Нечкиной, с одной стороны, представляется очень характерной для женщин-ученых и прошлых эпох, и нашего времени, с другой стороны, демонстрирует множество открытых актуальных вопросов для будущих социально-психологических исследований.

Библиографический список

1. Академики Российской академии наук // Сайт «Российская академия наук» [Электронный ресурс] // URL: <http://www.ras.ru/members/personalstaff/fullmembers.aspx?mem=0>

2. Богданова И.Ф. Женщины в науке: вчера, сегодня, завтра // СОЦИС, 2004. № 1. С. 103–112.
3. Дневники академика М.В. Нечкиной // Вопросы истории, 2006. № 7. С. 122–141.
4. Ильин Е.П. Дифференциальная психофизиология. СПб.: Питер, 2007. 544 с.
5. «История в человеке» – академик М.В. Нечкина: документальная монография / под ред. Е.Л. Рудницкой, С.В. Мироненко. М.: Новый хронограф, 2011. 1067 с.
6. Калачина Л.В., Егорова Н.В. Современная Российская женщина-ученый в дилемме «наука или семья». В сборнике: XLVIII Огаревские чтения. Материалы научной конференции. В 3-х частях. Сост. А. В. Столяров, отв. за выпуск П.В. Сенин. Саранск: Издательство: Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева, 2020. С. 626–631.
7. Коннова Л.А. Женщины в мировой науке и их вклад в научно-технический прогресс // Психолого-педагогические проблемы безопасности человека и общества, 2019. № 3 (44). С. 32–38.
8. Костина А.В. Женщина в науке и философии: доминирующие мифы и действительность // Знание. Понимание. Умение, 2017. № 1. С. 66–78.
9. Манукиян Е. Кем нельзя работать женщинам в 2021 году // Российская газета, 01.01.2021 [Электронный ресурс] // URL: <https://rg.ru/2021/01/01/kem-nelzia-rabotat-zhenshchinam-v-2021-godu.html>
10. Мирская Е.З., Мартынова Е.А. Женщины в науке // Вестник РАН, 1993. Т. 63. №8. С. 693–700.
11. Наймак Е. О роли женщины в науке // Элементы, 09.02.2006 [Электронный ресурс] // URL: https://elementy.ru/novosti_nauki/430104/O_rol_i_zhenshchiny_v_nauke
12. Нечкина Милица Васильевна // Прожито: Проект Европейского университета в Санкт-Петербурге [Электронный ресурс] // URL: <https://prozhito.org/person/223>
13. Пушкарева Н. «Академики в чепце»? История дискриминационных практик в отношении российских женщин-ученых [Электронный ресурс] // URL: http://www.owl.ru/win/womplus/2004/01_11.htm (дата обращения 09.06.2021).
14. Пушкарева Н.Л. Женщины в российской науке конца XX – начала XXI века: обобщение количественных характеристик. // Женщина в российском обществе, 2010. № 3 (56). С. 24–35 [Электронный ресурс] // URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=15202898>
15. Родштейн М.Н. Гендерный перформанс в социальных практиках пола. // В сборнике: Психология сознания: этнонациональные, религиозные, правовые и регулятивные аспекты / Под редакцией Г.В. Аكوпова, 2015. С. 269–272 [Электронный ресурс] // URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27285610>
16. Родштейн М.Н., Рулина Т.К. Гендерный конструкционизм в кризисном обществе: трансформация социальных ролей // Электронный научно-образовательный журнал ВГПУ «Грани познания», 2010. № 2 (7) [Электронный ресурс] // URL: www.grani.vspu.ru
17. Соловей А.П. Эмпирическая типология женщин – научных работников национальной Академии наук Беларуси на основании ценностных ориентаций. // Социологический альманах, 2020. № 11. С. 223–229.

18. Черная Е.Ю. Милица Васильевна. Нечкина – историк отечественной исторической науки. Новосибирск, 2014. 242 с.
19. Bem S. Assessment of psychological androgyny. *Journal of Consulting and Clinical Psychology*, 1974. Vol. 42. No. 2. P. 155–162.
20. Rositter M.W. The Matthew Matilda Effect in Science // *Social Studies of Science*, 1993. Vol. 23, No. 2. P. 325–341 [Электронный ресурс] // URL: <https://www.jstor.org/stable/285482?seq=1>

УДК 372.881.1

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ ПОВЫШЕНИЯ МОТИВАЦИИ К ИЗУЧЕНИЮ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА В УСЛОВИЯХ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

М.Н. Смирнова, Е.А. Баженова
ФГБОУ ВО «Глазовский государственный
педагогический институт им. В.Г. Короленко»

В статье рассматриваются проблемы повышения мотивации к изучению иностранных языков, в частности, английского. Автор рассматривает данную проблему с позиции психологического подхода, акцентируя особое внимание на актуальности владения иностранным языком в эпоху неопределенности. В статье рассматриваются такие понятия как инструментальная и интегративная мотивация, это подразумевает, что решающую роль в повышении мотивации к изучению иностранного языка играет отношение обучающегося к изучаемому языку и желание обучающегося изучать его в более практических целях и под воздействием внешних факторов. Автором предлагается ряд методических приемов для стимулирования обучающихся к изучению иностранных языков, а именно: метод поощрения студентов, создание приятной и непринужденной атмосферы в аудитории, доверительные отношения с обучающимися.

Ключевые слова: психологический подход, стимулы, иностранные языки, инструментальная и интегративная мотивация.

PSYCHOLOGICAL APPROACHES TO INCREASING MOTIVATION TO LEARNING A FOREIGN LANGUAGE UNDER UNCERTAINTY

M.N. Smirnova, E.A. Bazhenov
Glazov State Pedagogical Institute named after V.G. Korolenko

The article deals with the problems of increasing motivation to learn foreign languages, in particular, English. The author examines this problem from the standpoint of a psychological approach, focusing on the relevance of knowing a foreign language in an era of uncertainty. The article discusses such concepts as instrumental and integrative motivation, it implies that a

decisive role in increasing the motivation for learning a foreign language is played by the student's attitude to the language being studied and the student's desire to learn it for more practical purposes and under the influence of external factors. The author proposes a number of methodological techniques to stimulate students to learn foreign languages, namely: a method of encouraging students, creating a pleasant and relaxed atmosphere in the classroom, trusting relationships with students.

Keywords: psychological approach, incentives, foreign languages, instrumental and integrative motivation.

Вот уже второй год мы живем условиях неопределенности в завтрашнем дне. Мы не можем уже сказать с полной уверенностью, что мы будем делать через месяц, через год. Трудно строить какие-то планы. Сложная ситуация в стране и в мире в целом требует пересмотра наших подходов к организации своей деятельности и особенно к организации учебного процесса. Все больше людей переходит на удаленный вид деятельности, появляются новые требования к работникам и работодателям. Не выходя из дома, мы можем найти интересную и хорошо оплачиваемую работу в отечественных и зарубежных компаниях. Но для этого необходимо владеть целым рядом компетенций. И, прежде всего, необходимо хорошее владение иностранными языками, в частности, английским.

Требования рынка труда в современном обществе связаны не только с умением использовать уже имеющиеся знания и применять их в профессиональной сфере, но и с готовностью искать новые знания, грамотно их использовать, активно адаптироваться к новым системам, учиться на протяжении всей жизни. Профессиональная мотивация является главным движущим внутренним фактором.

Но проблема состоит в том, что человек слишком поздно осознает важность изучения иностранного языка, а именно в тот момент, когда он заканчивает учебное заведение и пытается устроиться на работу. Поэтому необходимо уделить внимание повышению мотивации к изучению иностранного языка еще на начальном этапе обучения иностранному языку в вузе.

Студент с высокой мотивацией будет не только получать удовольствие от изучения языка, но и целенаправленно стремиться к его изучению. Такой обучающийся будет иметь более позитивное отношение к учебной ситуации и, скорее всего, будет тратить больше усилий на изучение языка.

Рассмотрим проблему мотивации с психологической точки зрения, так как именно психологический подход может дать ответ, как повысить

мотивацию к изучению иностранного языка у различных категорий обучающихся.

В современных условиях развития общества психологи-бихевиористы объясняют мотивацию с точки зрения внешних стимулов и подкрепления. По их мнению, физическое окружение и действия преподавателя имеют первостепенное значение.

Когнитивные психологи объясняют мотивацию в терминах активного поиска человеком смысла и удовлетворения в жизни. Таким образом, мотивация, по их мнению, является исключительно внутренней.

Некоторые ученые полагают, что бихевиористические теории, как правило, фокусируются на внешней мотивации, то есть на вознаграждении и поэтому предлагают роль стимулирующих оценок в процессе обучения английскому языку, в то время как когнитивные теории имеют дело с внутренней мотивацией [1, с. 145].

Также детально изучавшие мотивацию ученые Роберт Гарднер и Уоллас Ламберт пришли к выводу, что решающую роль в мотивации к изучению языка играет отношение обучающегося к изучаемому языку, а также культура сообщества, говорящего на данном языке. Они ввели такие понятия, как инструментальная и интегративная мотивация [4].

Первый термин относится к желанию обучающегося изучать язык в более практических целях и под воздействием внешних факторов. Например, инструментальная мотивация возникает, как необходимость сдать экзамен по иностранному языку или устроиться на связанную с изучаемым языком работу.

Второй же термин относится к желанию изучать язык для успешной интеграции в языковое сообщество. В основе данной мотивации лежит интерес к стране, культуре изучаемого языка, желание общаться с носителями языка, т.е. мотивация изучать иностранные языки выражается в степени стремления индивида работать над собой для достижения высоких результатов и самореализации в процессе приобретения языкового опыта для своей профессиональной деятельности [2, с. 122].

Другие исследователи утверждают, что мотивация обучающихся к овладению вторым языком определяется рядом факторов, а именно:

- усилием;
- валентностью (восприятием степени привлекательности целей/их ценности);
- ожиданием (восприятием вероятности достижения целей);

- способностью (оценкой своей способности в достижении целей);
- инструментальностью (связью успеха и вознаграждения).

Ученые-психологи выделяют шесть факторов, влияющих на мотивацию при изучении иностранного языка:

- 1) установки (настроения по отношению к изучаемому сообществу и языку);
- 2) убеждения касательно себя (ожидания относительно своей эффективности);
- 3) цели (воспринимаемая актуальность целей обучения);
- 4) вовлеченность (степень, в которой учащийся активно и сознательно участвует в процессе изучения языка);
- 5) сопровождение (уровень поддержки учителя и сверстников, а также интеграция культурной и внеклассной поддержки в учебный опыт);
- 6) личные качества (способности, возраст, пол и предыдущий опыт изучения языка).

Овладение языком является результатом взаимодействия когнитивной системы человека и условий окружающей среды. Таким образом, понимание и создание оптимальных условий обучения языку становится одной из основных забот преподавателя.

При проектировании учебной деятельности преподаватель должен помнить, что изучение языка фокусируется как на точности, так и на уместности его применения в различных контекстах. Это приведет к повышению мотивации к овладению иностранным языком и получению дополнительных знаний о тонкостях использования языка. Безусловно, успешное сочетание преподавания языка совместно с обучением культуре является большим вкладом в общие гуманитарные и общечеловеческие знания [3, с. 79].

Но главное, обучающиеся должны осознавать потенциальную потребность в достижении целей обучения. Это готовит их к решению реальных задач, которые требуют от них использования языковых навыков и знаний. В данных условиях такие факторы как, вовлеченность и сопровождение помогут повысить мотивацию к изучению иностранного языка и организовать более эффективный и качественный процесс обучения на основе коммуникации, нежели просто установки и убеждения. А коммуникация всегда предполагает обмен мыслями, обмен информацией, другими словами, такое общение, которое будет удовлетворять практическим и теоретическим запросам человека в процессе его трудовой и социальной деятельности» [1, с. 113].

В эпоху неопределенности процесс интеграции стал более интенсивным, люди стали более мобильны и в поисках более интересной работы быстро меняют место жительства, поэтому в школах и вузах учатся студенты разных национальностей. И это еще один вызов обществу, его морали. Необходимо стать толерантными и уметь сосуществовать в разных сообществах. Поэтому в процессе вовлечения обучающегося в иноязычную среду такие характеристики человека как возраст, пол и, особенно, национальность, должны отойти на второй план. В классе все - «учащиеся», к которым надо найти индивидуальный подход и заинтересовать своим предметом.

Исходя из того, что мотивация – это желание достичь цели в сочетании с энергией, направленной на достижение этой цели, преподаватель должен знать источники мотивации, чтобы поддерживать стремление обучающегося к успеху. Говоря о внешних факторах, именно преподаватель поощряет, дает обратную связь, создает благоприятную атмосферу на занятии. Педагог не способен эффективно мотивировать своих студентов усердно работать и ставить перед собой цели, если он не мотивирован сам.

Также хорошим стимулом к изучению иностранного языка может быть метод поощрения студентов ставить достижимые ближайшие цели. Также для повышения мотивации следует подавать личный пример своим собственным поведением, создавая приятную, непринужденную атмосферу в аудитории, поддерживая доверительные отношения с обучающимися. Очень важно повышать языковую компетентность обучающегося, знакомя их с культурой изучаемого языка.

Таким образом, в рамках повышения мотивации к изучению иностранного языка, мотивация познавательных способностей студентов рассматривается как один из важнейших компонентов обучения. Но выбор способов и методов мотивации должен основываться на комплексном подходе, сочетающем в себе тщательный анализ потребностей, способностей, знаний, умений и межличностных отношений студентов внутри коллектива.

Итак, проблема повышения мотивации к изучению иностранного языка является действительно актуальной, но только грамотный с психологической точки зрения подход педагогов, преподавателей и учителей к решению данной проблемы будет стимулировать обучающихся к получению новых знаний, компетенций, поможет человеку «выжить» в условиях неопределенности и найти свое достойное место в жизни.

Библиографический список

1. *Вербицкий А.А.* Активное обучение в высшей школе: контекстный подход: Методическое пособие. М.: Высшая школа, 1991. 207 с.
2. *Панферова И.В.* Учебная мотивация как психолингвистический аспект профессионально ориентированного обучения иностранному языку в неязыковых вузах // Приволжский научный вестник, 2016. № 1 (53). С. 122–125.
3. *Сериков В.В.* Личностный подход в образовании: концепция технологии. Волгоград: Перемена, 1994. 150 с.
4. *Gardner R.C., Lambert W.E.* Motivational variables in second language acquisition // *Attitudes and Motivation in Second Language Learning*. Rowley. MA: Newbury House, 1972. P. 119–216.

УДК 159.9

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ КАК ОБЪЕКТ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ: ТЕНДЕНЦИИ И ПРОБЛЕМА НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

В.А. Соснин

ФГБУН «Институт психологии РАН»

В статье рассматриваются геополитика как феномен современной жизни и глобализация, которые неуклонно распространяется на различные сферы человеческой жизнедеятельности в XXI веке. Глобализационные процессы и общества в условиях цифровизации бытия, изменяют традиционный уклад жизни людей, трансформируют мировоззренческие позиции, культурные ценности и их поведенческие стереотипы. В работе эти проблемы анализируются с позиций социальной психологии. В контексте статьи рассмотрена проблема неопределенности.

Ключевые слова: геополитика, глобальные процессы, психологическое пространство, виртуальное взаимодействие, психологическая обусловленность, цифровизация, социальная психология, неопределенность.

PSYCHOLOGICAL STUDY OF GLOBAL PROCESSES: SOCIAL-PSYCHOLOGICAL ASPECTS AND PROBLEM OF INDEFINITELY

V.A. Sosnin

Institute of Psychology, RAS

Globalization is steadily extending to various spheres of human life. Globalization processes not only increase the influence of large transnational corporations and the speed of capital transfer, they also change the traditional way of *people's lives*, transform worldview positions, cultural values and behavioral stereotypes. Each member of the global network acts

as a kind of conductor of their own ideas and creates the psychological potential of the Internet, which is still poorly understood.

Key words: global processes, global psychological space, virtual interaction, psychological conditioning, social psychology, indefinitely.

Введение

В исследовательской литературе есть масса представлений о понимании концептов «геополитика» и «глобализация». Их с некоторыми различиями можно определить как «систему отношений между субъектами исторического процесса и проведение политики реализации своих целей...» [4, с. 8]. В социальной психологии для объяснения этих тенденций формируется новое направление - «геополитическая психология» [8].

Россия и другие страны с коллективным типом культуры стремятся отстаивать в международных отношениях принцип равноправия отношений. Западный мир во главе с США продолжает стремиться сохранять свою гегемонию в мире (в экономике, дипломатии, в военном плане и т.д.) и диктовать ему свои ценности мироустройства. В этой связи во взаимоотношениях России и других стран с традиционной коллективной культурой в XXI веке возникают противоречия и, скажем так, неопределенности.

Цель статьи – рассмотреть эти проблемы с позиций социальной и геополитической психологии.

Глобализация как процесс современного развития

Рассматривая глобализацию как тенденцию современного мирового развития, некоторые специалисты отмечают в ней преимущественно позитивные стороны [14]. Другие исследователи более осторожны в оценках и негативно оценивают глобализационные процессы. Их опасения связаны с возможностью превращения культурного многообразия современной цивилизации в унифицированную «...серую казарму «макдональдсов», дешевых сникерсов, джинсов, компьютерных игр и оболванивающих телевизионных сериалов» [1, с. 7]. Есть и третья точка зрения, связанная с историко-эволюционной оценкой событий. Так В.А. Рюмин рассматривает глобализацию как нейтральный процесс, который начался в конце XV–начале XVI веков, и связан с эпохой географических открытий, который продолжился в XVIII веке [11].

Конец XX века, когда информационно-коммуникационные технологии преодолели территориальные границы, ознаменован третьим этапом развития глобальных процессов. В этой связи, существуют и другие

оценки современного развития глобальных процессов. Так сотрудник британских спецслужб Д. Колеман, автор книги «Комитет 300», утверждает, что вся власть в мире уже давно находится в руках глобального мирового правительства [7].

Объективно возможны разные варианты оценки глобализации по целям, задачам и средствам их достижения. Специалисты едины лишь в одном – в оценке глобализации не только как сформировавшейся реальности, сколько динамично формирующейся открытой многоуровневой системы. Научная разработка феномена глобализации имеет небольшую историю. Поэтому пока объективно трудно ожидать разработки «завершенной, целостной и системной научной картины данного явления» [2, с. 12].

Необходимо отметить, что процессы глобализации, благодаря Интернет-технологиям в условиях цифровизации бытия, обретают мощные психологические мотивы развития. Участником глобальных процессов становится практически каждый пользователь глобальной Сети. Такое понимание проблемы становится одним из важных оснований для психологических исследований глобальных процессов. С психологической точки зрения каждый пользователь Интернета может рассматриваться условной структурно-функциональной единицей глобальных процессов. Включаясь в глобальную Сеть, каждый участник виртуального взаимодействия воспринимает, обрабатывает, хранит, воспроизводит и передает информацию, опосредованную его мировоззрением, ценностными ориентациями, потребностями, интересами и т.п.

Эти позиции в Интернет-пространстве экстраполируются на огромную совокупность людей. Так, по данным пресс-релиза Международного союза электросвязи (МСЭ, 22.07.2016), количество пользователей Интернета в мире составляет 3,5 миллиарда человек. А поскольку все пользователи имеют возможность распространять в Сети свою информационную продукцию, то их действия в глобальной сети формируют его содержательную сущность. Т.е. Интернет, как глобальная система, определяется действиями человека и особенностями его взаимодействия с другими людьми и выступает своего рода зеркалом (отражением) его психологической сущности, образуя глобальное социально-психологическое пространство. Для психологов возникает необходимость исследования психологических закономерностей виртуального взаимодействия людей и психологических феноменов активности человека и групп в Интернете [9].

Проблема неопределенности отношений цивилизаций на пороге XXI века

Прежде всего отметим, что статья не касается феномена неопределенности в художественной литературе и искусстве, в педагогической деятельности и т.д. В статье проблема неопределенности обозначена кратко как психолого-политическая проблема.

Включение человека в систему глобальных социально-психологических отношений ставит перед ним, группами и психологами ряд вопросов:

– будет ли формироваться глобальное коллективное будущее, или взаимодействие национальных культур будет опираться на исторические ценности?

– каковы будут последствия перестройки индивидуального и коллективного сознания, если они будут происходить [13].

– будет ли существовать «...общая, разделяемая всеми убежденность в существовании глобальных норм...» [3, с. 28].

– будут ли процессы глобализации вынуждать правительства «...поинному формулировать понимание интересов граждан и приводить... к государственным преобразованиям» [16, р. 19].

– будет ли усиливаться в XXI веке «...миграция мусульманского населения в страны христианского мира» [15, с. 8].

– способен ли Интернет искоренить веру людей в индивидуальность, или «...вопреки стереотипам, идея «Родины» не потеряет смысла...» [17, с.1].

Эти вопросы пока не имеют однозначных ответов.

В связи с проблемой управления глобальными процессами, целесообразно говорить о необходимости разработки социально-психологических технологий управления большими социальными группами и сообществами [10]. Без грамотной политики властных структур эту проблему трудно решать [10]. Кроме этого, в современной ситуации существует проблема геополитических рисков [5], [6], которая включает проведение политики России в ядерной безопасности, в разных регионах мира, в отношениях с Западом и т.д. (хотя это тема отдельного анализа). Но при всех вариантах проведения политики Россия в XXI веке несет ту или иную степень неопределенности и риска.

Заключение

В статье кратко рассмотрена проблема геополитики с позиций социальной психологии, включая проблему неопределенности отношений цивилизаций на пороге XXI века.

Проблема информатизации социума вносит новые векторы в общественное развитие, изменяет ход социальных событий, их содержание и структуру. Каждый участник глобальной Сети генерирует действия, которые образуют Интернет-пространство. Интернет выступает своего рода проводником психологического потенциала участников Сети, которые приобретают для них движущие силы и мотивацию.

Основной вопрос, связанный с глобальными процессами, относится к решению проблемы: угрожает ли глобализация национальным суверенитетам государств и приведет к преодолению культурных барьеров и унификации глобального мирового сообщества? Или национальные государства сохраняют свои культурные, религиозные ценности и традиции, не смотря на «нашествие» западной цивилизации, которая, понимая наступление конца своей гегемонии, стремится ее удержать? Запад в культурном отношении отстаивает свои ценности – гомосексуализм, лесбиянство, однополые браки и патологическую свободу личности, что привело ее в XXI веке к апостасии, отпадению от нравственных норм Христианской цивилизации. Кроме того, «...научное определение глобализации осложняется тем, что исследования отражают различное видение глобализации... зависят от целей исследования, идеологических ориентиров» [1, с. 9].

В конечном счете, ответ на эти вопросы даст история. Социальным психологам необходимо ставить вопросы для исследования, ориентируясь не только на исследование групповых процессов, но и на макропсихологические проблемы общества. Это требование времени. Россия как геополитический субъект истории в будущем мире, несомненно, займет достойное место.

Библиографический список

1. *Арсентьева И.И.* Глобализация и перспективы мирового развития // Известия РГПУ им. А.И. Герцена, 2008. № 81. С. 7–15.
2. *Барлыбаев Х.А.* Глобализация: вопросы теории и практики // Век глобализации, 2008. Вып. 2. С. 12–20.
3. Бек У. Космополитическое общество и его враги // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. № 3. С. 25–53.

4. Журавлев А.Л., Соснин В.А., Китова Д.А., Ковалева Ю.В., Смирнов А.А. Психологические факторы развития геополитических отношений. Субъекты, механизмы, тенденции. Изд-во: «Институт психологии РАН» М., 2020.
5. Ковалева Ю.В., Соснин В.А. Стратегическая стабильность и ядерное сдерживание в XXI веке: геополитические риски и социально-психологические проблемы // Социальная и экономическая психология. 2016. Т. 1. № 4. С. 169–205.
2. Ковалева Ю.В., Соснин В.А. Психоисторическое противостояние Запада и России в XXI веке: социокультурные и социально-психологические детерминанты // Социальная и экономическая психология. 2017. Т. 2. № 1. С. 119–142.
3. Колеман Д. Комитет 300. Тайны мирового правительства. М.: Витязь, 2003.
4. Нестик Т.А., Журавлев А.Л. Психология глобальных рисков. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018.
5. Новое в науках о человеке: К 85-летию со дня рождения академика И.Т. Фролова / Отв. ред. Г.Л. Белкина; ред.-сост. М.И. Фролова. М.: ЛЕНАНД, 2015.
6. Россия в глобализирующемся мире: мировоззренческие и социо-культурные аспекты / Отв. ред. В.С. Степин. М.: Наука, 2007.
7. Соснин В.А. Социально-политическая и духовно-нравственная консолидация российского общества: проблема космополитизма и будущее развитие России // Наука, культура, общество, № 3, 2015. С. 42–56.
8. Шебанова М.А. Различные формы транснациональных социальных взаимодействий // Гуманитарные и социальные науки. 2010. № 5. С. 218–229.
9. Тойнби А. Дж., Икеда Д. Диалоги Тойнби-Икеда. М.: ЛЕАН, 1998.
10. Castles S., Miller M.J. The Age of Migration. Basingstoke, Palgrave Macmillan, 2003.
11. Khagram S., Riker J. V., Sikkink K. Restructuring World Politics: Transnational Social Movements, Networks and Norms. University of Minnesota Press (Minneapolis), 2002.с. 19.
12. Migration and Development: the Question of Migrant «Remittances» (Transfers) // A mapping study of eleven European countries and the European Commission, 2013.

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРОГРАММЫ РАННЕЙ ПРОФЕССИОНАЛИЗАЦИИ ВОСПИТАННИКОВ ДЕТСКОГО ДОМА ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНЫХ ОГРАНИЧЕНИЙ

Н.А. Старосветская¹, А.Г. Свириденко, Л.Г. Локотко²

¹*КГПУ им. В.П. Астафьева*

²*Канский детский дом им. Ю.А. Гагарина*

Представлен опыт организации образовательной деятельности с детьми-сиротами дошкольного возраста по реализации программы ранней профессионализации в условиях пандемии.

Ключевые слова: дети-сироты дошкольного возраста, ранняя профессионализация.

REALIZATION OF THE PROGRAM OF EARLY PROFESSIONALIZATION OF ORPHANS PRESCHOOL AGE IN THE CONDITIONS UNDER SOCIAL CONDITIONS

N.A. Starosvetskaya¹, A.G. Sviridenko, L.G. Lokotko²

¹*Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev*

²*Kansk Orphanage named after Yu.A. Gagarin*

Presented the experience of organizing educational activities with preschool children on the implementation of an early professionalization program in a pandemic.

Key words: orphans of preschool age, early professionalization.

На сегодняшний день проблема ранней подготовки детей-сирот к независимой жизни приобрела особую актуальность. Даже в условиях максимальной открытости организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, для многих воспитанников выбор профессии и протраивание успешной трудовой карьеры остается трудно достижимым. Как правило, психолого-педагогическая работа с воспитанниками по поддержке в их профессиональном самоопределении ведется на старших ступенях, когда ребенок стоит непосредственно перед выбором учебного заведения профессионального образования.

В рамках деятельности научно-внедренческой площадки КГПУ им. В.П. Астафьева (институт психолого-педагогического образования) и КГКУ

«Канский детский дом им. Ю.А. Гагарина» была разработана и реализуется программа ранней профессионализации воспитанников, начиная с дошкольной ступени. При разработке раздела программы для детей дошкольного возраста **мы исходил** из того, что ребенок уже на этапе дошкольного детства овладевает базовым смыслом разных видов деятельности, в том числе профессиональной. Концентрируясь на содержательном и социальном аспектах профессиональной деятельности, нами были сформированы две группы профессий, лежащие в основе содержания программы: социально значимые, с которыми ребенок знакомится в повседневной жизни, и востребованные в конкретной территории проживания детей.

Технологические аспекты реализации программы включали в себя:

- подготовку методического, дидактического, познавательного материала и разработку специальной предметно-игровой среды;
- организацию экскурсий, целевых прогулок, встреч с представителями профессий;
- организацию совместной познавательно-исследовательской деятельности с созданием наглядной модели профессии;
- создание игровых ситуаций профессиональной направленности;
- организацию художественно-творческой деятельности, связанной с рефлексией детьми собственных впечатлений о мире профессии и профессиональной составляющей «образа Я».

До пандемии и запретительных мер детский дом всегда был открытым учреждением, что способствовало разноплановым контактам дошкольников с социальным окружением и миром востребованных профессий города и района. До введения ограничений привлекались социальные партнеры, волонтеры для введения детей в мир профессий, организовывались экскурсии и встречи с людьми разных профессий. Воспитанники дошкольного возраста были вовлечены во множественные события края, города, принимали участие в конкурсах, концертах, Гагаринском фестивале, встречались с известными людьми: спортсменами, артистами, представителями НКО, летчиком-космонавтом.

Поскольку процесс ознакомления детей с профессиями предполагает не только обогащение познавательной сферы, но и получение эмоционально-чувственного опыта, в условиях ограничений в период пандемии социальное пространство для встречи детей с профессиональной реальностью оказалось недоступным. Социальное дистанцирование, обусловленное ограничительными мерами, заставило перестроить всю

образовательную деятельность и расставить новые приоритеты, в том числе в работе с дошкольниками по ранней профессионализации.

В данных условиях организация образовательной деятельности по реализации программы ранней профессионализации детей дошкольного возраста потребовала актуализации собственных ресурсов детского дома и разработки новых форм взаимодействия с детьми на основе цифровых технологий.

Так, средой для ознакомления детей с профессиями стали такие организационные структуры детского дома, как столовая, медицинский блок, гараж, бухгалтерия, пространства профессиональных проб воспитанников: швейная, слесарная, столярная мастерские, парикмахерская, кабинет прикладных умений «Вкусные истории», а также медиапространство интернет-кафе. Поэтому в особых условиях с целью преодоления закрытости проживания, педагоги организовали введение детей в мир других профессий, востребованных в детском доме. Через экскурсии по рабочим местам сотрудников учреждения, целевые прогулки, встречи-практикумы дошкольники узнали много новых профессий (плотник, слесарь-сантехник, электрик, штукатур-маляр, вахтер, машинист по стирке белья и другие).

В пространстве детского дома были организованы образовательные ситуации погружения детей в профессиональную атмосферу: воспитанники во взаимодействии с непедagogическими работниками – представителями конкретных видов профессиональной деятельности реально могли постряпать булочки в столовой, заплести косички в парикмахерской, покрутить баранку автомобиля и др.

В период пандемии значительно расширилась предметно-игровая среда дошкольного отделения за счет открытия комплексного кабинета ранней профессионализации. Работа с детьми на дальнейших этапах проводилась в среде этого кабинета.

После осуществления детьми профессиональных проб осуществлялся перенос приобретенного опыта в контекст познавательной деятельности, где были организованы детские мастерские, ситуации имитационного моделирования, создание лэпбуков. В целях расширения представлений детей о том, что представители разных профессий трудятся в разных организациях города, выполняя разные социальные функции, был подготовлен цикл виртуальных экскурсий. Подобная практика помогала преодолеть имеющиеся ограничения и помочь детям увидеть профессию в многообразии и ее роль в социальном пространстве города: булочки пекут

в пекарне, на хлебозаводе; водитель везет булочки в детский сад, школу, магазин, больницу.

Таким образом, реализация программы ранней профессионализации детей дошкольного возраста в условиях ограничений позволила расширить возможности использования внутренних ресурсов организации и использовать цифровые ресурсы для работы с детьми в качестве дополняющих живое общение.

Библиографический список

1. *Груздева О.В., Старосветская Н.А., Свириденко А.Г., Котлярова Е.А., Каблукова И.Г.* Постинтернатное сопровождение детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей: мониторинг трудностей и запросов работников детских домов // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева, 2017. № 1 (39). С. 20–25.
2. *Кондрашов В.П.* Формирование представлений о мире профессий в условиях игровой деятельности дошкольников: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01. Саратов, 2001. 182 с.
3. *Рогов Е.И., Гадаборшева З.И.* Представления о профессии – основание ранней профессионализации дошкольника // Известия Южного федерального университета. Педагогические науки, 2018. № 7. С. 69–75.
4. *Рябцева И.А., Старосветская Н.А.* Анализ теоретических положений социального воспитания // Современное психолого-педагогическое образование: материалы международных психолого-педагогических чтений памяти Л.В. Яблоковой. Отв. ред. О.В. Груздева. Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. Красноярск, 2019. С. 78–81.
5. *Старосветская Н.А., Свириденко А.Г.* Педагогические условия формирования представлений о мире профессий у детей-сирот дошкольного возраста // Психология и педагогика детства. Сборник статей по итогам XXI Всероссийской национальной научно-практической конференции «Психология и педагогика детства: дети третьего тысячелетия». Отв. ред. О.В. Груздева; Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева, 2019. С. 90–98.

ЖИЗНЕСПОСОБНОСТЬ И ЖИЗНЕСТОЙКОСТЬ: ОТКРЫТЫЕ ВОПРОСЫ

В.А. Толочек

ФГБУН «Институт психологии РАН»

Рассматриваются вопросы жизнеспособности и жизнестойкости. Ускорение эволюции социальных объектов, возрастанием всеобщей неопределенности, нестабильности, сложности. Следствием этих процессов является повышением требований к адаптационным механизмам отдельного человека и социальных групп (семьи, рабочих коллективов, спортивных, управленческих, проектных команд); возрастает значение социально-психологических и психологических ресурсов человека. Цель исследования: изучение жизнеспособности человека в условиях неопределенности; предмет: социальные и психологические механизмы и ресурсы жизнеспособности человека; методы: историко-теоретический анализ, анализ результатов эмпирических исследований. Гипотеза: Поддержание жизнеспособности человека и социальных групп посредством формирования просоциальных механизмов поведения по образцу (прототипу) есть первая их стадия. Последующие стадии развития жизнеспособности предполагают формирование механизмов адаптации, инициируемых и поддерживаемых эволюцией «внутренних условий» субъекта. Обсуждаются материалы изучения жизнеспособности и жизнестойкости в зарубежной и отечественной психологии. Констатируется: в исторически сформировавшихся подходах рассматриваются два состояния человека – «ниже нормы»/«нормы» социального, психологического, физического функционирования; жизнеспособность рассматривается как достижение человеком своеобразного «социального гомеостаза», с ориентацией на просоциальные модели поведения окружающих и воспроизведением таких моделей. Продвижение человека к более высокому уровню социального функционирования, его позитивная профессиональная эволюция сопряжены с многократными изменениями и усложнениями актуальных условий социальной среды.

Ключевые слова: жизнеспособность, жизнестойкость, феномен, субъекты, группы, среда, изменения.

Исследование поддержано грантом РФФИ № 19-29-07409 «Социально-психологические ресурсы жизнеспособности человека в условиях неопределенности».

VIABILITY AND VIABILITY: OPEN ISSUES

V.A. Tolochek

Institute of Psychology, RAS

Issues of viability and resilience are considered. Acceleration of the evolution of social objects, an increase in general uncertainty, instability, complexity. The consequence of these processes is the increased requirements for the adaptation mechanisms of an individual and social groups (families, work teams, sports, management, project teams); the importance of socio-psychological and psychological resources of a person is increasing. Purpose of the research: study of human viability in conditions of uncertainty; subject: social and psychological mechanisms and resources of human vitality; methods: historical and theoretical analysis, analysis of the results of empirical research. Hypothesis: Maintaining the viability of a person and social groups through the formation of prosocial mechanisms of behavior according to a model (prototype) is their first stage. Subsequent stages of development of viability presuppose the formation of adaptation mechanisms initiated and supported by the evolution of the «internal conditions» of the subject. The materials of the study of vitality and resilience in foreign and domestic psychology are discussed. It is stated: in the historically formed approaches, two states of a person are considered – «below the norm» / «norm» of social, psychological, physical functioning; vitality is seen as a person's achievement of a kind of «social homeostasis», with an orientation towards prosocial models of behavior of others and the reproduction of such models. The advancement of a person to a higher level of social functioning, his positive professional evolution are associated with repeated changes and complications of the actual conditions of the social environment.

Keywords: vitality, resilience, phenomenon, subjects, groups, environment, changes

Введение

Понятия «жизнеспособность» и «жизнестойкость» в первом приближении можно рассматривать как синонимичные. Отражающие разные аспекты, разные грани проявления феномена, разное его качество. В процессах его полувекowego изучения более устойчивым, универсальным, более широким, объемлющим стало понятие «жизнеспособность»; «жизнестойкость», скорее, окажется более адекватным для описания «жизнеспособности» в наиболее сложных социальных и личностных ситуациях – при резких изменениях социального окружения, статуса, здоровья, финансового положения, при личностных и профессиональных кризисах и т.п. «Восхождение» человека к вершинам физической и духовной зрелости, к более высокому уровню социального функционирования также можно относить к такого рода «рубежным» переходам, требующим от него нечто большего, чем лишь «нормативная «жизнеспособность». Это новое качество жизнеспособности можно

называть «жизнеспособность в квадрате», «жизнеспособность в кубе», или проще – «жизнестойкость».

Жизнеспособность как научная проблема: подходы, исторические доминанты

В русскоязычном варианте термин «жизнеспособность» использовал А.А. Богданов в середине 1920-х годов при разработке общей теории систем; в психологии – Б.Г. Ананьев в 1960-х в концепции целостного изучения человека. С 1950-1960-х годов это понятие (и его эквиваленты) уже широко используют в кибернетике, в синергетике, при анализе эволюции социальных объектов; с 1980-х – в педагогике, в психологии, в биологии, в медицине.

Один из ведущих отечественных специалистов, А.В. Махнач, поддерживая оценки истории изучения обсуждаемой проблемы в психологии Э. Мастеном – Дж. Обрадовиком [8], выделивших «четыре волны», добавляет и свои оценки истории, состояния и содержания современных исследований как «пятую волну». *Первая* волна характеризовалась поиском «черт жизнеспособного человека посредством феноменологического определения условий и защитных факторов, способствующих развитию ребенка»; описанием «трех уровней защитных факторов – индивид, семья и сообщество (школа, сверстники и т. п.)», «Концептуализация понятия жизнеспособности происходила с пониманием того, что защитными являются факторы, формирующие компетентность родителей и в связи с этим – компетентность детей» [3, с. 81]. Вторая стадия – *вторая* волна – характеризовалась лонгитюдными исследованиями-проводились «оценки характеристик матерей, семейных условий и обстоятельств, родительских ожиданий в дородовой период матерей» [3, с. 81]. На второй стадии место первоначально используемого понятия «неуязвимость» чаще замещает более адекватное – «жизнеспособность» («resilience»). Особенности третьего подхода в 1990-1995 годах – «третьей волны» - стали исследования ресурсов, «оказывающих влияние на детей как группу»; которые проводились «на больших популяционных выборках» – десятков и сотен тысяч молодых людей (студентов, школьников); «было выделено сорок факторов, которые респонденты назвали в числе особенно полезных для работы в будущем и оптимальных в жизни. Эти характеристики были сгруппированы в две категории: внешние факторы (получить поддержку, знать и проявлять свои границы, конструктивно использовать время) и внутренние факторы (честность, ответственность, целостность, социальная компетентность, чувство

собственного достоинства, внутреннего локуса контроля и способность решать проблемы)» [3, с. 87]. В стадии *четвертой* волны происходит смещение акцентов в понимании «жизнеспособности как артефакта, как индивидуальной способности идти по своему пути к ресурсам психологического здоровья человека и здоровья социума в контексте культуры»; «Жизнеспособность рассматривается как признак здорового и социально приемлемого функционирования человека» [3, с. 90]. При концептуализации «жизнеспособности» выделяются понятия «надежда», «понимание себя», «поддерживающие отношения», «включение в социум», «совладающие механизмы», «смысл жизни», вводится понятие «поведенческий потенциал». К *пятой* волне А.В. Махнач относит исследования, проводимые «в русле экологического подхода Ю. Бронфенбреннера»; в которых делается «акцент на экологическом подходе в изучении жизнеспособности»; реализуется «четырёхаспектная экологическая модель ...на отдельной возрастной группе (старшие подростки и молодые люди)»; сопоставляются влияния экономических, этнических факторов на представителей разных социальных групп, в частности, эмигрантов и неэмигрантов [3, с. 90]. В этой стадии акценты переносятся на широкие социальные контексты, включающие экономические и этнические факторы.

Итак, жизнеспособность и жизнестойкость широко изучается более полу столетия – с 1960-х годов. Первая волна датируется с начала 1970-х; вторая – с конца 1970-середины 1980-х; третья – с середины 1980-началом 1990-х; четвертая – 1990-2000-е; пятая – с 2000-х. Актуальные вопросы разрабатывались как типовые задачи исследования; длины волн составляли около 10 лет. Очевидно, можно ожидать появления новых «волн» с теми же хронологическими периодами – шестой, седьмой, восьмой.

Заключение

Завершая обзор [1; 2; 3; 8; др.], можно резюмировать следующее. Наименее изученные аспектами проблемы ЖС были и остаются темы профессионального и социального изменения человека в процессах его продвижения, роста, развития. И такие продвижения обычно сопровождаются, иницируются, поддерживаются сложными многоуровневыми процессами организации и самоорганизации субъектов в их отношениях с другими – в масштабе микрогрупп (диад, триад), профессиональных гомогенных групп («психологических ниш»), формированием разных вариантов «симбиотических» отношений в контактных социальных группах [4; 5; 6; 7]. Именно эти аспекты роста и

развития человека как субъекта, как личности имеют вполне определенные стадии изменений, их психологические, социально-психологические и социальные референты (присвоения квалификации, звания; награждения; перемещения на новую должность и пр.). При подобных изменениях среди новых условий внешней среды и «внутренней среды» человека при его профессиональном и социальном продвижении выступают следующие: 1) Регулярная смена задач и приоритетов (требующие перестройки ценностных ориентаций и смыслов, целей и средств деятельности). 2) Нарушения типичных и устоявшихся отношений с окружением (средой), необходимость их периодического переформатирования (при вероятном противодействии со стороны окружающих). 3) Смены образцов поведения и приоритетов (которых исходная среда не предоставляла); соответственно, высока вероятность возрастания конфликтов с прежним и новым окружением). 4) Возрастание частоты личностных и профессиональных кризисов. 5) Возрастание социальной, психологической и физиологической «цены» каждого последующего выбора. 6) Возрастание роли «слабых сил», противодействующих социальной активности человека (снижение мотивации, состояния здоровья и т.п.).

Обобщая, констатируем: в проблеме жизнеспособности – одной из ключевых в понимании отношений человека с окружением (средой), - акцентируются ключевые аспекты взаимодействий человека с миром. Следовательно, можно ожидать появление новых «волн» изучения феномена.

Библиографический список

1. Жизнеспособность человека: индивидуальные, профессиональные и социальные аспекты / Отв. ред. А.В. Махнач, Л.Г. Дикая. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. 256 с.
2. *Лактионова А. И.* Жизнеспособность и социальная адаптация подростков. М.: Институт психологии РАН, 2017. 396 с.
3. *Махнач А.В.* Жизнеспособность человека и семьи: социально-психологическая парадигма. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. 459 с.
4. *Толочек В.А.* Стилевые характеристики и взаимодействия руководителей в управленческой структуре // Вестник Моск. ун-та. Серия 14. Психология, 1995. № 3. С. 11–19.
5. *Толочек В.А.* Психологическое обеспечение профессиональной деятельности. Методики профессионального отбора. М.: Юрайт, 2018. 186 с.
6. *Толочек В.А.* «Психологические ниши»: топос и хронос в детерминации профессиональной специализации субъекта // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология, 2019. № 1. С. 195–213.

7. Толочек В.А. Психология труда. СПб.: Питер, 2020. 480 с.
8. Masten A. S., Obradović J. Competence and resilience in development // Annals of the New York Academy of Sciences, 2006. Vol. 1094. P. 13–27. DOI: 10.1196/annals.1376.003

УДК 378.147.88

МОБИЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ОБУЧЕНИИ: ПЕРСПЕКТИВЫ ВНЕДРЕНИЯ

М.В. Фоминых

ФГАОУ ВО «Российский государственный профессионально-педагогический университет»

Данная статья посвящена вопросу внедрения мобильных технологий в учебный процесс вуза. Мобильное обучение приобретает все большую популярность среди инновационных технологий обучения. В связи с пандемией COVID-19, новые образовательные стратегии, касающиеся получения доступа к учебным материалам, приобретают все большую актуальность. Также актуальность исследования связана с постепенным распространением исследуемого явления на территории Российской Федерации, а также тем, что мобильные технологии являются новым направлением в образовании, однако, их эффективность ставится под сомнения и подлежит дальнейшему изучению. Применение мобильных технологий в высшем учебном заведении, где студенты приобретают знания в области методики преподавания отдельных предметов, видится нам еще более актуальным, так как преподавателю следует в данном случае не только внедрить этот вид технологий, но и научить студента как их применить в будущей профессиональной деятельности. В статье рассматриваются некоторые условия внедрения мобильных технологий в образовании, дано авторское определение мобильного обучения, делается вывод о том, что условия внедрения мобильных технологий неразрывно связаны с общей концепцией развития вуза, направленностью обучения и современными требованиями к будущим специалистам той или иной области.

Ключевые слова: инновационные технологии в обучении, образование, мобильные технологии, мобильное обучение, информационно-коммуникационные технологии.

MOBILE TECHNOLOGIES IN TRAINING: IMPLEMENTATION PROSPECTS

M.V. Fominykh

Russian State Vocational Pedagogical University

The article is devoted to the introduction of mobile technologies in the educational process of the university. Mobile learning is becoming increasingly popular among innovative learning technologies. In the context of the COVID-19 pandemic, new educational strategies regarding access to educational materials are becoming increasingly relevant. The relevance of the study is also related to the gradual spread of the phenomenon under study on the territory of the Russian Federation, as well as the fact that mobile technologies are a new direction in education, however, their effectiveness is questioned and is subjected to further study. The use of mobile technologies in higher education institution, where students acquire knowledge in the field of teaching methods of some subjects, seems to us even more relevant, since the teacher should in this case not only introduce this type of technology, but also teach the student how to apply them in future professional activities. Some conditions for the introduction of mobile technologies in education are discussed in the article, the author's definition of mobile learning are given, and concludes that the conditions for the introduction of mobile technologies are inextricably linked with the general concept of university development, the direction of training and modern requirements for future specialists in a particular field.

Keywords: innovative technologies in training, education, mobile technologies, mobile training, information and communication technologies.

Двадцать первый век – век динамичного развития технологий, социальных сетей и бесконечного потока информации. Нас окружают миллионы приложений, миллионы информационных полей и сайтов. Среди всего этого множества только малая часть направлена на обучение и саморазвитие и с каждым годом число развлекательного контента начинает превалировать. Но развивающиеся мобильные технологии помогают нам сделать знания доступнее, мобильнее и качественнее.

Тренд на саморазвитие и самообучение зародился относительно недавно среди цифрового поколения, и в настоящее время всё больше людей предпочитают обучаться самостоятельно при помощи специально созданных для этого приложений. Так как данная ниша на рынке ещё мало заполнена и не имеет особо крупных компаний, лидирующих в данной отрасли и сконцентрированных только на обучении, то можно с уверенностью сказать, что данное направление имеет большой потенциал для развития [1; 5; 6].

С.В. Титова отмечает, что «...в нашей стране пока еще не уделяется должное внимание анализу и внедрению мобильных устройств в педагогический процесс. Существуют отдельные проекты, которые носят локальный характер...» [4, с. 12].

Мы трактуем понятие мобильного обучения как обучение, не привязанное к определенному местоположению при использовании образовательных возможностей мобильных, а именно портативных технологий, средств, с целью облегчения, поддержки, улучшения и расширения границ преподавания и получения знаний.

На наш взгляд, мобильные технологии служат прекрасным вспомогательным инструментом для преподавателей университетов. Данный вид технологий обучения может применяться на уроках иностранного языка, так-как является наиболее плодотворной почвой для внедрения и использования средств информационно-компьютерных технологий.

Следует отметить, что не все педагоги согласны и готовы внедрить мобильные технологии в процесс обучения, хотя в последние годы наблюдается положительная динамика в данной отрасли [2; 3; 7].

Наиболее целесообразно начинать внедрение мобильных технологий в процессе самостоятельной работы студентов.

Мы полагаем, что самостоятельная работа помогает студентам:

- овладеть знаниями (через чтение текстов и составления по ним графиков и схем, работу со справочниками и словарями, ознакомление с нормативно-правовой базой, написание научно-исследовательских работ разного вида и объема, а также использование ресурсов информационных сетей);

- закреплять и систематизировать знания (составление таблиц, решение контрольных тестов, анализ предложенных материалов, подготовка докладов, презентаций и проектов);

- формировать умения (в процессе подготовки к тестам и контрольным работам, решения различных ситуационных задач, проектирование и моделирование компонентов профессиональной деятельности, решение кейсов и вариативных задач, опытно-экспериментальная работа).

Так, одной из самых главных особенностей мобильных технологий при обучении иностранному языку является – интерактивность, за счет неё у обучаемого заметно вырастает уровень вовлеченности в работу, сам процесс активизации происходит проще и быстрее. При работе с

приложением обучаемый не ощущает какого-либо непонимания, как это бывает при работе с обычной письменной литературой.

Мы выделяем некоторые условия внедрения мобильных технологий в обучение: низкий порог вхождения, отзывчивость приложения, высокий уровень взаимодействия с приложением, интуитивность интерфейса и постоянная система вознаграждения за выполнение заданий.

Низкий порог вхождения. Данное определение впервые зародилось в игровой индустрии начала девяностых годов и в дальнейшем стало обретать всё более широкое распространение на другие отрасли жизни. Порогом вхождения называют уровень усилий или времени, или усилий и времени приложенные для освоения того или иного дела. Данные факторы играют ключевую роль для установления высоты порога вхождения; чем ниже порог, тем легче в освоении деятельность.

Отзывчивость приложения. Отзывчивостью приложения мы можем считать умение приложения реагировать и откликаться на взаимодействие с ним человека (пользователя). Отзывчивость является одним из ключевых аспектов в приложении, так как без полного взаимодействия с элементами интерфейса, картинок, иконок и прочего, человек весьма быстро теряет интерес.

Высокий уровень взаимодействия с приложением. При достаточном уровне отзывчивости приложения появляется высокий уровень взаимодействия приложения и пользователя. Под взаимодействием с приложением подразумевается прямой контакт, непосредственно проведенное время в приложении, количество фото, аудио и видео материалов, а также косвенный контакт, под которым подразумевается установка приложения на смартфон, количество включений непосредственно самого приложения и количество уведомлений данного приложения.

Интуитивность интерфейса. Здесь подразумевается удобство использования для пользователя, пригодность и эргономичность. Но под интуитивностью интерфейса не стоит понимать только его легкость использования.

Постоянная система вознаграждения. Для достижения постоянного взаимодействия с приложением и повышения уровня заинтересованности обучения, пользователю следует получать некие вознаграждения.

Следует отметить, что обучение с помощью мобильных технологий успешно внедрено в образовательный процесс ФГАОУ ВО «Российский государственный профессионально-педагогический университет» на базе кафедры германской филологии для студентов по направлению 44.03.01

Педагогическое образование и профилю подготовки «Образование в области иностранного языка (английского)».

Нами был разработан онлайн курс в системе электронного обучения РГППУ на платформе Moodle (Фоминых М.В. Актуальные проблемы лингводидактики <https://lms.rsvpu.ru/course/view.php?id=392>), который предполагает, с одной стороны, внедрение мобильных технологий в учебный процесс, с другой – практику применения мобильных технологий в методике обучения иностранным языкам. Тем самым, студенты, осваивающие данный онлайн курс учатся применять мобильные технологии в будущей профессиональной деятельности.

Условия внедрения мобильных технологий неразрывно связаны с общей концепцией развития вуза, направленностью обучения и современными требованиями к будущим специалистам той или иной области.

Перспективы дальнейшего исследования проблемы мы видим в более детальном изучении мобильных технологий в обучении при подготовке студента к непосредственной профессиональной деятельности, а также разработке диагностического инструментария с применением мобильных технологий с целью активизации самостоятельной работы студентов.

Библиографический список

1. *Коновалов А.А.* Профессионально-педагогическое образование: современные тенденции и пути развития // Инновационная научная современная академическая исследовательская траектория (ИНСАЙТ), 2020. № 1 (1). С. 7–14.
2. *Ломовцева Н.В., Заречнева К.М.* Готовность преподавателей вуза к цифровой трансформации образовательного процесса // Инновационная научная современная академическая исследовательская траектория (ИНСАЙТ), 2020. № 1 (1). С. 45–53.
3. *Мосина М.А., Дворецкая М.А.* Мобильное обучение в образовательном процессе: отечественный и зарубежный опыт // Проблемы романо-германской филологии, педагогики и методики преподавания иностранных языков, 2016. № 12. С. 64–71.
4. *Титова С.В.* Мобильное обучение сегодня: стратегии и перспективы // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2012. №1. С. 9–23.
5. *Ценер Т.С., Ошкина А.В.* Особенности обучения в онлайн-формате в высшей школе в форсированных условиях // Международный журнал гуманитарных и естественных наук, 2020. №5-3. С.170–171.
6. *Monahan T., McArdle G., Bertolotto M.* Virtual reality for collaborative e-learning. *Comput. Educ.*, 2008. 50 (4). P. 1339–1353.
7. *Wylie J.* Mobile learning technologies for 21st century classrooms [Электронный ресурс] // URL: <http://www.scholastic.com/browse/article.jsp?id=3754742> (дата обращения:

10.06.21).

УДК 177

ЭЛЕМЕНТЫ НЕОПРЕДЕЛЁННОСТИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

М.В. Харитонов
Санкт-Петербург

В статье рассматриваются элементы нестабильности и неопределённости в деятельности преподавателя высшей школы. Подчёркнута отчётливая тенденция нарастания этой неопределённости и нестабильности в современной высшей школе. Указаны основные тенденции и причины существующей нестабильности. Рассмотрены как технологические факторы, так и социальные первопричины возникающего организованного властными бюрократическими структурами хаоса. Статья продолжает линию предыдущей авторской позиции, отражённой в материалах первой конференции. Современное постмодернистское общество внутренне противоречиво. Гуманная его составляющая провозглашает изменчивость и неопределённость. Вместе с тем, технократическая и силовая часть общества выступает за минимизацию неопределённости, провозглашая примат тотального контроля и непрерывной слежки за населением вроде бы свободных стран. Нельзя не учитывать также и социальную составляющую в деятельности преподавателя современной высшей школы. Механизмы обратной связи от студентов и их родителей часто существенно ограничивают свободу и творчество преподавателя, подталкивая его к соглашательству и приспособлению.

Ключевые слова: определённость – неопределённость, современная высшая школа, тотальный контроль, мягкий контроль, жёсткий контроль, целеполагание человека, способность к свободе, механизмы обратной связи, бюрократические структуры, свобода и творчество преподавателя.

ELEMENTS OF UNCERTAINTY IN THE ACTIVITY OF A HIGHER SCHOOL TEACHER

M.V. Kcharitonov
Saint-Peterburg

The article considers the elements of instability and uncertainty in the activity of a higher school teacher. A clear trend of increasing this uncertainty and instability in modern higher education is emphasized. The main trends and causes of the existing instability. Both technological factors and social root causes of the chaos organized by the power bureaucratic structures are considered. The article continues the line of the previous authors position, reflected in the materials of the first conference. Modern postmodern society is internally

contradictory. Its humane component proclaims variability and uncertainty. At the same time, the technocratic and power-based part of society advocates minimizing uncertainty, proclaiming the primacy of total control and continues surveillance of population of seemingly free countries. It is impossible not to take in to account the component in the activity of a teacher of a modern higher school. Feedback mechanisms from students and their parents often significantly restrict the freedom and creativity of the teacher, pushing him to compromise and adapt.

Keyword: Certainty – uncertainty; modern high school; total control; soft control; tight control; human goal setting; the ability to be free; feedback mechanisms; bureaucratic structures; teachers freedom and creativity.

Одно из ключевых положений политической психологии гласит: остатки авторитаризма как политической культуры дольше всего сохраняются в тюрьме, в армии и в школе. Разумеется, высшая школа также является хранителем авторитарных традиций уходящего или наступающего политического режима. Можно долго и подробно рассуждать о высказываниях прусских политиков конца XIX века, заявлявших, что прусскую армию создали школьные учителя. Мы можем также привести утверждения одного из прусских историков, заявлявших, что ключевую победу в австро-прусской войне «в битве под Садова» (Кёниггреце) прусский школьный учитель выиграл у австрийского школьного учителя (австрийско-прусская война 1866 года). Подчёркивание роли младшего командного звена характерно было и для Советской Армии, когда министр обороны СССР маршал Р.Я. Малиновский заявлял: «Армией команду я и сержанты!» В любом случае, роль учителя как организатора точек стабильности в обществе постоянно подчёркивалась в любых социальных и в политических системах. При решении подобных задач преподаватель школы, в том числе и преподаватель высшей школы должен работать на уменьшение уровня влияния элементов неопределённости в своей деятельности и на нарастание элементов стабильности. Однако такие стратегии и тактики поведения возможны лишь в том случае, если вышестоящие управляющие органы сами нацелены на стабилизацию ситуации, на воспроизводство существующей модели обучения и модели взаимодействия преподавателей высшей школы со своими подопечными, то есть со студентами. Но последнее время у рядовых преподавателей высшей школы возникает стойкое ощущение, что руководящие органы Министерства образования в подобной стабильности вовсе не заинтересованы. На одной из недавних пресс-конференций один из заместителей министра образования вообще провозгласил лозунг: «изгнать советского учителя из современной школы». Давайте представим

психологическое состояние учителя предпенсионного возраста. Он стойко и последовательно боролся за применение в школе идей Шаталина, Сухомлинского, Амонашвили. Он боролся против формализующих и подавляющих интеллектуальную активность школьников схем Бабанского и Давыдова, с их пресловутыми ЗУНами. Ему удалось доказать бессмысленность и нежизненность этих схем. А теперь всю его предшествующую деятельность «обнуляют» и лишают целей деятельности. Тем самым уровень неопределённости в деятельности учителя достигает максимальных величин. Ведь отныне неизвестно, какие части образовательного процесса соответствуют современным требованиям. Ситуацию осложняет тенденция руководящих работников Министерства просвещения отдавать право на разработку контролирующих и оценивающих тестов представителям провинциальных вузов. Ситуация выглядит даже не смешно. Есть устоявшиеся в России вузы с крепкой репутацией. Они постоянно входят в рейтинги мировых агентств, хотя и не занимают первые места. МГУ, СПбГУ, МГИМО, «Финек», «Бауманка». Но им почему-то не доверяют разработку тестов, оценивающих остаточные знания студентов, знания преподавателей. (Заметим, что по пресловутому Закону, знания преподавателей высшей школы также подлежат с ноября 2021 года обязательному тестированию). Давайте задумаемся в психологию преподавателя провинциального вуза. Ему доверили оценивать знания тех людей, которые обошли его по карьерной и по профессиональной лестнице. Условный «Бабаевск» в разы даёт больше возможностей для развития личности преподавателя высшей школы? Элементарные вещи: доступ к фондам различных библиотек (в Европейском Союзе ВСЕ библиотеки вузов объединены во всеобщем компьютерном пространстве, а книги давно оцифрованы), доступ к ведущим личностям в медиа-пространстве, к театрам, к музеям, к флэш-мобам навсегда перечёркивают преимущества провинциальной жизни. Конечно, «работа на удалёнке» сильно нивелирует культурное отставание провинции. Но психология неудачника остаётся у преподавателя провинциального вуза навсегда. Не далее как этим летом я стал случайным свидетелем разговора школьницы, ехавшей со сдачи ЕГЭ в трамвае. Девушку возмущала примитивность заданий на экзамене. Она сдала ЕГЭ по русскому языку за 20 минут. Особенно её поразило вопрос: Назовите слово, в котором букв меньше, чем звуков? К сожалению, предлагаемые провинциальными преподавателями задания соответствуют такому примитивному уровню подхода. Нам доводилось участвовать в тестовой оценке остаточных знаний студентов ряда вузов. В числе вопросов были такие, которые явно принадлежат авторам лишь одной теории, что

было отражено лишь в одной единственной их публикации на русском языке. Научная общественность о самом факте такой теории и такой публикации и знать то ничего не знает. Я не говорю уже об анализе этой теории. Тем самым тестирование студентов превращается в модификацию телевизионного «Поля чудес» или же в такую же телевизионную «Угадайку». Понятно, что уровень неопределённости в деятельности преподавателя высшей школы, особенно в «столичных» вузах, при подобных условиях только нарастает. Фактически, современный преподаватель высшей школы не работает на систему знаний. Он работает по схеме описанной бихевиористом Торндайком в начале XXго века: проб, ошибок и случайного озарения. Вопросы теста, предлагаемые провинциальными преподавателями всегда примитивны, рассчитаны на внезапные озарения и случайные побочные знания.

И у меня, как у человека, работающего преподавателем высшей школы с 1988 года, возникает простой вопрос: чему я должен учить студента? Неким общим тенденциям моей науки или внезапным побочным озарениям? Вопрос как у профессионального футболиста: я должен играть суперигру за команду или за сборную? Я должен демонстрировать свой высочайший уровень, а он у меня есть, в повседневных лекциях или во внезапных озарениях на конференциях и семинарах, на платных занятиях? Такие вопросы только увеличивают уровень неопределённости в повседневной деятельности преподавателя современной высшей школы.

Любая социальная система, а высшая школа, безусловно, относится к их числу, может двигаться только в трёх направлениях. Либо надо развиваться, либо застывать, либо двигаться назад. Современное высшее руководство современной России провозглашает принцип развития. Но при этом следует вспомнить одну из аксиом социальной психологии. У любой социальной системы есть всего два варианта передачи имеющегося социального опыта. Есть жёсткие элементы передачи социального опыта. Они помогают только тогда, когда условия (социальные, экономические, политические, географические, климатические и т.д.) остаются неизменными. А гибкие элементы социального опыта – это опыт про запас. Опыт на всякий случай, вдруг он может пригодиться, а вдруг и нет. Вспомним состав русских народных сказок. Есть некий Иван-дурак, который лежит на печи и совершает абсолютно глупые поступки: со щуками разговаривает, например. Но когда социальная группа оказывается в кризисе (прилетает огненная кобылица и вытаптывает посевы пшеницы, что грозит семье голодом), именно «дурацкое» поведение Ивана спасает группу от гибели. Именно поэтому преподавателю высшей школы следует понять,

что нарастание элементов неопределённости в его деятельности возможно лишь в том случае, если его преподавательская деятельность не будет ни кем ограничиваться. Именно при максимуме неопределённости возможно любое творчество. Единственное условие: максимум неопределённости не должен превращаться в хаос.

Ранее мы проговорили о возможных вариантах развития высшей школы как социальной системы. К сожалению, у рядовых преподавателей этой системы возникает стойкое ощущение, что руководство нашего Министерства взяло на вооружение принцип «управляемого хаоса». В данной модели управления преподаватели получают большое количество распоряжений, внутренне противоречащих друг другу. Такое состояние накачивает уровень неопределённости в деятельности преподавателя. Абсолютно не учитывается уникальность личности преподавателя высшей школы. А ведь часто, это человек, принципиально отказавшийся от научной карьеры. Он самостоятельно лишил себя публичности. Его повседневная деятельность включает в себя очень большое число лекций и семинаров (на слэнге самих преподавателей – «голосовых»). При этом никем не отменённые санитарные нормы на количество положенных часов работы учебно-методическими отделами вузов принципиально не соблюдаются. У меня в опыте значится печальный опыт работы в одном из вузов, когда мне «сумели» поставить 80% годовой учебной нагрузки в первый семестр. Я работал по 5 академических пар в день, то есть находился в вузе по 10 астрономических часов подряд. Перерыв между занятиями составлял всего 10 минут. Даже задача «выпить стакан чая» при таком лимите времени становится нереализуемой. И самым ярким показателем неопределённости моей деятельности как преподавателя высшей школы был вопрос выживания. Доживу ли я до конца этого семестра? Более чем наглядная картинка равнодушного отношения к формально почётной и поощряемой деятельности преподавателя высшей школы.

Резко увеличилось количество элементов неопределённости в деятельности преподавателя высшей школы после принятия пресловутого «Закона о просветительской деятельности», или, выражаясь официально, №85-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный Закон «Об образовании в Российской Федерации». Напомним, что действие этого Закона началось с 1 июня 2021 года. После принятия этого Закона учебная деятельность преподавателя высшей школы становится крайне неопределённым делом. Особенно это касается тех преподавателей высшей школы, которые работают в циклах гуманитарного направления. История, литература, социология, политология, психология всегда имели и имеют большое

количество спорных эпизодов, неявных трактовок, оценочных моментов. Так, преподавая курс «Социальной психологии» и рассуждая о системах ценностей в различных культурах, я привожу пример с восстанием декабристов. О готовящемся восстании знали очень многие дворяне, знали даже некоторые члены царской семьи. Но у русского дворянства, как очень узкой социальной прослойки, существовала традиция недоносительства. Ведь на дворянство, с одной стороны, подвергалось давлению царской бюрократии. С другой стороны существовали негативные сигналы от крестьян и ремесленников. Поэтому дворянство максимально пыталось сохранить себя как социальный слой. Донос о готовящемся выступлении подал некто Джон Шервуд, англичанин по происхождению, унтер-офицер Украинского уланского полка. У него были другие представления о чести. Но теперь, после принятия №85-ФЗ, любые поклонники англичан, украинских уланов и так далее могут подать на меня жалобу. Дескать, я такими сведениями разжигая межнациональную или социальную рознь. Наказание последует - отстранение меня от преподавания в высшей школе на два года. Я думаю, что вероятность моего возвращения в высшую школу после вынужденных «каникул» будет стремительно приближаться к нулю. Таким образом, Закон ФЗ №85 изначально делает из преподавателей высшей школы лицемеров, заставляя их приспособливаться к ожиданиям и требованиям различных социальных и национальных групп. И «Колыбельную» М.Ю. Лермонтова больше читать нельзя. Ведь великий поэт писал: «Злой чечен ползёт на берег, точит свой кинжал». И А.С.Пушкин со словами: «Ты – раб, ты – трус, ты – армянин» отныне экстремист и террорист. Хотя он и вкладывает эти слова в уста бандита чеченца Гусаба. Но такие двусмысленные речевые ловушки только увеличивают уровень неопределённости в деятельности преподавателя высшей школы.

Другой пласт неопределённости связан с использованием в вузах разного рода электронных приспособлений и гаджетов. С одной стороны, профессор психиатрии Ульмского (Германия) университета (Университет медицины и естествознания) Манфред Шпитцер, заявляет, что поражения коры головного мозга человека от длительного употребления кокаина и длительного нахождения в «Фейсбуке» одинаковы. Он утверждает, что знания, полученные с помощью компьютера, медленнее и слабее запечатлеются в нашем мозге. При этом у компьютерного обучающегося сильно падает скорость мышления как психического процесса. Но современный процесс обучения вне использования электронных средств уже невозможен. У меня была возможность, на своей личной практике,

сравнить процесс преподавания курса «Психология массовых коммуникаций» в государственном и в частном вузах. В государственном вузе я был вынужден рисовать наброски рекламы мелом на доске. В частном вузе у меня был класс с интерактивной доской у меня и с компьютерами на столах у каждого студента. Понятно, что уровень подачи материала, уровень погружения в проблемы средств массовой коммуникаций различался на порядок. В государственном вузе, даже если у меня и у студенческой группы были только мои занятия, всего две пары, и мы все должны ехать через весь город в аудиторию. В частном вузе, уже в 2011 году, я преподавал через компьютер, заходя на специальный сайт вуза. А методист отдела дистантного образования отслеживал, все ли студенты присутствуют на этих занятиях.

И последний аспект неопределённости в деятельности преподавателя высшей школы. Сильно изменился в последнее время социальный состав студентов. Всё больше и больше становится выходцев из провинции. Но это далеко не всегда Ломоносовы. Едут дети тамошних мелких и средних начальников. Они привыкли в своих городах решать проблемы с помощью социальных связей своих родителей. И когда они в столичных городах вдруг сталкиваются с требованиями преподавателей, с принципиальными подходами, они пытаются и тут решать свои проблемы отнюдь не усилением учебной деятельности. В ход у них идут либо связи их родителей в столицах, либо коллективные доносы и жалобы. В чём только не обвиняют преподавателей высшей школы?! Сексуальные домогательства и принуждение к даче взятки наиболее распространены. Тем самым преподаватели чувствуют себя ограниченными в своих попытках заставить студентов учиться. С одной стороны, в современном мире объём знаний каждые четыре года постоянно удваиваются. Современного студента обучить на всю оставшуюся жизнь просто невозможно. Зубрёжка для сдачи экзамена – тупиковый путь! Скорее всего, студентов следует научить искать знания, дать им алгоритмы поиска знаний. Но и преподаватель высшей школы сам не знает, в каком направлении будет двигаться его наука. И какова скорость этого потенциального движения.

Таким образом, завершая эту публикацию, хочется заметить следующее.

1. Количество элементов неопределённости в деятельности современного преподавателя высшей школы только увеличивается.

2. Руководство страны, Правительство, законодатели своими действиями только увеличивают количество этих элементов неопределённости.

3. Социальные тенденции сегодня таковы, что общество тоже работает на увеличение количество элементов неопределённости в деятельности преподавателя высшей школы.

УДК 159.99

РОЛЬ ЦЕННОСТНО-ОРИЕНТИРОВАННОГО ПОДХОДА В ИЗУЧЕНИИ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖИ

*Е.Л. Чернышова, Д.В. Иванов, Е.И. Рощупкина
ФГБОУ ВО «Самарский государственный
социально-педагогический университет»*

В статье представлено теоретическое обоснование ценностно-ориентированного подхода изучения социально-политической активности учащейся молодежи. Учитываются различные научные школы трактования феномена ценности в психологии, философии, социологии. Предполагается, что социальную активность, в том числе и социально-политическую активность необходимо изучать с точки зрения ценностно-окрашенной деятельности, учитывая при этом индивидуально-психологические особенности носителей такой деятельности. Основываясь на фундаментальных трудах отечественных и зарубежных ученых, нами предлагается новое определение понятия «ценности» как регулятора социальной активности человека. Обоснование ценностно-ориентированного подхода в изучении социально-политической активности личности делает возможным в дальнейшем разработку модели формирования адекватной уровню правой и гражданской ответственности социально-политической активности учащейся молодежи. Данное исследование приобретает особую значимость в условиях обострившихся экономических, социальных, социокультурных, религиозных, расовых, этнических, национальных и т.д. конфликтах.

Ключевые слова: социальная активность, социально-политическая активность, учащаяся молодежь, ценности личности, ценностно-ориентированный подход.

«Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-31545»

THE ROLE OF THE VALUE-BASED APPROACH IN THE STUDY OF SOCIO-POLITICAL ACTIVITY OF STUDENTS

*E.L. Chernyshova, D.V. Ivanov, E.I. Roschupkina
Samara State University of Social Sciences and Education*

The article presents a theoretical justification of the value-based approach to the study of socio-political activity of students. Various scientific schools of interpretation of the value

phenomenon in psychology, philosophy, and sociology are taken into account. It is assumed that social activity, including socio-political activity, should be studied from the point of view of value-colored activities, taking into account the individual psychological characteristics of the carriers of such activities. Based on the fundamental works of domestic and foreign scientists, we propose a new definition of the concept of «value» as a regulator of human social activity. The substantiation of the value-oriented approach in the study of the socio-political activity of the individual makes it possible in the future to develop a model for the formation of a socio-political activity of students that is adequate to the level of right and civic responsibility. This study is of particular importance in the context of aggravated economic, social, socio-cultural, religious, racial, ethnic, national, etc. conflicts.

Keywords: social activity, socio-political activity, student youth, personal values, value-oriented approach.

«The reported study was funded by RFBR and EISR according to the research project № 21-011-31001»

Социальная активность личности будучи одним из проявлений взаимодействия человека с окружающей средой характеризует его с позиции ценности для общества. Такая позиция особенно привлекательна для молодежи как особой социальной когорты, отличающейся романтичностью взглядов и максималистскими установками. Реализация собственной мировоззренческой позиции молодежи происходит в процессе межличностного общения в условиях своего непосредственного социального окружения. Социально-политическая активность молодежи, в свою очередь, является одной из форм такого общения, направленной на поиск собственного места, предназначения в условиях динамичности современного социума.

К проблеме социально-политической активности учащейся молодежи в настоящее время приковано внимание не только представителей политических, социологических наук и ученых, занимающихся проблемами социальной и педагогической психологии, но и простых людей, равнодушных к судьбе своего государства и становлению подрастающего поколения как патриотических личностей. Во многом это обусловлено теми стихийными политическими процессами, которые затронули нашу страну и целый мир в период с 2014-2021 годы. Безусловно, изучение социально-политической активности учащейся молодежи как феномена одинаково важно всеми науками, однако, раскрыть детерминанты, механизмы социально-политической активности, отличающейся девиантным модусом, создать траекторию коррекции такого поведения, основанного на

ценностно-ориентированном подходе, доступно только психологической науке.

Одним из положений, детерминирующих социокультурный аспект девиации, является проблема ценностей и ценностных ориентаций подрастающего поколения.

Ценностные ориентации – относительно устойчивое и избирательное отношение индивида к совокупности материальных и духовных благ, идеалов, рассматриваемых им как предметы, цели, а также средства удовлетворения потребности жизнедеятельности личности. Так, в ценностных ориентациях аккумулируется жизненный опыт человека, который определяет его отношение к себе и взаимоотношения в обществе. В данном определении наиболее полно отражается содержание ценностной ориентации человека, ее динамичный характер, а также значение в жизни индивида в процессе становления личности.

В русле изучения социально-политической активности учащейся молодежи мы предлагаем иную интерпретацию ценностных ориентаций. Так, на наш взгляд, ценностные ориентации являются интегральным (когнитивно-эмоционально-волевым) свойством и состоянием готовности каждой личности к сознательному определению и оценке своего местоположения во времени, в пространстве, направления деятельности, базирующемся на личном опыте в соответствии с конкретным условием постоянно изменяющейся ситуации. В данном определении мы отмечаем важнейшую роль ценностных ориентаций человека как регулятора его поведения, в частности, и его социальной активности, в целом.

Ценности как предмет философского, социологического, психологического, педагогического анализа широко представлен в трудах отечественных ученых (В.Г. Алексеева, Б.С. Алишев, Г.М. Андреева, Л.И. Анцыферова, В.Г. Асеев, А.Г. Асмолов, Е.П. Белинская, М.И. Бобнева, С.С. Бубнова, Г.Л. Будинайте, Ф.Е. Василюк, Б.И. Додонов, Е.М. Дубовская, Н.А. Журавлева, В.П. Зинченко, В.А. Иванников, А.В. Капцов, Л.В. Карпушина, Д.В. Каширский, Н.А. Кирилова, Т.В. Корнилова, Н.М. Лебедева, Д.А. Леонтьев, В.Г. Морогин, В.С. Мухина, Б.Д. Парыгин, М.Р. Рогов, С.Н. Сайко, В.Е. Семенов, А.В. Серый, Л.М. Смирнов, В.С. Собкин, Б.А. Сосновский, О.А. Тихомандрицкая, Д.И. Фельдштейн, Е.В. Шорохова, М.С. Яницкий и др.) и зарубежных коллег (В. Брожик, М. Вебер, Э. Дюркгейм, Р. Инглхарт, К. Вельцель, Г. Лотце, А. Лэнгле, А. Маслоу, Ф. Ницше, Г. Олпорт, Г. Риккерт, П.А. Сорокин, У. Томас, Ф. Знанецкий, В. Франкл, М. Шелер, G.W. Allport, P.E. Vernon, C. Lindsey,

G. Kluckhohn, C.W. Moris, N. Rescher, M. Rokeach, S. Schwartz, W. Bilsky, L. Sagiv, E. Spranger, R.M. Williams и др.) [3].

Исследования по вопросам ценностных ориентаций показали, что само понятие носит несколько дискуссионный характер в силу множественности его определений. И тем не менее, в самом общем виде выделяют два подхода к определению ценностных ориентаций: объективистский и субъективистский. С позиции объективистского подхода и с точки зрения объективно-идеалистических теорий понятие «ценностные ориентации» рассматривается как потусторонняя сущность, находящаяся вне пространства и времени; с точки зрения материалистической теории, рассматривается как конкретное проявление социальных отношений и нормативно-оценочных сторон общественного сознания. С позиции субъективистского подхода и с точки зрения субъективно-идеалистических теорий понятие «ценностные ориентации», раскрывается как феномен сознания субъективного отношения человека к оцениваемым им объектам; с точки зрения натуралистических теорий – как выражение естественных потребностей человека и законов природы в целом.

Особое положение занимают ученые, которые пытаются найти компромисс между первым и вторым подходами к определению «ценностных ориентаций». Для них ценностные ориентации означают форму проявления социальных отношений. Согласно учениям О.Г. Дробницкого, существуют два вида значений понятия ценности: предметные ценности, которые являются объектно-ориентированными проявлениями потребностей, и ценности сознания или ценностные представления. Первый вид является объектом наших оценок, второй вид выступает в качестве высших критериев для таких оценок [2].

Абсолютно новый смысл понятия ценности представлен в трудах Иммануила Канта: ценность нравственных поступков относится к «естественному» расположению души, но только с тем противодействием, которое направляется непосредственно на разум и волю человека. Кант вводит понятие «абсолютная ценность» воли, направленное на выполнение нравственного закона ради самого закона. Только все ценности определяют нравственный закон [7].

Ограничение ценности нравственной деятельностью являлось попыткой разделить ценностную сферу и природное бытие. Впервые «ценность в себе» становится синонимом личности. Теоретическое учение ценности Канта открыло пространство для будущих достижений аксиологии.

В зависимости от того, признает ли человек доминирующие ценности в обществе и средства их достижения, Роберт Мертон выделил пять моделей социальной адаптации существующих культурных норм:

- конформизм (полное принятие целей и средств их достижения);
- инновация (достижение утвержденных целей непризнанными средствами);
- ритуализм (соблюдение внешних правил для своих собственных целей);
- эскейпизм (отрицание доминирующих целей и средств их достижения);
- мятеж (амбивалентное отношение к социальным целям и нормам) [5].

В социологии и социальной психологии ценность и ценностные ориентации изучались с помощью взаимодействия личности и группы. Признавая тот факт, что ценность является продуктом, как общества, так и группы, исследовались отношения общества и ценностей через трансформацию нужд в социально значимое поведение [5].

Интересным является вопрос классификации самих ценностей. Общим основанием для классификации ценностей является разделение их на основе видов человеческой деятельности. Таким образом, исследователи выделяют материальные, социальные, политические и духовные ценности.

Материальные ценности включают в себя природные богатства, средства производства потребительских товаров, памятники культуры, книги и пр. Материальные ценности необходимы для физического выживания человека и предназначены для удовлетворения личных насущных потребностей.

Семья, государство, этнос, права человека, политические свободы – все это является социально-политическими ценностями, которые служат основой социальной жизни и отражают характеристики отношений между обществом и личностью, характером социальных отношений и уровнем развития общества.

К духовным ценностям относятся знания, которые включают в себя философские концепции, политические доктрины, принципы, идеологии, морали, религиозные постулаты совести, произведения искусства и многое другое [5].

С.Ф. Анисимов предлагает следующую классификацию ценностей: самые высокие ценности (человека и человечества); ценности материальной жизни; социальные ценности духовной жизни общества. Основой для

классификации ценностей послужила степень общности и универсальности. В связи с этим, выделяются общечеловеческие национальные, государственные, классово-корпоративные, профессиональные, семейные, индивидуальные и личностные ценности [1].

Особый интерес представляет типология ценностей, составленная на основе потребностей индивида. Так Ю.М. Плюснин и Г.В. Давыдова выделили, в соответствии с иерархией потребностей А. Маслоу, пять групп ценностей:

- группа низших ценностей, связанных, прежде всего с удовлетворением физиологических потребностей;
- группа ценностей, связанных с удовлетворением потребности в безопасности, личной защищенности;
- группа ценностей, связанных с удовлетворением потребности в межличностных связях;
- группа ценностей, связанных с удовлетворением потребности в самоуважении;
- группа высших ценностей, связанных, прежде всего, с удовлетворением потребности в саморазвитии [6].

При соотношении ценностей с потребностями индивида Н.И. Лапин выделяет витальные – первичные потребности, являющиеся существенными для сохранения и продолжения жизни; интеракционистские – необходимость общения, взаимодействия с другими людьми; социализационные – необходимость усвоения ценностей, норм, образцов поведения, которые приняты в определенной этнической группе, обществе или культуре; смысложизненные – потребность в заполнении своего жизненного смысла [4].

В современном мире по словам Э. Олдмейера, существуют изменения ценностей, относящихся к «минимальному канону» и поверхностные ситуативные определения. Он выделяет направления изменения ценностей, основанные на чувстве уважения и почтения к силе и власти. Таким образом, Э. Олдмейер выделил четыре направления функционирования ценностей:

- ценности в области межличностных отношений;
- ценности в области отношения «человек-природа»;
- ценности, направленные на собственное «Я»;
- ценности, направленные на высшие смысловые содержания [5].

По М. Рокичу, ценность – устойчивое представление о конкретной модели поведения (инструментальная ценность) или цель-состояние

(терминальная ценность) существования, ценности являются личным или социальным предпочтением. Для М. Рокича ценность является важнейшим процессом, который регулирует целостность понятия «Я». Ценности формируют представления человека об объекте взаимодействия или ситуации, дифференцируя их на желательные или нежелательные, хорошие или плохие, на истинные или ложные, что формирует поведение человека в целом. Концепция человеческих ценностей, по М. Рокичу, включает в себя следующие постулаты:

- общее число ценностей невелико;
- все люди имеют одни и те же ценности, только они имеют для разных людей разную значимость;
- ценности организованы в системы;
- истоки человеческих ценностей прослеживаются в культуре общества, общественных институтах и личности человека;
- влияние ценностей прослеживается практически во всех социальных феноменах [9].

Ценностные ориентации, связывающие внутренний мир личности с окружающей средой, образуют сложную иерархическую систему, занимают пограничные положения между мотивационно-потребностной сферой и системами личностных смыслов. Ценностные ориентации выполняют двойственную функцию. Во-первых, системы ценностных ориентаций выступают в качестве контрольного органа по регуляции всех возбудителей активности индивида, определяя приемлемый способ их реализации. Во-вторых, в качестве внутренних источников жизненной цели человека, выражая то, что представляется для него самым важным, а значит имеет личностный смысл. Системы ценностных ориентаций являются важным психологическим органом в процессе саморазвития, а также личностного роста, определяют одновременно направление этого роста и способы осуществления развития.

Согласно функциональным значениям, ценности личности представляется возможным разделять на две основные группы: терминальную и инструментальную, выступающие в качестве личностной цели и средств достижения этих целей. В зависимости от направлений – в сторону личностного развития или сохранения гомеостаза, ценности можно разделить на высшие (то есть ценности развития), а также регрессивные (то есть ценности сохранения). Одновременно терминальные, инструментальные, высшие, регрессивные, внутренние, внешние согласно

происхождению ценности, соответствуют разным уровням, а также стадиям развития личности.

Установки, аттитюды, а также ценностные ориентации любой личности регулируют реализацию потребностей человека при разных социальных ситуациях. Так, В.Я. Ядов объединил все описанные регулятивные образования в качестве диспозиций, то есть «предрасположенности».

В «диспозиционных концепциях регуляции поведения личности» В.Я. Ядов описывает иерархическую организацию систем диспозиционного образования. В разработанной автором схеме на низших уровнях системы диспозиций располагаются элементарные установки, которые носят неосознаваемый характер, а также связанные с витальными потребностями. Вторым уровнем составляют социально фиксированные установки, или аттитюды, которые формируются на базе потребности человека во включении его в социальную среду. Третьим уровнем системы диспозиций является базовая социальная установка – отвечающая за регуляцию главной направленности интересов личности внутри конкретных сфер социальной деятельности человека. Высшим уровнем личностных диспозиций личности является ее система ценностных ориентаций, которая соответствует высшей социальной категории, отвечающая за отношение индивидов к жизненным целям, за средства удовлетворения потребностей личности.

Любой уровень диспозиционной системы задействован в разных сферах, а также соответствующих ситуациям общения: внутри ближайшего семейного окружения, внутри малой контактной группы, конкретной области работы и, в конце концов, в определённых типах общества.

Отдельные уровни диспозиционных систем отвечают за конкретное проявление активности:

- за отдельный поведенческий акт в актуальных предметных ситуациях;
- за осуществляемый в привычной ситуации поступок;
- за поведение человека в качестве системы поступков;
- за целостность поведения или деятельность человека.

Ценностные ориентации в виде высшего уровня диспозиционных систем, согласно В.Я. Ядову, полностью находятся в зависимости от социальных общностей, с которыми идентифицирует себя личность. Очевидно, что уровни диспозиционных установок личности отличаются степенями осознанности описанного регулятивного образования [8].

Итак, в основе любой социальной активности личности лежит степень ее духовного совершенства, зрелости и ценностных ориентаций. Необходимо понимать, что феномен социально-политической активности учащейся молодежи не может быть детально осмыслен, если рассматривать его изолированно, в отрыве от ценностно окрашенной деятельности и индивидуально-психологических особенностей носителя этой деятельности. В связи с этим, роль ценностно-ориентированного подхода в изучении социально-политической активности личности не подвергается сомнению. Раскрытие детерминант, механизмов социально-политической активности молодежи, отличающейся девиантным модусом, позволит своевременно подобрать меры, способные воспрепятствовать возникновению противоправных тенденций в структуре личности, создать траекторию коррекции такого поведения, основанного на ценностно-ориентированном подходе, определить направления работы и формы ее реализации для различных социальных институтов.

Библиографический список

1. *Анисимов С.Ф.* Ценности реальные и мнимые: (Критика христианского истолкования и использования ценностей жизни и культуры). М.: Мысль, 1970. 181 с.
2. *Дробницкий О.Г.* Некоторые аспекты проблемы ценностей // Проблема ценности в философии / Под ред. А. Г. Харчева. Л.: Наука, 1966. С. 25-40.
3. *Каширский Д.В.* Психология личностных ценностей: дис. канд. псих. наук: 19.00.01. М.: «Российский государственный гуманитарный университет», 2014. 551 с.
4. *Лапин Н.И.* Проблема ценностей в исследованиях В.А. Ядова и его коллег // Экономическая социология, 2009. Т. 10. № 3. С. 82–93.
5. *Мертон Роберт К.* Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ: Хранитель; Н. Новгород: Нижполиграф, 2006. 873с.
6. *Плюснин Ю.М., Давыдова Г.В.* Структура ценностных диспозиций личности: проверка гипотезы «социальных качелей» // Гуманитарные науки в Сибири, 1996. №1. С. 25–32.
7. *Судаков А.К.* Этика совершенства в нравственной схеме И. Канта // Этическая мысль. Вып.4 Российская Академия Наук: Институт философии, 2003. С. 67-89.
8. *Ядов В.А.* Диспозиционная концепция личности // Социальная психология / под ред. Е.С. Кузьмина, В.Е. Семенова. Ленинград: Изд-во Ленингр. ун-та, 1979. С. 106–120.
9. *Rokeach M., Parker S.* 1970. Values as Social Indicators of Poverty and Race Relations. *Annals of the American Academy of Political and Social Science*, 1970. 388 (1). P. 97–111.

СОЦИАЛЬНАЯ ТРАНЗИТОРНОСТЬ И МЕНТАЛЬНАЯ МЕТАФИЗИКА В ЭПОХУ ПОСТМОДЕРНА

Г.Э. Шалагина

*ФГБОУ ВО «Казанский национальный исследовательский
технологический университет»*

В статье рассматриваются социально-экономические обстоятельства постмодерного информационного мира, с одной стороны, и желательные принципы мышления постмодерного человека, с другой. Показана связь неопределенности как характеристики социального бытия с транзиторностью экономического базиса. Социально-экономическая транзиторность каузирует в постмодерном мире такие феномены общественного сознания, как идеология инновационизма и транзиторная этика. Морально-нравственному релятивизму и транзиторности предложено противопоставить принципы ментальной метафизики как основу навыка эффективно действовать в условиях неопределенности. Эвристический посыл к идее ментальной метафизики автор усматривает в «Дао дэ Цзин» Лао Цзы.

Ключевые слова: моральная транзиторность, транзиторная этика, инновационизм, ментальная метафизика, неопределенность, постмодерн.

SOCIAL TRANSITIVITY AND MENTAL METAPHYSICS IN THE POSTMODERN ERA

G.E. Shalagina

Kazan National Research Technological University

The article examines the socio-economic circumstances of the postmodern information world, on the one hand, and the desirable principles of thinking of a postmodern person, on the other. The relationship of uncertainty as a characteristic of social life with the transient economic basis is shown. In the postmodern world, socio-economic transitivity causes such phenomena of social consciousness as the ideology of innovationism and transient ethics. It is proposed to oppose moral relativism and transitivity to the principles of mental metaphysics as the basis of the skill to act effectively in conditions of uncertainty. The author sees a heuristic message for the idea of the mental metaphysics in Lao Tzu's Tao Te Ching.

Key words: moral transitivity, transient ethics, innovationism, mental metaphysics, uncertainty, postmodern.

Два полюса и бытия и мышления – это диалектика и метафизика, движение и статика, транзиторность и устойчивость. Сейчас часто можно услышать такую расхожую фразу: «нужно уметь жить в условиях

неопределенности». Действительность сегодня определяется как VUCA-мир, мир нестабильный, неопределенный, сложный и неоднозначный [3]. Неопределенность проистекает из транзиторности современного социального мира, когда в информационной (высоко модернизированной) экономике важную роль получают инновации. Они быстро внедряются в общественную практику как на уровне производства, так и в повседневности. Особую роль здесь занимают инфокоммуникационные технологии. Центральная задача инноваций – увеличение скорости оборота денежных средств. По этой причине сменяемость поколений гаджетов, программного обеспечения, по большей части вызвана экономической задачей, нежели когнитивной научно-технической целью, тем более не витальными или экзистенциальными потребностями потенциального потребителя технической продукции. Действующие айфоны, но не применимые в эксплуатации из-за отсутствия на рынке «устаревшего» программного обеспечения, зарядное устройство, «устаревшее» не по техническим причинам, а в силу несоответствия новым гаджетам – примеры факторов неопределенности в области материально-технического мира можно продолжать.

Постоянная революция в области технологий уже давно озадачивает сотрудников предприятий и организаций в нашем транзиторном мире, вселяет в людей чувство неопределенности, выбивает почву из-под ног. В наши дни нам приходится зачастую без реальной нужды трансформировать рабочие умения под обновленные технические устройства и новые информационные технологии. Сказанное актуально и в отношении практически всех профессий.

Можно даже говорить о конкретных темпоральных параметрах транзиторности. Говоря об инновационных товарах, работах, услугах, Росстат невольно определяет единый для всех видов техники срок новизны инновационной продукции – не более 3 лет [2]. Чтобы технические устройства рассматривались как инновационные, изготовителю приходится не реже чем раз в три года варьировать технические параметры, вынуждая покупателей приобретать обновленные изделия. Появился дискурс «изменений себя и других», «быстрой перенастройки человека» под постоянно преобразовывающийся технологический порядок, этот дискурс уже порядком надоел как неантропомерный. Этот дискурс включает темы о желательном перевоспитании, переубеждении людей, о необходимости систематической ресоциализации взрослых для того, чтобы они соответствовали «инновационному духу времени». Этот дискурс пытается создать нового человека, соответствующего темпам технического

прогресса, человека, мыслящего об обязательности изменений не критически, как о норме. Все это определяет наши повседневные дорефлексивные практики, проникает во все сферы, где есть новейшие технологии. А новейшие технологии сегодня внедрены практически везде: в промышленности, в фарминдустрии, в медицине, в образовании и т.д. Скорость изменений базиса настолько запредельна, что неопределенности оказалось подверженной и более консервативная сфера – общественное сознание, мораль. Формируется транзиторная этика – нравственное поведение человека или социальной группы, предполагающее в качестве моральной ценности инновационизм (идеологию готовности к переменам) [4, с. 206]. Моральная транзиторность как принцип, полагающий априорное согласие человека с трансформациями – это одна из причин морально-нравственного релятивизма, который обычно мыслится признаком культуры постмодернизма. Если не заглядывать глубоко в экономический базис, не видно линейного направления смены сознания, релятивизм мыслится возвратным движением. Однако если заглянуть в базис, становится ясно, что морально-нравственный релятивизм вызван в том числе и «гонкой инноваций» по требованиям неолиберального капитализма.

Динамизм и ориентация на постоянные социальные изменения характерны для постмодерна. Особое место динамизм занимает в российской цивилизации. Как сказал М.Е. Салтыков-Щедрин «есть в божьем мире уголки, где все времена – переходные», это про Россию, причем далекого XIX века. В России источников моральной транзиторности в избытке, помимо динамизации экономического базиса это исторические факторы XIX – XX веков. Неоднократная смена государственно-правовых порядков вызвала релятивизацию ценностей, которая в последние тридцать лет совпала с влиянием на российскую культуру западного постмодернизма.

Итак, транзиторность и неопределенность являются неотъемлемыми чертами постмодерна. Но сейчас я задам вопрос принципиально иначе: а бывали ли времена принципиально иные, времена стабильности, когда мир был не-VUCA миром? Человек во времена столетней войны (VUCA-мира тогда не было), его жизнь была стабильна? А в период тридцатилетней войны? А в начале XX века, когда в Европе заправляли пандемия и война, в России происходили революция, бандитизм, красный террор, голод – это стабильность? Моя мысль заключается в том, что неопределенность, динамизм, транзиторность – это атрибутивная характеристика эмпирической действительности как таковой во все времена, это атрибут практики, того, что нам дано в опыте. Нестабильность эмпирической практики была, есть и будет всегда. Мыслить об эмпирическом в терминах

стабильности – это методологическая ошибка. В этом смысле мир – всегда был, есть и будет VUCA-миром. Этому эмпирическому миру мы можем противопоставить только стабильность и устойчивость своего мышления, явление, которое я называю ментальной метафизикой. «Уметь эффективно действовать в условиях неопределенности» – это высказывание о роли онтологии (метафизики) для жизни. Когда мы знаем принципы устройства действительности в целом, имеем категориальную «карту местности» в голове, тогда мы ориентируемся в действительности, даже не имея точных сведений и эмпирических данных.

Сказанное проиллюстрирую мотивом из восточного философского учения, приведя цитату из «Дао Дэ Цзин» Лао Цзы: «Когда все в Поднебесной узнают, что прекрасное является прекрасным, появляется и безобразное. Когда все узнают, что доброе является добром, возникает и зло. Поэтому бытие и небытие порождают друг друга, трудное и легкое создают друг друга, длинное и короткое взаимно соотносятся, высокое и низкое взаимно определяются, звуки, сливаясь, приходят в гармонию, предыдущее и последующее следуют друг за другом. Поэтому совершенномудрый, совершая дела, предпочитает надеяние; осуществляя учение, не прибегает к словам; вызывая изменения вещей, [он] не осуществляет их сам; создавая, не обладает [тем, что создано]; приводя в движение, не прилагает к этому усилий; успешно завершая [что-либо], не гордится. Поскольку он не гордится, его заслуги не могут быть отброшены» [1, с. 10–11]. Первое и второе предложение содержат теоретическую, категориальную экспликацию принципа инь-ян. Третье описывает динамизм эмпирического мира, который проистекает из принципа инь-ян. И в четвертом дается рекомендация человеку тоже подчиниться принципу инь-ян и противопоставить динамичному эмпирическому миру, нечто противоположное, и этим нечто будет стабильность, увэй в мысли, делах и стратегии.

У человека никогда не будет полноты достоверных сведений об эмпирическом мире, таков уж текучий и подвижный эмпирический мир. Особенно сказанное отражает аспект будущего, которого, согласно теории растущего блока реальности (Вселенной) не существует онтологически. Но при этом важно понимать, что неопределенность и изменчивость – это не столько характеристики нынешнего постмодерного мира, это характеристика эмпирической действительности как таковой, которая в настоящее время постмодерна просто более оперативно доводится до сведения больших групп людей благодаря развитию инфокоммуникационных технологий. И противопоставить этой

неопределенности мы можем устойчивость категориальной сетки в нашем сознании. Ментальная метафизическая «карта местности», спроецированная на неопределенную эмпирию – это и есть предпосылка умения действовать в условиях неопределенности.

Библиографический список

1. Дао дэ Цзин. Книга пути и благодати / [пер. с кит. Ян Хин Шун]. М.: Эксмо, 202. 320 с. С. 10–11.
2. Объем инновационных товаров, работ, услуг // Федеральная служба государственной статистики, 1999–2016 [Электронный ресурс] // URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/business/nauka/minnov-3.htm
3. Сизова Ю.С. Современный предприниматель в вуса мире – преимущества и сложности // Экономика и бизнес: теория и практика, 2019. №8. С. 145–150.
4. Шалагина Г.Э. Моральная транзиторность в технологическом укладе инновационной экономики // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики, 2016. № 12 (74): в 3-х ч. Ч. 2. С. 205–207.

УДК: 81.11-112

ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЕКЛАМНОГО ДИСКУРСА В ЦИФРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ (НА ПРИМЕРЕ СЕТИ ИНСТАГРАМ)

Е.А. Юхмина, В.К. Цисар

ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет»

В статье рассматриваются языковые особенности рекламного Инстаграм-дискурса. Выявлено, что рекламный Инстаграм-дискурс характеризуется двумя противоположными тенденциями: компрессией, с одной стороны, и избыточностью, с другой. Компрессия в Инстаграм-рекламе встречается на следующих языковых уровнях: фонетическом, морфологическом и синтаксическом. Следуя законам теории информации, компрессии подвергаются семантически избыточные элементы. Избыточность наиболее заметно проявляется в словообразовательных и семантических деконструкционных и реконструкционных играх.

Ключевые слова: Инстаграм-дискурс, реклама, компрессия, избыточность, языковые игры.

LINGUISTIC FEATURES OF ADVERTISING DISCOURSE IN THE DIGITAL SPACE (ON THE BASIS OF THE INSTAGRAM NETWORK)

E. A. Yukhmina, V. K. Tsisia
Chelyabinsk State University

The article discusses the linguistic features of the Instagram advertising discourse. It is revealed that the advertising Instagram-discourse has two controversial trends: compression, on the one hand, and redundancy, on the other. Compression in Instagram discourse occurs at the phonetic, morphological and syntactic level and in all cases obeys the laws of information theory, i.e. semantically redundant elements are compressed. Redundancy manifests itself in various word-forming and semantic deconstruction and reconstruction games.

Keywords: Instagram-discourse, advertising, compression, redundancy, language games.

Цифровизация затрагивает все сферы человеческой деятельности и сфера социальная, не стала исключением. Сегодня одной из самых популярных социальных сетей является Инстаграм, которая стала неотъемлемой частью повседневной жизни более 1 млрд. пользователей [4]. Инстаграм – это не просто социальная сеть для мгновенного он-лайн общения или обмена фото и видео-материалами, это еще и успешная бизнес-площадка для продажи различных товаров и услуг, которая активно используется маркетологами и рекламодателями всего мира.

Рекламный Инстаграм-дискурс сравнительно недавно оформился как новый жанр текста-дискурса в цифровом пространстве, и именно он стал *предметом* настоящего исследования. В нём много синкретичного и амбивалентного, поскольку на данном этапе своего существования Инстаграм-дискурс обладает функционально-жанровыми особенностями нескольких стилей: разговорного, информационного и научно-производственного. Наиболее ярко в Инстаграм-дискурсе проявляются признаки разговорного и информационного стилей. Это связано с тем, что Инстаграм, как и любой мессенджер, представляет собой коммуникативное пространство, призванное объединить пользователей по их интересам и обеспечить эффективное коммуникативное взаимодействие, целью которого в большинстве случаев является «нюз-мейкинг». Здесь мы имеем ввиду, что каждый пост в Инстаграм, сопровождаемый фото или видео-рядом, несет некую новость, которой автор поста делится со своими подписчиками: смена прически, интересные локации, важные события в жизни пользователя, путешествия, вкусный обед в ресторане, прекрасный

вид из окна спальни и т.д. и т.п.. Разговорный стиль помимо самих постов встречается в комментариях к посту, в переписке в директ и комментариях к сторис.

«Ньюз-мейкинг» диктует свои правила изложения информации. Отличительной особенностью Инстаграм-ленты является то, что при ее пролистывании видны только первые две строчки поста. Это стимулирует, как обычных пользователей, так и рекламодателей наиболее существенную и интересную информацию размещать в первом абзаце поста, т.е. опираясь на принцип «перевернутой пирамиды», чтобы сделать пост «вирусным» и добиться максимального количества репостов и «лайков».

В журналистике принцип «перевернутой пирамиды» в структуре новостного текста – классика. Он заключается в том, что информация ранжируется по важности, т.е. ключевые моменты излагаются в первом абзаце новости. Новостной текст состоит из лида, тела новости и фоновой информации. Лид – первый абзац, имеющий уникальный контент, призванный заинтересовать подписчиков. Как правило, он отвечает на вопросы: Кто? Что? Где? Когда? Как? С кем? В Инстаграм-дискурсе его объем всего 8-10 слов (для сравнения в классическом новостном тексте его объем – 30-60 слов). Фоновая информация или бэкграунд в Инстаграм-посте может полностью отсутствовать. Пост может состоять только из лида, а на интересующие подписчиков вопросы автор поста отвечает в комментариях к нему либо дополнительная информация дается в форме видео-фрагмента в сторис.

Рассуждая о видах речи, следует подчеркнуть, что формирующими рекламный Инстаграм-дискурс видами являются полилог: *рекламодатель vs целевой рынок* и диалог: *блогер / инфлюенсер vs подписчик*, т.е. в любом посте априори закладывается дискуссия, обращение к аудитории и т.п. Каждый автор ждет какую-либо реакцию на пост, которая проявляется в «лайках», количестве комментариев и репостов. Инстаграм-коммуникация – двунаправленный процесс, в котором автор поста выступает в роли инициатора и, часто, модератора общения.

Как справедливо отмечает А.В. Олянич, «рекламный дискурс как вид институционального общения представляет собой сложный социокультурный феномен, является составляющей более широкого социального взаимодействия, охватывает многие сферы жизни современного социума и связан с разными видами человеческой деятельности» [3]. Исследуя Инстаграм-дискурс, мы заметили, что его можно охарактеризовать двумя противоположными тенденциями: компрессией, с одной стороны, и избыточностью, с другой.

Итак, цель настоящей работы – выявить языковые особенности рекламного Инстаграм-дискурса.

Компрессия в Инстаграм-рекламе встречается на всех языковых уровнях: фонетическом, морфологическом и синтаксическом и при этом подчиняется законам теории информации, ведь компрессии подвергаются исключительно семантически избыточные элементы, которые не влияют на понимание поста в целом. Употребление усеченной формы, т.е. фонетическая редукция вспомогательных глаголов, является характерной особенностью английской разговорной речи: «*You asked. We listened. We're bringing back your #1 requested shade in our juicy, cult-fave Butter Gloss formula*» [5]. Сокращения вспомогательных глаголов выделяются апострофом.

Перевод: «*Вы просили. Мы услышали. Мы возвращаем культовый сочный оттенок помады Butter Gloss*».

Нередко встречается морфологическая редукция, когда усечению подвергаются части одного слова, как правило, окончания: «*smoother lookin' hair*» – «более гладкие волосы» или суффиксы:

«*Make every hour golden hour. @sage_bydesign gets that all-over, glossy glow with:*

Fix+ (*Fixation*)

Prep + *Prime Natural Radiance (Preparation)*».

Перевод: «*Сделай каждый час золотым. @sage_bydesign получает это всеохватывающее глянцевое сияние. (В фотоделе «золотой час» – это время сразу после восхода или перед закатом солнца, когда получаются красивые кадры, благодаря мягкому свету солнца).*

Суперфиксация

Подготовка + натуральное сияние кожи

«*Me-time is important for your mind, soul & skin. We show you some skincare highlights @sanssoucis_official*» [5].

Перевод: «*Время для себя – важно для вашего ума, души и тела. Сегодня мы покажем вам базовые моменты ухода за кожей @sanssoucis_official*». Здесь наблюдается графическая редукция: союз *and* заменяется символом *&*. В примере также отсутствует вспомогательный глагол *will*, обозначающий, что действие, описываемое в предложении, будет происходить в будущем.

Следующие примеры иллюстрируют такую форму редукции, как аббревиация, когда слова в составе словосочетания сокращаются до одной буквы:

«**Brb**, watching this video of our new **THIS IS MILKY GLOSS** in 'Milk It Pink' on repeat. (Be right back)» [5].

Перевод: Скоро вернёмся с нашей новинкой – блеском для губ в оттенке «**THIS IS MILKY**» в рекламном ролике «Milk It Pink».

«Our brow styling wax is the newest member of the brow fam and she's about to be your brows' new **BFF!** Perfect for achieving that gorgeous brushed up, laminated brow look that you've been seeing everywhere!! (Best friends forever)» [5].

Перевод: «Наш новый продукт – воск для укладки бровей станет вашим лучшим помощником! Идеально подходит для достижения великолепно эффекта ламинированных бровей!!».

«Horoscope says it's denim szn. (season)».

Перевод: «Гороскоп говорит, в новом сезоне популярна джинса».

Синтаксическая редукция – сокращение семантически избыточных слов или синтаксических компонентов в развернутых конструкциях при сохранении семантико-синтаксического значения. Редуцироваться могут любые члены предложения. Синтаксическая редукция встречается на следующих уровнях: на уровне словосочетания, на уровне предложения и на уровне текста. Мы рассмотрим несколько примеров на уровне предложения:

«Perfect gift, every time. When life shines, choose timeless sparkling rings for your loved ones and stack on one memory after another» [5].

Перевод: «Идеальный подарок на любой случай. Когда жизнь сияет, выбирайте бесконечно сверкающие кольца для своих близких и сохраняйте новые воспоминания».

В данном примере в первом предложении отсутствует подлежащее, вспомогательный глагол-связка и неопределенный артикль, который, по правилам грамматики английского языка, используется с исчисляемыми существительными в единственном числе. Если произвести реконструкцию, то получится следующее предложение: «**There is a perfect gift, every time**».

«Looking to get gloriously glossed up today» [5].

Перевод: «Хотите невероятного блеска сегодня».

Конструкция имеет вопросительную структуру, однако отсутствует подлежащее и вспомогательный глагол. При реконструкции вопроса по правилам грамматики английского языка, мы получим следующее: «**Are you looking**».

«The secret to a mesmerizing pair of eyes? An alluring shade on the lids and a luscious set of lashes» [5].

Перевод: «*Секрет завораживающих глаз? Манящий оттенок на веках и роскошные ресницы!*».

В вопросе, как и в следующем утвердительном предложении, отсутствуют подлежащее и глагол-связка, если произвести реконструкцию по грамматическим правилам, то вопрос будет звучать следующим образом: «*Is this the secret....?*», а предложение, следующее за ним: «*There is an alluring shade....*».

Избыточность в Инстаграм-дискурсе проявляется в различных языковых играх. «Понимание игры как основного организующего принципа всей человеческой культуры в ее глобальности было впервые сформулировано еще в 1938 г., в классическом труде И. Хейзинги «*Nomo Ludens*» («человек играющий»); в постмодернизме эта идея нашла многообразное развитие» [1].

Рекламный Инстаграм-дискурс изобилует словообразовательными и семантическими деконструкционными и реконструкционными играми. Игровой принцип в Инстаграм-дискурсе проявляется, во-первых, в деконструкции речевых практик, существующих и закрепленных в языке «в форме неосознаваемых мыслительных стереотипов, которые в свою очередь столь же бессознательно и независимо от автора текста трансформируются под воздействием языковых клише его эпохи» [1]. Это всевозможные смысловые игры, семантический синкретизм, языковые совпадения, тавтология, рифма, аллюзия и т.д.. Во-вторых, в форме самопародии. Так, «И. Хасан определил самопародию как характерное средство, при помощи которого писатель-постмодернист пытается сражаться с «лживым по своей природе языком»» [1]. Инстаграм-текст может быть иллюстрацией пастиша (*pastiche*), поскольку это и фантазия, и, одновременно, своеобразная пародия.

«*A BOLD new future awaits. Dare to break boundaries and make your time count*» [5].

Перевод: «*Вас ждет новое смелое будущее с коллекцией BOLD. Не бойтесь выйти за привычные рамки, цените свое время.*».

В англоязычном примере мы наблюдаем смысловую игру со словом BOLD. «Bold» в переводе с английского означает «смелый, дерзкий», а также «Bold» – это название часов из новой коллекции Swatch, т.е., таким образом, автор поста ненавязчиво рекламирует указанные часы для узкого круга заинтересованных потенциальных покупателей.

«*Bee strong!*» [5] – «*Будь сильным!*». Здесь слово «bee» используется из-за нового принта на футболке от бренда Tezenis для создания требуемой аллюзии, интертекстуальности. В переводе игру слов сохранить не удалось.

Следует отметить, что рекламных дискурс помимо текстовых содержит множество паралингвистических элементов: эмодзи, хэштеги, символы, значки, гиф-анимации и др., задача которых – привлечь внимание пользователей к посту. Список данных средств может варьироваться в зависимости от характера конкретного рекламного текста. «Комбинация лингвистических и паралингвистических средств позволяет создавать художественно-выразительную концепцию рекламируемого товара или услуги в Инстаграме» [4].

Таким образом, рекламный Инстаграм-дискурс в совокупности с паралингвистическим элементом, визуализацией (фото или видео) и аудиосопровождением (Reels) представляет собой цельное смысловое мотивированное знаковое образование. Инстаграм-дискурс характеризуется определенными языковыми особенностями, которые проявляются в том, что он состоит из элементов, принадлежащих к разным знаковым системам, и имеет тенденции к компрессии, с одной стороны, и избыточности, с другой. Структура Инстаграм-текста динамичная, подвижная, не жесткая. Однако, некоторые его компоненты бывают очень тесно слиты (особенно интертекстуальные вкрапления, связанные с культурным компонентом англоязычных носителей), а их разделение может привести к существенной потере смысла. Это и позволяет определить важную характеристику рекламного Инстаграм-дискурса, а именно – «неразрывность и комплексность его компонентов» [2], которую необходимо учитывать в переводческой практике, что и является предметом нашего дальнейшего исследования.

Библиографический список

1. *Ильин И.П.* Постмодернизм: Словарь терминов / Науч. ред. А.Е. Махов; ИНИОН РАН. М.: Intrada, 2001. 384 с.
2. *Куликова Е.В.* Языковые средства подачи информации в рекламных текстах // Научная электронная библиотека «КиберЛенинка» [Электронный ресурс] // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovye-sredstva-podachi-informatsii-v-reklamnyh-tekstah> (дата обращения: 18.06.2021).
3. *Олянич А.В.* Рекламный дискурс // Научная электронная библиотека «КиберЛенинка» [Электронный ресурс] // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/reklamnyy-diskurs> (дата обращения: 18.06.2021).
4. *Юхмина Е.А.* Англоязычные рекламные посты в англоязычной сети Инстаграм: когнитивно-прагматический аспект // Вестник Таджикского национального университета. Серия филологических наук, 2019. № 4. С. 266–272.

5. Социальная сеть для обмена и оценки фотографий и коротких видеороликов Инстаграм [Электронный ресурс] // URL: <https://www.instagram.com> (дата обращения: 18.06.2021).

6. Статистика Инстаграм [Электронный ресурс] // URL: <https://seo-aspirant.ru/statistika-instagram-2021> (дата обращения: 18.06.2021).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абросимов Альберт Александрович – доцент кафедры «Автоматика и управление в технических системах», ФГБОУ ВО «Самарский государственный технический университет», к.т.н., доцент,
e-mail: abrosimov_a_a@list.ru

Акдерли Алина Ростиславовна, студент 5 курса, специальность – «клиническая психология» ФГБОУ ВО «Самарский государственный медицинский университет» Минздрава России,
e-mail: zagumenova.alina63@yandex.ru

Акопов Гарник Владимирович – профессор, заведующий кафедрой общей и социальной психологии ФГБОУ ВО «Самарский государственный социально-педагогический университет», д.псх.н.,
e-mail: akopovgv@gmail.com

Алексанова Ольга Егоровна – аспирант, ФГБУН «Институт психологии» РАН,
e-mail: olga.aleksanidu@yandex.ru

Артемьев Иван Андреевич – аспирант, ФГБУН «Институт психологии» РАН,
e-mail: orgpsychologist@mail.ru

Баженова Екатерина Александровна – студентка факультета социальных коммуникаций и филологии ФГБОУ ВО «Глазовский государственный педагогический институт имени В.Г. Короленко»,
e-mail: kbazhenova98@yandex.ru

Бакшутова Екатерина Валерьевна – доцент, д.филол.н., профессор кафедры педагогики, межкультурной коммуникации и русского как иностранного ФГБОУ ВО «Самарский государственный технический университет»,
e-mail: bakshutka@gmail.com

Баранова Александра Валерьевна – преподаватель кафедры общей и специальной психологии с курсом педагогики ФГБОУ ВО «Рязанский медицинский университет имени акад. И.П. Павлова» Минздрава России,
e-mail: av_baranova.62@mail.ru

Вапилин Евгений Геннадьевич – полковник запаса, д.и.н., профессор кафедры истории и социологии, Михайловская военная артиллерийская академия,
e-mail: vegalex@mail.ru

Васильев Владимир Викторович – доцент, к.и.н., доцент кафедры истории, международного права и зарубежного регионоведения Самарского филиала ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет», e-mail: Vasilev-429@mgpu.ru

Гайнеев Эдуард Робертович – к.п.н., доцент кафедры технологий профессионального обучения ФГБОУ ВО «Ульяновский государственный педагогический университет им. И.Н. Ульянова»,
e-mail: gajneev.eduard@yandex.ru

Голенков Сергей Иванович – профессор, д.филос.н, профессор кафедры философии Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева, доктор философских наук,
e-mail: sgolenkov52@gmail.com

Гостев Андрей Андреевич – профессор, д.псих.н., ведущий научный сотрудник ФБГУН «Институт психологии Российской Академии наук»,
e-mail: aagos06@rambler.ru

Груздова Инна Викторовна – доцент, к.п.н., доцент кафедры педагогики и методик преподавания ФГБОУ ВО «Тольяттинский государственный университет»,
e-mail: gruzdovaiv@mail.ru

Гусева Евгения Сергеевна – старший преподаватель кафедры социальной психологии ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева»,
e-mail: guseva-es@mail.ru

Даведенко Светлана Викторовна – аспирант по специальности «Социальная философия» ФГБОУ ВО «Самарский государственный технический университет»,
e-mail: davsv@inbox.ru

Димова Вера Николаевна – к.псих.н., медицинский психолог ГБУЗ ЯО «Областная клиническая онкологическая больница»,
e-mail: dimova@mail.ru

Дорошко Геннадий Павлович – доцент, к.т.н., действительный член Российского психологического общества,
e-mail: gen_dor@mail.ru

Дробышева Татьяна Валерьевна – к.псих.н., ведущий научный сотрудник лаборатории социальной и экономической психологии ФБГУН «Институт психологии РАН»,
e-mail: tdrobysheva@mail.ru

Дубровская Анастасия Юрьевна – студентка магистратуры ФБГОУ ВО «Омский государственный педагогический университет»,
e-mail: smallk@mail.ru

Ермолович Дмитрий Валентинович – доцент, к.филос.н., доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин и менеджмента ЧУО «Институт современных знаний имени А.М. Широкова», Минск, Республика Беларусь,
e-mail: ermolovichdv@gmail.com

Захарова Елена Игоревна – д.псих.н, доцент кафедры возрастной психологии ФГБОУ ВО «Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова»,
e-mail: E-I-Z@yandex.ru

Зорина Светлана Валерьевна – доцент, к.псих.н., зав.кафедрой социальной психологии ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева»,
e-mail: aramitch@mail.ru

Иванов Дмитрий Викторович – доцент, к.псх.н., доцент кафедры педагогики и психологии ФГБОУ ВО «Самарский государственный социально-педагогический университет»,
e-mail: avatory@yandex.ru

Карабанова Ольга Александровна – профессор, д.псх.н., зав.кафедрой возрастной психологии ФГБОУ ВО «Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова»,
e-mail: okarabanova@mail.ru

Качура Екатерина Дмитриевна – к.п.н., доцент кафедры иностранных языков, проректор по международному сотрудничеству ЧОУ ВО «Тольяттинская академия управления»,
e-mail: kli-catherine@mail.ru

Климанова Мария Александровна – к.т.н., директор Центра развития современных компетенций ФГБОУ ВО «Самарский государственный технический университет»,
e-mail: kli.ma@inbox.ru

Ковшова Ольга Степановна – профессор, д.м.н., зав. кафедрой медицинской психологии и психотерапии ФГБОУ ВО «Самарский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации,
e-mail: o.s.kovshova@samsmu.ru

Ларкина Алла Анатольевна – доцент, к.э.н., доцент кафедры национальной и мировой экономики ФГБОУ ВО «Самарский государственный технический университет»,
e-mail: laralan74@mail.ru

Локотко Людмила Георгиевна – заместитель директора Канского детского дома им. Ю.А. Гагарина,
e-mail: kansk.gagarin@yandex.ru

Лыгина Диана Дмитриевна, аспирант кафедры медицинской психологии и психотерапии. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Самарский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации,
e-mail: d.d.lygina@samsmu.ru

Малышев Дмитрий Александрович – заместитель директора Центра развития современных компетенций ФГБОУ ВО «Самарский государственный технический университет»,
e-mail: tdir163@gmail.com

Малышева Оксана Викторовна – к.э.н., доцент кафедры «Менеджмент и логистика на транспорте» ФГБОУ ВО «Самарский государственный университет путей сообщения»,
e-mail: skoric_m@bk.ru

Махнач Александр Валентинович – д.псих.н., заместитель директора по науке
ФГБУН «Институт психологии РАН»,
e-mail: Makhnach@ipran.ru

Морозов Александр Владимирович – профессор, д.п.н., главный научный
сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России, Москва,
e-mail: doc_morozov@mail.ru

Мулява Олег Дмитриевич, доцент, к.соц.н., полковник запаса, доцент кафедры
Михайловской военной артиллерийской академии

Омелькович Алина Витальевна – студентка 4 курса института инженерно-
экономического и гуманитарного образования специальности «Экономическая
безопасность» ФГБОУ ВО «Самарский государственный технический университет»,
представитель молодежного научного общества института инженерно-экономического
и гуманитарного образования,
e-mail: oalink@mail.ru

Парц Ольга Степановна – доцент, к.п.н., доцент кафедры педагогики ФГБОУ
ВО «Омский государственный педагогический университет»,
e-mail: pobeda57@yandex.ru

Плугина Мария Ивановна – профессор, д.псих.н., зав. кафедрой педагогики,
психологии и специальных дисциплин ФГБОУ ВО «Ставропольский государственный
медицинский университет» Министерства здравоохранения РФ»,
e-mail: mplugina@yandex.ru

Разумовская Елена Александровна – к.ф.н., доцент кафедры русской и
зарубежной литературы ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский
государственный университет имени Н.Г. Чернышевского»,
e-mail: razumovskaja@mail.ru

Ракович Каролина – магистр программы академического обмена «Кросс-
культурный менеджмент» Школы экономики и бизнеса, Любляна, Словения – ФГБОУ
ВО «Государственный университет управления», Москва,
e-mail: karolina.rakovec@gmail.com

Радынова Ольга Петровна, д.п.н., профессор кафедры фортепианного искусства
Московского Государственного института музыки имени А.Г. Шнитке,
e-mail: olgaradynova@mail.ru

Родштейн Мария Николаевна – к.псих.н., доцент кафедры педагогики и
психологии, факультета психологии ФГБОУ ВО «Самарский государственный
социально-педагогический университет»,
e-mail: rodshtein@pgsga.ru

Романова Алена Николаевна – доцент, к.э.н., доцент кафедры экономики,
менеджмента и маркетинга ФГБОУ ВО «Омский государственный педагогический
университет»,
e-mail: alenka_romanova@mail.ru

Рощупкина Екатерина Игоревна - старший преподаватель кафедры общей и социальной психологии ФГБОУ ВО «Самарский государственный социально-педагогический университет»,
e-mail: roschupkina@pgsga.ru

Русина Наталья Алексеевна – доцент, к.псих.н., зав. кафедрой клинической психологии ФГБОУ ВО «Ярославский государственный медицинский университет»,
e-mail: rusinana@ysmu.ru

Савельева Мария Сергеевна – к.ф.н., доцент кафедры мировой литературы и культуры МГИМО МИД РФ,
e-mail: saveljeva.mgimo@gmail.com.

Свиридова Софья Евгеньевна – студентка второго курса ЧОУ ВО «Тольяттинская академия управления», бакалавриат, направление подготовки – «Менеджмент».

Свириденко Андрей Геннадьевич – к.п.н., директор Канского детского дома им. Ю.А. Гагарина,
e-mail: kansk.gagarin@yandex.ru

Седова Олеся Валерьевна – доцент, к.ф.н., доцент кафедры иностранных языков и методики их преподавания ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина»,
e-mail: olesja-kas@yandex.ru

Серых Анна Александровна – к.и.н., доцент кафедры «Философия и социально-гуманитарные науки» ФГБОУ ВО «Самарский государственный технический университет»,
e-mail: serykha@gmail.com

Силантьева Анастасия Сергеевна – студентка второго курса ЧОУ ВО «Тольяттинская академия управления», бакалавриат, направление подготовки – «Реклама и связи с общественностью»

Слюсарева Елена Сергеевна – доцент, к.псих.н., доцент кафедры психофизиологии и безопасности жизнедеятельности ГБОУ ВО «Ставропольский государственный педагогический институт»,
e-mail: slusareva2005@yandex.ru

Смирнова Марина Николаевна – доцент, к.п.н., доцент кафедры иностранных языков и удмуртской филологии ФГБОУ ВО «Глазовский государственный педагогический институт имени В.Г. Короленко»,
e-mail: dozentggpi@yandex.ru

Соловьева Анастасия Дмитриевна – студентка факультета клинической психологии и социальной работы ФГБОУ ВО «Ярославский государственный медицинский университет»

Соснин Вячеслав Александрович – доцент, к.псих.н., ведущий научный сотрудник ФГБУН «Институт психологии РАН», член-корреспондент Академии геополитических наук,

e-mail: slavabusya@mail.ru

Старосветская Наталья Алексеевна – доцент, к.п.н., директор института психолого-педагогического образования, доцент кафедры психологии и педагогики **детств**

а, КГПУ им. В.П. Астафьева (Красноярск), e-mail: starsv@kspu.ru

Старостина Юлия Андреевна – к.псх.н, психолог кафедры возрастной психологии факультета психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова,

e-mail: star-red@yandex.ru

Талалова Лариса Николаевна – доцент, д.п.н., лектор программы академического обмена «Кросс-культурный менеджмент» ФГБОУ ВО «Государственный университет управления»,

e-mail: talalova@gmail.com

Тарасов Семен Васильевич – магистр психологии, аспирант, лаборатория социальной и экономической психологии, ФГБУН «Институт психологии РАН»,

e-mail: sementarasovvas@gmail.com

Толочек Владимир Алексеевич – профессор, д.псх.н., ведущий научный сотрудник лаборатория психологии труда, эргономики, инженерной и организационной психологии ФГБУН «Институт психологии РАН»,

e-mail: tolochekva@mail.ru

Фоминых Мария Вячеславовна – доцент, к.п.н., доцент кафедры германской филологии ФГАОУ ВО «Российский государственный профессионально-педагогический университет»,

e-mail: fominykh.maria12@yandex.ru

Харитонов Михаил Васильевич – доцент, к.псх.н., Санкт-Петербург,

e-mail: mvkhv@mail.ru

Цисар Виктория Константиновна – студентка ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет»,

e-mail: czisar.vic@yandex.ru

Чернов Александр Юрьевич – профессор, д.псх.н., старший научный сотрудник лаборатории общей и экспериментальной психологии кафедры психологии и педагогики ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет»

Чернышова Евгения Леонидовна – доцент, к.псх.н., доцент кафедры общей и социальной психологии ФГБОУ ВО «Самарский государственный социально-педагогический университет»,

e-mail: chernyshova@pgsga.ru

Шалагина Гульнара Эдуардовна – доцент, к.филос.н., доцент кафедры философии и истории науки ФГБОУ ВО «Казанский национальный исследовательский технологический университет»,

e-mail: galanova@rambler.ru

Швецова Светлана Владимировна – к.псх.н., старший преподаватель кафедры клинической психологии ФБГОУ ВО «Ярославский государственный медицинский университет»,
e-mail: svshvec@yandex.ru

Юхмина Елена Александровна – доцент, к.ф.н., доцент кафедры делового иностранного языка ФБГОУ ВО «Челябинский государственный университет»,
e-mail: yelene.yukhmina@csu.ru

Научное издание

**Человек в условиях неопределенности: сборник научных трудов / Под редакцией
Е.В. Бакинутовой**

Редактор, корректор А.А. Сыромятников

Технический редактор И.Л. Соколов

Подписано в печать 31.03.21

Формат 60×84 1/16. Бумага офсетная

Усл. п. л. 6,04. Уч.-изд. л. 6,01

Тираж 500 экз. Рег. № 110/21

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Самарский государственный технический университет»
443100, г. Самара, ул. Молодогвардейская, 244. Главный корпус

Отпечатано в типографии
Самарского государственного технического университета
443100, г. Самара, ул. Молодогвардейская, 244. Корпус № 8